

СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

Ю.М. Осипов

МЕТАФИЗИКА

КОД ДОСТУПА

СПЕЦХРАН

Москва 2019

ББК 65в
О 74

РЕДАКТОРЫ:

к.э.н. Е.С. Зотова, к.э.н. Н.П. Недзвецкая, к.с.-х.н. С.С. Нипа,
Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына

О 74 **Осипов Ю.М.**
Метафизика. Код доступа. — М.: ТЕИС 2019. —
443 с.

ISBN

Книга сия о потаённой реальности и возможности её постижения посредством метафизического Кода доступа, вдруг вселяющегося в страждущее иного знания сознание.

Каждому, кто признаёт и ценит тайну бытия, мироздания, природы, жизни, человека, сознания, мысли, творчества, как и самого Творения Божиего, и, осознавая эту великую тайну, упорно движется ей навстречу — от него настойчиво зачем-то ускользающую.

(©) Ю.М. Осипов, 2019

Книга сия, несмотря на претенциозность названия («Код доступа», да ещё и доступа к «Метафизике!»), — не учебник, не справочник, не проспект и не путеводитель — это всего лишь некое сообщение, может, пожелание, может, приглашение, а может, и донос — по поводу возможности опрометчиво войти и втянуться ни с того, ни с сего в законспирированный лабиринт некоего, скажем так — *инознания*, безо всякой при этом уверенности дойти до цели — до «магического кристалла», да ещё и выйти затем из лабиринта с сим чудодейственным «кристаллом» за щекой и ухваченным через его посредство вполне вроде бы коммуникативным и ловко-де воспроизводимым за пределами лабиринта знанием, впрочем, войти и втянуться не без некоторой надежды, если не крайнего риска, на кое-какое личностное преобразование по части сознания, когнитива, ментала, интеллекта, как и всей своей грядущей, не такой уж тогда и своей, экзистенции.

Метафизике невозможно научить, а метафизиком просто так не стать, — в метафизику — как и в любой путаный лабиринт с поджидающим в его укромых неведомым нивелирующим чудищем — надо не без отваги войти, или же там внезапно очутиться, причём самому войти, как и не совсем по своей воле очутиться, да не простеца, обуреваемого желанием или понуждением всего лишь познать метафизику — как познать по учебнику ту же физику, а уже будучи, вполне и обречённо, пусть ещё и не фактическим метафизиком, а, скажем так — *пред-метафизиком*, то бишь уже не научником и тем более не обыденником, а... нет, нет... во все не отрешённым от гносео-экзистенциальной суеты за-

творником, вовсе нет... а попросту... довольно уже осознавшим, может, и более всего бессознательно, неприменную потребность в *иных* — ненаучных и необыденных — *разрешениях*, даже не в привычных философских и религиозных, вообще не в безусловных, не в догматических, а в каких-то... э-э... *никаких*, вольно восходящих, как и, наверное, невольно нисходящих, прямо к... *Ничто*, а затем уже, если Господь Бог даст, вдруг стать — не без великой страды, терпкого страдания и назойливого страха, — полнокровным метафизиком.

Тут трудный и острый выбор: *свой* и *не свой*, поначалу, скорее, даже *не свой*, а потом уже, если повезёт — *свой* — вполне личный и как раз *осознанный*!

Выбор сей не только не прост, а не очень-то и случаен: метафизика ведь не затверждённое о чём-либо знание, даже не так о чём-то глубокое размышление, хотя и насыщена она знанием и не чужда, естественно, глубоким размышлениям, а более всего — *переживание*, а потому и *подвижность*, никому, кроме самого метафизика, не нужные и в целом умным миром охотно отвергаемые и нарочито не замечаемые — не точность ведь тут научная, не убедительная тут вера, даже не заманчивое колдовство, а так — *странная* *какая-то неизвестность*!

И что же здесь в таком разе всего вероятнее: «*Код доступа*» или же «*Код недоступа*»? Самое интересное, а может, и поразительное, что и то, и другое сразу, вместе, даже и в единении: и доступ тут, и недоступ, а ежели доступ, то... *свой*, так сказать, читательский, а ежели недоступ, то... тоже *свой*, опять же читательский, — иначе ведь, чем толь-

ко через себя пожертвование, с *иномирьем* с его *инознанием* и его же *инонезнанием* никому и никак не совладать!

Воспринимая нижеположенный текст, погружайся, отчаянный любознатец, в *затекстье*, где как раз всё лабиринтное и сидит, притаившись, а блуждая там — в лабиринте, лови несказанное, вторгайся в *Иное*, которое, заметим по секрету, хоть и где-то там — в космических-де далях, но и здесь, на Земле, в этом мире, среди нас, в тебе, читатель, и с ним — этим *Иным* — тебе надлежит ментально-душевно слиться, — и вот тогда-то, возможно, и откроется перед тобой кое-какой шанс обратиться если не в крутого метафизика, то хотя бы в благочестивого адепта загадочно мерцающей и лукаво вибрирующей перед твоим изумлённым взором крутой метафизики!

Вперёд же, дружище — на приступ!

Метафизика — не досужая выдумка заблудших философов, а единственная возможность хоть что-то в мироздании, бытии, природе, жизни, в самом человеке адекватно постичь — при исходном и неизбывном всего этого незнании.

Мудрость — невозможная по сокровенной тяжести благодатно-страда-тельная ноша, безжалостно теребящая сознание, его очистительно умерщвляя и промыслительно возрождая, щедро окропляя целебным незнанием и скупно вознаграждая запретным вестничеством.

То и другое — возможность непредвзятого и бескомпромиссного общения с трансцендентной тайной.

1

Бытие — это всё, что *есть*, причем *есть* не где-нибудь, а в человеке, его сознании, будучи либо отражённой в сознании внешней для него данностью, либо вообразенной уже самим сознанием его внутренней самостью.

Бытие и сознание нераздельны, мало того, они тождественны: какое-такое бытие в глухой тиши того же обессознаниенного обморока? Только в сознании и через него является человеку бытие, как раз то самое бытие, что... *есть!*

Бытие всегда *своё* — осознаниенное и очеловеченное— и никаким другим для человека оно быть не может.

Именно человек — мера всего бытия, хотя бытие есть мера самого себя и служит мерой самого же человека. Мера меру поверяет — оттого-то всё и *есть!*

Бытие — не только что-то явленное сознанию и в сознании явно существующее, это ещё и нечто, сознанию не явленное и в нём не существующее — некое несущее существующее, причём не просто не известное человеку и его сознанию, могущее при случае стать и известным, а самое что ни на есть... *неизвестное*, а в соотношении с бытием — *небытие!*

Бытие рядом, вместе, в смешении с небытием, причём не так небытие тут в бытии, в сердце бытия, как бытие — в небытии, посреди небытия, в нём.

Откуда всё в явленном бытии берётся и куда всё из явленного бытия исчезает? Не из небытия ли берётся и не в небытии ли исчезает?

Да, вокруг вроде бы бытие и только бытие, но, увы, бытие тут не просто в сопряжении с небытием, а бытие, в котором небытие попросту бытует, подлаживаясь под бытие, хотя, скорее, это бытие попросту бытует в небытии, его отрицая и ему же уступая.

Бытие и небытие бытуют—небытуют совместно, переходя непрестанно друг в друга, пусть и точно, и отдельными локалиями, и время от времени, пусть в целом дискретно, но... непременно!

Бытие рождается и поддерживается небытием, им же разрушается, уничтожается, аннигилируется. Бытию незачем по своей воле рождать и поддерживать бытие, оно к этому и не стремится, а вот небытие может рождать и поддерживать бытие — эту для беспредельного и бесконечного небытия самую что ни на есть малость. Зачем? Кто ж это знает? Ради бытия, видимо, и только бытия, а уже в самом

бытии, надо полагать, ради сознания и только сознания, в котором всё бытие вкупе с небытием и отражается, если вообще не бытует—небытует.

Заметим: *ради сознания и только сознания!*

3

Бытие не монолит, оно состоит из явлений и событий, оно дискретно, рвано, дырчато, сеточно, сетевое, а вот небытие... кто ж знает, ибо ни пространства там, ни времени, хотя что-то там тоже вытворяется, как бы предыдеально, прообразно, чуть ли тоже не в дискретности — квазидискретности, конечно — невыраженной, скрытой, неявленной.

Небытие как таковое — полная неизвестность, обнаруживаемая и как-то мыслимая только через посредство бытия, да и то лишь в сознании и посредством сознания, которое хоть и бытие, но... тоже ведь скрытое, самостное, как бы параллельное бытию — этакое парабытие, очень при этом близкое... э-э... небытию, ибо не видимо оно, не осязаемо, не вещественно, не твердó, не упруго, не весомо, в общем — не материально, не пространственно и не временно, а либо... никакое — вроде небытия, либо же духовное, эфирное, идеатронное, мыслеподобное, то бишь... тоже ведь никакое.

4

Сознание как сознание есть непрестанное осознание самого себя — как именно сознания, у которого нет какой-либо высшей причины и которое не есть чьё-либо и чего-либо следствие; которое исходит из самого себя, пусть и по чьей-то первоволе (не без первозапуска); которое само реализуется в себе самом и посредством самого же себя. Вот-те

на-а! Что же *это* такое? Какое-такое тут бытие? В том-то и дело, что *это* хоть и бытие, но настолько особенное, что это, как минимум, парабытие, или же, как максимум — инобытие, а может, уже в экстремуме, какое-то инопаранебытие, — кто ж знает!

Никто из смертных и не знает, а лишь единицы избранных из человек кое-что предполагают — благодаря всё тому же сознанию, пусть и исключительному, которое, как и в основе своей любое сознание, есть сущая *трансценденция*, обязанная бытием своим посреди бытия не чему-нибудь известному из бытия, а чему-то совсем и не известному — из небытия.

Сознание, выходит, есть то ли транслятор, то ли проявитель, то ли даже... э-э... источник... самого бытия, этаким момент, портал и способ перехода небытия в бытие, как и наоборот — бытия в небытие, причём вовсе не нейтральный переходничок между небытием и бытием, а вполне себе акционная сила, генерирующая бытие прямо из небытия.

Сознание — продукт небытия вкупе с бытием, но, заметим, и сами бытие с небытием — продукт сознания.

Каково бытие, таково вроде бы и сознание, но ведь и каким бывает сознание, таким выходит и бытие.

Сознание — *сила!*

5

Что есть сознание во плоти своей? Чем оно полнится, на чём держится, чем кормится?

Само слово «сознание» говорит о многом, ибо в нём сидит другое слово — «знание», отчего и становится ясно, что сознание есть во плоти своей не что иное, как... *знание*,

однако не просто знание, а знание *с (со)*знанием, то бишь знание тут не просто знание, а... *знание знания*, когда имеет место знание того, что есть знание — *знание знания*, что позволяет не просто что-то знать, а знать само знание, выделяя тем самым знание знания как особую данность, не только из вообще знания, а и из бытия вообще, превращая знание знания в особое бытие — как раз бытие самого сознания.

Из чего же состоит сие благообретённое человеком *знание знания*? Нет, не из предметов, не из вещей, не из твёрдой и упругой материи, даже не из энергии как таковой, а из... *ничего*, но из такого ничего, которое не пустота вовсе, хотя и бытует в пустоте, а бескрайний мир из невесомых прозрачных и абсолютно проницаемых... э-э... *печатей* — самих по себе печатей, всё равно каких по природе, значению и функции: отобразительных или самодельных, строгих или произвольных, точных или смутных, устойчивых или переменчивых, реалистичных или надуманных, истинных или ложных, зеркальных или галлюционных, главное — *запечатлевающих* какое-то знание, образуя знание знания, насыщая ими сознание.

Печать сия — атрибут сознания, разумеется, как печать осознаниенная и осознаваемая, как имманентный «кирпичик» самого сознания.

Печать — знак, обозначение, название, имя, прозвище, понятие, однако всегда со скрытой в ней (*запечатленной* и *запечатанной*) идейной начинкой, что то же самое — смысловой нагрузкой.

Сознание — бескрайнее поле «печатных», но вовсе не опечатанных наглухо, а лишь *словленных* печатями мыслей,

идей, смыслов, а потому и бескрайнее поле... *слов* — этих мысленных, идейных, смысловых «печаток». Мозговых, судя по всему, «печаток», но, тоже, судя по всему, не мозгового всё-таки происхождения.

Какого же? Ответ: трансцендентного, иномирного, небытийного. Ох! Не может такого быть, но... *есть!* Опять ох! Не может и... может! Да, это так: не может и может, отчего и тайна тут несусветная, как несусветной тайной является и само сознание.

6

Обладая сознанием, человек не просто что-то знает, а знает, что он это что-то... знает (!), располагает знанием о знании, что то же самое — *ведает*, а зная знание, способен не только отражать печатно всё вокруг и всё в самом себе явно бытующее, но и всю вообразить то, чего вокруг нет и чего в себе самом ещё не было, пополняя своё знание — *знание знания* — и, обогащая тем самым своё сознание, выступать в роли всё более усиливающегося и всё более авторитарного генератора бытия.

Отсюда сознание не только «что», но и «кто», не только запечатлённое свойство бытия и человека, но и знаменательный субъект бытия, как, впрочем, и небытия тоже.

Небытие ведь тут как тут, прямо в изначалье сознания, в его основании, в его реализации, ну и в его же конце.

«*Небытие — сознание — небытие*», как и «*Сознание — небытие — сознание*».

Вот они — фундаментальные формулы полного тайны бытия сознания!

Сознание — неизвестность, однако работающая как известность — в пределах сознания. Небытие в бытии, позволяющее бытию быть бытием — в пределах сознания. Знаниевая параллельность бытия, его знаниевое зеркало, его знаниевый двойник — опять же в пределах сознания.

Знаю... не зная, как и не знаю... зная, отчего сознание — вибрирующий переходник меж знанием и незнанием, позволяющий знать и не знать одновременно, а потому и одновременно быть и не быть, совмещая в себе бытие и небытие — в пределах всё того же сознания.

«В пределах сознания» вовсе не означает явной и полной предельности сознания, которые, как и бытие вообще и как небытие вообще, в общем-то беспредельно. Сознание, как и небытие — вне времени и пространства, но оно, будучи в бытии, вынужденно принимает в себя, или надевает на себя, время и пространство, чтобы как-то соответствовать бытию, как раз подверженному времени и пространству, в которое сознание заключено и в котором о себе заявляет, где себя реализует и где всюду действует.

Сознание — пленник и возбудитель бытия, то ли щедро дарованное бытию небытием, то ли бесцеремонно прихваченное бытием у небытия, но в любом случае это агент небытия, как и лоно его пребывания в бытии.

7

Сознание — некое парабытие, бытующее в бытии как не-совсем-бытие, как какое-то инобытие, если не инонебытие, а скорее всего — как некое *сверхбытие*.

Самое поразительное в феномене сознания состоит не в его онтологической невидимости, неосязаемости, скрытности, как и не в его духовности, эфироподобности, той же невесомости, не говоря о внепространственности и вневременности, а в его гносеотропной способности к осознанию (восприятию) не только всего и вся из вокруг бытующего, включая самого человека, к осознанию при этом и самого сознания, факта его бытия, но ещё и в восхитительной способности сознания к безграничному *самоосознанию*.

Как бы и откуда бы ни взялось в бытии сознание, оно всегда исходит из самого себя, в самом себе реализуется, самым собою и довольствуется. Знание у сознания — не только знание своего знания — знания знания, но и знание сознанием самого себя — от самого же себя!

Вот и выходит какая-то странная для бытия способность — явно не здешняя, а вполне себе извнешняя.

И что же тогда есть сознание как некая бытийная вроде бы данность, как явленное в бытии нечто, как присутствующая в бытии «вещь»? Сгусток в потоке невидимой энергии, облаковидная информационная платформа с турбулентным током разнообразной информации, трансцендентное счётно-решающее устройство, духо-эфиро-идеальная субстанция? Всё это, быть может, и так, но вряд ли тут удастся обойтись без того убойного предположения, что сознание, о котором речь, т. е. человеческое сознание, обязано своим присутствием и действием в бытии ещё какому-то сознанию — иному, большему, исходному сознанию, притекающему в бытие откуда-то из небытия и вольно разлитому по бытию (ноосферно!), а именно — некоему

метасознанию, которое есть не просто сознание и даже не только протосознание, не только сверхсознание, а... тут-то мы, пожалуй, и помолчим, ибо тут уже речь не о знании и его использовании, то бишь не о сознании как таковом, а о каком-то предзнании, как и предсознании, и ежели всё-таки о чём-то «предметном», то разве лишь о некой *первомысли* — прямо из *Ничто!*

8

Первомысль!

Из мрака, из безмолвия, из тишины, прямо оттуда — из Небытия!

Как это?

Посредством иного сознания, носителем которого, как стало приемлемо известно в конце концов человеку, предстаёт креатор всего мироздания, бытия, природы, жизни, человека, человеческого (незёмного) сознания, именуемый уязвлённым сознанием человеком *Господом Богом Творцом*.

Господь Бог Творец — субъект, сила, он же и перво-мысль; от него помысел, промысел, проект, аттракция; он — архитектор, конструктор, строитель; дерзающий, держащий и удерживающий.

Нет, не начальник вовсе, не руководитель, не вождь, даже не дирижер.

Отец!

Создатель, покровитель, наблюдатель.

Свидетель, судия, правник.

Возмездник.

Человек — продукт Божий, сознание — человеку Божий дар, хотя и ноша, и тягло, и страда.

Сознание — непосредственное присутствие Бога в человеке, однако с тем обстоятельством, что человек — не Бог, он всего лишь... *как Бог*, отчего человеку весьма и неудобно, даже и горько, хотя моментами и вполне радостно.

Сложно, раздраино, на излом.

Рождается человек от Неизвестности, бытует среди Неизвестности и отмирает в угоду Неизвестности: не Бог ведь он, чтобы быть самим по себе и вечно, но зато он... *как Бог*, как раз для того, чтобы осознать свою непременную бренность, свой неизбывный союз с Неизвестностью, свое нераздельное бытие-небытие.

Замысел Божий о человеке: из мрака на свет, из безмолвия в молву, из тиши в рокот. Зачем? Кто ж из смертных *это* знает!

Первомысль — тайна! Даже сама по себе человеческая мысль — как просто мысль — тайна, хотя всё мыслимое человеком вроде бы для него и не тайна. А тайна всюду, даже само знание — как знание — тайна, а что уж говорить о незнании, вполне патетически с любым знанием сопряжённом.

Тайна! Коварная вполне себе тайна, как и потаённое тут коварство. И все это от Бога, а что же тогда Бог?

Тайна!

Да-да, тайна и есть Бог. Думай, что хочешь, говори, что хочешь, утверждай, что хочешь, а всё одно: не так Бог тут тайна, как тайна — Бог, что, пожалуй, вернее всего и есть.

Весть!

Тайная весть о тайне, она же и верная весть о Боге.
Мысль о Боге — Божья мысль — она же и мысль Бога,
та самая, от которой всё вокруг и есть.
Первомысль!

9

Мысль!
Что это?

Нечто из ничто, остающееся при этом «ничтом». А чем же ещё? А-а... словом. Верно — словом, в котором мысль бывает *слов-лена*. Слово — *слов-ленная* мысль. И ежели «сл» в слове «слово» означает «словить», то что тогда есть «м-мы» в том же слове «мысль».

Надо полагать, что это «молчание» вкупе с «мычанием» — из ничто ведь тут всё, да и не без немалого труда. Рождение мысли в безмолвных муках. Ах, это загадочное «м-мы»!

Мысли без слова как бы нет, как нет и слова без мысли. Но... мысль, как «м-мы», вроде бы впереди слова, — не так ли? Тогда что первее — мысль или слово? Выходит, что... мысль с этим своим «м-мы». В начале мысль, а уж потом слово, без которого, конечно, и мысль не мысль, а так — невнятное «м-мы».

Мысль человеческая от Божеской первомысли, хотя мысль человеческая — не первомысль вовсе. И слово тоже от Бога — в помощь и в дар человеку: и запечатлеть мысль в слове можно, и выразить её, и в обиход запустить — в размыслительное межчеловеческое общение, да и весь мыслительный процесс человеческий как-то сообразовать, сорганизовать, упорядочить, даже и систематизировать.

А что в мысли... собственно мысленного? Что мысль в себе содержит, кроме нечто с «ничтом»? Да, отражательно-вообразительно-намеренческое *суждение*, которое есть не что иное, как частица бытия, сознания и Бога одновременно, а потому не «камешек» вовсе, а какой-то «дымок», да и тот невидимый и прозрачный — *дух*!

Дух-то дух, а в духе-то что?

А в духе сем не что иное, как *смысл*, то бишь мысль человеческая, сообразная божественной мысли — *со-мысль*, следовательно, что и даёт в краткости и крепости как раз *смысл*. Эта-то сообразность и придаёт мысли какое-то имманентное ей нечто, делает мысль смысловой, наполняет её смыслом, обосмысливает мысль.

Мысленное в мысли — *смысл*!

А возможна ли бессмысленная мысль? Вполне! Как раз в момент и на этапе незавершённого «м-мы». Пустая мысль, точнее — недомысль, а в итоге — немысль.

И много ли в сознании этакого бессмыслия? Хватает, ибо тут ведь среда, почва, основа, как раз всё то, из чего мысль со смыслом и рождается — как отрицание распротёртой вокруг *бес-смыслицы*, как противный ей плод.

10

Знание в постоянном сопряжении с *незнанием*, как и в напряжении с ним. Знаем, что мысль, слово, смысл, как и их пустые «контры», но знаем при этом, что в знании сем непременно сидит момент, элемент, фермент незнания, что как раз и делает знание знанием, обращает знание к незнанию, а само это незнание делает... нет не только новым

знанием — при случае, но и знанием незнания, или же незнаемым знанием — уже по принуду.

Незнание!

Как раз то самое, о котором знаем, это оно есть, но которое познать вполне не можем, да и не должны. Тут — тайна, причём вполне работающая, как и само незнание, которое тот ещё «работничек» — великий!

Знание проистекает от и из глубины незнания. Знание — весть от незнания, хотя и само незнание тоже кое-какая весть, но иная — безвестная, полная вестной загадочности.

Из-вестность!

Из-вестное знание, отчего и бытийная из-вестность. Известность полнит собою сознание, но сознание наполнено и неизвестностью, тем же незнанием. Сознание — микст из известного и неизвестного, а известное же — микст из известного и неизвестного, отчего знать — это значит знать и не знать одновременно, вестничать и безвестничать, явствовать и таиться, казаться и исчезать. Мерцать!

Обращаясь каждодневно более всего к известности, к знанию, человек менее всего замечает неизвестность, прочно поддерживаемую незнанием, а ведь неизвестность в осознании экзистенции, пожалуй что, и поважнее известности будет.

Какая-то жизнь без импровизаций, без новизны, без открытий, без творчества? Неизвестность — главный залог не просто полноценной экзистенции, а и самой экзистенции как таковой! Постоянное оперирование с неизвестностью и есть собственно экзистенция, а иначе ведь лишь тупая машинопись, никакая уже не экзистенция.

Неизвестность — сила! Тёмная, мощная, коварная, беспощадная, смертоносная. И эта сила повсюду: в сознании с бессознанием, вокруг сознания, вблизи и вдали, за горизонтом, во всём мироздании, ну и там — в иномирье. От малой обыденной неизвестности до великой трансцендентной. Да ладно бы просто неизвестной неизвестности, пусть и враждебной сознанию, а то ведь и немало, а то и много... *решающей* — как за человека, его сознание, так и вместе с человеком, с его сознанием, включая, разумеется, и бессознание.

Творящая неизвестность, она же творящее ничто, она же творящая трансценденция!

Нейтральная пустота вроде бы, ан-нет — *работающая неизвестность*, пред которой всезнающему человеку остаётся только преклонить свои вдруг задрожавшие колени и угомонить свой вдруг затрепетавший ум.

Великая Неизвестность!

11

Работая (вибрируя) всем своим организмом вкупе с включенным в него сознанием, человек строит вообразительно не что-нибудь, а *целый идеальный мир*, уделяя главное внимание жизнеотправительно взаимоувязанной и взаимодействующей с ним части вселенского мира. Держит сей мир в уме, в памяти, в сознании, воспринимая и познавая его, обозначая взглядом, мыслью и словом, в круговую осознаниевая, а осознаниевая мир, человек впускает сей мир в себя, в своё сознание, существуя в единении с миром, вкупе со своим о нём представлением, вполне с ними — с миром и с представлением о нем — сливаясь.

Сознание — мир, мир — сознание, — и никакой тут между миром и сознанием ясно выраженной отдельности!

Бытуя, человек реализует вовсе не одно по качеству (образу) бытие, а сразу несколько бытий, из которых прежде всего бросается в глаза, конечно же, природно-организменное бытие, в котором и через которое человек обеспечивает своё животное существование, шествуя при этом по мере производительно-изобретательского прогресса по более чем странному вектору — *от природы к неприроде*; однако, будучи осознанным (носителем сознания), человек бытийствует и непосредственно по линии сознания — мыслительно, когнитивно, словесно, идейно, концептуально, проективно, расчётно, создавая свой собственный, вполне и воображаемый, мир — мир образов, знаков, слов, идей, концептов, проектов, что не менее органично человеческому бытию, чем природно-организменное существование человека; надо заметить, что не только во втором, но и в первом из указанных бытий непременно реализуется сознание, что исключительно важно для понимания феномена человека вообще: везде и всюду сознание, хотя кое-что происходит и без сознания, как бы рядом с сознанием, в том числе и сквозь зияющие в нём неизбежные и ему полезные дыры; и вот тут особенно интересно, что человек, бытуя вроде бы с сознанием во главе, хотя в иные моменты как бы и с выключенным (отсутствующим) сознанием, бытует и вполне себе неосознанно — *трансцендентно*; ведомый некой не слишком им осознаваемой таинственной силой — либо внутренней своей, либо же внешней «чужой», человек так или иначе понуждается к *переживательному бытию* —

от земного чувственного (эмоционального) до зёмного сверхчувственного (интуитивного).

12

Бытие человека — сложное бытие, разнообразное, многосущное, смешанное, путанное, сочленённое с небытием, но при этом и единое, пусть и противоречиво, но всё-таки единое — единое само по себе и единое с сознанием: *сознание* — бытие, *бытие* — *сознание*. От бытия своего, как и от сознания своего, кажущихся человеку вполне ясными и понятными, так и вовсе таковыми ему не кажущимися, человеку никуда не уйти — покуда человек остаётся человеком.

Да, человеку многое в бытии кажется вполне ясным и понятным, операционально или вообразительно доступным, достоверным, правдоподобным, правильным, даже и истинным, и не только кажется, но и практически постоянно подтверждается. Отсюда убеждение человека в возможности осознанной познаваемости мира и самого себя, включая своё сознание, как и в возможности конструктивно (рационально-расчётно-модельно) переделывать мир и самого себя, не исключая сознание, создавать и что-то своё, особенное, иное, не первозданное, никогда не бывшее, пусть и всё это с долей неопределённости, неполноты и непознанности, не без сопротивления переделываемых или впервые возделываемых объектов, не без субъективных ошибок, нарочитых произволений и даже спровоцированных человеком катастроф.

Человек — не просто практический деятель и ловкий преобразователь окружающей его бытийной данности, он — *творец* — творец нового, не бывшего, необычного.

Разумеется, человек давно осознал, что далеко не всё в этом мире и в самом человеке так уж ему доступно для понимания, переделки и созидания, а кое-что и вообще недоступно, а потому либо высказал что-то по этому поводу, не пренебрегая и мифотворением, либо закрыл на всё недоступное свои прозорливые глаза, оставаясь более всего на стороне доступного и осязаемого, познаваемого и понимаемого, переделываемого и созидаемого.

Человек со своим дерзким, хотя в то же время и вибрирующим от немалой неуверенности, сознанием, весьма подверженным влиянию внутреннего и внешнего *ничто* (трансценденции), способен вырабатывать и накапливать разнообразное знание о мире и о себе самом, а также целесообразно действовать, идя от исходного к производному, от природного к неприродному, созидая при этом свой собственный, вполне уже и искусственный, мир — *артмир*, целостно противостоящий данному человеку миру — естественному, или *натурмиру*.

Человек — творец *своего* мира и себя в нём — тоже уже *своего*!

От бытия вообще, как и от себя самого, человеку не уйти, пока человек остаётся человеком, а вот изменить своё бытие и себя самого человек всё-таки может, что он и небезуспешно делает.

Человек не просто делатель, он — *творец*, чем обязан вовсе не своему животному организму, а своему неживотному *сознанию*.

Человек творящий!

Осознаниенный, сознающий бытие, включая и небытие, осознающий себя, знающий, постигающий бытие и себя, воображающий, проектирующий, созидающий.

Бытие для человека творящего, его беспокойного сознания, включающее и самого человека с его организмом и его сознанием — *объект*, внешняя для сознания данность, мир и мироздание, витос и антропос, опять же сознание, а в аспекте познания и знания — *онтос*; сам же человек со своим сознанием, знанием и познанием — *субъект*, действующее лицо, а его знаниевое представление о бытии, включая самого человека и его сознание, есть не что иное, как гнездящийся, шевелящийся и умножающийся в сознании *гнозис*, всё равно какой — отраженческий, проникновенческий, исследовательский, воображенческий, опытный, откровенческий.

Субъект и объект, несмотря на принципиальное различие между собой, находятся в родственном единении, диктуемом не «объективом» вовсе, а как раз «субъективом», ибо вне субъекта и его познавательного и делового волеизъявления нет и не может быть никакого объекта, как раз для субъекта объекта. Ведь то, что стоит за объектом, — бытие, мир, мироздание, человек, даже само сознание — ни в каком субъекте ради себя самого не нуждается. А вот субъект в объекте нуждается, потому-то его для себя и заводит. Не объект порождает субъекта, а субъект учреждает объект, субъективируя сознание и объективируя бытие.

Аналогично и онтос обязан своим порождением гнозису — именно как онтос, хотя гнозис полнится прежде все-

го и по преимуществу как раз онтосом, за которым само реальное бытие. Гнозис онтологичен, но ведь и онтос гносеологичен, отчего онтос и гнозис, при всём их феноменальном различии, содержательно не просто взаимно адекватны, но даже и тождественны. Каков гнозис, таков для человека и онтос, хотя гнозис в целом таков, каков и онтос, однако с тем непременным допущением, что онтос — вовсе не гнозис, а гнозис как таковой — никак уж не онтос. Адекватны, тождественны, но... никогда не одинаковы, ибо онтос — сама реальность, а гнозис — лишь ментальное представление о реальности, пусть в основе и реалистичное, но... куда тут деть те же небытие с трансцендентностью, не только присутствующие в объекте и охватывающие онтос, но и привольно разгуливающие по гнозису, назойливо донимая умственного субъекта, энергично и упорно что-то непрерывно творящего.

14

Субъект и объект, онтос и гнозис. Однако субъект активный, не только познающий, но и творящий, а гнозис тоже не просто познавательный феномен и воздействующая на онтос переделочная сила. Отсюда гнозис непременно дополняется *акциосом* — действием, деянием, деятельностью, умствованием, воображением, проектированием, в общем — *творчеством*.

Онтос, гнозис, акциос.

Все они вместе, в ансамбле, в единении, но не в полном между собой соответствии, не в жёстком сочленении, а с той или иной долей свободы каждого из членов триады, даже и немалого с их стороны произвола. Иначе ведь не бытие, не жизнь, не творчество, а так — механика, твердь,

смертная пустота, ну и не субъект с объектом, не человек с сознанием, не странная экзистенция.

Онтос, но весьма неопределенный и своевольный, во многом и в главном неизвестный, потаённый, трансцендентный, немало неуловимый для гнозиса и весьма сопротивленческий, неподатливый и уклончивый. Чуть ли не беглый — для акциоса.

Гнозис, но явно замешанный на неопределённости и обильно перемешанный с незнанием, а потому и весьма произвольный, нередко надуманный, профанический, неверный, хотя и достаточный для кое-чего понимания и кое-какого эффективного действия, для собственного выживания и для реализации нескончаемого акциоса.

Акциос — тоже, несмотря на свою стабильно подтверждаемую обыденную эффективность и от случая к случаю проявляемую исключительную действенность, весьма неопределён и произволен, нередко ошибочен и вреден, моментами катастрофичен, ну и, как водится, достаточно смертоносен.

В общем — единение тут, но вовсе не лишённое несоответствий, произволений, нестыковок, несуразностей и бед, как раз вполне себе бытийное единение, если не забывать о небытии; жизненное, если помнить о смерти; экзистенциальное, если не отдаваться совсем уж счастливой простоте.

15

Принципиально вглядываясь в пространный и разнообразный объект, он же и онтос, пытливо и нещадно на него воздействуя, переделывая и созидая что-то новое, познаю-

щий и творящий субъект не мог не обратить внимания на содержательную двойственность объекта-онтоса: с одной стороны, видимый, осязаемый, упругий, весомый, вещный, предметный, пространственно положенный и временно подверстаный, разделённо-объединённый, системный, устойчивый, воспроизводящийся и т. д., в общем, как вокруг принято говорить — *материальный* мир, а с другой — невидимый, неосязаемый, невещественный, невесомый, бесплотный, прозрачный, нераздельный, внепространственный и вневременной, привольный, духовидный, эфиорообразный, в общем — нематериальный, как бы и *никакой*, но тоже... мир, улавливаемый как-то сознанием — вообразительно, мало того, в самом сознании вовсю тоже присутствующий (эмоции, слова, мысли, имена, цифры и т. п. «вещи»).

Единый онтос, однако сложенный при этом из двух онтосов, а ежели по-учёному, то *физический онтос*, или *физис*, и *метафизический онтос*, или *метафизис*, а в целом — данный человеку, включая и самого человека, сложный — *физисо-метафизисный* — мир.

Соответственно этим двум разным онтосам в сознании возникают и образуются два разных гнозиса: *физический*, или *физика*, и *метафизический*, или *метафизика*. Оба гнозиса дополняют друг друга, немало совмещаясь и перемешиваясь, нередко и не очень-то между собой различаясь, но всё-таки оставаясь по большей части не сводимыми друг к другу: один гнозис тяготеет к точности, выверенности, ясности, определённости, обыденной разумности и эффективной рациональности, а другой, не игнорируя ничего из вышеуказанного, ориентируется более всего на неясное, неиз-

вестное, неопределённое, скрытое, таинственное, полагаясь более всего на интуицию и чувство, на вольное воображение, на внезапное откровение.

Два гнозиса — два познавательного-объяснительных подхода к онтосу — два гносеологических языка — два знаниевых мироздания — два образа онтоса — два творческих людских потенциала — две реализации творящего сознания.

Уместно заметить, что любое вообще знание, добываемое и производимое человеком, наполняющее его сознание и удерживаемое в памяти, выраженное в словах, знаках и образах, проговариваемое, письменное или же молчаливо в сознании удерживаемое — феномен в общем-то метафизический, отчего и собственно физическое знание, как обыденное так и научное, есть по сути отрасль метафизики, лишь обслуживающая непосредственно физис с физикой, отчего физика и рассматривается обычно как именно физика, а не метафизика, а к метафизике относят обычно любое другое — уже не физическое (то ли недофизическое, то ли сверхфизическое) — знание, полагая, что разделение на физику и метафизику достаточно условно: в физике ведь немало чего от собственно метафизики, а в метафизике немало ведь пребывает как таковой физики.

16

Потребность амбициозного акциоса — вот что заставило «просвещённого европейца» пренебречь в XVI — XX вв. метафизикой, забыть про метафизический онтос и кинуться в физическую переделку-пересотворение данного извне человеку мира, не озираясь озабоченно ни на природ-

ный онтос, оказавшийся в уме деятельного европейца сплошь физическим, ни на внеприродный онтос, включая сознание, подвергнутый либо физикалистскому толкованию, либо бесцеремонному гносеологическому остракизму.

И всё было бы замечательно, если бы вдруг на рубеже XIX — XX вв., не говоря уже о рубеже XX — XXI вв., не явилось не только в просвещённых, но и в думающих европейских умах — аккурат в наивысший расцвет науки-физики и окормляемой ею техники — сначала кое-какого, а затем и великого, сомнения в правильности доминирования физикализма с технологизмом, в особенности в витальной и гуманитарной сферах, а затем и убеждение в необходимости возврата к метафизике, но уже в виде *новой метафизики* — сначала *постнаучной* (постфизикалистской, посттехнократической), способной продолжить неподтверждённые гносеологические притязания, выводные крайности и воззренческие заблуждения физико-механического гносеологизма, а затем, после первоначального погружения в донаучное метафизическое наследие и неизбежного от него отхода, уже в виде *метадогматической* метафизики, постаравшейся подойти к онтологическому метафизису посредством прямого и открытого, то бишь не заслонённого и не искажаемого никакой устоявшейся догматикой, творческого, вполне и искристого, контакта.

И ежели речь заходит сегодня о метафизике, то о метафизике уже новой, в чём-то, конечно, и перекликающейся со старой, когда-то уже бывшей и бытующей поныне, но всё-таки *новой* — о *неометафизике*, в своих актуальных разрешениях уже весьма иной, не такой, какой она предстала когда-то перед судом истории.

К метафизике можно в общем-то вполне осознанно прийти, немало при этом подразочаровавшись в «точных науках», занимающихся той же социально-гуманитарной сферой, а вот стать метафизиком... э-э... куда как труднее, ибо метафизиком, оказывается, нужно... оказаться, почти что и внезапно, толчком, ударно, ни с того, ни с сего, откровенчески, по какой-то то ли внешней, то ли глубоко запрятанной в сознании и вдруг явившейся из его глубин воле, вполне и трансцендентной.

Да, выраженный, обозначенный, улавливаемый сознанием почти что физически, метафизис вроде бы тут, рядом, в текущей жизни, в бытии, как те же слова, мысли, цифры, знаки, смыслы, имена и т. д., но стоит задаться вопросами: что же это, откуда, зачем и т. д., то в воображении сразу же является неизвестность, а в разуме воцаряется... э-э... пустота. Выходит, что метафизис здесь, в мире, в человеке, в сознании и... где-то там, в неизвестных далях, в каком-то ничто, в пустоте!..

И что тогда? Что же тогда метафизис со своей метафизикой? А-а... лишь мудрец со своей сверхмудростью, да что из того, ежели вокруг него — как мудреца — одна лишь невыразимая пустота?

А ведь туда — в пустоту — мудрецу надо непременно войти, сойтись там с ничто, овладеть неизвестностью, причём войти в незаполняемую ничем пустоту, сойтись с неразрешимым ничто, овладеть исчезающей неизвестностью.

Отсюда как раз и выходит, что не стать вовсе метафизиком, а им вдруг... *оказаться!*

18

Признать факт неизвестности, ничто и того же небытия может в общем-то любой человек, для чего вовсе не нужно быть метафизиком. Верно! Однако метафизик признаёт не только наличие всего этого «тёмного», он ещё и всё это любезно признаёт за нечто важное и ценное, причём бытующее-небытующее не где-нибудь, а непосредственно в *этом*, или *нашем*, мире, мало того, не остающееся к этому миру нейтральным и безразличным, а весьма в нём, его реализации и (Sic!) судьбе незримо, но ловко участвующем.

Вот с этого-то пункта и начинается собственно метафизика, уже не как простая учёная констатация, а как практическое, или работающее, может, даже и творящее... э-э... знание-незнание.

Это как же?

А через погружение метафизика даже не в метафизис, что ожидаемо, а в превосходящий наш бранный мир таинственный *метамир*, полный неизвестности и трансцендентности, и через привлечение всего этого «мета» к восприятию и пониманию нашего бранный мира, не просто содержащего в себе метафизис, а и тесно сочленённого, как не трудно догадаться, с метамиром.

Ничего нового, скажут нам знатоки всего и вся, всё это или что-то сходное всегда утверждали философия, метафизика, та же эзотерика. Да, это так, но есть тут и кое-что новое — не только постнаучность сих утверждений, но и их... э-э... *научность*, в том смысле, что они вершатся на

фоне уже тщательно изученной и обрисованной наукой мировой реальности, мало того, учитывают богатую открытиями и заключениями научную картину мира. Как пройти мимо таких научных, а по сути-то метафизических, достижений, как энергетика, ядерная физика, кибернетика, информатика, генетика, синергетика, и других отраслей и ветвей науки, много чего ценного сказавших об изученном ими реальном онтосе.

Нынешний метафизис не может не учитывать многого из наработанного наукой — этой невольной метафизикой, а потому и имеет возможность несколько иначе смотреть на реальность и ирреальность, чем это делала донаучная метафизика. Важно заметить, что наука не просто по-своему видит мир, пусть и фракционно, не целостно, а добралась до таких пределов видимого ею мира — нашего мира, что натолкнулась на что-то... *другое*, чем наш мир, не только не объяснимое наукой, но и внушающее ей явный гносеологический трепет, если не страх. Тем самым наука достигла и своего собственного предела, невольно отдавая инициативу новой — как раз *постнаучной* — метафизике.

19

Уж не новая ли тут разворачивается *метафизическая революция*, а-а?

Да, многое из научного видения реальности можно принять, но в целом научное видение не то что недостаточно, а во многом и неадекватно реальности, более того, кое-где, в той же, к примеру, социогуманитарной сфере, и сильно, знаете ли, ложно.

Более или менее внимательный взгляд на реальность непременно выявляет заметное несоответствие сей реальности научным о ней представлениям. Выясняется, что реальность-то *иная*, не такая, какой она описывается в учёных трактатах. Но это не всё: в реальности замечается и что-то, что наукой явно игнорируется, но что в реальности всё-таки есть, пусть и выглядящее, как правило, нереальным, да мало, что есть, ещё и всюю работает, весьма на реальность влияет, а нередко и вполне её определяет. Всё это говорит о наличии в реальности чего-то *иного* — от *иного мира*, наукой же попросту игнорируемого и отрицаемого.

И ежели реальность *иная*, совсем или всюю и не такая, какой её представляет наука, а в этом, то бишь в нашем, мире присутствует и какой-то *иной мир*, то и знание о реальности, о мире, об онтосе должно быть весьма *иным*, и для нашего случая — *неометафизическим*.

Оставим в стороне явный (твёрдый, упругий, весомый) физис с явной соответствующей ему физикой и займёмся социогуманитарным метафизисом, напустив на него новую метафизику, не забывая о кое-каких важных мировоззренческих наработках науки-физики, включая даже её социогуманитарную часть.

20

Исходное понятие в метафизике и для метафизика — *тайна!*

Тайна всего: мира, Вселенной, бытия, жизни, человека, сознания, слова, цифры, разума, мысли, памяти, знания, незнания, неизвестности, небытия, безумия... надо ли продолжать?

Тайна!

Причём никак до конца не разгадываемая, а лишь частично приоткрываемая сознанием и в сознании, опять же вполне таинственно, когда тайна тайну покрывает, тайна тайну закрывает, тайна тайну бережёт!

Многое вроде бы уже известно человеку, но самое, самое... главное, исходное, начальное, первостепенное... нет!

Всё — тайна, всё — в тайне, всё — из тайны!

Великая Неизвестность!

И всё известное тоже ведь полнится неизвестным, оно всё в неизвестности, оно всё — *неизвестность!*

А уж человек со своим сознанием в особенности: это какое-то неизвестное нечто посреди, если не прямо в центре, беспредельной неизвестности. Каково, а-а?

Чего больше в мироздании, во Вселенной, в бытии: известного или неизвестного, нечто или ничто, бытийного или небытийного? С учётом новейших достижений науки-физики больше, конечно же, всего второго — как бы «тумана», «темени», «черноты». Чтобы выдать в бытие всё явленное, световое, видимое, надо ведь много, очень много всего обратного, или противоположного, причём гораздо большего по объёму и силе, чем всё явленное, световое, видимое — любая *негэнтропия*, а это и вещьность, и жизнь, и сознание, вообще дорого стоит, она требует очень больших энергоинформационных затрат и очень значимых аттракционных усилий.

Известный человеку мир не мог вроде бы взяться из ничего, хотя он таки взялся именно из ничего, но из ничего, попросту не известного человеку — из неизвестности, а по-

тому мир взялся и из какого-то нечто, разумеется, тоже не известного человеку, да и самому миру, пожалуй, тоже.

Тайна!

И известный мир с неизвестной неизвестностью не оставили друг друга, а весьма сосуществуют, тесно между собой переплетаясь и вполне продуктивно сочетаясь.

Явленный мир всего лишь момент, если не миг, неявленной неизвестности: что в этом мире не из ничего?

Даже высокая физика глубокомысленно замолкает перед таким вот вопросом, ибо нет у неё на него никакого ответа — что ясного, что неясного.

21

Выходит, что видимый мир возник из, от и с участием какого-то невидимого немира, бытие — из, от и с участием небытия, известное — из, от и с участием неизвестности.

Ах, это вездесущее «Не», без которого у человека в его мировоззренческих раздумьях ничего толком не получается! Да и не только в раздумьях, а и в обозрении всего вокруг себя, и во взгляде внутрь себя тоже, ибо поражают наличие, обильность и непреходящая важность всего с этим сакральным «Не» связанного.

Итак, любое видимое (осознаваемое) нечто из, от и с участием ничто. Нечто, выходит, является, рождается из ничто (из «ничта»). Из-водится! Мир, бытие, всё известное изводятся из немира, небытия, неизвестности. Значит, есть про-извод-ство мира, бытия, всего известного, а раз так, то

помимо изведения есть и «про», как раз то, что ещё не есть, но что уже *про-есть* (*пред-есть*), то бишь не что иное, как... **проект.**

Да, проект Господа Бога Творца, но, видно, не только, — и «тумана», и «темени», и «черноты» тоже. И хаоса тоже, и бездны, и *про-материи*, как и духа, эфира, *про-мысли*.

Промысли!

Всё это производство не рядовое, не одномоментное, не навсегдашнее, а постоянное, длящееся, нескончаемое, хотя, конечно же, и дискретное, и прерывное, и импульсивное, как и турбулентное, вихревое, ворóнковое, но никогда и нигде вполне и навечно не сворачивающееся.

И не в муках ли великих происходящее? Не силой ли, не с ломками ли и разрушениями, не с огнём ли, не через коллизии ли и катастрофы?

Производство. Изведение. Извержение.

Мастерская, кухня, кузница, цех, операционная, лаборатория, баня, бойня, ну и война тоже, насилие, убийства, уничтожения, боли, страдания, смерти.

Между ничто и нечто, выходит, имеет место не что иное, как переход из ничто в нечто и обратно — из нечто в ничто, разумеется, при очень условном «между», ибо где оно — это «между», если не повсюду, всегда и «тама».

Переход, превращение, транзитив.

Здесь не так значимы время и пространство, которыми наделяется при рождении всякое наше не что — в отличие от ничто, как важно состояние постоянной, нескончаемой, взаимооборотной транзиции.

Как бы *всё это* — мир, бытие, жизнь, человек, сознание, слово, цифра, мысль, смысл и т. д. — существовало, если бы не было всего (не)существующего, как бы вообще не существующего, чего-то и впрямь несуществующего? Как бы всё это было, если бы не рождалось, не достигалось, не изменялось, не страдало, не болело, не калечилось, не самоотрицалось, не умирало, не возрождалось, не боролось, не проигрывало, не побеждало, не безумствовало, не сходило с ума, с положенного места, с уютной резьбы? А всё это как раз и означает, что ничего из нечего без ничто нет и быть не может, как не может оно быть без хаоса, бездны, бед, страдания, смерти, без постоянного перехода ничто в нечто и нечто в ничто.

Вот вам и новый закон, как обычно принято высказываться в науке — *закон бытия-небытия со взаимными переходами бытия и небытия друг в друга*. Похлеще, пожалуй, сей закон будет законов сохранения материи и энергии, а-а?! Тут ведь закон сохранения-несохранения не то что материи с энергией, а и самого, знаете ли, бытия: как и небытия тоже!

И вот перед нами загадка из загадок — человек со своим сознанием, как и с бессознанием тоже, а следственно — то ли человек, то ли ещё кто, а может, и что — и с прямо противоположным этому ему контекстом — нечеловеческим, тем же звериным, а то и попросту космонейромеханическим.

Человек прямо оттуда — как раз ниоткуда, из ничто, из бездны, пусть и по воле Господа Бога Творца, даже и по его проекту, даже и по его — Бога — подобию, да что из того, ежели чего-чего и кого-кого, а уж человека-то человек весьма видит в себе и перед собой, не уставая сокрушённо повторять: «Да, странное это существо, очень странное, настолько странное, что... человек ли это, а ежели всё-таки человек, то как же его понимать, по каким меркам о нём судить, какое суждение о нём составить?».

И убеждается пытливый человек, что нечего ему сказать о человеке, даже и о самом себе — думающем, и бытует человек сам по себе, как есть, вполне и не знаемый самим же человеком, а потому и бытует как то ли великая, то ли не очень, но... *неизвестность*, этакое ходячее *ничто*, но ведь бытует же, да ещё как — вообразимо-невообразимо, можно сказать — неизвестно и как!

Человек — *тайна!*

Весь он тайна, целиком, а не только своими сознанием, характером, поведением, душою, чем там ещё? Весь!

Что может сказать точная-де физика о человеке? Как о животном — многое, хотя и не всё. А об осознаниенном животном? Не очень-то многое, а в общем-то — ничего! Тут уж забота метафизики, которая способна и в самом ничто увидеть нечто, а в том же нечто заметить... э-э... ничто. Да, пусть в человеке всё так: ничто, неизвестность, незнаемое, даже и нечеловек, — что из того, метафизики от этого не убудет, даже прибавится, ибо метафизика — та ещё тайна, как и сам творец и носитель метафизики — человек.

Да, разгадкой человека занимается по большей части метафизика, для приличия прикрываясь наукой — не без

ущерба для себя. Научная метафизика — не философская метафизика и совсем уж не метафизическая метафизика. Метафизика как таковая начинается с тайны и ею же заканчивается, не изгоняя тайны и из самого процесса познания.

Метафизика умеет оперировать с неизвестным, с незнанием, с ничто, с небытием, даже с пустотой, не говоря уже о тайне, которая чем-то да насыщена, мало того, насыщена она чем-то не просто весьма значимым, но и весьма значимо работающим.

Обручённый с трансцендентной тайной гнозис, отражающий слитый с тайной онтос — тут-то как раз метафизике и место — уже со своей собственной тайной!

24

Животное, осознаниенное животное — вот весь в своём изначалье человек. Однако ведь осознаниенное животное, то бишь особое, мало того — вполне уникальное для известного человеку мира. А что же тогда сознание, помимо абстрагированного от реальности самосуществующего и самодействующего знания? Что же стоит за этим знанием, или что есть исходно сознаниевого в сознании, или что делает сознание сознанием?

Ясно, что что-то неживотное, хотя и спаренное с животностью, более того — что-то попросту и неприродное (какая-токая природа в том же слове?), хотя и сопряжённое функционально с природой. Современное научное знание позволяет кое-что об этом сказать — по аналогии с кое-чем уже бытующем в человеческом мире и человеку хорошо известном, а именно... ну, конечно же... со счётно-решающим устройством, этим зачаточным искусственным

разумом, но только по аналогии, ибо в сознание заложен невидимый и в общем-то неведомый «механизм», либо сам прибывший, либо же сознательно привнесённый в сей мир из какого-то другого мира, а вот зачем... но это уже совсем другая история, так что повременим пока с возможным по её поводу ответом.

В сей же момент главное для нас — устройство, которое само по себе никак не раскрываемо («чёрный ящик»), которое не могла породить природа, которая и саму себя-то не могла породить, которое явно откуда-то извне, но которое при этом не может не быть встроенным в природу, в живой организм, в подходящее для этого животное — про-человеческое, хотя бы и прообезьянье, которое из природы, но которое способно и выйти из неё, стать наполовину и неприродным — иномирным.

Итак: мироздание, Вселенная, планета Земля под ярким Солнцем, природа, жизнь и животный мир, иномирное семя, его избранник и жертва, человек как осознание животного, само из себя сознание.

Сознание — это так или иначе присутствие *иного мира* в сем мире, того самого мира, который способен возвыситься вообразительно над этим миром и видеть, различать, понимать, именовать, считать, думать, рассчитывать, решать, ещё и вообразительно действовать, переделывать среду, творить новое, в общем — реализовываться человеком.

Прачеловек более всего не от этого мира, а от мира иного, а от нашего мира тут только материал, организменно оформленный. Мозг ведь у многих животных, у кое-каких даже есть кое-какой разум (та же способность делать выбор), но только у человека сознание, вменённое ему иноми-

рьем: не мозгом вовсе созданное, а мозгу прачеловеческому приданное.

25

Сколько миллионов лет ни тряси бидончиком с песком, ничего, кроме песка, может, ставшего пылью, не получишь, как ничего, кроме всё тех же живых тварей, не получишь от миллионной по времени беготни по кругу любых из живых тварей, включая и самого человека.

А всё почему? Да по той простой причине, что ни в песке, ни в живых тварях как таковых нет необходимой для качественных перемен в сторону сознания особой энергии-информации, не заложена соответствующая эволюционно-развитийная программа, не воздействует на них и потребный для качественной изменчивости аттрактор, нет в них приемлемой организации и самоорганизации, не рождается и необходимый творческий импульс.

Откуда же вдруг берётся всё это необходимое и неперенное? Да из иного мира, из небытия, из бездны, ну и, само собой, от Господа Бога Творца, его созидательной воли, разумеется, всё это при обязательном присутствии иного мира и участия Господа Бога Творца в бытии этого — нашего — мира.

Иной мир — это ведь не только неизвестность, ничто, «пустота», это ещё и дух, эфир, летучая прозрачная субстанция, а Господь Бог — это идея, замысел, проект, ещё и творческий аттрактор.

Мир наш сотворён, включая и человека, и продолжает твориться, но уже при участии человека с его деятельным и

творческим сознанием — элементом иного мира и моментом Господа Бога Творца.

Материя как материя, может, и не жива (явно жива, да и то условно, лишь живая материя, которая, может, и не материя вовсе), но материя и не абсолютно мертва, а потому материя, сдабриваемая и взбадриваемая извне, вполне себе эффективный участник всего мирового творения, весьма по-своему и своенравный.

Господь Бог Творец вкупе с миром иным, материя со своей энергией, дух со своей информацией, внешний аттрактор со своей программой, имманентные синергетики со своей самоорганизацией, человек со своей уместной и неуместной творческой инициативой — вот и возможность сотворительно-пересотворительного относительно нашего мира нескончаемого процесса.

Выходит, что кое-что из трансцендентного, даже и весьма немалое, человеку любознательному таки известно, даже не выглядит недостоверным, но... *Великая Неизвестность* всегда на своём потаённом месте, вполне и сторожевом, так что вся наша известность не более чем известная неизвестность, обязанная своей известностью фундаментальной неизвестности. — ведь в противном случае никакого тебе тварного мира, никакой жизни, никаких живых тварей, включая и человека со всем его могучим сознанием и всей его творческой потенцией, как и никакой, кажущейся зёмному любознателью даже достоверной, мировой известности.

Простейшей и весьма чёткой аналогией для понимания сотворения чего-то из материи и из... ничего (иного!) служит феномен вырастания могучего дерева из помещённого в почву семени (равным образом — вырастание организма из эмбриона). Ладно бы энергия внутри семени и вокруг него в почве, но ведь есть ещё и созидательная информация — прямо ниоткуда (гены лишь указывают на место хранения той или иной информации, а сама-то она откуда?; как, к примеру, та же мысль относительно мозга — в мозгу, может, и энергия, и какой-то энергомеханизм, а сама по себе мысленная информация, то бишь сама мысль, откуда, вполне ведь и нематериальная?).

В мире, бытии, природе, жизни, человеку, сознании явно заложено что-то *иное*, совсем для сего мира иное, невидимое и неизвестное, трансцендентное, потустороннее, извнешнее. Да, это как раз информация — нематериальная, идеальная, духовная; замысловая, программная, проектная; конструктивно-созидательная и деконструктивно-разрушительная; эволюциогенная и развитийная, как и наоборот — застойная, инволюционная, деградационная, ликвидационная; прогрессная и регрессная, и т. д. И без всего этого *иного*, которого вроде бы и нет вокруг как такового, но которое всё-таки есть хотя бы в своих фиксируемых (знаемых, известных) проявлениях, из всего этого *иного* ничего вокруг из бытийного попросту вообще бы не было.

Мир наш сложен: видимый, чувствуемый, обнаруживаемый, предполагаемый, воображаемый, ну и никакой тоже. Это касается всего в мире, включая и человека с его сознанием. И что самое поразительное: если для науки-физики важен видимый и обнаруживаемый, а частично и

предполагаемый, мир, то для философии-метафизики первостепенное значение имеет как раз мир... *никакой*, а потом уже в некоторой мере воображаемый и предполагаемый.

Весь цимес для метафизики именно в мире *никаком*, который и есть *прамир* для этого — нашего — мира, его несуществующий прообраз, мало того, это и походная мастерская для нашего мира, тоже как будто бы не существующая, его зерносклад, сингуляр, геном, в общем — действующий созидательно-разрушительный источник, как бы и не существующий. Именно там все завязи, все эмбрионы, все проростки, а между этим никаким миром и нашим, вроде бы уже каким-то, миром некая родильная щель, сквозь которую и выливается из мира иного необходимая энергия-информация в мир этот, аттракторно воздействующая на этот мир, включая и человеческое сознание, вовсе для вливающейся в наш мир внешней и высшей энергии-информации не нейтральное и не безразличное.

Из взаимодействия — не очень-то, кстати, и любвеобильного — с одной стороны, трансцендентного иномирного прасознания и, с другой стороны, имманентного сему миру человеческого сознания и результируется всё текущее бытие, включая и трепетное небытие тоже.

27

А как же в ином-то мире что-то вдруг смысловое рождается — как намерение, идея, замысел, прообраз, проект, как что-то предшествующее реальному воплощению уже в нашем мире? Тут, пожалуй, уместно ответить вопросом на вопрос: а как рождается в сознании та же мысль? Сказать, что из ничего, наверное, можно, но явно недостаточно, хотя

это и верно. Мысль и в самом деле рождается из ничего, но при условии, что за этим ничто стоит всё-таки иной мир, который, собственно, и есть продуцент мысли, ибо иной мир — не что иное, как работающий трансцендентно потенциал, он же и предшественник сего — нашего — мира. Этаким *про-* или *пред-*мир, который сам по себе не мир во-все, но который может стать, стремится стать и становится таковым, то бишь реальным, миром.

Если в физическом плане человек не очень-то кажется тесно связанным с иным миром, хотя рождение из ничего и посмертный уход в небытие убедительно подтверждают наличие сей связи, то в аспекте сознания у человека не только хорошо прослеживается продуктивная связь с иным миром, но и весьма замечается непосредственное присутствие этого иного мира в человеке, как и, наоборот, присутствие человека через посредство своего сознания в этом ином мире.

Иной мир вполне деловито участвует в работе сознания, а сознание не менее деловито участвует в работе иного мира.

Иной мир — мастерская сего — нашего — мира, где немалую роль играет и производительная *преисподняя*, выделяющая из бездного хаоса саму возможность реального бытия, его содержательную первооснову. Там царит неизбывная страда, но и в этом мире тоже ведь бесконечная страда; весь наш мир вообще из страды, не избегающей и всеохватного страдания.

Однако есть в ином мире и иная работающая часть — идейно-событийная, обеспечивающая сам ход жизнеотправления человека, его бытия. Она тоже со страдой и тоже аук-

ается в реальном мире страданием, но уже иного рода — домостроительным. Преисподняя даёт материал, обеспечивает потенцию бытия, а возвышающая над преисподней рабочая сфера отвечает за созидание самого бытийного строя.

В намерении же иного мира не что иное, как сфера всем и вся управления — согласно глобально-дальномысленному замыслу, в общем — не инфернальная, не земная, а как раз вполне себе небесная сфера.

Тут обнаруживается аналогия с нашим зёмным миром, причём не произвольно выдуманная, а вполне себе достоверно установленная — по подобию миров: бытийного мира — миру небытийному, как и по самой возможности их совместного мироотправления.

28

Мир наш не очень-то физичен, хотя и принимается человеком более всего за физис, а уж учеными — за физис и только физис; мир наш в основе и прежде всего метафизичен, а физичен он более всего лишь в той степени, в которой метафизика допускает его физикалистское толкование.

Важнее, однако, другое: мир наш, как бы его ни трактовать, вообще не состоялся бы и не мог бы продолжаться лишь сам по себе как таковой, как сей и только сей мир, не будь мира иного, как и не будь непрерывного творческого общения этого иного мира с этим нашим миром.

Иной мир — не вольная фигура речи, не художественная метафора, не познавательная ошибка и не удобный для гносеологии миф, это — *реальность*, правда, ирреальная, как бы и не существующая, реальность, но что из того, если и в нашем мире реальность явно и неявно переплетена с ир-

реальностью, неизвестностью, небытием. Не надо быть метафизиком, чтобы заметить сие «прискорбное обстоятельство», а вот чтобы уяснить непреходящую и даже решающую роль иного мира (этой фундаментальной ирреальности) в реализации нашего мира надо уже стать, хотя бы «на чуть-чуть», метафизиком, а уж чтобы понимать и адекватно трактовать мир и всё в нём и с ним происходящее, надо быть уже полномерным — вкруговую! — метафизиком, разумеется, не культовым и не оккультным, а всего лишь глубоко, высоко и тонко размышляющим «нечтом».

Для метафизика мир не такой, каким он кажется простому обыденному или даже сложному научному сознанию; онто́с для метафизика не просто онто́с, а *метаонто́с*, ну а гно́зис не просто гно́зис, а *метагно́зис*; за «мета» тут стоит не просто метафизис и вообще всё вокруг обычно не замечаемое иное, а сам мир иной, который хоть и вроде бы где-то там, вдали, но и непосредственно тут, вблизи, в нашем мире, в нас и среди нас, да вовсе не нейтральный, а действующий и действенный — как раз через посредство этого, или нашего, мира; мир для метафизика и не мир вовсе, а некое миросочетание, превышающее любую обыденную сложность, ибо сочленён этот мир с неким, скажем так, *немиром*, который и посильнее нашего мира будет, и позначимее, а потому мир для метафизика не что иное, как *метамир* — этаким межмировым «андрогин».

29

Возьмём самое сложное, неопределённое и таинственное в этом мире — человека с его сознанием. Сознание — как раз самое человеческое в человеке; между человеком и

сознанием можно ставить знак равенства; если человек, то — сознание, ежели сознание, то — человек.

Однако при этом и бессознание присуще человеку, и не как отсутствие сознания, а как сопровождающая его противоположность, что даёт возможность задуматься над вопросом предшествования одного относительно другого: сознания и бессознания. Да, без сознания — как явного феномена бытия — нет и бессознания — как неявного феномена небытия, но это вовсе не означает генетического приоритета сознания над бессознанием, скорее, тут наоборот: бессознание генетически предшествует сознанию, отчего сознание есть не что иное, как подавленное (отброшенное) бессознание, а происходящее в реальности замещение сознания бессознанием есть лишь возврат к бессознанию, то бишь к иномировскому хаосу, из которого и вырастает сознание.

Выход сознания из бессознания — явно божественный аттракторный акт, а вот обратное движение сознания в сторону бессознания божественной акцией не назовёшь — тут уж более всего срабатывает чисто человеческий энтропийный акциос.

Сознание для человека — великое достояние, выделяющее человека из животного мира, из природы, делающее человека наместником Бога на Земле, позволяющее человеку быть творцом чего-то иного, пара-, вне- и сверх-природного, но сознание при этом и тяжкая ноша, сравнимая с безжалостной карой, ибо сознавать свои бренность и смертность, как и всю деятельскую (жизнеотправительскую) тщетность, при наличии в тебе неприродного божественного начала — даже не тяжкое испытание, а самая настоящая пытка, к тому же острая и непреклонная.

И так ли уж бывает трудно человеку расставаться вдруг с высшим для себя даром — сознанием — и отдавать себя на произвол низкого бессознания?

И что в таком разе есть человек? Какой физик из тех же нобелевцев нам это разъяснит? Выходит, что человек в то же время и... нечеловек, этакий вроде бы человек, да вот с нечеловеком в плюсе, а может, даже... нечеловек плюс человек, что как раз и всего вероятнее — не так ли?

30

О-о, человек... это взаимосебяотрицающее существо, тут уж «да» и «нет» в одном флаконе, «белое» и «чёрное», видимое и невидимое, возможное и невозможное, нашёнокское и иное, и т. д., и т. д., причём не безобидно диалектическое, а прямо-таки на разрыв единой целостности взаимопротивостойное — насколько разумное, настолько и безумное, причём вовсе не так даже сумасшедшее, или, скажем, умалишённое, как вполне, знаете ли, умное и рассудочное, но почему-то раз за разом шагающее по вектору антиэкзистенциального, а, может, как раз и вполне экзистенциального, безумия — то ли разумного безумия, то ли безумного разума: сколько вроде бы разумных, хорошо продуманных и всесторонне обоснованных, непременно и благих, решений, действий и поступков оказываются фактически вполне себе безумными по исполнению и результатам, и что интересно — в избытке!

Homo sapiens — хорошо вроде бы сказано, чуть ли не верно, да вот кое в чём явно недосказано, а потому не так уж и верно, ибо насколько существо это *sapiens*, настолько и *insapiens*, да не из-за отсутствия или временного отклюече-

ния разума, а как раз вследствие его неперменного наличия и его упорной работы. Причина безумия тут не в отстранении или приглушении разума, а в его стойкой самости и деятельной активности, что хоть и затруднительно понять и признать, но обойти никак нельзя, ибо можно не заметить умного умения, вполне и позитивного, а вот как не обратить озабоченного внимания на безукоризненно умное... *безумие*, — тут уж никак!

Качественная амплитуда здесь безгранична: от человека к прачеловеку и обратно — это по вертикали, как и от человека к античеловеку, или же к нелюди — это уже по горизонтали.

Тогда получается, что человек — это не так единый, целостный и хорошо сбалансированный организм, хотя это в основе и так, как скопище взаимопротивоборствующих начал, в пространстве коего он — человек — и гуляет, произвольно отдавая себя тому или иному образу, немало при этом выворачиваясь и перевыворачиваясь.

Есть распределение образов по особям, весьма и устойчивое, но есть и смена образов, причём не между особями, а прямо у одной и той же особи: сегодня он — человек — добродетелен и даже мил, а завтра — злобен и свиреп, а то имеет место сразу то и другое, подчас и трудно между собой различимое — что там добро, а что зло, ежели всё тут относительно, всё вперемешку, прямо как в непроглядной дыре?

31

«Чужая душа — потёмки!» — гласит народная пословица. А что, разве не так? Однако это не всё: своя душа то-

же ведь потёмки. Каково! Что же это такое — сознание, ежели в нём такие вот темноты, вполне, пожалуй, и преисподненского разряда.

Сознание всегда в обнимку с бессознанием, из чего на поверку исходит, знаете ли, всякое!

Чужая душа — чужое сознание — чужой человек, хотя вроде бы свой — семейный, родовой, именной, однофамильный, однопородный, ан-нет — чужой! Нет, вовсе не обязательно, что вражеский, хотя и не без этого, а... сильно *другой*, — и не могут, почему-то два, три, четыре и т. д. человека установить между собой согласие, обрести взаимопонимание, быть вместе, стать пусть и не единым, но всё-таки жизнеутверждающим целым.

Каждое сознание, а вместе с ним и каждый человек — и в самом деле *особь*, не единица лишь, а именно *особь* — со своим особенным сознанием, хотя, бывает, и немало схожим с другими — теми же родовыми, но всё-таки со своим особым, единственным, единичным.

Нет никакой надобности перечислять всякие различия в сознаниях, характерах, поведениях, в умах, разуме, интеллекте, в духе, воле, темпераменте и т. д., всё это и так хорошо известно, главное тут — *бесконечное сознаниевое разнообразие*.

И что же из всего этого?

А как раз то самое: хаос, стихия, бездна, пожалуй что, и сама преисподняя, причём, как там — в глубинах небытия, так и здесь — в лабиринтах видимого-де бытия.

Как же возникает наяву сознание, да и сам полноценный человек? Посредством участия в ещё только потенциальном младенческом предсознании, весьма ещё поглощён-

ном бессознанием, уже вполне осознанного и реально действующего родительского (прежде всего материнского) сознания, но что примечательно: сознание-то новое выходит по качеству своему вовсе и не родительским, а как раз *своим*, что говорит за то, что сознание возникает и от какого-то иного источника, не только родительского — из какого-то общего для человечества генетического котла.

Рождение человека — акт не только личный, не только родительский, не только семейный, родовой, племенной, народный, а... мiровой, да не просто мiровой, а и ино-мiровой тоже.

Занятно, не так ли?

32

Каким уродится человеке, таким он до смерти и остаётся, и никакое воспитание его сильно не изменит, хотя и может кого-то немало обогатить и весьма отшлифовать, а кого-то, наоборот, обкорнать и изуродовать, однако само исходное натурное генетическое ядро никак особенно оно не затронет. Да, иной раз человеке сам вдруг сильно меняется — то ли по какому-то зову, то ли по каким-то обстоятельствам, но всё равно это происходит согласно своей родовой сознаниевой матрице (карме).

Врождённость — очень сильная вещь!

Вот говорят: «Он сделал себя сам». Правильно говорят, хоть и забывают при этом, что сделать это ему позволил... его геном. Да, да — *геном*! Который вовсе не только скопище физических генов, а и совокупность генов метафизических — идейных, так сказать. Каждое являющееся на

свет сознание — сумма прежде всего идей, точнее, праидей, поначалу, конечно, спящих, затем просыпающихся и какое-то жизненное время бодрствующих, если повезёт — и работающих, в конце концов угасающих, а по смерти их владельца-носителя, исчезающих, для него во всяком случае.

Из небытия через бытие в небытие — путь любого прасознаниевого, сознаниевого и постсознаниевого генома.

Геном — сила!

От этой силы ведь не просто единичный человек со своим сознанием, от неё и всё геномогенное человечество со всем своим непрерывным и неодолимым разнообразием, сходящимся в групповых массивах в виде типов, рас, классов, народов, наций.

Геном, она же и прасознаниевая матрица, она же и неустранимая на сознании печать, штамп, пятно (то самое — родимое).

Геном — семя, из которого вырастает сознание, мало того — и личное жизнеотправление тоже, бытийный путь, сама человеческая судьба.

Предназначение? Почему нет, однако с учётом перво-зданного иномирного хаоса, преходящих в этот мир стихий, неожиданных по жизни случайностей, личных волевых устремлений и действий, вообще всего экзистенциального варева. Предназначение какое-то всегда есть, но не настолько жёсткое, чтобы не позволить счастливым избранникам зрячей или слепой витальной силы если и не ускользнуть насовсем от заложенной предназначенности, то уж как-то развернуть её саму в какую-то иную — уже как-то субъективно начертанную и даже выверенную — сторону.

Вообще же возможности у субъекта тут невелики, тем более, что само следование предназначению тоже ведь нуждается в немалом субъективном волеизъявлении — нередко упорном и весьма тяжком.

Не из-за предназначения как такового случаются многие беды, а, во-первых, из-за житейского преодоления предписанного судьбой негатива, во-вторых, из-за невнимания к самому факту предназначения, его легкомысленного игнорирования — либо, коли повезёт, с «проскоком» мимо него, либо же, наоборот, коли уж не «свезло», с безвольным и безоговорочным ему подчинением.

33

Сознание не сводится к собственно экзистенциальному, или явному, или легальному, или открытому, сознанию, а либо сочетается со своими парасознаниевыми дополнениями, либо просто в себя включает такие параэкзистенциальные, или неявные, или нелегальные, или сокрытые, вещи, они же и части, как *подсознание*, близкое по сути своей к преисподней, и *сверхсознание*, аналогом которого служат божественные небеса.

Специфика этих дополнений, или частей, состоит в их полной или частичной неосознаваемости экзистенциальным сознанием, хотя там многое для человека важное и значимое не просто содержится, но и решается, иной раз и самое судьбоносное.

Сознание — это, безусловно, знание, но и незнание тоже, а что тут бывает значимее для реализации человека,

его жизнеотправления, «кажет» сама жизненная реальность, включая и ирреальность, не сильно оспаривая при этом первенство незнания, разумеется, эффективно сочетающегося со знанием.

Подсознание — сокрытая, но вовсю работающая кладовая сознания, его незаметный и незаменимый охранительно-поддерживающий и акционно-выручательный ресурс, его чрезвычайный резерв, как и сокрытая, но активно действующая и весьма действенная лаборатория, оперирующая как с элементами иномирного предсознания, так и с элементами уходящего в зону памяти постсознания, что позволяет ей вырабатывать во взаимодействии с экзистенциальным сознанием не ожидаемые разумом установки и решения, обычно трактуемые как интуитивные.

Сверхсознание — зона связи (синергии) сознания с высшим иномирьем с его творческим созидательно-разрушительным потенциалом, способная, как и зона подсознания, обеспечивать сознание привходящими как бы ни откуда данными, установками и решениями, подталкивать сознание к творчеству, новизне, деятельскому риску.

Сверхсознание и подсознание не изолированы друг от друга, они как крайности непременно сходятся и между собой взаимодействуют, взаимодействуя при этом со всем экзистенциальным сознанием. Трудно бывает различить что, как и откуда приходит в сознание, из какой его зоны или из какого его параэкзистенциального спутника, да не так уж это бывает и важно, главное, что всё это сознаниевое богатство, как и, наоборот, скудость, вовсю работают, как раз и делая сознание сознанием.

Уместно обратить гносео-метафизическое внимание на наличие и действие в поле и потоке человеческой экзистенции таких феноменов, как *предсознание* и *постсознание*, без которых никакое полноценное сознание попросту невозможно.

Что-то влияет не действующее экзистенциальное сознание изначально, доопытно, от ничто, от неизвестности, от *иного*, а что-то влияет на сознание от уже бывшего, состоявшегося и вроде бы навсегда ушедшего — оконченного, послеопытного, свершившегося — от нечто, от известности, от всего этого, став не просто достоянием онтологической памяти, но и некой постреальной трансценденции, тоже не слишком человеком осознаваемой, но не менее, если не более, экзистенциально действенной.

Отсюда как экзистенциальное предопределение — от предсознания, так экзистенциальное постопределение — от постсознания.

Сознание, конечно, имманентно и весьма на виду свободно, но лишь настолько, чтобы быть в своей трансцендентной глубине весьма и несвободным.

34

Разные сознания — разные люди — разные судьбы. Хаос, стихии, случайности. Бездна. Беспредельное людское разнообразие. Великая экзистенциальная игра. Разброс: от выдающихся исторических личностей до масс невзрачных обывателей, а может, и наоборот — от зрячих народных масс до ничтожных, но зато весьма по-пустому славных, бытийно-исторических персонажей.

Ладно, массы — на то и массы, чтобы никто там особенно не выделялся, хотя каждый человек по-своему уникален, пусть и микроскопически, как и бывает — либо полон и значим, либо никчёмен и пуст, но вот великие уникальные люди, в особенности, великие вожди, созидатели, преобразователи, основатели, проектанты, политики, реформаторы, революционеры, полководцы, завоеватели, спасители, мыслители, литераторы, художники, учёные, изобретатели, профессионалы, предприниматели, бизнесмены, ну и великие разрушители тоже, привносители бедствий и катастроф, притеснители и ликвидаторы масс, мошенники, махинаторы, ворюги и разбойники, как раз все те, кто вершит так или иначе бытие-историю, определяет пути, ход и судьбу человечества, — они-то кто и откуда, да и зачем?

Обращает на себя внимание какая-то загадочная *вне*-человечность такого рода особей, их непохожесть на окружающих людей, их явная инаковость, даже какая-то потусторонность, если прямо не иномирность. Что-то вроде откуда-то зачем-то (*Sic!*) *посланцев*, причём являющихся почему-то почти всегда в нужное время и в нужном месте, да и по нужному как будто бы поводу.

Какое-то тут странное сближение между личностью и бытием-историей, как и наоборот — между бытием-историей и личностью. Текущая феноменальность бытия-истории с естественным функциональным отбором людского материала тут виною или же некое иномирное в основе и исходе предопределение? Само собой ли всё тут происходит, с большой ролью стихии и случайности, или же в реальности мы наблюдаем лишь исполнение какого-то ирреально-иномирного намерения?

Наверное, всё тут вместе, в смешении, во взаимодействии, но чему или даже кому всё-таки принадлежит приоритет: эндогенике или экзогенике, имманентному или трансцендентному, феноменальному или ноуменальному?

Научник, конечно же, отдаёт первенство всему первому, а вот метафизик — второму. И каждый будет по-своему прав, хотя у научника непременно неостанется фактов, а у метафизика — убедительности.

И всё-таки очень уж любопытны эти странные сходения между неординарными феноменальными ситуациями и редкостными ситуационными субъектами, настолько любопытны, что трудно отделаться от мысли, что ситуации эти и соответствующие им субъекты из какого-то одного, общего для них, если не прямо варева, то уж из вываривающего что-то общее котла, во всяком случае — из одной они кухни, а ежели так, то из кухни, пожалуй, более всё-таки иномирной, чем нашенской — сеюмирной.

35

Герои бытия-истории! Положительные и отрицательные, как и позитивно-негативные или, наоборот, негативно-позитивные. На внешний погляд, они по преимуществу сами выбирают свою судьбу, либо в неё вольно или не совсем вольно втягиваются. И менее всего замечается, что это сама судьба выбирает и назначает своих и самого бытия-истории героев. Все или почти все такие герои — более рабы и жертвы, чем творцы и бенефициары своей судьбы, хотя они и не избегают вполне творчески созидательного и чуть ли не самостоятельного в ней участия.

Некий трансцендентный энерго-информационный замес-вихрь выносит на бытийно-историческую арену, с одной стороны, какую-то особую ситуацию, а с другой — особого ситуационного героя, потаённо готовя событие и со знанием дела отбирая его героя. Первее здесь всегда ситуация, которая и выводит наверх героя, хотя герой затем уже и сам немало ведёт ситуационный процесс, — либо его удерживает при себе, даже иной раз и укрощает, либо процесс отбрасывает вдруг героя прочь, а то и его попросту приканчивает.

Герой может что-то не улавливать, недопонимать, не осознавать вполне, делать ошибки, но может адекватно меняться, корректировать свои решения и действия, исправлять ошибки, изменять процесс, но частенько выходит так, что герой совершает какую-то роковую ошибку, которая как раз и бывает хуже преступления, даже и малую вроде бы ошибку, однако ставящую под угрозу весь процесс и обеспечивающую нередко его общую конечную неудачу, как и приводящую к отрицанию и даже к гибели самого героя.

И дело тут бывает не столько в сложности процесса, его новизне и рискованности, сколько в утрате мистической связи героя с процессом, в замене счастливого везения досадным невезением. Герой обязан всегда соответствовать процессу, причём более духовно-поведенчески, чем даже разумно-решенчески, ибо второе лишь ведёт героя в нужном направлении, а первое, обеспечивая процесс, поддерживает и самого героя, его оберегает.

Главное тут — связь героя с концептом процесса, который герою бывает не так уж и ясен, а потому велико тут значение связи героя со смысловой тайной процесса, что

реализуется не через знание всех смысловых пружин процесса, а как раз через их незнание. Знать и делать — хорошо, а вот не знать, но делать — совсем другое хорошо, предательски сопряжённое с иллюзиями, коллизиями и конечным поражением.

Вот откуда погружение наиболее рискованных по делам своим героев в тайные и полутайные учения и в глубокие пласты метафизической мысли, как и тяга героев к общению с эзотериками, философами, богословами, как и обращение героев к услугам экстрасенсов, магов, астрологов, в общем — предсказателей, прорицателей, провидцев.

Звучит странно, но факт, как и несомненным фактом является знакомство героев с мировоззренческой наукой и гуманитарной в широком плане культурой, как и их общение с крупнейшими учёными и профессионалами, которые, хоть формально и экзотерики, а по сути-то тоже ведь эзотерики, ибо овладевают и владеют кое-какими закрытыми для внешних глаз эндогенными смыслами.

36

Не одни герои в явленности, деяниях и результатах трансцендентны, таковыми оказываются и людские массы, которые хоть и не выходят обыкновенно за пределы обыденности, но тоже не чужды иной раз некоторой исключительности в своих качествах и в своём поведении: сегодня они такие, какие есть, а завтра вдруг и совсем другие, не говоря уже о больших временных расстояниях, подверженных вполне заметным и устойчивым переменам, когда какой-нибудь один вроде бы по качеству, состоянию и поведению

народ (народец) предстаёт нежданно-негаданно уже каким-то другим народом (народцем).

В людях и их массах вообще-то много чего сокровенного и очень разного, обычно дремлющего, но внезапно просыпающегося, да и меняющего поведенчески, ситуационно и качественно в отдельных людях и в целых людских массах. Тот же народный бунт — классическое тому подтверждение, но не только — массовые переселения народов, к примеру, говорят о том же.

Однако самое интересное тут в другом — люди вдруг массово обретают иной облик, иной образ жизни, становятся иными, вовсе уже не такими, как их не то что дальние предки, но даже и ближайшие родители.

Молодёжь вообще всегда в чём-то отлична от старших поколений, а иной раз — и разительно! Молодёжные протесты и восстания против, по их мнению, чего-то явно устаревшего — обычное дело. Но что особенно поразительно — молодое поколение вдруг оказывается не только поведенчески, не только культурно, не только словесно и сужденчески, но и в физическом облике весьма другим, как и душой тоже, даже выражением глаз, не говоря о физиономической рисуночности. Другие, знаете ли, в одном и том же народе вдруг являются лики и люди, совсем другие, — тогда где же их родители, которым они вроде бы генетически наследуют, где устойчивые традиции, где испытанная культура, где отработанные сценарии бытия?

Выходит, что всё не так уж просто и с массами, не только с героями; и массы подвержены влиянию скрытых энерго-информационных потоков, их завихрений, в них перемен. Учёные всё валят на природу, на условия бытия, на

солнце, на питание, упорно отказывая возможности возникновения, наличия и действия каких-то скрытых трансцендентных программ, предполагающих значительные перемены в облике, характере, культуре и поведении народов, людских масс, поколений. Да, внешние физические и функциональные обстоятельства играют свою роль, но перемены в населении, о которых идёт речь, далеко не всегда и не во всём находят физико-научное объяснение, а кое-что важное непременно остаётся необъяснимым, как правило, самое и решающее.

Неужели трансцендентное иномирье, как и иномирная трансценденция, остаются тут безучастными, — нет, наверно, нет, совсем наоборот, ибо всё новое вообще исходит из ничего, того самого Ничто, к которому иномирье как раз и имеет самое прямое отношение.

37

Народонаселенческий генезис, как и само меняющееся народонаселенческое бытие, во многом обязанное сему генезису и на него же немало влияющее — очень интересная вещь!

Вот те же расы или народонаселенческие типы — что это? Белая раса, чёрная, жёлтая, красная, или же европеоидная, негроидная, монголоидная, индеоноидная, как и англосаксы, германцы, ромеи, славяне, семиты, тюрки, арабы, татары, а дальше... дальше народы, народы, народы, а следом нации, нации, нации...

Ясно, что не от одного ветхозаветного Адама возникло человечество, как и не из одного оно выварилось котла, не по одному вовсе рецепту. Какой-то разнотварный народона-

селенческий выброс? Генетическая россыпь. Не природное это вовсе, не территориальное и не ландшафтное разнообразие, а именно генетическое, а что тут за гены, где и как это случилось и до сих пор происходит, что, как, зачем, — кто ж знает?

Мысль человеческая всё более склоняется к инопланетному происхождению жизни на Земле и самого человечества, а что ещё остаётся просвещённому наукой и воодушевлённому техникой думающему человеку — не соглашаться же ему с мифологией, философией, религией, уж лучше признать кое-какие подходящие для этого предания «диких» народов, повествующие о пришельцах с неба, о небесных аппаратах, о сошедших с неба богах, в общем — об инопланетянах.

Не отвергая насовсем инопланетных мотивов, метафизика исходит попросту из присутствия в этом мире, среди людей и в них самих, *мира иного*, откуда всё на Земле и исходит — явное и неявное, известное и неизвестное, понятное и загадочное, имманентное и трансцендентное.

Человек ведь из прачеловеков вышел. И мужчина с женщиной точно так же, и разные расы, и народы. Ладно бы языки всякие, а язык, собственно, и есть народ, а то ведь всё у народов разное — физическое и метафизическое, устроительное и хозяйственное, идейное и культурное, хотя и немало бывает у народов общего, сходного и чуть ли не одинакового.

Да-а, то ли какой-то таинственный мир-лаборатория всюю трудится, то ли какая-то загадочная лаборатория-мир, во что можно и не верить, но что и доказывать не надо, ибо ничего-то такого просвещённый человек не знает, знать

особенно не хочет, да и не должен, ибо незнание сие даёт ему уверенность в себе — знающем, как и в своём космическом предназначении, разумеется, вполне ему и неведомом.

38

Любая, сколько-нибудь большая и стабильная народонаселенческая общность (воспроизводимая во времени целостность) не обходится, во-первых, без функционально-структурного разделения по вертикали (иерархии) и по горизонтали (сумма локаций), а во-вторых, без какого-либо властно-управленческого ядра (структуры), представляемого особым, как бы верхним, даже и высшим, слоем из членов народонаселенческого сообщества, называемого, как сейчас принято, *элитой* (теми, кто принимает разные ответственные для всего сообщества или его частей решения, задаёт тон в общественном бытии, заметно влияет на цели, ход и итоги общего жизнеотправления).

В первоисторических — родовых, племенных и территориальных (сельских) сообществах в элиту входили и до сих пор входят вожди, старейшины, старшины, как и знахари, колдуны, шаманы, те же друиды, волхвы, а в цивилизованных же (городских, страновых, государственных, национальных) сообществах элиту образуют целые слои из властей, управления, собственности, денег, военной силы, производств, духовных и культовых институтов, идеологий, искусств, знаний, словес, информации, общественной памяти и т. д. преобладающих и всем этим управляющих, всё это во многом и главным определяющих, немало это созидующих, оберегающих, вызывающих и перемены.

Элита формируется исторически из так называемых «лучших людей» — амбициозных, сильных, умных, инициативных, изобретательных, творческих, не слишком обременённых моралью и добродетельностью, весьма жёстких и даже жестоких, авантюрных, изворотливых, но при этом одарённых, талантливых, иной раз и гениальных, то бишь так или иначе более подходящих для выхода на социальный верх, для доминирования в обществе и для решения задач, стоящих или же возникающих вдруг перед обществом и властью.

Генезис элит полон страды, борьбы, кровопусканий и кровосмешений, он тесно связан с войнами, завоеваниями, взаимной резнёй, победами одних и поражениями других, со смутами, революциями, переворотами, реформами, бедами, бедствиями, катастрофами, но обусловлен и особого рода работой по отбору, подготовке и продвижению элитариев, их внедрению в элитарные круги, структуры, ячейки.

Наблюдается врождённая предрасположенность элитариев стать и быть таковыми, в особенности при их выдвижении из своего же народонаселения; даже у завоевателей и колонизаторов проявляется сия предрасположенность; выходит, что элитарием, в особенности творческого разряда, надо более всего родиться, чем стать, хотя и стать тоже надо; первые, кто создаёт ту или иную конкретную элиту, бывают особенно одарены в элитарном отношении, чего уже не скажешь об их потомках, во всяком случае в третьем и далее поколениях; вырождение наследственных и долго не меняющихся элит, их неизбежная личностно-деятельская энтропия — несомненный факт, имеющий колоссальное значение в судьбе не только самих элит, но и ведомых ими

народов, наций, государств, цивилизаций; процветание последних зависит от элит, но и угасание тоже, заканчивающееся частенько разложением и даже исчезновением всю некогда или только что процветавших народонаселенческих образований.

39

Трудно переоценить роль и значение элит в судьбах народонаселенческих образований, как и в судьбе человека вообще — как феномена бытия, как населенческого земно-космического целого.

Если человек как земно-космическое явление и ведёт своё бытие-историю, то ведёт через посредство более всего элит, их инициатив и усилий, вовсе не непременно конструктивных и продуктивных, но в общем всё-таки «иных» — элитных.

Именно элиты чего-то этакое хотят, что-то этакое видят, знают, умеют, для чего-то необычно действуют, в куда-то неведомое ведут!

Характером и качеством своим элиты немало сходятся с ведомыми ими народонаселенческими массивами, с доминирующими в том или ином людском образовании установившимися, культурными, нравственными, психологическими и поведенческими типами, в особенности в периоды относительно покойного течения бытия-истории, чуть ли не застоя, но в моменты коллизий, потрясений и перемен на передний план выходят, пусть и не всегда, отличные от укоренившейся обыденности элитные слои (поначалу как просто субэлиты), оказывающиеся способными в случае удачи не только овладеть и справиться с текущей неста-

бильностью, но и перевести обыденность в иной, более жизнеспособный, режим бытийно-исторической экзистенции.

Преобразование текущего бытия, новое устройство общежития, новые параметры, способы и рычаги жизнеотправления, новое качество жизни — деяние во многом и главным как раз элитное.

Нетрудно догадаться, что есть он — принцип, чуть ли не закон, соответствия элит, во-первых, общественным жизнеотправительным институциям и характерным для них культурам; во-вторых, ведомым элитами народонаселенческим массам; в-третьих, текущему ходу бытия-истории; в-четвёртых, возникающим перед элитами актуальным бытийно-историческим задачам. Несоответствие, да ещё и с выходом за некоторую допустимую и не очень меру, чревато не просто острыми проблемами, но и поражением элит, во всяком случае — необходимостью ожесточённой борьбы элит за своё бытие и за достойное место под меркнувшим над ними солнцем.

Смуты, перевороты, революции, гражданские конфликты, войны, политические репрессии, массовый террор — от элит: либо от старых элит-неудачниц, либо от новых самонадеянных элит-претендентов (субэлит), рвущихся к власти и к доминированию в общественных институциях.

Верховные правители, сами элитарии, бывают виновны в поражениях элит и в кромешных неурядицах, но зато массы — *никогда!*

Паства, в целом, заметим особо, почти всегда лучше своих пастырей, и ежели она вдруг восстаёт, то по преимуществу, как раз из-за пастырей, их ошибок, той же их безде-

тельности, их разложенности и преступности, как и попросту исторической ненужности.

40

Первостепенная функциональная роль в составе элит принадлежит, конечно, правителям и управленцам всех мастей, однако фундаментальная идейно-смысловая нагрузка падает на духовно-интеллектуальную элиту, от которой зависят в основе не только культуро-цивилизационный характер (код) народонаселенческих институций, но и нравственное состояние и образ поведения населения, включая и сами элиты.

Военные, экономические, производственные и научно-исследовательские элиты оказывают немалое целевое и операциональное влияние на решения властно-управленческих элит, по сути дела смыкаясь функционально с последними; влияют эти элиты и на духовно-интеллектуальные круги, но в гораздо меньшей степени: метафизическая составляющая бытия остаётся по преимуществу в ведении как раз метафизических, или гуманитарных, элит — образовательных, научных, культурно-художественных, литературных, медийных, религиозных, не исключая и эзотерических, медиумных, астрологических, экстрасенсорных, оккультных и т. п. кругов.

Любая элита в аспекте своего возникновения, характера и способов самореализации всегда в той или иной мере метафизична, как и вообще метафизичны человек, социум, сознание, интеллект, психика, этика, мораль и т. д., но есть именно метафизическая по сути элита, значение которой куда как выше, важнее и судьбоноснее, чем обычно кажется

не слишком глубоко образованному обывателю, в том числе и весьма по-университетски просвещённому.

Метафизическая элита, о которой речь, созидает людское, то же элитарное, сознание, включая когнитив, понятия, слова, образы, а вместе с этим и весь строй нефизического, или же гуманитарного, бытия человека, как и, наоборот, способна быть автором весьма странного и подчас страшного гуманитарного неустроения — вплоть до бодрой дегуманизации бытия.

Метафизической элите не чуждо всё человеческое, как, собственно, и любой другой элите, однако ей свойственно не просто исполнение одной из полезных для общества функций, а определение на смысловом уровне всего бытия человека, общества, институций, культуры, цивилизаций. И от элиты сей может исходить в мир не только нектар, бальзам и елей, но и самый настоящий яд, разлагающий, уродующий и убивающий человека по линии сознания (и бессознания тоже), ума, души, психики, а также личного, коллективного и массового поведения.

Одно дело — борьба с исходным и производным зверем в человеке, чем должна быть занята и реально занимается по преимуществу гуманитарная элита, совсем другое — вызволение сидящего потаённо в человеке зверя, чем, увы, тоже бывает нередко занята сия знаменательная элита, уже и античеловеческая.

Отсюда и повышенное внимание к элитарной метафизике — как к *этой* — добродетельной, так и к *той* — злотворной!

Зверь в человеческом образе — зверь, конечно, но почему же при этом он не заправский метафизик?!

Власть нигде и никогда не принадлежала и не принадлежит народу, чего не было даже в самых что ни на есть «демократических» Афинах, но зато она всегда является достоянием элит, даже при самодержцах, тиранах и диктаторах, которые мало того, что сами принадлежат элитам, не могут без элит стать самодержцами, тиранами и диктаторами, хотя и могут позволить себе командовать элитами, их в меру и не в меру притеснять, прореживать, менять. Каким бы и где бы ни был политический строй, элиты всегда и всюду у власти, хотя и с разной степенью владения ею и в ней непосредственного участия.

Наличие элит, как и их ведущая властно-управленческая роль — закон земно-человеческого бытия, реализующийся независимо от характера и устройства конкретных народонаселенческих институций.

Элиты, конечно, весьма между собой по пространству и во времени разнятся: тут и сейчас — одна элита, там и тогда — другая, хотя есть и кое-какая типология элит, учитывающая не только их немалую разность, но и заметную схожесть.

Сообразованный семейно, коллективно и социумно животный мир вообще склонен к иерархической организации, к выделению среди сонма своих членов как ведущих, так и ведомых особей, как властей предержавших, так и подвластных им «подданных».

Обременённый сознанием, а сознание есть феномен социальный, межчеловеческий, человек обречён не только на социальное общежитие, но и на социальную иерархию, в

рамках которой находят, обретают или получают своё место те или иные человеческие особи и людские совокупности.

Иерархически устроенные социальные организмы не просто обеспечивают выживание сколько-нибудь больших человеческих общностей и человек как таковых, но и оказываются единственно возможным орудием реализации сознания в его трудо-творческой функции, в особенности по вне- или над-природному вектору.

Или сознание сложено иерархически (уложено в иерархию) в сочетании с властной компонентой — или сознания просто нет. Вот и ещё один закон человеческого бытия, который никому не удавалось и вряд ли когда удастся проигнорировать и уж тем более отменить.

То же, к примеру, *единоначалие* — не чья-то досужая прихоть, а железная необходимость. Иное дело, какое по способу реализации единоначалие, которое может быть разным, почти и не единоначальным, однако всегда и везде оставаться именно единоначалием.

Почему же так?

А как иначе, ежели выходящее из метафизического хаоса и содержащее в себе такой же метафизический хаос сознание представляет на социальном уровне всё тот же метафизический хаос (хотя бы вследствие бесконечного числа безграничных сознаний с их беспредельным качественным разнообразием)? А раз повсюду хаос, то на уровне социума сознанию положена антихаосная организация, возделываемая самим же сознанием, которая не может не быть, если хорошенько подумать, как раз *властно-иерархической* (а ежели привлечь такие вещи, как бессознание, безумие и

порок, то... разве можно обойтись при обустройстве социального сознания без власти, иерархии и насилия?).

42

Сознание не просто мириадно разное от особи к особи, оно ещё и своевольное, и вариативное, и вычурное, и иллюзорное, мало того — оно... *аномальное*, в принципе аномальное, — никакой имманентной нормы для сознания нет, ибо сознание всегда *само*-сознание, а раз «само», то уж как у него из хаоса, в хаосе и через хаос что-то получается, так оно и есть.

«Само» означает и «за», и «против» — за и против самого сознания, а следственно — постоянную внутри сознания борьбу сознания с самим же собою. Сознание есть одновременно полагание и отрицание самого себя, ну и, конечно же, других сознаний. Расхождение сознаний всегда фундаментально предшествует их схождению, а не наоборот.

Вот почему потребна волевая организация сознания — как на уровне индивида, так и на уровне социума, осуществляемая по большей части принудительно через архетипы, воспитание, традицию, зов крови, генотипы, власть, управление, идеологию, религию, культуру, дисциплину, диктат, закон, наказание, репрессии, как и ту же, увы, смертную казнь, а теперь вот всё более через цифру, оцифровку, цифрократию.

А где же тогда свобода? Она, конечно, есть, но в рамках и под контролем... *несвободы*, которая в явном тут приоритете над свободой: хаос, может, и свободен, но хаос вкупе со своей свободой требует и постоянного себя подав-

ления, то бишь — волевой несвободы. Карнавал, возможно, и свобода, но временная, компенсаторная, комплементарная, а в целом — мнимая. Сон, наверное — тоже свобода, как и та же галлюцинация, но жизнь-то живёт с кое-чем другим — с непрерывным принуждением. Гарантией для осознанного бытия служит вовсе не свобода сознания, а как раз — несвобода. Слишком свободные особи, группы и классы, непременно сначала немало витийствуют, потом изрядно бесятся, а под конец так или иначе уничтожаются: либо сами по себе, разлагаясь и вырождаясь, либо с любезной помощью других элит — более молодых, амбициозных и сильных.

Бытие покоится на несвободе сознания и поведения, хотя оно допускает и кое-какую свободу, нередко и немалую, без чего нет поведения, выбора, решений, творчества, развития.

И сама элита, пока она именно элита, не очень-то свободна, и людям она несёт немало несвободы. О неограниченной свободе печётся всегда антиэлита, подсовывая человеку скрытую и куда более страшную несвободу — свободного-де разложения и добровольной-де самоликвидации.

Осознание несвободы сознания, её необходимости и неизбежности, куда как значимее неуёмной жажды свободы, хотя жажда свободы бывает вполне оправданной при слишком уж плотной и беспощадной несвободе, которой ведь тоже в бытии-истории предостаточно.

В реальности много свободы не бывает, зато хватает несвободы, в том числе и принимаемой человеком за свободу. Где она — *мера*: мера свободы и мера несвободы? Нет её — этой меры, да и быть не может. Какая ещё мера в ме-

тафизисе, где ни пространства, ни времени, ни, само собой, меры. Одни лишь иллюзии, кажимости, призраки, абрисы, силуэты. Там-то ведь всё как раз вполне виртуально, а какой-такой спрос с виртуалий? Вот откуда принудительное нормирование сознания, — тоже, правда, виртуальное; вот почему и насилие, и жёсткость, и жестокость.

Психо-поведенческая культура — мир норм, пределов и запретов, в лучшем варианте — личных самоограничений, в худшем — внешнего понуждения.

Законы, прокуратура, полиция, пытки, суды, приговоры, наказания, тюрьмы и та же гильотина — всё это ведь высокая культура, а не какая-то там низкая первобытная дикость — *культура!*

Ну и реальный метафизис с практической метафизикой!

43

Вот говорят о ком-то: культурный человек, воспитанный, правильный, позитивный, интеллигентный, а всё почему? — от ввевшейся в человека духовно-поведенческой культуры — либо сразу с молоком матери, либо от воспитания с образованием, либо по какой-то настойчивой необходимости. Но при этом и от некой генетической предрасположенности — по воле скрытого от глаз метафизического отбора, вершащегося в хаосе и через его посредство на геномном уровне. Генный мир ведь не механический, даже не просто органический или химический, а мир «умный», «думающий», творящий, пусть, возможно, и под воздействием среды, но непременно и по собственному «разумению», дарованному ему Великой Трансценденцией.

«Культурный человек» — сообразованный с самим собою и с окружающим миром человек, способный к естественному для себя и незаметному для окружающих самоконтролю и самоограничению, что не мешает ему ни в личной, ни в трудовой, ни в творческой, ни в социальной реализации, хотя и требует немало выдержки, терпения и терпимости, даже и хладнокровия.

Нелегко такому человеку в человеческом общежитии, среди не слишком разборчивых людей, не говоря о безудержных нелюдях, однако, несмотря на возможность невольных, вынужденных, спровоцированных срывов, он, если исключить какую-то нечеловеческую чрезвычайку, никогда себе не изменяет, ибо культурность, о которой речь, не просто ему свойственна, а прямо-таки в него впечатана.

Культурность — ощущение пределов и чувство меры, но при этом охотное приятие позитивной нравственности и родовая приверженность красоте. Да и сами эти «культурные люди» изобразительно-поведенчески красивы — как раз метафизически!

Однако, тут же рядом, как и положено, непременно имитации, подобию, кажимости, видимости, внешние скорлупные оболочки без внутреннего адекватата, разного рода псевдокультуры: вроде бы всё, как надо, а на поверку — фальшь. И от этого не уйти: человек со своим своевольным и хаотическим сознанием (и бессознанием тоже) многолик, переливчат, игрив — и ничего ему не стоит стать ловким имитатором, умелым лицедеем, убедительным лжецом, хотя при этом и совершенно перед собой и для себя искренним.

Культура предполагает и псевдокультуру, ею постоянное себя сопровождение. Человек — бездна, это никакая не машина, и ничто нечеловеческое ему не чуждо.

Люди и нелюди — не досужая выдумка непросвещённых-де народов, а сама житейская правда; и бесы в человеческом образе, да что в образе — и по сути тоже — никакое не заблуждение неразвитого ума, а сущая правда; и разнообразные, вполне и театральные, имитации «организмов» не только под людей — выдающихся, даже и исключительных — самая что ни на есть тоже правда.

Достаточно чуть повнимательнее приглядеться к окружающему людскому миру, кое-что заметить, учесть и проанализировать, не преклоняясь перед «доброжелательными» учебниками, воззваниями и инструкциями, чтобы убедиться в странном многообразии феномена, называемого «человеком» и «человечеством», настолько странном, что возникает вдруг потребность бросить в сторону кого-либо: «А была ли у тебя мать?», — и зная хорошо, что была, то не оказалась ли та женщина всего лишь суррогатной роженицей... какого-то иного существа, упрятого заботливо в человекообразный футляр?

44

Элита, как принято почему-то считать, — как бы из лучших человеческих особей и людских типов, но так ли это на самом деле? И так, хотя и не слишком, и не так — по преимуществу. Как бы к этому «по преимуществу» ни относиться, но избежать сего факта никак нельзя. Здесь — правда!

Зёмная экзистенция — вовсе не рай небесный, хоть и не вполне преисподний ад, а весьма всё-таки адовское, или параадовское, мероприятие с райскими (скорее, парарайскими) проплешинами.

Почему же так? А как же без адовщины занять бытийную динамику, стремления, знания, идеи, проекты, деяния, творения, развитие, прогресс, не говоря о борьбе, соперничестве, конкуренции, войнах, убийствах, истреблениях, эксплуатации себе подобных, власти, насилии, подавлении, в общем — обрести полнокровное жизнеотправление не очень-то зёмного по происхождению осознаниенного существа в достаточно противном и даже враждебном ему природном мире? Выходит, что ад тут исходен и он в приоритете, а вовсе не рай, а ежели в людском воображении является всё-таки желанный рай, то вообразительно остаётся лишь либо трудо-творческое к нему движение, пусть и локализованное и утопическое, либо движение войно-криминальное — через захват территорий, покорение и обирание коренного населения, присвоение чужого богатства, установление над сим населением господства, эксплуатацию человека человеком (рай для немногих за счёт ада для большинства), причём всё это вовсе не утопическое, весьма и реально исполнимое, но всегда исходно проклятое (вопрос только в сроках и цене неминуемого краха с каким-то новым началом).

Рай или то же Царство Божие на Земле никак, ничем и никем не предположены!

Здесь ведь проект под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», и сей проект должен быть непременно исполнен, чем и занимаются старательно генетические последыши того же

Каина — «архитекторы-строители», они же идеологи развития и прогресса, они же сотворители нового — вполне и искусственного — мира, объявшего уже целостно весь наличный мир, человеку исходно данный — природный, чем и исполняют не что иное, как особый проект, под кодовым названием «НЕПРИРОДА».

Какой же тут может быть рай, пока такие великие проекты исполняются, рай тут может только навредить, — иное дело потом, по завершении всех этих проектов, — и почему же, к примеру, не случится неприродному раю с уже и в основе неприродным, может, и обессознанным, человекообразным, а может, уже вполне себе и постчеловеческим, существом?

От проекта «ЧЕЛОВЕК» и в его русле к проекту «ПОСТЧЕЛОВЕК» — через проект «НЕПРИРОДА» и в его русле, — почему нет?

Нет, конечно, ад (или, скажем — *пара-ад*), о котором тут речь, вовсе не невыносимая страда, и не сплошное страдание, правда, для кого как — полно на этот счёт и «везунчиков», но всё-таки, несмотря на блага, благополучие и даже блаженство, бытие людское, если оставить в стороне ему непрерывное сопротивление, более страда и страдание, чем наслаждение и радость, — причём никаким другим оно не могло и пока — до окончательной победы техноса над хомосом и онтосом — не может и быть.

Полное всестороннее благополучие угробляет человека как человека, превращая его в пустышку, — и для своей полноценной экзистенции человек нуждается вовсе не в рае, а как раз в аде, однако не слишком всё-таки адовском.

Интересно, что ад гнездится и прямо в самом человеке, в его сознании, уме и душе — да не просто там пребывает, тревожа человека и ему вредя, а вовсю работает, вполне и творчески, не только принося экзистенциальную пользу человеку, а и делая человека... *человеком!*

Вот как!

45

Трудись безмерно, бейся за жизнь, рожай в муках, страдай, ещё и сопротивляйся нескончаемым бедам, невзгодам, напастям; переживай, если сможешь, неудачи, крахи, катастрофы; борись, воюй, убивай, но при этом ещё и... *люби* — природу, жизнь, ближнего, дальнего, барина, управителя, вождя, банкира, жулика, вора, бандита, мошенника, предателя, врага, нелюдя, беса... в общем — будь-де всегда и везде человеком, ещё и добрым, отзывчивым, честным, культурным!

Каково, а-а?

Жизнь человеческая — не просто нелёгкое, а вовсю и тяжкое, нередко и просто невыносимое испытание, это не что иное, как самый настоящий подвиг, в особенности, ежели и в самом деле стать человеком — моральным, честным, достойным, — при условии выживания себя и круга себе подобных, чего может, знаете ли, вовсе и не стать.

Что же тогда: неудачное создание Божье, скверный беглец из иного мира, изгнанный оттуда же каторжанин, наказанный за дерзость вольнодумец, подопытное осознание животное, невольный исполнитель чьего-то замысловатого и весьма каверзного проекта?

И то может тут быть, и другое, но несомненно всё-таки одно: не для благополучия явился человек и не для счастья, а для работы, борьбы и бегства от мира сего — вовне, внутрь, вверх, вниз, в сторону, включая взаимную эксплуатацию, взаимовражду и взаимоуничтожение.

Вот он — первородный грех, только чей он и в чём же он состоит?

Грех это или попросту ущерб, а может, и тонкость замысла о человеке, но человек есть одновременно и повсеместно и *античеловек*, некая себе не то исходная противоположность, не то своя самоотрицательная сущность, не то неблагообретённое следствие своего сознания, как и бессознания тоже. Античеловек: от зверя и того же беса до гнусного подонка и никчёмной погремушки. И всё это античеловеческое не где-то там в подземной преисподней, а в самом же человеке — только в цивилизации по преимуществу... *спящее*, зато терпеливо ждущее своего часа, причём очень даже безуспешно.

Человек — *враг самому себе*, — вот что особенно поразительно и в то же время очень интересно, причём не только как особый вид, себя пожирающий, но и как не особая особь, себя не без упоения уничтожающая.

Грех тут или не грех, а вот уж *скорбь* — точно!

И сколько же требуется человеку стойкости, терпения, упорства, мужества и прочих небезнебесных качеств, чтобы, родившись и ставшись, пройти по жизни *человеком* (!), не дав античеловеку подняться в себе и себя же поглотить!

Вот она — *доблесть житейская*!

Но и *спасение* тоже: спасение себя от самого себя, человека от античеловека, вида от самого же вида, людей от нелюдей.

Главная опасность для человека — сам же человек: что сам по себе человек, что другой человек, который вроде бы друг, но и... *другой*, и мало что другой, ещё и так или иначе тебе враждебный, даже самый близкий, самый родной, самый любимый.

Человек — *тайна!*

В этом и состоит его главный *грех!*

46

Что значат для Вселенной миллионы лет — хоть временных, хоть пространственных! Да ничего! И что бы где-то и когда-то во Вселенной ни было и ни случилось, как и ни есть и ни происходит сейчас, ничего более знаменательного, интересного и причудливого, чем феномен, он же и проект, оба под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК», в тварной Вселенной нет и не может быть!

Человек, обладая сознанием, разумом и душой, может многое что сказать о Вселенной, о той же Земле, об инопланетянах и даже о Боге, но вот о самом себе он, вещь вроде бы многое, ничего толком сказать не может, — и виною тут не одна лишь в миру и в самом человеке сидящая трансцендентная неизвестность, но и безмерная парадоксальность природы, сути, бытия и деяний человека. Это-то всё зачем?

Хочешь, не хочешь, а обернёшься-таки к иномирию, откуда как раз человеке вдруг и явился в чудесной сингулярной точке, называемой Землёю: целиком ли явился, из зародыша ли, из наногенов — кто знает? — да и не так уж

это и важно, ибо сознание — дух, и возник человек как человек прямо из духа, разумеется, невидимого, потустороннего, загадочного.

А дух сей первородный принёс, видно, в единении с сознанием и кое-какую *программу*, однако не механическую, хотя и не безымперативную, — и человек, художбно, её исполняет, стремясь осознанно или нет к чему-то ИНОМУ — опять же неведомому, потустороннему, загадочному, но неодолимо *манящему* и *манимому* — как отсюда — из брэнного мира, так и оттуда — из иномирья. Что, что, а уж *манок*-то, да ещё какой! — в сей программе явно сидит — то ли сразу в неё заложенный, то ли по ходу выпестованный, то ли умно́ воспринятый, то ли невольно выстраданный.

Труд, пусть когда-то, где-то и для кого-то тяжкий, а то и невыносимый, выделывание потомства, полное забот и труда, пусть и не для всех, но точно для большинства, кое-какой досуг, для кого-то иногда и безразмерный, но в особенности вольное творчество, пусть и не для каждого творца очень уж тонкое, спасают человека с его страдательной экзистенцией, причём не только и не столько в выживательном плане, сколько в аспекте удержания человека в человеке. Тому же служат и кое-как одолимые испытания, преграды, риски, как и освоенные человеком, поддерживающие и врачующие его, духовно-физические средства, процедуры, ритуалы.

Так или иначе, но человек не просто физически выживает, с пользой для себя потребительно хозяйствуя, воспроизводя себя и своё бытие, но и творит что-то новое, не бывшее ранее и вокруг не существующее, производя в итоге

иной на Земле и рядом с природой мир — неземный и неприродный мир, оказываясь в таком разе и могучим творцом своего собственного мира, отчего тут и большой вопрос: согласно ли первородной и не своей вовсе программе или же вопреки ей, чуть ли уже не по своей собственной программе, а может, что всего вероятнее — согласно и той, и другой программе, но при этом и вопреки им, даже и весьма вопреки им, но при этом и... согласно им?

О-о, сознание — на то оно и сознание, — эта вроде бы не всемогущая, но мощная авторитарная и весьма своевольная сила, — чтобы, исполняя что-то не своё, не только действовать произвольно и вариативно, как и аналогичным образом бездействовать, но и выделять непременно что-то *своё*, никакой высшей программой не предусмотренное, выработываемое самим трудо-творческим человеком в рамках уже какой-то *своей* программы, даже вполне и не осознанной, в немалой степени и без оных программ, а так — как само собой получается!

47

Выходит, что человеческое бытие-история не лишено *телеологического* (целевого) начала, в меру осознаваемого человеком и не в меру им реализуемого, которое вовсе не сводится к удовлетворению массы физических и сонма идейно-духовных воспроизводственных потребностей, а предполагает и движение всего бытия-истории куда-то вперёд, к чему-то относительно текущего бытия-истории *иному* — высшему или низшему, но... *иному*!

Оказывается, что соответствующее этому неопределённому, да и вообще никому из смертных неизвестному,

иному... *Иное*... прямо в человеке скрытым зародышем-генератором и сидит, распространяя невидимые свои соблазнительно-захватывающие смысловые лучи на весь человеческий мир, накрепко поражая творчески одарённую часть человечества. Отсюда вопрос: телеология тут извне-шняя, или всего лишь её сингулярная возможность, имеющая, по крайней мере, два зачина — внешний, он же иномирный и трансцендентный, и внутренний, он же сеюмирный и осознаниенный, хотя этот последний тоже немало трансцендентен, как раз в меру трансцендентности самого человека и его сознания?

Реальное бытие-история показывает, что какая-то сеюмирно-иномирная телеология ему свойственна, как присуща и некая бытийно-историческая устроительно-прогрессная программа, которой вольно или невольно, осознанно или бессознательно, но следует человек-творец, — и ничто не мешает, кроме чисто научных предрассудков, предположить наличие некоего *мета*зёмного, а то и *мета*-космического проекта — ПРОЕКТА! — человеку не известного, но человеком, который и сам могучий проектант, всё более признаваемого и творимого.

Если принять во внимание, что человек творящий усиленно и ускоренно идёт по неприродному и уже чисто человеческому по замыслу пути, вторгаясь со своим необузданным творчеством в наносферу, генную сферу, нейросферу и сферу сознания, включая и ноосферу, то телеология бытия-истории явно уже дополняется вполне уже проявляющейся *эсхатологией*, означающей преодоление сего мира вкупе с этим человеком и знаменующей выход на Земле и появление в Космосе какого-то *иного* — *постпри-*

родного и *пост*человеческого — мира, а может, и попросту полное завершение ПРОЕКТА и наступление не нового мира, а какого-то уже *пост*мира с хорошенькой по-видимому, примесью и *пост*антимира.

Речь тут уже не о качественных внутри большого качества честно-локальных превращениях, даже и не о мутации какого-либо качества в другое качество, речь уже идёт о некоем прерывном скачке из качества в качество с полным отрывом от предшествующего качества, перестающего быть родительским и уже ничего не предлагающего от себя вдруг явившемуся ниоткуда *иному* качеству, а может, уже и *пост*качеству.

Вроде бы *трансгрессия* тут, но уже такая, при которой новое качество возникает не так из отрицания предшествующего качества, как из полагания откуда-то извне берущегося *иного* качества (вроде нового искусственного элемента в таблице Менделеева, а точнее — уже и не в менделеевской, ещё природо-физической, а в какой-то иной, уже и неприродо-метафизической, матрице).

48

Что говорить, не просто это всё, очень не просто! Вроде бы и невозможно! Но откуда тогда всё это: мироздание, планета Земля, природа, жизнь, человек, сознание, мысль... что тут ещё? Откуда? Зачем? И куда?

Были (случились) начала, будут (случатся) и концы, надо полагать, ради новых начал, в особенности для всего живого вкупе со всем с человеческим, но кто из смертных может за это поручиться, а-а?

Ничто ведь не говорит о вечности всего живого и человека в нём, а вот о временности всего этого говорит многое, очень многое, если не всё, к ним так или иначе относящееся. Кое-что говорит даже о сроках, их весьма уже прозреваемой явленности, в частности, достижение человеком в купе с потребляемой и насиуемой живой и неживой зёмной природой кое-каких пределов бытия (существования), а для человека ещё и пределов познания, созидания, культуры, цивилизации и даже самого себя — как особи (организма) и как вида (массы особей).

Проект «ЧЕЛОВЕК» если ещё не исполнен до конца, то явно уже близок к какому-то завершению, хотя бы к переходу в проект «ПОСТЧЕЛОВЕК».

Любопытно, не правда ли?

Человек уже ищет спасения в *постчеловеке* и *постсоциуме*, самозабвенно уничтожая всё нажитое в веках человеческое, не пренебрегая растлением, распадом и суицидом.

Да, речь тут прежде всего о передовой части человечества — *постмодерновой*, но ведь остальное человечество тянется, пусть и с оглядками и отклонениями на традицию, за передовой, как раз более всего захваченной антилюдским разложением, части, достигшей небывалой жизнеотправительной высоты и, вдруг, не просто затрясшейся в экзистенциальной истерике, но и забившейся в явно уже суицидных конвульсиях. Всё вроде бы там — у них! — хорошо, но что-то всё-таки не так: энтропия обычно настигает дошедшего — вопреки другому, а смертоносное возмездие следует за возвысившемся — за счёт другого!

Интересно, что возмездие настигает передовую часть зёмного населения не так даже со стороны остальной части,

немало передовой частью униженной (той же имперо-колониальностью), как со стороны своего же суперпередового клина — *постмодернового*. Достаточно впасть с головой в суперпередовой постмодерн, чтобы очутиться в режиме всестороннего поэлементного распада — идейно-духовного, гуманитарного, метафизического, трансцендентного.

Трансценденция! Она ведь не где-то там, хотя и где-то там тоже, она прямо здесь: в бытии, в человеке, в сознании вкупе с бессознанием, в культуре, в цивилизации, в тех же науке с техникой, не говоря о безумной рок-музыке и параноидальных инсталляциях.

Трансценденция всем не свете и заведует, что-то позволяя человеку замечать, именовать, трактовать, почитая всё это что-то за физическое, материальное, вещественное, но что-то всё-таки оставляя в тени, вне поля чувственного и даже умственного зрения человека, не то что не доверяя человеку, а отечески заботясь о нём, ибо не только знание (сознание), но и незнание (бессознание) делает человека человеком, даёт ему возможность вестно-безвестной экзистенции, зряче-слепого творчества, умно-безумного прогресса.

49

Знание — сила, а незнание — тоже сила, однако более сильная сила, ибо знание по преимуществу везёт — на себе — и ведёт — от себя, а незнание... *манит* — к себе — и втягивает — в себя, мало того — есть незнание, которое никогда в пределах этого мира не станет для человека знанием, а знание всегда в фундаменте есть не что иное, как... незнание. Знание — верх, внешность, наружность, физио-

номия, а незнание — глубь, недра, кладовая, сокровищница. Знание — часть, доля, грань, срок, а незнание — целостность, нераздельность, бесконечность, вечность. Незнание — мощнейший манок для умственного человека — «призывника» трансценденции, всегда вроде бы стремящегося к знанию — новому знанию, но более всего влекомого как раз незнанием.

Будущее! Что такое будущее? Если это не полная для человека неизвестность, то не более чем вкруговую обёрнутая неизвестностью кое-какая подёрнутая вероятностью и относительностью известность, точнее — *квазиизвестность*.

Будущее хорошо и привлекательно вовсе не навязываемой ему известностью, а как раз своей ненавязчивой, но чародейственной неизвестностью: знание тут явно проигрывает незнанию.

Это-то и замечательно! Неизвестность с незнанием — залог движения вперёд, стремления к иному, гносеосозидательного подвижничества, любых личных, коллективных, национальных и общечеловеческих деяний-подвигов.

А что толкает человек и человечество в гущу неизвестности? Жажда знания? На первый взгляд, вроде бы так, но только на первый. Не сама по себе жажда знания, а жажда одоления неизвестности ради чего-то радикально *иного* — не зёмного, даже не космического, да и движет человеком вовсе не разум, точнее, не так разум, как... *безумие*, которое более как раз от неизвестности и незнания, чем от известности и знания.

Безумие! А ведь это не что иное, как крайнее проявление сознания на границе с бессознанием — либо низшее

проявление (преисподнее), либо высшее (небесное). Разум оптимален, безумие же маргинально, а потому и толкает оно истово человеческий разум к отвоеванию своего будущего у неизвестности — то по низшему разряду, то по высшему — главное — всё тут в движении.

Не разум вовсе правит идущим в неизвестность человеческим миром, а... *безумие*, — разум же здесь попросту в деле, будучи послушным орудием у безумия. Иначе в мире сознания нельзя, тогда уж и никакого сознания не выйдет. Сознание особенно ценно именно безумием, а не умием, хотя без умия никакого сознания, конечно же, нет. Просто умие здесь вторично относительно безумия, хотя вовсе и не производно от него.

Сознание способно прозревать будущее, его предвидеть — до некоторых пределов, поставляемых сознанию Великой Неизвестностью. Почему способно? Из-за заложенной в феномен сознания экзистенциальной программы, человеку не известной, но в человеке таки сидящей. Отсюда и контакт: известности с неизвестностью, вполне и искрящийся, дающий кое-какой познавательный результат из смеси знания и незнания. Обшарив размыслительным взглядом мирские окрестности, человек прозорливый вглядывается глубокомысленно в самого себя и, соединив всё увиденное в одной «пробирке», получает кое-какую картинку будущего — неопределённую, абрисную, приближительную, но... всё-таки... *достоверную*.

50

Безумие — сила! Не сумасшествие вовсе, хотя зачастую и не без этого, а именно безумие, то бишь вне-, пара-,

мета-умие, когда сознание прёт куда-то вперёд, ориентируясь не так на ум-разум, как на неизвестность, незнание, невозможность, на беспредел, на волю, на произвол, на авось в конце концов, отводя уму-разуму всего лишь вспомогательную роль.

Что бы было, есть и может произойти в бытии-истории действительно великого, неожиданного, невероятного хотя бы без толики безумия, а на самом-то деле с его вполне себе весомым присутствием, что? Ответ тут однозначен — *ничего!*

Можно подумать, что безумие лишь прислуживает уму-разуму, подталкивая его к какому-либо экстраординарному целеположенному действию, но ничто не мешает заключить и обратное: это ум-разум обслуживает инициативное безумие, которое, хотя и может свестись иной раз к отключению ума-разума, более всего сей ум-разум не то чтобы ведёт, но, возбуждая, влечёт, причем не так за собой, как в сторону замаячившей для ума-разума какой-либо необыкновенной, если не сумасшедшей, цели.

Всё необыкновенное — от безумия! А необыкновенное как раз и есть новое, не бывшее ранее, иное, ну и передовое, прогрессное, перспективное, а иной раз и попросту чудесное.

О каком безумии тут речь? О том, которое хоть и выходит за пределы умия, но от него не отрывается, то бишь не о безумном безумии, а, скорее, об умном безумии или же безумном умии тут речь — всё равно!

Однако есть и безумное безумие, как раз связанное с отключением ума-разума, или рассудка, со схождением сознания с ума и с нисхождением его в бездну бессознания.

Такое безумие то же играет свою значимую роль в жизнеотправлении человека, доставляя ему срывы, разрывы, отключения, коллизии, потрясения, — но ничего не поделать, ежели сознание так хрупко и уязвимо, что отказывает самому себе, не брезгуя и самоуничтожением.

Есть безумие, безумие и безумие — и среди сонма безумий заслуживают внимания, во-первых — безумие в уме, во-вторых — безумие от ума, в-третьих — безумие вослед уму.

Безумие в уме. Есть такое, ибо ум, или разум, или умразум — сложная «машина», включающая в себя наряду с великим «рацио» и немалое «иррацио», без которого никакое «рацио» попросту невозможно. Чтобы «рацио» состоялось, ему надо непременно оттолкнуться от «иррацио», которое есть не что иное как пища для «рацио» (какой-такой отбор вариантов у «рацио» без «иррацио»?). И ежели «иррацио» вдруг превалирует в сознании, то ум выдаёт такое «рацио», которое иначе как безумным и не назовёшь. Безумными выходят тогда вполне умные идеи и решения, — норма тут уже не норма, хотя и не такая уж и малая обыденность!

Безумие от ума. Слишком умный, рассудочный ум способен производить вполне себе безумные с точки зрения обыденной практики идеи и решения — этакие безумно умные идеи и решения, за которыми не только практические нелепицы, но и частенько немалые беды.

Безумие вослед уму. Бывает так, что всё хорошо обдуманное и рассчитанное умом в практическом плане оказывается хорошо обдуманным и рассчитанным умом... безумием.

В общем, с безумием у человека с его трансцендентным сознанием (и бессознанием тоже) всё в полном порядке, как и в немалом, само собой, беспорядке — *тайна!*

51

Безумие — вовсе не такой уж вынужденный, непременно патологический и сугубо пакостный атрибут сознания, — вкупе, конечно же, с бессознанием, — а необходимое, вполне и сакральное, достояние человека, его сознания вместе с бессознанием.

Безумие — такая же норма человеческая, как и умение!

Что вокруг у человека и в связи с ним не безумие, не сопряжено с безумием, им — безумием — не рождено, не обусловлено, не окрашено, — что?

О-о, очень, прямо скажем, немногое, а если и многое, то и оно от возможности внезапного обезумливания ведь никак не застраховано. Безумие всегда в засаде и всегда наготове, так что от умения до безумия лишь одно мгновение, да и как бывает возможно отличить умение от безумия, ежели само умение есть безумие, а безумие — умение?

Не надо думать, что безумие — это что-то непременно взрывное, гадкое, отвратительное, как и, наоборот, что-то тихое, покойное, незаметное, а в итоге тоже непременно негативное, энтропийное, разрушительное — безумие может быть и по преимуществу бывает совсем другим — жизненным, умным, деятельным, как раз тем самым из безумий, без чего, с одной стороны, никаких тебе приключений, поисков, испытаний и вообще новин, включая и творческие, как и тех же веселий, разрядок, отдохновений, в общем никаких тебе выхлопов, карнавалов, драйвов и адреналинов, а

с другой — и никаких хорошо продуманных, прочувствованных и даже тщательно рассчитанных деяний вроде той же рекламы, никаких тебе медийных сюжетов, произведений свободного искусства и тех же произвольных управленческих инициатив, совсем не редко бывающих вполне себе безумными по своей сути, навязчивому и навязанному облику, по своим негативным последствиям.

Половина всего человеческого жизнеотправления, — ну пусть не половина, а четверть, а может, и все три четверти — в той или иной мере, в том или ином виде, тем или иным образом задето безумием, которое вовсе не есть отсутствие сознания с его умием, расчётом, логикой, а всего лишь обыкновенное свойство, заурядная способность, непринуждённое сопровождение сознания и всех этих умий, расчётов и логик — как раз на границе между сознанием и бессознанием, которых ведь никак не оторвать друг от друга, никак не разлучить.

Осознаниенный — значит и обессознаниенный тоже, как и непременно в меру и не в меру обезумственный!

52

Ежели речь идет об индивидуальном сознании, то и безумие там же — в особи, с нею, в её речах, жестах, намерениях, деяниях, поступках, проектах, победах и поражениях, преступлениях и жертвах, в героизме и трусости, убийствах и самоубийствах, да мало ещё в чём, а ежели речь идёт о коллективном сознании, народном, национальном, массовом, да и общечеловеческом тоже, то бишь о *ноосфере*, а точнее бы — о *сознаниесфере*, то и безумие тоже там — в соответствующих спиритоэнергоинформационных

облаках-сгущениях-потоках, весьма, знаете ли, выразительно себя в них проявляя: от обыденной агрессивной массовой суеты на городских улицах и площадях, на автодорогах, на рынках, вокзалах и в любых местах людских скоплений, как и нарочитых безумств на театрах и стадионах, в тех же дансингах, как и во время карнавалов, празднеств и суггестивных масс-шоу, до внезапных массовых пассионарных возбуждений и столь же внезапных и массовых упаднических настроений, любвеобильных публичных восторгов и охлаждающих душу неприязненных безразличий, вредоносных асоциальных распадов и обратных судьбоносных схождения.

Безумие разнообразно, повсеместно и неуязвимо. Разве можно представить себе бытие, жизнь, хозяйство, как реализацию сознания, разума, когнитива, мышления, всего духовно-чувствительного арсенала человека, без той или иной доли безумия — страдательного, тревожного, гнусного, пакостного, мало того — унижающего, удручающего, удушающего, но при этом и выручающего, и спасающего, и обогащающего, и даже укрепляющего? Нет, не можно — не можно себе представить ничего человеческого без хотя бы толики безумия, которое вовсе не так уж и отклонение от нормы, как сама блудливая норма и есть: бытия, жизни, хозяйства, всего вообще в мире человеческом.

Умие держит, хранит, совершенствует мир, бытие, жизнь, хозяйство, а безумие всё это теребит, гонит вперёд, изменяет, хотя при этом и вредит, и разрушает, и гадит — так что безумие не менее для экзистенции значимо, чем умие, которое тоже ведь немало вредит, разрушает и гадит, а ежели учесть, что всё безумие от... умия, которое, в свою

очередь, весьма напористо оттачивается безумием, то что тут в первенстве — *безумное умение* или *умное безумие*, не так уж и важно.

Умение явно правит мир, а безумие зато... миром правит — вот и вся тут смысловая недолга!

53

Человек со своим сознанием, бессознанием, умением и безумием, как и весь человеческий мир со своей умно-безумной ноосферой — тонкое, хрупкое, неустойчивое, уязвимое *ничто*, в масштабах мироздания совсем и не заметное — фактическое *ничто*, бытующее в беспределье неизвестности, будучи и само полное неизвестности, от неизвестности произошедшее и непрерывно происходящее, в общем — фантом, мираж, призрак, хотя от себя и по-своему вроде бы тугое, напряжное, силовое, волевое, деятельное, военравное, дерзкое, амбициозное, экспансионное, агрессивное, не только открывшее и обозначившее для себя свой мир, но и принявшееся его под себя переделывать, проявляя завидную изворотливость, изощрённую изобретательность и необузданную творческую фантазию.

И с какой бы стороны ни подойти заинтересованно познавательно к этому *ничто-ничто*, отовсюду выпирает его качественная... *небытийность*, точнее — *небытийная бытийность* вкупе с *бытийной небытийностью*, что как раз и ставит перед человеком великие безответные вопросы: кто, что, зачем?

Всё вокруг временно, непрочно, скользко; всё и так, и этак; всё вроде бы есть и как будто бы не есть; всё возникает, рождается, строится и всё разрушается, умирает, исчеза-

ет; прошлого как такового нет — только в памяти и памятниках, будущего как такового тоже нет — только в воображении и миражах, но и настоящего как такового нет, ибо уже через мгновение оно уже в прошлом, хотя в целом вроде бы есть какой-то длящийся во времени экзистенциальный процесс — вполне себе реальный и вполне себе ирреальный.

Да, всё вроде бы есть — и человек есть, и всё с ним связанное есть, и мир вокруг человека есть, но... стоит только чуть-чуть приблизиться к пределам этого «*есть*», его глубинам, границам, высям, горизонтам, как сразу является и досадное для победного разума «*не есть*», а потому всё вдруг оказывается не просто кажущимся, а непрерывно подвергающимся атакам со стороны тех же небытия, нежити и бессознания, причём атакам не только небезуспешным, но и в итоге весьма решающим, отчего всплывает не самая приятная для благожелательного сознания, но безукоризненно точная характеристика бытия, жизни, человека, сознания, хозяйства, истории, труда, творчества, вообще всего вокруг сущего и происходящего, как чего-то не просто реально-ирреального, а и органически — слава Иоанну! — *апокалиптического*: неустойчивого, временного, страдательного; пожирающего и пожираемого; созидającego и разрушающего; смертного и смертоносного.

Отсюда не просто бытие, жизнь, человек, сознание, история, труд, творчество, что там ещё, а и... *апокалиптики*, именно так — АПОКАЛИПТИКА, начинающаяся для человеческой особи с жуткого крика её — этой особи — роженицы и её — этой особи — победного крика, продолжающаяся затем в страде существования сей особи и закан-

чивающаяся приходом ко всё той же особи неминуемой смерти, совсем не редко тоже весьма и страдательной — как раз в унисон с мучительными её — этой особи — родами.

Жизнь приходит, бьётся за себя и против себя, потом уходит, но и нежизнь точно так же ведётся, пусть и как-то по-другому. Всё явленно выраженное течёт, изменяется, дряхлеет, исчезает, а остаётся только невыраженные материя, энергия, дух, ну и латентная информация — как потенциальная антиэнтропийная сила, которую ещё и запускать надо каким-то не очень выраженным энергоинформационным силам.

54

Что в человеке и вокруг него не апокалиплично, что не затронуто, не окутано, не захвачено апокалиптикой — что? И опять следует сакраментальный ответ: ничего, почти ничего, мало что, даже и из вполне себе бытийного, жизненного, положительного, морального. На всём тревожно мерцает отблеск апокалиптики, а вовсе не только на уродливом, несовершенном, деградирующем, разрушающемся, катастрофическом, как и на зверском, убийственном, суицидном. На всём!

Апокалиптика в начале мира, в его основе, в его реализации, как и в самом ходе бытия, жизни, хозяйства, истории, в самой экзистенции — человека, сознания, ноосферы. Признание вездесущей апокалиптики — признание «склочного» характера мира, его фундаментального неблагополучия, что очень даже облегчает понимание мира, всего в нём происходящего. Прими, человек, апокалиптику и поймёшь тогда всё творящееся в тебе и вокруг тебя, во всём мире, пе-

рестанешь удивляться, ужасаться и страшиться, зато обретёшь возможность экзистенциальной стойкости и шанс осознанного пожизненного стояния, как и возможность обретения и поддержания личного, коллективного и общечеловеческого онтологического и гносеологического достоинства!

Апокалиптика, её суть и ей же сущное сопротивление — вполне и апокалиптическое. Вот она — заражённая апокалиптикой витанооспиритосфера, а вот и он — сопротивленческий апокалиптике, но при этом вполне и апокалиптический, удел человека, его сознания.

Сопротивление апокалиптике и её преодоление, пусть и не полное, но значимое — *апокатастатика* (заметим здесь эту «статику», то бишь стояние, стойкость).

Апокалиптика с апокатастатикой дают вместе и бытие, и жизнь, и хозяйство, и человека с его сознанием, трудом и творчеством, в общем — всё, чем полнится зёмная посреди космоса хомогенная данность, она же и событие, и происшествие, и чья-то, возможно, авантюра.

55

Апокалиптика — образ бытия, жизни, всего человекоотправления, восходящий, или же нисходящий, к самим же бытию, жизни, человекоотправлению, которые и не могут быть другими, то бишь неапокалиптическими, ибо тогда их попросту не будет.

Это как раз и есть неизбежный на Земле экзистенциальный ад, возгоняемый зёмной преисподней, как раз тот самый — жизнеспособный и жизнетворный, — это вовсе не рай, который не способен ни к жизни, ни к творчеству, ни к безумию, а потому в апокалиптике нет ничего ни неесте-

ственного, ни из ряда вон выходящего, ни совсем уж плохого.

Апокалиптика — норма, как нормой является и апокатастатика.

Хочешь жить — стой и сопротивляйся; хочешь жить достойно — стой особенно стойко и особенно стойко и много сопротивляйся; не можешь или не хочешь стоять и сопротивляться — плыви по течению, подтверждая до момента своего исчезновения своё же ничтожество; способен на недостойность — катись себе вниз, в нежить, в бездну; не способен вообще жить-поживать — катись прямо в небытие!

Жизнь вообще, а уж человеческая жизнь в особенности — страда, насилие, испытание, пытка, издевательство, издёвка... что тут ещё?.. а-а... *преодоление*... да-а, конечно, но и... *подвиг* — родительский, трудовой, творческий, вообще экзистенциальный, как раз апокалиптический и апокатастатический сразу.

О-о, апокалиптика — это... вещь, делающая жизнь жизнью, а познание жизни и о ней оценочное суждение, знаете ли, особенно достоверным!

Факт!

56

Неизвестность (Великая Неизвестность!), незнание, бессознание, безумие, кажимость, ирреальность, апокалиптика с преисподней — не слабо, прямо скажем; однако при этом есть тоже не слабое, а очень даже сильное, и кое-что противоположное: известность, знание, сознание, разум, жизнь, труд, творчество, вообще вся позитивная челове-

ская экзистенция — сопротивляющаяся всему негативу, его преодолевающая, себя утверждающая, реализующаяся, длящаяся, — нет, конечно, не по-райски вовсе, скорее — по-адовски, однако обретая в итоге не один лишь ад, а и кое-что совсем другое, называемое человеческими бытием, жизнью, экзистенцией.

Ничего другого в *этом* мире для человека нет и быть не может, хотя человек и упрямо рвётся к *иному* миру, упорно строя на Земле и в ближнем космосе какой-то *свой* мир, уже не совсем *этом*, хотя и не *тот* — чаемый, не только вовсю работая на сей сокровенно-откровенный замысел, но и немало при этом собою жертвуя.

Среди космоса на Земле и в природе человек оказался не по своей воле, но и не по воле космоса, Земли или той же природы, хотя и вышел, надо полагать, из всего этого, как вышло из той же бездны всё на свете, но, видно, не только оттуда вышел человек, ибо... *сознание!*.. которое явно и от Творца Вселенной, который сам по себе не Вселенная вовсе, а что-то от неё фундаментально отличное — ни пространства тебе в нём, ни времени у него, одна лишь... *свободная мысль*.

Вот и у человека, коли уж на то пошло, одна лишь мысль, и тоже свободная — что ж ещё? Да такая мысль у него, что оторопь берёт — не только человека берёт, а, видно, и самого Бога Творца!

Да, человек вроде бы живёт потребностями, желаниями, инстинктом, чувствами, но ведь не это же в самом деле главное в человеке, а... *мысль* — абстрактная, голая, гордая, которая вроде бы тешит человека, но как же она его при этом мучает — вплоть до осознанного суицида!

Способность мыслить, воображать, причём и что-то несусветное, и при этом невозможность очутиться в чём-то крайнем воображённом — как раз несусветном, кроме как посредством иллюзорного сна, гипнотического транса или того же полугипнотического пребывания в электронных виртуалиях.

Мысль — сама себе вещь (от *вещать*), скорее — само себе ничто, порождающее нечто, причём нечто, состоящее из ничто — ничтошной информации — и эта-то «ничтожная» мысль и есть главное достояние, проблема и беда человека, его исходная апокалиптики.

Если б не мысль, о какой-то апокалиптике вообще бы шла речь, да и речи б никакой не было, не то что апокалиптики.

Мысль — это человек, его сознание, ну а человек со своим сознанием — это — *мысль!*

Откуда же она — мысль? А прямо оттуда, то бишь... из *ниоткуда*, из ничто, из бездны, как и, разумеется, от Бога Творца, если, конечно... в контакте с человеком Он, ещё и желающий что-либо выдать этакое созданию своему своему нравному.

57

Да — прямая двуногая статья, да — деловая ловкая рука, да — полезное рабочее орудие (поначалу хотя бы камень), но не сами по себе походка с рукой и орудием создали феномен, называемый мыслью, а как раз мысль, коли уж она как-то возникла в некоем, пусть и обезьяно-де-подобном, существе, эта-то мысль и создала что двуногую статью, что работающую руку, что эффективное орудие, а точнее — не

так даже собственно мысль в нынешнем понимании этого загадочного феномена, как некая предмысль, сравнимая более с галлюцинацией, миражом, сновидением, чем с ясной картинной видимостью.

Сама по себе обезьяна не могла и не может дойти до человеческого мыслиеизъявления (тут уж ничего не поделаться!), ибо природа не может сама создать что-то явно неприродное, каковой и является мысль, а вот запустить мыслеподобие в некое обезьяноподобие извне, по-видимому, оказалось возможным — как раз *по подобию*, но уже по *неприродному* подобию. И пошла гулять, обогащаться и развиваться посреди природы неприродная по своей природе мысль — как раз в человеках, пусть и обезьяно-деподобных, но — *человеках!*

Ни пространства тебе в мысли, ни времени, ни предметности, ни материальности — какая уж тут природа, сплошь пространственная, временная, предметная, материальная?

Мысль — не более чем информация, но вот какая? Ответ тут насколько прост, настолько и сложен: мысленная всего лишь, или мыслимая, ничем и никем кроме самой мысли не выраженная, неуловимая, никак отвлечённо и не трактуемая. Абсолютная «вещь в себе», сама себе весть, сама для себя и «вещество». О мысли можно только... мыслить, её ни потрогать, ни поймать в капкан, ни засунуть под микроскоп, ни выпотрошить. А это означает, что мысль может быть *любой*, вовсе не только знаниевой, отобразительной, служебной, но и... сам чёрт не знает какой!.. именно *любой* — фантазийной, невозможной, безумной!

Тут — *воля!*

И вооружённый феноменом мысли человек, этой-то волей мысли сполна по жизни воспользовался и, разумеется, охотно пользуется — до сего, уже и весьма для человека по воле самого же мыслящего человека по сути своей неприродного, дня.

Нет, вовсе не одни орудия труда и творческие замыслы создаёт и рождает с помощью мысли человек, не только строит дома, храмы, машины, фабрики, дороги, мосты, трубопроводы, корабли, самолёты, небесные спутники, не только варит металлы и добывает нефть, не только изобретает радио, телеграф, телефон, ТВ, интернет, не только заводит, разводит и выращивает растения и животных, выводя их новые сорта и подвиды, не только культивирует словесную, речевую, письменную, изобразительную, звуковую, духовную культуру, не только образует общины, сообщества, государства, создаёт города и цивилизации, отправляет власть, но и, вооружённый феноменом мысли, вполне осознанно, целеустремлённо, изобретательно и изощрённо насилует, громит, грабит, подчиняет, эксплуатирует, уничтожает... да ладно бы несчастную природу с её живой нечеловеческой составляющей, а то ведь охотно, методично и неистово подвергает всему этому и себе же подобного — человека, да ещё и вершит это в особенности рьяно.

И везде она — *мысль!* Которая вовсе не только вспомогательное средство, а и... *причина, источник, движитель.* Да, есть мысль хлебороба и фабричного рабочего, есть мысль управляющего и предпринимателя, есть мысль изобретателя и художника, есть мысль учёного и писателя — разная, кстати, у каждого из них мысль, но, как принято считать, в целом вроде бы позитивная, полезная, жизне-

отправительная, хозяйственная, а есть мысль иных персонажей — вождей, полководцев, воинов, которая, может, и в чём-то полезная, но уже немало чреватая насилием, погромом, убиением, но при этом есть ещё мысль воров, бандитов, хулиганов, насильников всех мастей, мошенников, наркоторговцев... стоит ли продолжать? — и всё это не что иное как мысль человеческая, которая, повторяем, вовсе не нейтральный посредник, а акционный первоисточник: какова мысль, такова и потенция действия, таково затем и само действие, ну а потом уже и все его последствия, нередко совсем и немислимые (не то что не мыслившиеся).

58

Мысль — присутствие и действие в животном организме человека чего-то *иного*, да не просто некой *иной силы* (энергии-информации), а прямо-таки *иного мира*.

И мысль этот факт всю подтверждает, не только вольготно бытуя в человеке, утверждая его сознание, но и создавая всё собственно человеческое в человеке и вокруг него, весь человеческий мир, как видим, по всему его объёму и всему мыслимому качественному спектру, не пренебрегая при этом ничем, в том числе и ей — мысли как таковой — весьма и безразличным.

Мысль как таковая, как сама себе мысль, как собственно мысль и только вполне нейтральна относительно возможного для неё смысла (качества конкретной мысли), что и позволяет человеку (сознанию) начинать мысль любым смыслом (содержанием).

На любую конкретную мысль влияют, конечно же, разные внутренние и внешние обстоятельства, но лишь вли-

яют: мысль, будучи смысловым концентратом и активным реализатором сознания, способна исходить непосредственно из самой себя, что, собственно, по преимуществу и происходит.

А вот *как* же это реально происходит, «чеку» как раз и не известно: происходит, и всё тут!

А ведь кое-что в сознании и самом человеке совершается и без всякой на то мысли, как бы *без-смыслово, меж-смыслово, пара-смыслово*, да и *такое* (!) происходит, что «чеку» остаётся часто только задним числом удивлённо размышлять о вроде бы помысленном и уже сделанном, не особенно и что-то во всём этом понимая.

Мысль — она вовсе не всегда собственно мысль, она способна быть и необмысленной мыслью, всерьёз не осознаваемой, никак мыслеобразно и не выраженной.

И всё-таки: мысль-немысль — главный носитель и выразитель сознания. Не слово вовсе, а именно мысль, вполне себе по сути и бессловесная.

Мысль — самое загадочное в человеке, его сознании, его когнитиве: что, как, откуда, зачем?

В ведении человека немало обретённого им знания — из внешней практики, из опыта, от наблюдений и тех же исследований, а сколько в человеке знаний, идущих напрямик из своего же сознания — вследствие собственных явно-неявных размышлений, — и опять же: что, как, откуда, зачем?!

Сознание — *фабрика мысли*, а мысль не только сфабрикованный сознанием продукт, но и сама она... *фабрика сознания* — вот оно как!

Фабрика сознания!

Мыслю — значит, существую!

Верно вроде бы сказано, но и не очень-то верно, ибо существовать вживую можно и не мысля. Точнее бы: мыслю — значит, *творю*, да не одно только сознание со всем его воображённым внутренним миром, а и самого по себе человека, мало того — и весь человеческий (антропогенный) мир.

Что в человеке и мире человеческом не мысль? Может, кое-что такое и есть, но в целом-то не что иное, как именно мысль, обыкновенно во что-то воплощённая, хотя и живая (текущая) мысль не в стороне от непрерывного творения человека и его мира.

Мысль — это стекающееся в содержательную бездонную точку (нет, не в бочку вовсе!) и оттуда — из точки — растекающееся по пространству идеального бытия обогащённое смыслами и беременное замыслами творческое сознание — вот что такое мысль!

Пожалуй что, и в самом деле тут фабрика сознания, а раз так, то и человека, и всего его мира.

59

Сознание, на то и сознание, чтобы через посредство мысли осознаниевать всё подряд и кое-что важное для себя осознавать. И довелось человеку не только осознать окружающий мир и себя в нём, но и осознать, что природа ему не только родительница, союзница и вспомогательница, но и неприменная противница, даже и вредоносительница, а человек человеку не только союзник и вспомогатель, но и вполне себе непреложный противник, не менее, если не более, вредоносительный, чем природа.

Сознание, будучи феноменом неприродным, упёрлось-таки в природу как в свою противность, а, будучи безграничным, вольным и разным, не могло не столкнуться с самим собою — как внутри каждой особи, так и между особями, как внутри любой общности, так и между общностями.

Сознание настолько разнородно, а потому и настолько неслиянно, что ни о каком всеобщем экзистенциальном благоединении его носителей — людей, никогда не могло и не может быть до сих пор никакой сколько-нибудь серьёзной речи.

Сознание распределено по особям, сгруппировано трансцендентно по социальным общностям, ещё более трансцендентно смассировано по большим социальным образованиям, но, обладая вроде бы одними и теми же исходными бытийными основаниями (неприродность, духовность, идеальность), реализуется не просто «дольками» (по тем же особям), а вполне себе целостными единицами, каждая из которых есть не что иное, как *целый сознаниевый мир*, сравнимый чуть ли не с самим мирозданием.

Не просто сознание присуще особи (сидит в особи), а в особи располагается целый, вполне и безграничный, *мир сознания* (мир из сознания), — и каждый такой мир претендует — как именно мир! — на особенность и суверенность, не останавливаясь в своих потенциях, мыслях и, по возможности, действиях ни перед чем, кроме, конечно же, неодолимой внешней силы — «твердокаменной», бессознательной или же иной сознательной (более сильной).

Сила! А где сила, там и... *насилие* — всё равно от кого и чего, с какой и чьей стороны. *Насилие!* Да ладно бы от

природы или над природой, а то ведь от человека и над человеком, да не просто животное насилие, а насилие осознаниенное и вполне себе осознанное (мыслимое). И не обусловлено ли это насилие первоначальным насилием над проточеловеком — внедрением в него иномирного духовидеального субстрата в виде того же сознания? Очень даже может быть, если учесть, *что* же довелось-таки осознать человеку (этому смертному, но насильно осознаниенному, животному!) и каково ему — человеку — бытийствовать со всем этим осознанием (со своим осознанным сознанием)? Получив в своё частичное (относительное) распоряжение сознание, человек не мог не впасть не то что в отчаяние, а в некую «кривизну» мысли, поведения, действий, в своеобразную ошалелость, да попросту и в кое-какое безумие, мало того — не мог не прибегнуть при всём при этом к направленному на себя, на других, на природу и весь окружающий мир... *насилию!* Разве не так? И при чём тут тогда выдуманное богословами человеческое грехопадение, ежели человек с момента своего явления на свет уже достаточно, знаете ли, «крив»?

60

Месть!

Разумеется, не обыденная житейская месть, пусть и кровавая, даже и не сакральная, а, скажем так — *экзистенциальная*, ибо «чеку» надо быть, жить, трудиться, творить, но при этом и биться — с природой, с собой, с себе подобными — и ради чего: бытия, жизни, труда, творчества, причём среди неизвестности, незнания, риска, небытия, преднепреклонным ликом смерти?

Месть в сторону своей же экзистенции, жёстко и неумолимо провоцирующей битву человека *за* экзистенцию и *против* неё.

Битва с природой — понятно, как понятен и уход человека от природы, вырыв из неё, движение к неприроде. Тут битва за *иное*, провидчески спроецированное на *иномирье*. Битву с собою тоже можно понять, ибо тут постоянное себя преодоление. Труднее понять битву с себе подобными, причём не за одну лишь между людьми солидарность (кооперацию), а и за принудительное соподчинение, за иерархию, за власть, за возможность эксплуатации одних «чеков» другими, как и за общепринятое сознание, за обязательные для всех нормы, за всеобщий порядок, за общую культуру, за общие идеи и единую идеологию, как и против не только анархии и произвола, но и против... *другого* — *враждебного другого*, против *врага*.

Тут-то и является главная закавыка: *человек — враг человеку!*

Ах, это сознание! Амбивалентная такая «штучка»: признание (осознание) *своего* сознания непринуждённо сочетается с непризнанием *другого* сознания. Сознывая *себя*, человек вовсе не обязан столь же благостно сознавать *другое* сознание, признавать *другого*. *Эго* — не выдумка! *Эго* — сила! «Я» и не «Я»; «Я» и другой; «Я» — не другой, другой — не «Я». И дело тут не в амбициях как таковых, хотя и не без них, — дело в *самости любого сознания*, а также в *самости любой сознаниевой экзистенции*, отчего не так между сознаниями дружеское сочетание, как вражеское противоположение (сознание без «Я», без эго, без самости — не сознание, такового попросту не может быть).

И ежели перейти к миру сознаний — разных «Я»- , эго-, само-сознаний, тот нетрудно убедиться не просто в наличии мириад сознаний — разных сознаний, а и в их отнюдь не дружелюбной совместной экзистенции, избыточной сознаниевским произволом, соперничеством, противоборствами, борьбой, насилием, принуждением, уничтожением.

Зверь же он, выходит — человек-то!

И что важно: не одной лишь своей плотью он зверь, а и своим бесплотным сознанием тоже.

Что ж, может тут и не месть вовсе, а, скажем, реакция, ответ, вынужденность, но что из того, ежели у человека нет другого выхода, кроме как быть и оставаться... *зверем*, да что зверем — врагом самому себе — как в аспекте вида, так и в плане самого себя любимого.

И дело тут не в пресловутой злоприобретённой порочности (в так называемом «грехопадении» человека), а в самом генезисном изначалье с его зверочеловеческим и сеюи-номирским кентавризмами.

Здесь даже не противоречия в стиле пристойной диалектики, тут фундаментальные и непристойные противостояния с неразрешимыми противодействиями.

61

Насилие!

Это — *вещь!*

Нет, это вовсе не только «повивальная бабка» и не только истории, а бессменная огнеподобная спутница вообще бытия, во всей его целостности, как и человека, сознания, бессознания, тех же социума, культуры, веры, ну и, ра-

зумеется, истории тоже. Да и если бы только «повивальная бабка», а то ведь постоянно действующая... э-э... неодолимая *сила*, от которой ничему реально существующему не только никуда не деться, но и без которой ему вообще никуда.

Всемирное тяготение вещей, предметов, объектов друг к другу, ну и субъектов тоже — разве не насилие? А отталкивание — только лишь воля? Где его нет — насилия? Разве лишь в пустоте, да и то, не насилие ли она сама — пустота?

Как зачалось сознание с насилия (с насилием), так и продолжает свой убажаемый насилием путь. Сознание не способно избежать насилия — что над собой, что над другим сознанием. Обычно всё сводят, когда говорят об антропонасилии, к жажде удовлетворения потребностей да к стремлению получше устроиться за счёт другого, однако тут всё гораздо сложнее: сознание просто не может состояться без и вне насилия! Насилие — пища, энергия, горячее сознания. Между сознанием и насилием можно даже поставить знак равенства, пусть и несколько метафорично, но... можно! Где оно — ненасильное (несиловое) сознание? Зато насильное (силовое) — как на себя самого, так и на другое сознание — повсюду!

Какой человеческий социум может сложиться и существовать без насилия над сознанием со стороны самого же сознания? Ответ: *никакой!* Ни семейный, ни коллективный, ни общинный, ни городской, ни национальный, ни уж, тем более, государственный. Разумеется, насилие насилию рознь, бывает, скажем так, и нетяжкое насилие, почти что и незаметное, чуть ли не добровольческое, успешно сочетающееся с самонасилием. Рядом с насилием, безусловно,

случается и ненасилие: воля, свобода, самость, самореализация. Однако превалирует вокруг всё-таки насилие, без которого ни порядка, ни права с законом, ни традиции, ни безопасности, ни обороны, ни завоеваний, ни освоенных, ни колонизаций, ни обновления, ни развития, ни прогресса, никакого вообще бойкого и... интересного (занимательного) жизнеотправления.

Однако есть насилие организационное, а есть насилие захватническое; есть эксплуатационное (человека человеком), а есть чисто грабительское; есть насилие ради жизни, а есть насилие ради смерти; есть, так сказать, разумное насилие, а есть, увы, вполне себе безумное насилие, и т. д. Великое множество разных насилий, чуть ли не бесконечное. Даже сопротивление насилию требует насилия, даже и возможность свободы, воли, самости, самореализации, которые, как «кажет» реальность, надо ведь всюду насильно отстаивать. Кругом, знаете ли, насилие, даже и при кажущемся где-то преобладании ненасилия.

Обычно думают, что только родители, школа, хулиганы, государство, армия, тюрьмы насилуют «бедных людей», а нет, вовсе нет, и церковь тоже, и mass-media, и та же реклама, и театр с «кином», и литература с искусством, и те же супруги насилуют друг друга, и дети родителей, и «родственнички», и... о-о!.. влюблённые, не говоря уже о мнимых любовниках.

Даже любовь не обходится без насилия, а что говорить о ненависти!

62

Ненависть!

Вот это феномен! Не просто игнорирование, равнодушные, нелюбовь, а в высшей степени эмоционально-экзистенциальное отрицание другого, которого попросту не должно быть, по крайней мере рядом, на глазах, в совместности.

Это-то отрицание другого всего интереснее, ибо ладно бы за какие-то «плохости», за нехороший проступок, за мерзкий порок, а то ведь... э-э... как бы ни за что, просто за то, что кто-то другой... *иной*, не такой, как кому-то хотелось бы, либо за то, что другой делает что-то лучше кого-то, либо ничего не делает, как и делает всё за всех.

Ненависть, о которой идёт речь, — продукт сознания и только сознания, она требует насилия, да не только над чем-то ненавистно кем-то отрицаемым, кого-то гонения и даже ликвидации, но и над самим ненавистно чего-то и кого-то отрицающим, чтобы зажечь, а потом и сжечь при случае ненавистника, а ещё требует насилия, может, не очень-то заметного, чтобы нейтрализовать сознание, могущее вдруг впасть в какую-либо к кому-либо ненависть.

Да, есть тупая ненависть сильных к слабым, как и высокомерная неприязнь победителей к побеждённым, но есть куда более сильная ненависть слабых к сильным и побеждённых к победителям, как, собственно, и ненависть презираемых подданных к зарвавшимся собственности, властей и юдоли народной предрежащим, обездоленных к хапугам, эксплуатируемых к эксплуататорам, в общем — ненависть угнетённых, униженных и оскорблённых к своим самоуверенным... э-э... насильникам — вот он, питаемый насилием и разжигаемый ненавистью, неугасимый очажок бытия-истории, в котором сие бытие неумолимо сгорает и из пла-

мени которой оно непрерывно возрождается — в новых вариантах всего того же — *насилия и ненависти!*

Дело тут не в моральных оценках, да и вообще не в оценках и не в морали — вещах, заметим, вполне метафизических — дело тут в фундаментальных фактах и их вовсе не моральных истоках: исходное сознание никакого отношения к морали вовсе не имеет, — как выходило само собой, так и выходит!

Ненависть к ближнему и насилие над ближним — очень даже всё это по-человечески, вполне осознанно и осознанно. Ужас вроде бы! Но почему же непременно ужас, ежели тут самая обыкновенная заурядность, пусть и нынешней лукавой моралью вовсю вроде бы осуждаемая?

Что поделаться, ежели сознание не мирится ни с собой, ни с другим сознанием, предпочитая именно *такую* самореализацию — борческую, насильническую, человеконенавистническую, а-а?

Само по себе сознание, может, и не зло, а вот в реализации своей как-то очень уж оно злоторно.

Факт!

63

Не о морали, изобретённой окультуренным-де человеком, тут речь, не о добре и зле, не о правде и лжи, не о справедливости и произволе, нет, вовсе нет, ибо что говорить о всюду и всегда проговариваемом, хорошо известном, пусть и с самыми добрыми намерениями — нам интереснее обратить внимание на исходные основания всего имеющего самое что ни на есть реальное место в феномене и бытии человека, а судить о том, хорошо это или плохо, достойно или

недостойно человека, красит его облик или, наоборот, грязнит, не входит здесь в нашу задачу.

Говоря о таких «вещах-моментах», как насилие, ненависть или то же безумие, мы желаем не только сконстатировать всё это, но и как-то понять его истоки, его генетическую органику с феноменом человека, с загадочным мирозданческим процессом, называемом человеческим бытием.

Для нас важно не так оценить, хороши или плохи «расы», с одной стороны, «господ-правителей-властителей», а с другой — «рабов-управляемых-подвластных», а сам факт неизбывного деления человеческих социумов на эти две «расы», пусть и в разных и изменяющихся во времени образчиках.

Цивилизации, способы бытия, жизни, хозяйства, социальные устройства отличаются во времени и пространстве только тем или иным способом деления социумов на эти две «расы», как и способом уживания и взаимодействия этих «рас» в пределах единого социума.

К этим двум общеисторическим основным «расам» целесообразно добавить третью — промежуточную, состоящую из специалистов, профессионалов, разного рода мастеров, делателей, творцов, которые хоть и могут принадлежать к одной из двух основных «рас», но могут бытовать и вне этих «рас», образуя свою особую социальную общность-страту, как бы и... никакую.

В общем — иерархия, лестница, ступенчатая пирамида. Это особенно характерно для цивилизаций, хотя кое-что похожее имеет место и в природных первобытных сообществах: везде так или иначе есть верхи, низы и кое-какая се-

редина, ибо людское коллективное сознание иначе существовать просто не может.

Здесь ведь не выдуманный человеком мыслящим прикладной метафизис, а воспринимаемый невольно и в общем-то трансцендентно человеком феноменальным исходный фундаментальный метафизис, то бишь некая реальная, вовсе человеком не выдуманная, откуда-то из глубины и с высоты, вы(на)двигающаяся, априорно заданная, неодолимая явленность.

И какое бы конкретно-историческое общество ни взять, везде одна и та же в основе структурно-системная картинка, пусть и с особенностями, и с вариациями, но всё-таки в конструкционном и контентном планах одна и та же, включая разные необходимые для человеческого бытия цивилизационные атрибуты, тоже, кстати, весьма идентичного между собой характера: от силовых властных институций до легковесных развлекательных заведений.

Напогляд социум вроде бы всего лишь организованная масса людей, и это так, но по сути своей социум есть не что иное, как *организованное общественное сознание*, состоящее из массы людских сознаний, — и вот эта-то организация большого сознания (сознаниевого поля) воспроизводит исходно бессознательно, а затем в процессе реального життя и вполне осознанно, принудительно-солидарновский социальный трафарет, освящённый насилием, ненавистью и кровью.

64

Сознание!

В точке бесконечной Вселенной, посреди необозримого Космоса, на шарообразной планете по имени Земля!

Всё это знать и не сойти с ума, ещё и утвердиться, быть, делать, претворять, стремиться к иному!

Что всё это значит, чего и кого ради, по чьему и какому замыслу, с чьей и какой целью?

Физика тут явно не причём, зато уж метафизика вполне причём, она-то за всё и отвечает, ни на что не отвечая, а не отвечая — таки отвечает!

Метафизике тут споспешествует Великая Неизвестность, этот невозможный и неодолимый образчик говорящего и творящего *Безмолвия*.

Ничего доподлинно не зная, метафизика, тем не менее, утверждает, что за всем этим — ПРОЕКТ!

Натуральное уродство и в то же время сакральная красота *проекта* в его тотальной *неизвестности*, восходящей не только к сокрытой от человека начальной исходности проекта — откуда он и зачем?, не только подтверждаемой путаной реализацией проекта, но и неведомой конечной завершённости проекта — с каким же результатом он — проект — станется (должен стать)?

Проект пронизан неизвестностью, он ею надёжно прикрыт, что обеспечивает не одну загадочность проекта, но и его конечную непреднамеренность (проект без проекта), однако проект столь же надёжно оснащён жаждой жизни (потенцией витальности), что не даёт проекту умереть посреди дороги, но это не всё, проект не менее надёжно оснащён сознанием, что даёт возможность не только вести проект, но и творить его, выходить даже за рамки проекта, делать его загадочно неопределённым, а потому и особенно

притягательным как для его инициатора, так и для его исполнителя — двух взаимообусловленных проектантов сразу.

Исполняя незнаемый общечеловеческий (общемировый) проект, сознание, борясь за жизнь и выживая, рождаясь в особях и с ними умирая, продолжаясь в потомках, производит открытое число своих, ему доступных в тот или иной момент, как и в том или ином месте, проектов — *зёмных проектов*, возможно, и подсказываемых извне (сверху, снизу, сбоку), которые, если им повезёт, утверждаются, совершенствуются, оттачиваются, сохраняются, консервируются, однако рано или поздно корродируют, трансформируются, развиваются, разрушаются, исчезают, хотя и в чём-то и как-то даже воспроизводятся, но всё-таки уступают место другим проектам (образам бытия), следуя *всеобщему принципу перемен*, заложенному в Великий Проект, никому из смертных так и неведомый.

Космос, жизнь, сознание — и везде *непременные перемены*, пусть и дискретные, прерывные, разорванные и разбросанные, не сплошные, но... *перемены!*

Вот и в проектировании человеческого бытия вездесущие и нескончаемые перемены: проект рядом с проектом, проект внутри проекта, проект вместо проекта, проект против проекта, проект в развитие проекта.

Проект — это не так даже замысел, как собственно вольно или невольно спроектированное бытие, образ бытия, способ бытия, формы бытия, устройство бытия.

Вот где и оно — *хозяйство*, которое далеко не только производство и потребление благ ради самой жизни и натурального выживания, а более всего производство и поддер-

жание *способа бытия* человека, общества, а теперь, кажется, уже и всего зёмного человечества.

История далеко ведь не только череда деяний, событий и происшествий, а ход *качественных перемен* в способе (способах) бытия человека, обществ, человечества в целом — от вызревания проекта (проектов) через его (их) реализацию и временное бытие до его (их) деградацию и погружение каждого из отработанных проектов в небытие.

65

Проекты, они же в своей реализации *способы бытия*, — и их в общем-то неисчислимое множество, хотя есть среди них и явно выдающиеся, вплоть до некоторого числа великих. Любые проекты участвуют так или иначе в бытии-истории, но не все из них воистине творят бытие-историю, становясь воистину судьбоносного значения *великими проектами*.

Раз есть проекты, то есть и *проектирование* — как субъективированное, имеющее своих авторов, так и объективированное, явных авторов вроде бы не имеющее — как более всего некое самопроектирование, как объективный самопроцесс. Реальное проектирование — процесс, видно, смешанный, попросту лишь с неизвестными в миру авторами (вроде так называемых «народных» песен, мелодий и танцев, как, собственно, и обычаев, ритуалов, молебствий).

Проекты и проектирование! Этими двумя словами можно в общем-то и ограничиться, лишь указав на некоторую их условность: «проекты» и «проектирование». Да, это деяния людей, но и «ходы бытийно-исторических вещей», включая и «ход неизвестности», причём не просто вообще

неизвестности как чего-то человеку роковым образом неизвестного, а как инициативно-деятельной «субстанции», иной раз вполне всё и решающей. То, что человеку кажется небытием (пустотой), на самом-то деле не чуждо и некоему *инобытию*, во всяком случае — это никак не только какая-то нейтральная пустота, хотя таковой, видно, тоже хватает.

Человек, существуя, идёт не по одному лишь бытию, он идёт и по небытию, по той же самой «пустоте», по неизвестности, а где в реальности больше и что оказывается значимее — большой вопрос, не имеющий для человека никакого конечного решения. Оснащённый знанием и им в целом ведомый, человек не может не только не раздумывать обо всём с ним происходящем, но и не может не предвидеть и не создавать всего с ним происходящего, пусть и в каких-то пределах, вовсе не целиком, а нередко и не в самом главном. Человек словно бытует в пусть и как-то им проходимой, но бесконечной и ему доподлинно неизвестной «тайге». И человек почему-то должен, пусть и с остановками, идти и идти вперёд, умножая свои знания о «тайге» и мечтая её обязательно насквозь пройти и непременно затем покинуть. Сознание гонит человека не просо по «тайге», а за её пределы, ибо сознание хоть и родилось в «тайге», но зачато было, видно, не там, не в «тайге», и стремится потустороннее зачатие «таёжного-де человека» куда-то за край родной-де ему «тайги».

Тут-то, худо-бедно, и проектирование с проектами: человек предвидит, предполагает, воображает своё ближайшее и последующее будущее, предвидя, предполагая и воображая своё будущее бытие, способ его реализации, отчего и проектирование человека с проектами, хотя всегда не

полное проектирование и с не до конца совершенными проектами, ибо человек проектирующий и создающий не просто зависит от неизвестности, инобытия, текущего хода своего бытия, а в них кем-то и зачем-то предусмотрительно и надёжно «засунут».

66

Проекты, о которых речь, в большинстве своём не так даже собственно проекты вроде инженерно-архитектурных проектов или тех же экономических планов-программ — это, скорее, некие ориентации из какого-то настоящего относительно какого-то будущего, имеющие или не имеющие шансы реализоваться как именно проекты, способные определить и практические способы бытия.

Все первородные проекты связаны у человека с его бытием непосредственно в природе, имеют собственные обоснование и целеположение, возникают, реализуются и бесконечно воспроизводятся в виде того или иного образа бытия, как бы никак и никем специально не спроектированного, а попросту как-то своим ходом по жизни сложившегося.

Да, какие-нибудь амазонские, африканские, австралийские или те же заполярные аборигены бытуют веками как бы не по проектам, а так — как за долгое время у них скомпоновалось, хотя, надо заметить, в преданиях своих они кое-что всегда проговаривают об исходных проективных инициациях со стороны каких-то их великих легендарных предков-предшественников, возводимых обычно благодарными потомками в статус богов, нередко и иномирного (небесно-космического) порядка.

Дошло дело в реальном бытии человечества и до более субъективных, осознанных и осознаваемых, проектов, что стало несомненным фактом в так называемое «историческое время», вышедшее не так уж давно из природного плена, ставшее цивилизационным и обретшее фиксацию в человеческой памяти с помощью внешнего для живого сознания и потому как бы особенно достоверного фактора — *письма*.

Не сразу, быть может, но появились более или менее достоверные авторы большого житейного проектирования, во всяком случае — явились кое-какие имена, обозначились замыслы, пошли деяния, а главное — явились сами проекты, вовсе и не обязательно выглядевшие и трактовавшиеся как именно проекты, скорее — не как проекты, а что-то как бы само собой разумеющееся и происходящее. И тем не менее «историческое время» — это уже история явных и неявных проектов, как и их вольного или невольного, осознанно воспринятого или нет, но исполнения, пусть и не всех проектов, вовсе не обязательно и лучших, скорее, наоборот — попросту более отвечавших даже не потребностям человека того или иного пространства-времени, а всего лишь его — этого человека — собственной сознаниевой природе — конечно, прежде всего, ведущих проект проектантов, в какой-то мере при этом тоже немало заранее спроектированных, ну а менее всего, конечно же, соответствовавших чаяниям большинства реально существовавшего там или сям люда.

Иначе, заметим особо, сознание — не сознание, человек — не человек, а бытие — не бытие, то бишь всё это никакой не трансцендентальный, не иномирный для зёмной природы человекообразный феномен-проект, предполага-

ющий для своей реализации кое-какие проективные вариации со стороны самого блуждающего в природе (в «тайге») и по своей природе неприродного человекообразного существа: суть человека ведь не в его животной природности, даже не в его сознании, хотя это и важно, а в *проективно-деятельской реализации сознания*, да не где-нибудь, а в *чуждой* ему генетически и по существу зёмной обстановке (в «тайге»), мало того — весьма *чуждого* ему, но вокруг всю бытующего сознания, включая и его — этого чуждого сознания — проективно-деятельскую реализацию.

Здесь-то, вообще говоря, открывается самое значимое и самое, надо полагать, в человеке непристойное: *фундаментальная чуждость человека человеку* — при самой, казалось бы, долженствующей солидарной взаимозависимости людского рода в пределах и от самого себя!

67

Вот она — трагедия человека, немало обусловленная его проективно-деятельным сознанием!

Неприятие другого!

Другого сознания!

Разумеется, было и имеет всю место и противоположное — *приятие другого* и *солидарность с другим*, даже и в добровольном исполнении, но бытием и историей более всего движет всё-таки борьба сознаний, в рамках или посреди которой случается и единение сознаний, чаще всего однако вынужденное, а то и попросту принудительное.

Сознание — это... *со-знание*, оно же и *со-знание* — знание самого себя прежде всего, а уж потом, знаете ли,

другого, причём знание самого себя не без противопоставления себя другому, а другого — себе.

И вот что интересно: самое что ни на есть социальное проектирование (не личностное вовсе, не групповое, не то же семейное) не избегает достаточно выраженного субъективизма — как инициационного и целевого, так и содержательного и функционального.

Сознаниевый эгоизм — сила!

И дело тут не в характерных эгоистах, хотя и в них тоже, а в эгоизменности самого сознания, которое мало того что *само-себе-сознание*, но ещё и так или иначе *противостоящее* другому сознанию, но и этого мало — имеет врождённую тенденцию к отвержению *другого* сознания — причём не так, как просто чужого, а как уже не просто *иного* — содержательно иного, не своего, на себя не похожего.

Да, сознания сходятся между собой, позитивно взаимодействуют, иной раз добровольно, равноправно, но по большей части вынужденно, совсем нередко и принудительно, но зато как здорово они между собой расходятся, будучи непоправимо разными содержательно, функционально, поведенчески, причём расходятся тоже как добровольно, так и вынужденно и, само собой, принудительно.

Отсюда и разность проектов и соответствующих им способов бытия — нет, вовсе не только от разности обстоятельств, весьма и действенных, а более всего от разности субъектов — авторов, исполнителей, держателей проектов и способов бытия, от разности их сознаний, которые вовсе не так характерны, как целые сознаниевые миры, в которых и от которых и рождаются проекты и способы бытия, не просто отличающиеся своеобразием, а претендующие на своё,

лучше, ежели приоритетное, место под солнцем, которого, как показывает житейская практика, на всех сразу и вполне почему-то непременно не хватает.

Претензии, противление, борьба — да не на отбор лучшего, а на уничтожение претендента, соперника, не только ожидаемого, но и вовсе уже бытующего, вовсе и не худшего, а... *другого*, по тем или иным параметрам *не своего*. И всё это как в единовременном пространстве (экспансии, войны, междуусобицы), так и в движении исторического времени (смены старого на новое, реформы, революции). Тут важно заметить, что и сами захватнические или переменные деяния тоже оказываются проектами, как и те же чисто грабительские завоевания, походы, набеги и т. п. излюбленные человеком сознательным амбициозные деяния.

И государство какое-нибудь — проект, и цивилизация, и любая религия тоже, но и любая война, и та же революция, и какая-нибудь утопия вроде того же коммунизма, — всюду проекты!

Проекты, проекты, проекты!

Реальное бытие с реальной историей тоже ведь *проекты*, да ещё какие!

68

Проект проекту — *рознь!*

Не одна лишь разность, а именно... *рознь!*

И такая бывает рознь, что борьба меж проектами разгорается совсем и не шуточная: *не на жизнь, а на смерть!*

Внутри человеческого рода идёт крутая экзистенциальная игра, главная ставка в которой не что иное, как... *смерть*: человек не только подчиняет и насилует другого

человека, не только его эксплуатирует, сводя иной раз до говорящего животного, не только глубоко презирает другого, но и безжалостно уничтожает, причём всё равно по какому поводу и каким из методов, включая и изощрённые.

Войны, убийства, унижения, грабёж, пленения, эксплуатация побеждённых и угнетённых, но и разнообразное, вплоть до идейного и религиозного насилия со стороны «сильного верха» в адрес «слабого низа» — никакие тут не исключения, а вполне себе экзистенциальная обыденность.

Все социальные, цивилизационные, государственные, имперские и т. д. проекты либо прямо предполагают насилие, людскую дифференциацию и строевую иерархию, либо рано или поздно — по исполнению переворотных, захватнических и фильтрационных проектов (субпроектов) — скатываются непременно к чему-либо этакому. И ничто, никакая «правильная идеология», никакие праведные жертвы, никакие справедливые победы добра над злом, никакие ветхие традиции и младые установки не могут помешать сей фундаментальной тенденции — проектировать, строить и лелеять всё что угодно, кроме гуманного, справедливого, равновесного общества.

Сознание, видишь ли, не позволяет!

Да-а, именно сознание! В нём-то и вся загвоздочка. От чего человек не может уйти, так это от сознания, которое всё в человеке, с человеком и от человека как раз и вершит.

Ладно, пусть так, но тогда для чего же человек вообще существует, зачем поганит Землю, какой же общечеловеческий, пусть человеку и неведомый, проект он реализует, натужно участвуя в сей проективной телеологии и своими проектами, между собой беспощадно соревнующимися, ещё

и насмерть — только ли за саму по себе жизнь на планете Земля, а может — и за кое-что другое, не исключая и какой-нибудь невообразимой бессмыслицы, ибо бессознание с безумием не менее дороги человеку, чем сознание и разум, даже, пожалуй что, только по сути они-то и дороги?

Вот в какой вопросик упирается ни на что полезное не годная трансцендентная метафизика, телеологично, но при этом и металогично разбираясь как с проектированием иномирным — *пред-человеческим*, *вне-человеческим*, так и с проектированием сеюмирным — *человеческим*, имея в виду и возможное проектирование междумировское — уже *пост-человеческое*!

Когда-то же, в какой-то момент бытия-истории, в какой-то сингулярной точке вселенского пространства-времени закончится же исполнение проекта «ЧЕЛОВЕК», как, возможно, и проекта «ЗЕМЛЯ» с сопутствующим ему проектом «ПРИРОДА» — и почему же тогда не задаться ещё одним мегавопросом — «*Чем же?*».

Однако сначала о великих зёмных, то бишь как будто бы вполне сеюмирных, проектах, о которых возможно какое-то зёмное же суждение: что это за проекты и куда они ведут?

69

Сознание, будучи феноменом неприродным (иномирным), позволяет человеку действовать не по-природному, не говоря уже о возможности воображать всё, что угодно (ну пусть почти что угодно), конечно же, тоже не очень-то природное, и, соответственно, не очень-то по-природному проектировать и вести своё бытие, мало того, идти, пусть и

с ошибками, витиевато, падая и поднимаясь, а то и разбиваясь вдребезги, хотя и зачем-то возрождаясь, по странноперспективной линии — *«От природы к неприроде»*.

Сознаёт это вполне человек или нет, но он разрабатывает и реализует, а может, всего лишь только реализует, разрабатывая лишь долевые субпроекты, *великий проект качественного движения бытия от природы к неприроде*.

Да, вполне возможно, что это всего лишь исполнение иномирного (*пред-человеческого*) проекта, рассчитанного, видимо, на проективную способность самого человека и на его осознанное или же попросту интуитивное стремление ... *вон!*.. из природы, из *этого мира*, из предложенного ему природного бытия.

История человечества, хоть и богата на всякие деяния, события и происшествия, но в глубинной сути своей она есть *история движения человечества от природы к неприроде*, а если уж говорить откровенно — *вырыва человека из природного плена*.

Вот он — генеральный вневременной смысл человеческого хозяйствования на Земле: не так вовсе ради выживания человека и даже не ради преобразования им природы, как ради вырыва человека из природы — во что-то *иное, неприродное, сверхприродное!*

Здесь, конечно, не так осознанное рвение, как трансцендентное стремление, на практике выраженное в созидании на планете Земля и в ближайшем ей космосе всё более неприродного и всё более обширного и целостного *искусственного мира*, разумеется, связанного с природой, с ней взаимодействующего, от неё питающегося, но всё-таки

не-природного по происхождению, содержанию и способу своей реализации.

Здесь имеет место не что иное, как реализация, включающая и материализацию, сознания, да-да, именно так — *сознания!*

Трансцендентное тут проектирование, обязанное неприродности сознания, его неприятию вполне и насовсем природы, а также выталкиванию сознания из лона природы самой же не вполне и не совсем подходящей для сознания природой.

Да, человек мог бы и даже хотел бы быть вполне природным существом, бытовать по-природному, что он и делал веками, немало делает и сейчас, но инстинкт неприродности таки одержал верх в человеке и он — человек — пустился прочь от природы: сначала в жилища с удерживаемым в жилищах огнём и идущим от огня теплом, затем в города, в замки и храмы, в повозки и кареты, на корабли, на заводы и фабрики, в учреждения, в поезда и самолёты, на космические орбиты, а теперь вот и в электронный виртуал.

Творчество, творение, сотворение, пересотворение — совсем не трогательные поэтизированные словечки, обращённые к чему-то хоть и трудовому, но очень возвышенному, а строгие обозначения дерзкой, тяжкой, беспощадной страды, то ли выпавшей на долю человека, то ли им самим неосмотрительно ухваченной — по созиданию *своего* мира, вовсе ему не данного, а им уже для себя неистово берущегося.

И чтобы выполнить функцию творения своего мира, человек неустанно пересотворяя мир ему данный, идёт на *всё*, включая, наряду с единением с себе подобными, их признанием и чуть ли не любовью к ним, не на что иное, как презрение к себе подобным, насилие над ними, их эксплуатацию, уничтожение несогласных и мешающих, не говоря уже о так или иначе противодействующих.

Межчеловеческие распри, столкновения и войны обусловлены не только борьбой за выживание, за место под плодородным солнцем, за присвоение благ и богатства, за господство одних над другими, как и не только соревнованием социумных и иных житейских проектов, — они обусловлены и натужно-непременным движением человечества, пусть и не всего и не сразу, а какой-то его части — *передовой*, да и то лишь в тот или иной момент бытия-истории, по в общем-то исходно трансцендентному, отчего и не очень-то известному и понятному человечеству, маршруту — *от природы к неприроде!*

Сие движение «от природы к неприроде», когда было более или менее осознанно и принято человеком, стало называться *прогрессом*, а силы, ему служившие и его ведущие, *прогрессными* (прогрессивными), в состав которых попали не только отдельные персоны, правительства, партии, слои и классы, но и целые народы, страны, государства, цивилизации и даже континенты.

Как бы то ни было, но непременное прогрессное лидерство того или иного субъекта-страны, той или иной творящей силы, того или иного идейного движения, никак при этом не пренебрегавших подходящей для этого идеологией, нужной политикой, любыми потребными для прогресса

действиями, не исключая при этом ни насилия, ни обмана, ни утопизма, ни лжи.

В передовых (прогрессных) центрах и аналогичных социальных верхах — деловое и управленческое лидерство, немало и закрытое от глаз и ушей людских, в частности, военное, политическое, метропольное, имперское, как и доступные «передовикам» практики, а по отставшей периферии и в отставших людских низах лишь вольная или невольная покорность доставшейся им судьбе быть эксплуатируемыми в пользу «прогрессоров».

Так или иначе, но... стала *мировая пирамида* — с передовым претенциозно усечённым (незаконченным, устремлённым вперёд и вверх) наверх и всем остальным её обширным «телом» вплоть до простейшей ресурсно-сырьевой подосновы.

Искущённому обозревателю нетрудно догадаться, что речь идёт о сначала чисто европейской, а затем уже евроамериканской, доведённой масштабно и в целом до западной, мировой по масштабам прогрессной пирамиде, формально ставшей доминантной где-то с середины II тысячелетия от Р. Х., однако возникавшей гораздо ранее, ещё до Новой эры, идя от пирамиды к пирамиде: Древний Египет с его жречеством и царизмом, Тризмегистом и реальными физическими пирамидами; Вавилон с его несостоявшейся пирамидальной башней; Древняя Греция с её философией, искусством, мифами, атлантами и поднебесным Колоссом; древний имперский мир с его могучим и вечным-де Римом; хитроумный Карфаген с его лукавой финикийской (денежно-финансово-кредитной) экономикой; Древняя Иудея с её библейским Иерусалимом и вдруг откуда-то явившимся

христианством; древние восточные цивилизации вроде Индии, Китая, Парфянии, Персии, Тибета с их восточного края социумными пирамидами; католический Рим во главе с империльным римским папством и религиозно-социумной, вполне и имперской, пирамидой; попытка возвращения в Европу древнего римства в образе той же Священной Римской империи незабвенного Великого Карла; сонм королевских пирамид по всей Европе.

В середине II тысячелетия всё потребное для прогресса в Западной Европе вполне счастливо и сошлось: римское мировое имперство; финикийский экономизм вкупе с производительным предпринимательством вроде бы христианизированных европейцев; древний интеллектуализм (эзотеризм и экзотеризм), вдохновляемый идеей-проектом построения Царства Божия на Земле; икаро-прометееводиссеевское, усиленное средневековым алхимизмом и возрожденческим «леонардизмом» стремление к чему-то *иному*, неземному и явно неприродному, в общем — к другому, к новому, к небывалому, но почему-то страшно чаемому.

И пошло-поехало, да что пошло-поехало — понеслось!

Всё прогрессное стразу!

71

Европа (Западная Европа) выступила в роли этакого идейно-проективно-делового *сингуляра*, вполне и метафизно-метафизического, в котором всё сразу сошлось и из которого всё последовательно в разные стороны вдруг разошлось: христианизированная Европа отпрянула от христианства, развернувшись в сторону уже было преодоленных

христианством античности и финикийства, но лишь для того, чтобы, лукаво извернувшись, приступить к реализации выработанного в тиши потаённых интеллект-мастерских дерзновенного замысла — проекта построения с помощью опытного знания, технического изобретательства, а также опутанного капиталом (возрастающими в деловом движении деньгами) и обращённого к безграничному использованию разнообразного наёмного труда свободного делового (промыслового) предпринимательства, не чего-нибудь, а принципиально *нового мира* — десакрализованного, дехристианизированного, секулярного, неприродного, искусственного, а главное — чисто человеческого, вполне уже осознаниенного, всесторонне интеллектуализированного, освещаемого светом чистого разума, оформляемого точным знанием, подкрепляемого мощью и ловкостью разнообразных технических устройств.

И Европе *всё это* удалось!

Разумеется, не без упорной страды — длительной, тяжкой, жестокой, беспощадной, кровопролитной, лицемерной, жуткой, безумной. Великая внутримежхристианская с мощным антихристовым зарядом общебытийная РЕВОЛЮЦИЯ, которой в известной истории не было и которой до сих пор нет, исключая разве надвигающуюся цифирную постчеловеческую революцию, вполне адекватного примера.

Ничто из европейского и параевропейского прошлого — как идея, замысел, концепт, проект, практика — не исчезло насовсем где-то в небытии, а сконцентрировалось в памяти той самой — вроде как бы средневековой — Европы, как и ничто из этого прошлого не стало и доминирую-

щим в той самой Европе, а смешавшись с новыми идейно-концептуально-проективными веяниями, выдало на гора нечто совершенно новое, точнее — двинулось, сломя голову, за чем-то новым, поначалу только почувствованным, а затем и всё более и более осознаваемым и формулируемым, мало того — разносторонне практикуемым и, худо-бедно, вполне достигаемым.

Целая россыпь евро-глобальных революций (это помимо нескончаемых местных междоусобиц и локальных войн). Революций религиозных, политических, сословных. Главное: *великая духовная революция* (освобождение человека от тенет природы и гнёта сакрала, торжество чистого гуманизма); *экономическая революция* (освобождение работающих на себя денег — капитала, кредита, инвестиций, наряду с освобождением труда и его деловым поглощением амбициозным капиталом); *культурная революция* (освобождение человека творческого от набивших оскомину «незыблемых истин», запретов, руководств и трафаретов); *научно-техническая революция* (торжество точного знания, разгул технического изобретательства, широкое применение металлов и машин).

И это ещё не всё из революционного наследия возбудившейся тогда Европы: *военная революция* (переход к строевой армии и развитие огнестрельного оружия); *топологическая революция* (Великие географические открытия и хозяйственное освоение новых земель); *империальная революция* (бойкая колонизация «открытого мира» и создание колониальных империй); *революционная революция* (высвобождение революционного духа и оправдание феномена революции, возникновение нелегального и легального рево-

люционного движения, апология «гуманистических революций»).

Европа — это РЕВОЛЮЦИЯ, а революция — это ЕВРОПА!

Всеобщий бытийственный, а не просто цивилизационный, переворот, обязанной, надо полагать, сакральной смычке проективных иномирных небес и работной зёмной преисподней.

72

Чего только ни происходило в *пан*революционном европейском котле, каких только там не случилось революций, усобиц, войн, но в то же время чего только ни выварилось в этом кромешном котле, как раз из всего того, что и составило на определенный исторический период не что иное, как НОВЫЙ МИР, ведомый, удерживаемый и совершенствуемый человеком и только человеком — прямо по своему свободному и своевольному разумению.

Да, вокруг неизвестность, незнание, небытие, но есть ведь и известность, и знание, и бытие, так почему же человеческому интеллекту не было взяться всерьёз и надолго за переделку известного ему мира, не применить практически своё умножающееся знание, не овладеть под себя всем известным человеку бытием!

Вызов Создателю?! Да, конечно — вызов, точнее — либо вызов, либо же никакого Создателя не было и нет вообще — какая разница! Главное — *человек*, его разум, знание, опыт, практика — и всё это наряду, во взаимодействии, вместе с природой, хотя во многом и вопреки природе, вне её.

Человек — самостоящий самостоятельный *творец*, творец *своего* мира, творец и *самого себя*!

Вот она — крайняя суть европейской ренессансной, а затем и просвещенческой, новомировской революции — в явлении *нового человека* — *свободного творца*!

А поскольку человек оставался-таки человеком — то бишь всего лишь наделённым сознанием зверем, то и само движение Европы по пути своей величайшей революции шло во многом самым что ни на есть зверским образом, парадоксально перемежаясь при этом с великими достижениями гуманистической культуры: условный «европеец», разделившись на «зверя» и «хомо», как и соединяя их в себе, либо падал в огненную, деловую и борческую, преисподнюю, эксплуатируя, грабя, наживая богатства, воюя, колонизируя, исследуя, препарирова, насилуя, сея смерть, либо взлетал в светоносную небесную высь, свободно и оригинально мысля, начиняя себя новыми знаниями, реалистическими образами, ловкими умениями, тонким вкусом, великим искусством, новой необычной красотой.

Вера не так в богов или в Бога, а прямо... в человека; любовь уже не так к природе, как к искусству; утешение не в покое, созерцании и погружении в себя, а в движении, познании, созидательных деяниях.

Переворот в человеке, его сознании, в его представлениях о мире, о себе, о природе, о сакрале. Да, есть бескрайнее мироздание, есть круглая планета Земля, вращающаяся вокруг Солнца, есть мириады звезд (солнц), планет, есть масса созвездий, но есть он — ЧЕЛОВЕК, который не где-нибудь, а в центре Вселенной, ибо он — ЧЕЛОВЕК — и есть ЦЕНТР!

Не более и не менее!

Революция сознания, в сознании, посредством сознания, а на деле — страшная, долгая, кровопролитная борьба за свободу от прошлого и устаревшего наследия и за утверждение чего-то нового и невообразимо стоящего, пусть и через тотальное насилие: за чего-то и кого-то высвобождение, за кого-то над кем-то доминирование, за кого-то к чему-то принуждение, за кого-то в чём-то порабощение; кровопролитная смена правящих и интеллектуальных элит; выход из тени новых господ (буржуа), страдательное выведение нового типа рабства (наёмный труд); гражданские и межгосударственные войны, включая и религиозные — за доминирование одних над другими, за уничтожение одними других, за империяльное господство над Европой, а затем и надо всем миром; но при этом и явление целого слоя (общества в обществе) новых «ловцов душ», богословов, интеллектуалов, философов, словесников, деятелей искусств, ученых, врачей, юристов, финансистов, инженеров, актёров, в общем — разнообразных гуманитариев, чего-то знатоков и в чём-то специалистов, творивших, поддерживавших и обслуживавших новый человеческий мир, его стремительно меняющуюся ноосферу.

73

Революция сознания, в сознании, посредством сознания!

Новый человек — *европеец*, хотя, конечно же, всё равно разный внутри себя генетически, этнически, культурно, как и институционально, этатически, даже и цивилизацион-

но (до сих пор, кстати, несмотря на вроде бы уже «единую Европу» — Европейский союз!).

Разный европеец, но и в чём-то... нет, пожалуй, вовсе не единый, а, скорее... схожий, — и достаточно сильно схожий, чтобы, несмотря на наличие разных там англичан, немцев, французов, итальянцев, испанцев и т. д., иметь всё-таки возможность говорить о некоем *универсальном европейце*, заметно отличающемся не только от азиатов, или тех же африканцев, но и даже от европейских по принадлежности славян, пусть и не всех, но от восточных и южных уж точно.

Вот уже полутысячелетие в земном бытии-истории навязчиво фигурирует тот или иной европеец — передовой, без традиционных предрассудков, самоуверенный, умный, рациональный, амбициозный, агрессивный, немало высокомерный, знающий себе цену — высокую, а главное — выигрышно возвышающийся надо всеми остальными «людьми», разбросанными по зёмному миру, всегда актуальный, новый, модный — мало того, что человек, а пожалуй что — и *сверхчеловек*, способный не только открывать и осваивать новые зёмные дали, но и их по-своему оцивилизовывать, подгонять под себя — *европеизировать*, мало того, вести повсюду захватнические войны, либо выгодно для себя торговать, включая работоторговлю, либо назойливо проникать в иные веси, вести там своё и чужое хозяйство, приворовывать, приграблывать, влиять культурно и политически, устраивать перевороты и революции, устанавливая лояльные к себе режимы, приручать под себя местных правителей, нещадно эксплуатировать аборигенов, подвёрсты-

вать страны под себя, а в итоге — *европеизировать*, пусть во многом и квазиевропеизировать, весь земный мир.

И очаг сей амбициозный, называвшийся Новой Европой, оказался настолько сильным, неугомным, экспансионным, проникательным, но при этом ещё и привлекательным, а главное — эффективным, что европеизация зёмного мира стала величайшим в человеческой истории достоверным фактом.

Революционная по сути и методам европеизация мира!

Не более и не менее!

Современный мир при всём своём генетико-историческом разнообразии — *европеизированный мир!*

Сначала христианская-де Европа отдалась на милость *антихристу*, не так даже не устояв перед его иудоканinovскими соблазнами, как не выдюжив жизни по Христу (сказалось-таки греко-культурное и римско-имперское наследие вкупе с карфагено-финикийской торгово-финансовой традицией, как и обращение европейских «мастеров-архитекторов» к гностическому образу мысли, восходившему к древне-жреческим знаниевым источникам).

Отдавшись антихристу, Европа, уже вольно и бурно бытовавшая по-новому, сама стала служить великим для всего неевропейского мира *соблазном* — либо назидательно-принудительным — от самой Европы, либо восхитительно-подражательным — уже в адрес Европы.

Европа как общемировой соблазн!

И было так, и до сих пор так всё ещё есть, причём, знаете ли, есть и за что!

Пусть хоть и лукавый, и лицемерный, и даже весьма лживый, не говоря о немалом коварстве, но... *всесторонний либерализм*: духовный, политический, идейный, культурный, социальный, электоральный, экономический, деловой, предпринимательский, исследовательский, изобретательский, издательский, местожительский, имущественный, собственнический, вовсе при этом не лишённый жёсткого порядка, тоже всестороннего, ещё и либерализм активный, энергичный, инициативный, движительный, созидательный, а главное — *новоплодоносный*.

74

Европейское плодоношение!

Куда ж от него — мощного, разнообразного, целостного, воистину переворотного, революционного, обновленческого?

Бытие-история *до* и бытие-история *после*: *до* и *после* самопревращения Европы в Новую Европу и системного выброса этой Новой Европы на весь зёмный мир. «До» — одно, «после» — совсем другое! Причём настолько другое, что не от Рождества Христова надо бы вести Новую эру, а от... увы!.. той же антихристовой Великой французской, а фактически европейской, если не мировой, революции — вот как!

Да — неприятно, да — противно, да — негоже, а что остаётся, ежели мир-то зёмный живёт не по *той*, а по *этой* Европе!

Европейские плоды — красочные, привлекательные, ароматные, вкусные, хотя и не без горечи, не без кислоты, не без яда.

Что это за плоды?

Разумеется, бросаются в глаза в первую очередь *техно-производительные достижения Европы*, стремительно и воочию менявшие и до сих пор меняющие, пусть уже с приоритетом заокеанской вторичной Европы — США, человеческое бытие — прямо по вектору неприродности, сверхприродности, искусственности, создаваемой человеком иномирности. Подкупают высокое качество, разнообразие и массовое изобилие производимых благ, ранее попросту немыслимые и невозможные. Европа — место и фабрика исполнения самых что ни на есть сказочных чаяний человечества.

Не проходит мимо любого заинтересованного внимания и образовавшаяся в Европе *либеральная экономика*, пусть и немало управляемая, как и немало лукавая, неправедная и несправедливая, даже и не в меру мошенническая, но... в целом-то эффективная, толкающая вперёд бытие-историю, задирающая его вверх по экспоненте.

Привлекателен, конечно же, и новоевропейский образ жизни, может, не такой уж и благодостный, но зато не столь обременённый, закомплексованный и замордованный сакрализованной традицией и выработанными за века тесными условностями, гораздо более либеральный, гибкий и подвижный, даже более человеческий — не так за свою большую мораль, как за допущение вне пределов закона людской греховности (грешен человек, слаб, ну пусть себе и грешит, коли закон тому не препятствует!). В общем — более или менее *свободный человек* в Европе, а ежели чем-то и впрямь обременённый, то, помимо вездесущего закона, более всего лишь личными стесняющими обстоятельствами.

Нет, европеец вовсе не совершенен, скорее даже наоборот — весьма и порочен, но зато куда как более свободен от внешних культо-социумных уз. К тому же европеец инициативен, деятелен, успешен, зажиточен, нередко и богат, в общем — *индивид* это, *личность*, *субъект*, за себя ответственный, знающий себе цену и всё своё за себя более или менее решающий. Не идеал, конечно, но... сам-себе-«людь», что как раз более всего и важно.

Привлекательно для внешнего мира и институционально-политическое устройство новоевропейского социума с его гражданским либерализмом, верховенством закона, завидной сменяемостью фигурантов во власти, независимостью того же суда. Хотя всё это называется в Европе *демократией*, но это, конечно же, никакая не демократия — как собственно власть народа, а, скорее, элитократия, однако с сильной, как правило, либеральной составляющей, со сменяемостью правящих персон, группировок и даже элитных страт. Что говорить, есть в Европе социально-политическая матричная динамика и нет застывшей ради самой себя социумно-властной матрицы, что, надо заметить, обычно элитами бдительно оберегается, за исключением случаев их — этих элит — разворотов в сторону автократии и даже тоталитаризма, что в Европе тоже, увы, случается, по крайней мере, неоднократно имело место, не исключено и в будущем.

75

Новая Европа дала миру не что иное как... *новое сознание*, причём не в обыденном поведенческом аспекте, что понятно, а в плане конструктивных смысловых оснований

сознания, что более всего проявляется уже не на обыденно-поведенческом, а элитарно-творческом уровне.

Европа родила новый мировоззренческий и ментально-функциональный (умственно-размыслительно-деятельный) *концептуализм*: поначалу в среде господствующего христианства посредством его трансформации сначала в католицизм (схизма), а затем в так называемый протестантизм (Реформация), а в дальнейшем развила его уже и за пределами традиционного религиозизма вообще (атеизм).

Гуманизм, рожденный активно преобразовавшейся Европой, хоть и имел вероисповедальную окраску — веру в человека, но был всё-таки более заменителем религии, чем собственно религией.

Сознание уверовало в самого себя!

И, освободившись от природогенных условностей и сакральных религиозных императивов, выдало, испытывая не меньшую пассионарность, чем это случалось в моменты массовых религиозных инициаций и подъёмов, не то чтобы совсем уж новое, ранее в разных местах зёмного мира не бывшее, но, безусловно, в такой сильной концентрации и с таким распространением, что стало возможным говорить о чём-то всё-таки действительно *новом* и к тому же *великом*, а именно — реально работающем и вполне практически эффективном *гнозисе*, исходно сориентированном на изначально, устроительно, движенчески и результативно сугубо *материальный* и вполне себе самостоятельный, включая и всё живое в мире с человеком заодно, *онтос*, мало того, что познаваемый сознанием до нанопиброчки, но и им — сознанием — целеположенно переделываемый.

Овладение таким вот гносео-онтологическим мировоззренческим концептом дало старт мощному потоку когнитивно-творческой деятельности, который со временем стал именоваться *наукой*, а сам исходный концепт был определён уже как *научный*.

Наука — позитивное, выверенное, доказываемое, точное (пусть и почти точное), деятельное, эффективное знание о мире и человеке в нём, позволяющее не только достоверно судить о познаваемом предмете, но и целеположенно на него воздействовать, мало того — переделывать, создавая в его лоне и что-то совершенно новое, вполне себе немировское, но зато человеческое.

Если допустить, что мир и сам человек не сводятся вполне к научно представляемым и трактуемым объектам, то всё равно в мире и человеке есть нечто, прямо или косвенно либо подлежащее научному исследованию и соответственному деловому оперированию, либо попросту наукой принудительно схватываемое, пусть и с неопределённым успехом.

Так или иначе, но в Европе сформировался в конце концов особого рода тип человека — научный, онаученный, наукообразный, причём, ладно бы это касалось некоторого числа так называемых учёных (б. алхимиков), а то ведь и целого слоя населения, да что слоя, уже и масс — по-научному образованных в открытых в Европе школах, колледжах и университетах, а потому и по-научному... сделанных.

Именно так: *сделанных!*

Отсюда получается, что европеец, даже и верящий в Бога и регулярно посещающий религиозные службы и со-

брания, в своём сознаниевом стержне не кто иной, как... *научник*, если и не очень по внутренним убеждениям, то уж обыденно воззренчески и практически функционально — точно!

Новая европейская цивилизация в ядре своём — *научная цивилизация*, что не значит, что вся Европа занимается наукой, но что значит, что не только интеллект, но и сам дух Новой Европы насквозь онаучены.

76

Научное, или же попросту онаученное, сознание — вовсе не обязательно, что профессионального учёного, специалиста-научника или же довольно образованного понаучному человека, нет, совсем нет — таковым оказывается в той или иной мере сознание подавляющего большинства бытующего в научную эпоху населения — как той же Европы, ибо ничего другого, кроме вселённой в сознание так называемых грамотных людей обыденной научности, этим самым людям не то что вообще неизвестно, а всего лишь им попросту не особенно по жизни и нужно.

Онаучивание сознания сродни... э-э... зомбированию, если не манкуртизации, правда, с обратным знаком — не лишения сознания памяти и знания, а наоборот — его насыщения знанием, как раз научным, однако со сходным итоговым результатом: там — выхолощенный овощ, а здесь — налитой фрукт; там — недочеловек, здесь — если ещё не сверхчеловек, то хотя бы сам-себе-человек, человек-вообще, этакий человек-кокон, не лишённый вроде бы души, но ей уже сильно не преданный, а потому и весьма посторонний для всего нефизического, включая и реальный

метафизис, который им не замечается, не воспринимается, не признаётся, который он игнорирует и решительно отвергает. Вот и выходит научно-де просвещённый и буквально набитый наукообразным знанием... э-э... *манкурт*, может, и *манекен*, этакий пусть вовсе и не зверь, но и не полномерный человек, а так — *получеловек*, причём, заметим, не от природного рождения, а от неприродного воспитательного перерождения.

Ренессанс был ещё весьма метафизичен, хотя и избавлялся шаг за шагом от прежней — чересчур уж сакрализованной (христианской) — метафизики; не таким уже было Просвещение, не только не благоволившее к метафизике, но и постаравшееся её вообще изгнать из обихода, даже из философского, привязав оставшуюся от изгнанной метафизики философию непосредственно к науке, покончив тем самым и с философией как таковой (то, что наука — не философия, понятно, но ведь и философия — не наука, что уже не столь понятно, хотя и вполне достоверно).

Ренессанс — идейный триумф человека над природой и сакралом с явным тогда обогащением человеческого сознания по вектору «от одной метафизики к другой», хотя и уже заметно менее в основе метафизической; Просвещение же — вполне себе идейный триумф науки над человеком с неявным, но действенным, обеднением сознания по вектору «от всякой метафизики к одной лишь физике».

Человек в итоге ушёл в своём сознании к своей физической сеюмирной данности, к натуре, к организму, к химии, немало потеряв в духовности, сакральности, иномирности. Более, быть может, умственный, более практически знающий, рассчитывающий, проектирующий и деятельный,

но и более понятный, считываемый, проектируемый, моделируемый, а главное — управляемый: что в делах чисто научных, где он более всего безморальный исследователь и открыватель; что в делах технических, где он эффективный изобретатель и хитроумный конструктор; что в делах экономических, где он ловкий монетарный расчётчик и лукавый финансист; что в делах хозяйственных, где он смелый преобразователь природы и крутой создатель искусственного мира — творец; что в делах юридических (правовых), где он самозабвенный знаток всего с великим тщанием придуманного запретительно-наказательного словесного уложения; что в делах политических — где он гибкий участник разного рода сомнительных комбинаций, компромиссов и розыгрышей; что в делах военных, где он, если не рядовой артикул, то командный, а ежели не артикул, то беспощадный к своим и чужим артикулам военно-научный игрок — тактик и стратег.

Онаученный человек — человек внешнего, в него внедрённого и ему систематически поставляемого безапелляционного (верного) знания, и он — этот человек — живёт и действует в соответствии с этим знанием, способным не только отражать реальность, но и её создавать — посредством научно-де обоснованного управления.

77

Ежели до нового европейского преобразования человек в той же Европе был в сердцевине своего сознания в той или иной мере «метафизиком», пусть при этом и не совсем «хорошим» человеком, даже и «плохим» (звероподобным), то с преобразованием своим человек-европеец стал в ядре

своего сознания более всего «физиком», при этом, может, даже и «хорошим» человеком, более, так сказать «гуманным» (человекоподобным), но главное тут было в том, что новоевропейец этот оказался явно уже *другим человеком*, может, и лучшим, чем раньше, но гораздо более системным, винтичным, механическим, управляемым, что означало не только исполнение тайного преобразовательного проекта, но и открытие новых возможностей по проектированию и вытворению чего-то ещё более нового, неприродного, искусственного, как и соответствующего всему этому новому ещё более нового человека.

Просвещённый научным знанием европейский социум наполнился разного сорта и уровня проектантами, исследователями, конструкторами, инженерами и, конечно же, управителями (менеджерами) — это с одной стороны, и различного профиля исполнителями, работниками, мастерами, трудниками — с другой стороны, — и что интересно: уже без наследных королей, князей и герцогов, как и прочих привилегированных больших, средних и мелких властителей — с одной стороны, и без безгласных подданных и бесправных рабов — с другой.

Великолепный получился творческий, деловой и рабочий социум — с мощным физикалистским ядром в сознании, без ставшего уже ненужным метафизического сердцебиения!

Свобода, равенство, братство!

Пусть и не совсем и не во всём реальная свобода, пусть и не для всех и не во всём равенство, пусть и не полное и не всеобщее братство, но всё-таки уже не тотальное насилие, не пожизненное неравенство, не вездесущая враж-

да, да — массовое и элитное несовершенство, но пусть *это* или *такое* несовершенство, чем не столь тогда отдалённое, вполне уже зарекомендовавшее себя невыносимым, незыблемое иерархическое совершенство.

Революция, всеобъемлющая перемена, инобытие!

А если к великой идейно-концептуальной перемене, постигшей тогдашнюю Европу, добавить вдруг разыгравшуюся у немалой части европейцев беспокойную созидательную удаль — предприимчивость, вполне надо полагать, римско-карфагено-скандинавско-варварского сплава, то реальная бытийная перемена в Европе покажется не просто возможным, но и необратимым историческим фактом.

Европейский предприниматель под личиной и в роли торговца, ремесленника, крестьянина, ростовщика, мореплавателя, воина, колонизатора, даже и художника, словесника, музыканта, шоумена, ну и, разумеется, властителя, аристократа, церковника, всё равно кого и как, сделал своё великое историческое дело, не только превратив Европу в Новую Европу, но и задав вектор и модель превращения всего мира в Новый мир.

Сработала особого рода европейская пассионарность — обновленчески-созидательная, а всё это, видно, по причине Христовой (не церковной) свободы выбора, чем и воспользовался неустойчивый в вере протестный европеец, склонив свою амбициозно-агрессивную голову перед прельстительным антихристом.

Святая инквизиция, яростно вроде бы борющаяся-де с антихристом антихристовыми же методами, лишь помогла нараставшему европейскому обновленческому настроению, запятнав ещё более церковь — как раз «плохим» антихри-

стом, но зато обелив тем же антихристом, но уже «хорошим», усиливавшийся обновленческий протест.

78

Европейское разнообразное и вездесущее предпринимательство сыграло в *Новое мировое время* колоссальную созидательную и обновленческую роль, послужив для сложнейшего бытийно-исторического процесса чрезвычайно действенным *аттрактором*: чьим и каким бы ни был по сути новоевропейский постхристианский проект, его реальное, при этом и вполне инициативно-творческое, исполнение остаётся за воистину пассионарным европейским предпринимательством, причём вовсе не только за экономическим, производительным или тем же изобретательским, а и за любым другим из вообще по жизни возможных — вплоть до революционного (революция, чем не предприятие с предпринимательством, а-а?).

Вся Европа Нового времени, да немало и прошлого, как и настоящего — *единый комплексный предприниматель*, — разве не так? Сейчас, правда, вкупе уже со всем Западом, возглавляемым теперь не так уже старушенцией Европой, как её амбициозным, хоть уже и не юным, детёнышем — США.

Ренессансная революция, сама вытолкнутая на свет Божий под напором мощного хомоэнергетического потенциала, накопившегося в подуставшей от тотальной религиозности христианской Европе, высвободила из плена колоссальные динамические энергии и силы, разворошившие Европу и ввергнувшие её в состояние разрушительно-созидательного хаоса, искавшего, однако, какого-то кон-

структивного творческого разрешения. Сама огнедышащая преисподняя поднялась тогда наверх, чая делового сцепления с проективными небесами, — и что интересно: ей таки *это* удалось!

Хаос, именно хаос воцарился в тогдашней Европе, тот самый хаос, без которого ни тебе расправы с отжившей стариной, ни вольного поиска чего-то иного, ни возможного реального обновления. Да, вроде бы вокруг борьба всех со всеми, но при этом не только борьба, но и солидарные единения одних с другими; да, жестокие схватки, усобицы, войны, но и спасительные государственные, армейские, церковные и иные институты вроде тех же деловых союзов, предпринимательских корпораций, авторитетных властолюбивых семейств (фамилий), главенствующих кланов, политических партий, закрытых клубов и организаций, тайных сговоров, частных вооруженных формирований, обыкновенных разбойных банд.

Из хаоса шёл не без насилия, жестокости и жертв новый европейский порядок, точнее, некий набор новых европейских порядков — национально-государственных, частно-корпоративных, клирикально-церковных, социально-гуманитарных, ну и, конечно, экономико-производительных вкупе с научно-конструкторскими, а вместе с ними со всеми возник и *новый европейский мир* — сложный, подвижный, синергийный, а главное — развивавшийся, прогрессный, неуклонно возвышавшийся перед самим собою и возвышавшийся надо всем остальным миром.

Европа, пусть не вся сразу, а долями, сменявшими друг друга во временном первенстве, стала гигантским антихристовым предприятием (а антихрист, заметим, не так

даже враг Христу, как некий Христос-наоборот — замысловатый, лицедейный и деловитый), стала как раз тем самым предприятием, реально исполнявшим потаённо выпеченный «умными силами» бытийно-исторический проект, концептуальные истоки и попытки реализации которого были весьма древними, но не то чтобы неудачными, а всего лишь не к сроку своему историческому когда-то подходившими.

Европа же оказалась великой в сем накладном деле успешницей, в чём ей безотказно послужило роковое сочетание трёх моментов: античного в широком смысле искусства, бодрого финикийского экономизма и римско-скандинаво-варварской силовой агрессивности, конечно же, под сенью благотворного христианства с бдительным водительством неугомонного антихриста.

79

Пережив Римскую империю, а затем паневропейские имперские притязания того же Карла Великого и отвергнув аналогичные поползновения римского папства, взбаламученная ренессансной революцией Европа предпочла, пусть в основе и вынужденно, *топологический полицентризм*, образовав на территории западной Европы разноликие и разнокалиберные, но независимые друг от друга, хотя и страстно конкурировавшие между собой государственные образования, не стесняясь при этом вести не только внутренние межклановые и идейно-религиозные войны, но и межгосударственные войны, вовсе не очень-то уважая права соседей и конкурентов: фактическая политическая и политическая Европа складывалась в жёсткой, местами жестокой, а иной раз и беспощадной, внутриевропейской борьбе,

стимулируемой воцарившимся хаосом и вымучивавшей из него какой-то сносный жизнеотправительный порядок.

Россыпь конкурирующих и воюющих между собой государств, среди которых стали выделяться крупные центровые государства, либо более или менее моноэтнические, либо изрядно полиэтнические, но так или иначе заявившие о себе как *национальные*, как государства-*нации*.

Национальная форма была принята многими европейскими этно-государственными образованиями, хотя она не всегда совпадала с их реальным этническим составом, да и не совпадает во многих странах до сих пор. Англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы, как и многие другие из европейцев, не более чем политически, идейно и культурно объединённые в собирательные населенческие образования, а никак не собственно этнические целостности.

Однако феномены *нации* и *национального государства* — несомненное достояние Новой Европы: Англия (Великобритания), Франция, Германия, Испания, Италия и целый ряд иных европейских государств-наций — не просто формальные атрибуты реального бытия-истории, а его важнейшие творческие — и крайне по-своему оригинальные — субъекты.

Произвольное формирование в Европе сонма независимых национальных государств сопровождалось не только межгосударственными усобицами, но и движением по другому произвольному вектору, от которого ренессансная Европа вроде бы отказалась, но который она вовсе не забыла, а именно — *имперскому*, что выразилось прежде всего в возникновении в Европе ряда колониальных империй, но при этом и в тенденции как к образованию внутриевропей-

ских империй, так и в стремлении некоторых из них к созданию под своей эгидой *единой паневропейской империи*: отринутый и подзабытый было дух Юлия Цезаря и того же Карла Великого вовсе не выветрился из Европы, наоборот, по прошествии некоторого кристаллизационного времени вновь стал восставать и проявляться в Европе, да не спиритуально только, а и в реальных действиях, войнах, завоеваниях. Тут уже не шло речи о конкурирующих между собой независимых государствах, тут уже заходила речь о *единой паневропейской империи* — под эгидой что Испании, что Франции, что Германии — какая разница!

Имперский дух, он же и имперский демонизм — столь же присущ Европе, что и дух экономический, предпринимательский, научно-технический, обновленческий, революционный, не говоря уже о демонической сути самого европейского антихриста.

Органика, она и есть органика!

Куда ж от неё?

80

Революционная ренессансно-просвещенческая Европа породила... э-э... РЕВОЛЮЦИЮ, что-то вроде постоянно присутствующей в социуме. беспокойной, горячечной и неисчерпаемой, субстанции — идейно-духовной, разумеется, но не лишённой вовсе своего коллективного субъектаноносителя — класса от революции, некоего пластичного, пёстрого, переменчивого по составу и переливчатого по облику слоя протестантов-переворотчиков, столь же профессиональных, что и те же учителя, юристы, медики, булошники, предприниматели, артисты, банкиры, уборщики, ас-

сенизаторы, да вовсе не так буйных бунтовщиков, как самоуверенных и гуманитарно просвещённых претендентов... на власть, на депутатство, на министерства, вообще на верховенство в бытии и на водительство самой историей.

Любопытно, не правда ли?

Сегодня ты вроде бы изгой, нередко и добровольный (вроде юродивого), завтра ты уже непреклонный и пламенный революционер, а уже послезавтра, глядишь, уже и член правительства, а то и авторитарный правитель, да ещё и в большой стране, в целой империи.

Недурно!

Чем не целевое политическое предпринимательство?

Да ладно бы из действительно угнетаемых, эксплуатируемых, лишённых доступа к благам и нормальному жизнеотправлению, а то ведь и из социально благополучных, материально обеспеченных слоёв, из грамотеев, профессионалов, учёных, профессоров, литераторов, деятелей искусств, мало того — из управленцев, даже из властей предрержащих, даже из охранных и силовых заведений, даже из аристократов, даже из царствующих домов! О-о, либерализм, динамика, прогресс — самые что ни на есть стимуляторы перемен и революционной активности их адептов, особенно ежели не очень-то законных перемен, как и в чём-то и как-то несправедливо-де обойденных их адептов.

Да и обычно сдерживаемый людьми демонизм, как и обыкновенно подавленное нелюдское бесовство, — куда от них обществу деться, как и им самим куда податься как не в революцию, когда себя проявить, как не в моменты всеобщего обезумливания, хаоса, приступов самой преисподней?

Обстоятельств и поводов для недовольства и революций всегда хватает: несправедливость, корысть, коррупция, униженность, обделённость, обкраданность, оскорблённость, но и отсталость, инертность, а то и паралич бытия, неэффективность управления, его неправота, та же жестокость или же, наоборот, слабость наличной власти, как и исчерпанность, недостойность и бесполезность элит, да мало ли что ещё, включая несправедливое распределение собственности, благ, богатства, доходов, прав, ответственности, жертв и т. п. вещей, хотя революции случаются и без столь фундаментальных поводов и вне очень уж тяжких обстоятельств — почти что и необъяснимо, вроде внезапного урагана, острой скоротечной эпидемии, нашествия саранчи, грома среди ясного неба, выстрела из мирно висевшего на стене ружья, хотя у любой революции есть какие-то корни с корешками, движущие силы и стимулирующие толчки, обнаруживаются всегда и чьи-то интересы, находятся и сознательные инициаторы с исполнителями.

Революция — всегда момент вдруг вспыхнувшего *коллективного безумия*, — подготовленный ли момент с упорно вызывавшимся на гора безумием или же неожиданный скачок в бездну с выплеском огненной преисподней, не так уж это и важно!

Хотя наличествуют и чьи-то расчёты, и планы, и тактики, имеется и мощное идейное подкрепление, включая большие философские наработки, развёрнутые учения и тщательно продуманные политические программы.

Любая революция непременно сопровождается контрреволюцией, следственно — гражданской усобицей, а то и откровенной войной с обильным кровопусканием, а завер-

шается революция столь же неперемнной антиреволюцией с напряжённой разборкой, частенько и обильно смертоносной, как между самими пламенными революционерами, так и с самими с ними— героями революций.

Не совсем верно, что плодами революций пользуются по преимуществу негодяи, а сами революции совершаются лишь самоотверженными героями, — всё тут выглядит на практике иначе: и негодяи всю творят революции, и плодами революций пользуются не одни лишь отпетые подлецы.

Революции — срывы бытия-истории, вспышки его трансцендентного сознания-бессознания, его ноосферы, и хотя они, как правило, осознанно кем-то жаждутся, готовятся и делаются, они не перестают быть как раз именно *срывами*, надо полагать, и *необходимыми!*

А как ещё радикально меняться, перестраиваться, перетасовываться, если не революционно — демонически и по-бесовски, вызывая на помощь бессознание и безумие, выпуская на арену что-то вроде хищного голодного зверя?

81

Европа разная, многоликая, полиморфная. Целый мир — сложный, противоречивый, раздорный. Полифонический. Диссонансный и резонансный одновременно. Многомерный и разносущий. Калейдоскопический. Стайный. Имперский по духу, хотя и не имперский долгое уже время по целостному устройению (нынешний ЕС — лишь прообраз паневропейской империи, но пока еще никак не полноценная империя).

Европа — зверь, хищница, чудовище!

Однако и красotka, и прелестница, и душечка.

И великая умница, созидательница, сотворительница.

И величайшая искусница — на уровне и в образе столь же великой искусительницы.

С чем ещё можно сравнить величайшие достижения Европы не только в экономике, науке и технике, не только в производстве благ, но и в новой философии, в новом искусстве: в живописи, скульптуре, графике, музыке, театре, а также в словесности, прозе, поэзии, как и в красочных карнавалах, ярких празднествах, светской куртуазности?

И всё это вдохновенно, пусть и не без влияния вездесущего антихриста, но... наивысшей, так сказать, гуманитарной пробы!

Европейский образ человека, европейский образ бытия и европейский образ искусства — они-то и оказались если не главными, то уж самыми действенными соблазнами «от Европы» для всего планетарного мира, а соответственно и его идейно-культурной европеизации, конечно же, метропольной по духу и колониальной по реализации.

Высвобожденный Ренессансом и отшлифованный Просвещением *европейский гуманизм* дал действительно великие творческие и экзистенциальные плоды, определившие притягательное для всего мира лицо Европы, хотя никто нигде и никогда в мире, кроме разве примитивных восторженных «европеоидов», особенно не заблуждался по части прикрытой этим притягательно святящимся ликом тёмной европейской личины, как раз той самой — звериной, хищной, чудовищной, ещё и лукавой, лицемерной, лживой, что, кстати, нашло отражение и во многих европейских литературных, художественных и даже музыкальных творени-

ях — правдивых, откровенных, ужасных, вплоть до едко и беспощадно карикатурных.

Да, таковой сталась Новая Европа, счастливо соединившая в себе белое и чёрное, зелёное и красное, синее и жёлтое, в общем — все возможные цвета перекраиваемого в творческом модерновом раже европейского жития, не просто радикально изменённого новым европейцем, но и бесцеремонно им вывернутого — прямо в направлении к самому себе — ЧЕЛОВЕКУ, со всем, увы, исходным и благообретённым когнитивно-духовным его наполнением — тоже ведь многоцветным!

Человек — его освобождение от оков природы и тенет сакрала с непременным высвобождением мощных экзистенциальных энергий и безграничных творческих сил — сладкие и красивые, горькие и ужасные плоды — Новая Европа — европеизация планетарного мира — бытийно-исторический рывок человека в неизвестное, но чаемое им как благое, будущее.

Не слабо!

82

Ах, эта чудесная, чюдная и чудовищная Европа!

Полтысячелетия упорного, неустанного и целеустремленного обновления, преобразования, расцвета.

От поколения к поколению — переменено, дискретно, турбулентно, в борьбе и в хаосе, посредством вольного разнообразного предпринимательства, с безудержной эксплуатацией работника и обильным кровопусканием, посредством сонма революций и войн, но телеологически одним и тем же верным курсом: от *этого* мира к миру *иному*!

Какая же сила, помимо постигнувшей Европу деятель-
ской и творческой пассионарности, включая и забурлившую
присвоенческую алчность, вела Европу из века в век по но-
воевропейскому пути?

Проект-то проектом, а вот изменчивое бытие согласно
проекту — совсем другое дело, тем более что ни тебе за-
метного единого центра управления, ни провозглашённого
на миру плана, ни строго достижимых целей.

Вроде как всё шло в Европе само собой, в ходе вещей,
чуть ли не стихийно, хотя в известном отношении так оно и
было, но... но всё-таки не без участия какой-то сознатель-
ной конструктивной воли, распростёртой по всему европро-
странству и по текущему евроременю с выходом и на ми-
ровые масштабы. Разумеется, не могла не сказываться ко-
гда-то возникшая от потребности перемен и их начала бы-
тийно-историческая инерция, захватившая возбуждённого
ради перемен европейца, но ведь возникал и какой-то об-
щий пространственно-временной лад, как раз новоевропей-
ский, если и не прямо проектный, то уж явно общеконцеп-
туальный. Как будто из одного зерна, ядра, яйца, эмбриона
вырастала Новая Европа, из какого-то единого сингуляра, из
общего когнитивно-сознаниевого источника, чуть ли не из
одного «мозгового треста», — и при этом в соответствии
если и не с буквальным проектом, то уж с каким-то доста-
точно общепризнанным, пусть и не слишком определённым,
замыслом.

На ум, конечно же, приходят всякие там тамплиеры,
масоны, розенкрейцеры, восходившие в своей практической
учёности к древним герметикам, эзотерикам, гностикам,
греческим мудрецам. Среди такого рода неоевропейцев бы-

ли и алхимики, и философы, и учёные, вообще всякие метафизики, лабораторные опытники и технические изобретатели, но они вряд ли смогли бы осуществить, пусть ими непосредственно и задуманное, тотальное преобразование Европы и даже всего мира управленчески, хотя, безусловно, могли сему преобразованию немало способствовать и верно служить.

И вот на другой уже ум приходят кое-какие из реальных хозяев Европы, её владельцев, в лице правивших в то или иное время в Европе династий, вездесущей, вовсе не такой уж вассальной, аристократии, прежде всего военной, непременно и хитроумных и удачливых финансистов и предпринимателей, действенных политиков, а также церковной верхушки, вплоть до самого папы римского — вот эти-то персонажи, отвернувшиеся от послеримской христианизированной Европы и повернувшиеся в сторону иной, пусть ещё только подуманной — уже и антихристовой — Европы, вполне могли взяться за создание и реализацию далеко идущих преобразовательных намерений-планов, рождённых, возможно, и при участии тех же тамплиеров и им подобных «тихих» проектантов, а, затем уж, завидя первые перестроечные успехи, сделать строительство Новой Европы и нового мира постоянным, переходящим от поколения к поколению, историческим делом — уже и сакральным, оказавшимся, кажется, в практическом аспекте даже покруче церковно-христианского.

Вот такое случилось в Европе новоевропейское и новомировское «глубинное правление» — паневропейское и панвременное, живучее и эффективное, пластичное и стойкое, проектирующее и решающее, элитарное.

Европейская перестроечная элита — явление!

И ещё на ум приходят разные сакрально-символические сооружения, возведение которых как раз было в веках и остаётся сегодня близким по духу, идеям и решениям тем же тамплиерам (храмовникам) и им подобным архитекторам-строителям-каменщикам (масонам): египетские пирамиды и тот же храм Изиды, Вавилонская башня, афинский Акрополь, иерусалимский храм Соломона, римский Капитолий, константинопольская София, ватиканский собор св. Петра, собор Парижской Богоматери вкупе с загадочным шартрским и другими французскими соборами, лондонский Вестминстер, собор в Севилье, кёльнский собор, берлинский рейхстаг, вашингтонский Капитолий — да мало ли ещё что из всего намеренно и со смыслом воздвигнутого.

83

Нет, конечно, никакого единого, а тем более — институционализованного, преобразовательного центра в Европе не было, но зато возник некий кластер из ряда не слишком устойчивых и весьма переменчивых новоевропейских центров, связанных между собой не так даже общими идеями и проектами, как *общим метафизическим стремлением* к радикальным переменам в сторону созидания какой-то новой — *гуманизированной* — Европы, а следом и соответственно обновлённого человеческого мира вообще.

И центры эти, и межцентровый кластер — не более чем условность, хотя и центры, и этот кластер имели в реальности место, как и имели место взаимодействия между центрами, согласия, союзы, но имели место и противоречия

между ними, разногласия, вражда. Движение Европы по пути гуманитарного — производительного, перераспределительного и присвоенческого — прогресса шло не просто в борьбе, а в борьбе ожесточённой, ставкой в которой были как жизнь, так и смерть. Разные силы и интересы, разные представления и чаяния, разные пути в будущее. Помогли заморские завоевания и колониальные доходы. Но внутриевропейское напряжение было всегда велико, а порою и невыносимо. Вспыхивали междуусобицы, бунты, революции, войны. Если и был какой-то общеевропейский проект, то ежели не совсем виртуальный, то чисто идейно-духовный: Европа шла от одной себя к другой себя, но во все не к какой угодно (точнее — негодно), а к концептуально, если не магически, запрограммированной, как раз в удобном великой европреобразовательной силе ключе.

Европа меняла свой бытийно-исторический, экзистенциальный, культо-культурный, концептуальный, цивилизационный КОД, идя шаг за шагом в смысловом ядре своём к гуманизированной, постхристианской, либеральной, археоантической Европе, но при этом и к функционально динамичной, прогрессной, развивающейся, а содержательно — к неприродной, техногенной, искусственной, иномирной.

А такая вот смена такого вот кода (более даже чем цивилизационного — *мировского!*) не могла происходить без коллизий, потрясений, столкновений, кризисов и катастроф, ибо нет ничего консервативнее упорядоченного в веках сознания, которое подлежит не просто пересмотру, а полной отмене, а оно — это сознание — упорно сопротивляется, как нет ничего развязнее и беспощаднее сорвавшегося в обновленческую стихию революционного бессознания, но и

это не всё — нет ничего страшнее схождения друг против друга разных концептуально и устремленчески новаторских сознаний, даже и имеющих между собой что-то в идейном плане общее и работающих как будто бы на одно и то же перспективное дело.

Лучшим доказательством всему этому служат революции, религиозные, гражданские и межгосударственные войны, авторитарные перевороты и правления, диктаторские постреволюционные режимы, включая и «демократические».

Вера в себя, своё намерение и предназначение, опора на силу, схватка, расправа победителей над побеждёнными, потоки крови и необузданные пляски торжествующей смерти.

Всего же страшнее бывает разногласия среди самих же обновленцев: кто, что, когда, а главное — кто, с чем и где в итоге?

Революционно обновлявшаяся Европа всё это замечательно демонстрировала, доводя дело не только до кровопролитных революций, но так же и до ещё более кровопролитных общеевропейских войн, две из которых получили в официальной историографии статус мировых.

Совсем не простое это предприятие — смена в ходе бытия-истории одной великой экзистенции на другую, более, так сказать, прогрессивную!

84

Европа менялась по ренессансному вектору, что так или иначе соответствовало проективным представлениям и намерениям элитного «глубинного правления», но что не

слишком устраивало совсем немалые слои европейского социума, в особенности — просвещённые, не находившие для себя ни справедливости, ни экзистенциального удовлетворения, что не только вело к общему социальному напряжению, но и порождало праведное нетерпение у наиболее активной части городского населения, включая и кое-каких фигурантов самого «глубинного правления».

На фоне массового всем и вся недовольства и нараставшего болезненного ожидания населением неких «справедливых перемен», складывалось и параллельное, как бы сейчас сказали— *экстремистское*, вполне и незаконное, то бишь бунтовское, новое «глубинное правление», уже и оппозиционное к тогда действовавшему. На смену умеренным персонам приходили радикалы, для которых уже было недостаточно ренессансного полуобновления Европы, а требовалось её полное преобразование, причём на пути как раз реального всестороннего гуманизма: от новой, но всё-таки ещё компромиссной, Европы к Европе не просто уже новой, а... совершенно *иной!*

Какой же?

А-а... *никакой*, уже даже и не Европой, а некой общечеловеческой резиденцией, где нет уже сословий, этносов, национальных государств, самобытных культур, ну и иерархий тоже, господ и рабов, вообще никакого над человеком насилия, никакого принуждения, никакой эксплуатации, а была бы зато свобода для всех, равенство всех между собой, братство всех со всеми, следственно, был бы человек вообще, люди вообще, людские вообще совокупности, в общем — Царство человеческое на Земле, большой светлый и радостный рай!

Вот они — прельстительные плоды Просвещения, этого восставшего против отца своего — Ренессанса — неблагодарного сына, рождённого уже не реальностью, а... *утопией*, что то же самое — сознанием самим по себе, выхолощенным от смыслов и возвышавшимся над реальностью и даже над самим собою, онаученным, рационализированным, логизированным, математизированным, игровым.

Сначала зародился и утвердился реальный гуманизм — ренессансный, затем пришла утопия вкупе со своим ирреальным гуманизмом, а потом... потом явился и новый реальный — уже просвещенческий — гуманизм, поначалу как всего лишь вообразительно чаемый, а со временем и как весьма уже действенный — бунтарский, боевой, революционный!

Новая негативистская тьма сгустилась над Европой, причём уже над Новой Европой, однако недостаточно... *другой*, слишком ещё европейской, даже и архаичной, религиозной, аристократной, переполненной неприкаянным плебейством, захлёбывавшейся от пороков и лжи, вовсе не такой уж гуманной, не слишком добродетельной и справедливой, не очень-то и разумной.

Тьма сия нарастала, уплотняясь и ожесточаясь, — и настали-таки сроки и место, когда и где она — эта эмоциональная тьма — прорвала ослабевшую ренессансную завесу и разлилась неостановимо по бытию европейскому, начав своё вулканическое извержение как раз в самом центре европейского Просвещения — в Париже, посреди раздираемой противоречиями и вдохновляемой новыми надеждами Франции, вовсе уже не в сакральном Риме, не в ренессансной Италии, не в бойких торговых Нидерландах, даже не в

передовой Англии, не говоря уже о какой-нибудь закосневшей Испании, а именно во Франции, в Париже, переживших когда-то в ренессансную эпоху коварную и кровавую Варфоломеевскую ночь, ничего не забывшие из граальского наследия растерзанных алчной властью альбигойцев-тамплиеров и устремлённые благодаря Просвещению в уже какое-то иное, а не всего лишь ренессансное, будущее.

85

В Европе разразилась великая гуманистическая революция, вошедшая в историю как *Великая французская революция*, что в общем-то верно, но не совсем — это была и *Великая новоевропейская революция*, имевшая при этом и довольно-таки выраженный антиевропейский, а точнее — антимировский, характер, ибо это была хоть и европейская и французская по месту проведения революция, но революция, служившая куда как более масштабным, глубоким и «дальнестрельным» задачам, чем социально-политический переворот во Франции и новый бытийный выворот в Европе.

Целью сей революции была не так какая-то там новая Франция или даже некая совсем уж новая Новая Европа, как был этой целью совсем новый Новый мир, уже и *иной*.

Человек вообще, мир вообще, бытие вообще!

А это ведь не что иное как... как раз то самое, что сегодня, уже и походя, называется... э-э... *глобализмом*.

Сия революция — первый мощный, действенный, плодоносный выплеск не чего-нибудь, а именно *глобализма!*

Неожиданное заключение, не правда ли, хотя тенденция к некоей космополитической унификации человека и его бытия всегда имела место, даже и после крушения Вавилонской башни — как раз главного символа вполне себе глобального проекта: Древняя Греция, Римская империя, христианство с папой римским — тоже ведь грешили стремлением к глобообразию, да и Ренессанс шёл по Европе более всего как общеевропейский, а не итальянский, германский или английский и т. д. проект. Однако именно Великая французская революция заявила о себе как об очаге и орудии реализации воистину глобального в аспекте человека и человечества и их бытия проекта: недаром веру в Бога Творца и во Христа революция постаралась заменить верой в Высший Разум, вполне корреспондентный человеческому разуму, если к нему не сводившийся, что как раз и облегчало движение от человека-европейца-христианина, не говоря о французах, немцах, англичанах и т. д., к человеку вообще, а вместе с этим и к некоему *уно*- или *моно*-человеческому миру.

Вообще, любая хорошенькая революция — это вовсе не только пучок или цепь каких-то революционных деяний, поступков, событий и происшествий, не только социально-политический переворот, не только усобица, сеча и война, не только потоки крови и горы трупов, не только поспешные начинания, громкие инициативы, невероятные свершения, не только разруха, массовая обездоленность, нищета, голод, не только чрезвычайные, спасительные, оборонительные и наступательные меры, не только собрания, митинги, демонстрации и ликующие толпы, и т. д., и т. п., в общем, не только видимая, яростная, взбаламученная, бо-

лезненная, ещё и всюду безумная, не то жизнь, не то нежить, не только какая-то бытийно-историческая заваруха, в которой что-то исчезает, что-то возникает, что-то творится, что-то случается, что-то вываривается, что-то выворачивается, что-то корчится, что-то утверждается, и т. д., и т. п. Нет, нет и нет! Хорошенькая революция, которой как раз и стала Великая французская революция вкупе с родной ей антиреволюцией и неродной контрреволюцией, хороша, конечно, своими *долгоиграющими последствиями*, причём не так собственно от самой по себе революционной заварушки, как от постреволуционной бытийно-исторической вибрации, может, и затихающей со временем, но никогда не возвращающей бытие-историю назад, в прежнее экзистенциальное состояние.

86

Революция, о которой речь, длилась не четыре ей присвоенных историографией кратких года (1789—1793), а гораздо дольше — вплоть до падения великого революционно-антиреволюционного диктатора и императора, неудержимого воителя, наглого выскочки, высокомерного вершителя судеб Европы и мира, бесподобного (бесу подобного!) Наполеона Бонапарта, да и это, пожалуй, неверно, ибо революция сия длилась, пусть и с перерывами и отклонениями аж целое ещё столетие — до яркой и печально знаменитой Парижской коммуны (1871) и её кровавого подавления, а что касается последствий от сей революции, так они уж простёрлись на века, прямо до сего дня, ещё и далее — в светлое будущее, да не французское и даже не европейское, а... *мировое!*

Мирового значения то была революция, таковой она остаётся и сейчас.

Великая мировая революция!

Ренессанс изменил Европу, подготовил и начал большую перемену в мире, а вот революция, о которой речь, обеспечила уже полную реализацию этой мировой перемены, а всё потому, что в отличие от Ренессанса, ещё весьма обращённого в известное ему прошлое — дохристианское, революция, сомкнутая с Просвещением, уже была полностью обращена в неизвестное ей будущее — вполне при этом и секулярное, лишь высвеченное контурно Просвещением, отчего и стало по вине революции... светлым!

Ренессанс — выворачивание настоящего из прошлого, Просвещение же — выворачивание из настоящего будущего.

Ах, эти масоны-просветители, ах, эти просвещённые масоны-революционеры, ах, этот просвещаемый новым образованием европейщик, в сердце которого оказался вовсе не честный и непреклонный Робеспьер, а лживый и ловкий Наполеон Бонапарт: наглец и умница, просвещенец и новоявленный мечтатель и проектант, покоритель и победитель, ну и пораженец тоже.

Да, великий то был победитель и пораженец, однако за ним выстроились в ряд и другие великие победители и пораженцы, некоторым из которых даже случилось оказаться только победителями, и все эти победители и пораженцы изменили не только ход, но и само бытие-историю, сотворив шаг за шагом *великую мировую революцию* — тоже ведь великую победительницу, и тоже, знаете ли, родоначальницу ряда великих, вроде тех же промышленной и научно-

технической, революций — пока как будто бы безоговорочных победительниц.

Любопытно, что победа в социальной революции непременно оборачивается её поражением, иной раз и немедленным, а за поражением следует уже другая победа — не революции, а антиреволюции, а то и прямо контрреволюции. Сейчас, однако, мы не о поражении Великой французской революции — частично от Бонапарта и более полно от Реставрации, а как раз о победе — стратегической победе — революции, обусловленной её родством с Просвещением, которое, вызволив революцию — свою! — обеспечило и вырыв себя на европейский и мировой простор, что и стало несомненной постреволюционной победой Великой французской революции, не говоря о победе самого Просвещения.

Связка Революции с Просвещением, а Просвещения с Революцией — вот что стало самым важным мутационным обстоятельством в новой истории Европы и мира!

87

Так или иначе, но в продолжение и даже вместо ренессансной Европы пришла в итоге бурной и долгоигравшей Великой французской революции ещё более новая, хотя и несколько подреставрированная по-бурбонски, по-габсбургски, по-гогенцоллеровски, по-виндзорски и по-романовски (по-николаевски), просвещенческая Европа с довольно-таки мощной и *антиевропейской*, или *глобалической*, составляющей, включавшей дарвиновского обезьяноподобного человека вообще, либеральную экономику вообще, машинную фабрично-заводскую промышленность

вообще, науку вообще, неметафизическую философию вообще, литературу вообще, искусство вообще, атеизм вообще.

В Европе возшла некая *Европа вообще* — глобалическая, хотя и бытовавшая рядом с традиционной Европой, может, лишь с её остатками, но, тем не менее, не только не исчезнувшими под напором революции и ударами наполеоновских войск, не просто устоявшими, а и весьма сопротивлявшимися космополитической по духу и разуму новой Европе.

Европа как была издавна, так и осталась разнообразной, сложной, противоречивой, ну и, разумеется, внутри себя борческой, а следовательно — генерировавшей новое со всех сторон неудовлетворение, новое всеобщее напряжение и новое революционного пошиба брожение, мало того — новые фактические войны и революции.

Просвещение привольно разлилось по Европе, прочно захватив сознание и культуру евроаборигенов, но оно всё-таки не овладело Европой насквозь, целиком и вчистую; традиционная Европа, со своей стороны, не могла, да не очень-то и хотела, вполне избавляться от плодов Просвещения, хотя и не желала давать ему стратегического на континенте приоритета; однако расширявшийся массив активно просвещаемых светским воспитанием и образованием европейцев служил благоприятной почвой для появления и разлива новых протестных настроений, критических взглядов на текущее бытие, преобразовательных, включая и революционные, учений и проектов, как и, разумеется, для роста числа непреклонных адептов нового евромировского обновления.

Европу снова закоробило, снова куда-то понесло, но что примечательно, опять же прочь от самой по себе Европы — как идеи, концепта, парадигмы.

Европа всё более не желала оставаться Европой: пёстрой, калейдоскопической, многосущной — с одной стороны, слишком ещё ренессансной — с другой.

Сама ли Европа этого желала, или же того хотело её «глубинное правление», не так уж и важно, хотя вряд ли этого хотели народы Европы, — нет, конечно, они ни о чём подобном не помышляли, им просто ничего не оставалось, как в критические моменты войн и революций стихийно или направляемо занимать ту или иную из противоборствовавших позиций, а уж выигрышную или проигрышную — кто ж это мог достоверно знать, да и насколько было дозволено массовым европейцам что-либо судьбинное выбирать.

«Свобода, равенство, братство!» — лозунг сей хоть и не реализовался вполне на практике, а в душу европейца всё-таки запал, как не выветрилась из европейского ума и другая максима — «Несвобода, неравенство, борьба!», отчего и пошла гулять по Европе новая большая разборка со всеми своими протестами, баррикадами, восстаниями, революциями, ну и войнами тоже.

Просвещение на то и просвещение, чтобы просветить всех побольше, желать для всех какого-то невероятно свободного и занимательного будущего, а Европа на то и Европа, чтобы просвещаясь и немало таясь, устраивать большую, затяжную и вполне беспощадную бойню — что за утопическое светлое будущее, что за реальное, хотя и не такое уж светлое, настоящее.

Ренессанс свой Европа выдержала, несмотря на приступ бойкого антихриста и жуткие религиозные войны, и весьма преобразилась, поскольку это было выстраданное Европой и ей потребное событие-происшествие, вполне себе по сути европейское, чего нельзя сказать о Просвещении, этом навязанном Европе из уже во многом антиевропейского «глубинного штаба» процессе умаления и ликвидации Европы как именно Европы, а также строительства на месте Европы какого-то общечеловеческого, хотя и вроде бы весьма ожидачески положительного, монстра.

Просвещенческий проект — совсем уже не только не ренессансный, хотя и возник он в Европе, а даже и не европейский — какой-то общемировой, космополитический, глобалистский. И ежели Ренессанс возбудил передельно Европу ради самой Европы, её собственного обновления, то Просвещение взбудоражило Европу ради уже не Европы, а чего-то *иного*, как раз того, что не могло быть принято Европой без сопротивления, что могло быть ей лишь насильно навязано.

Тут уж самое время вспомнить о созидавшейся на стороне, за океаном, в чистом (очищенном), так сказать, поле, реально Новой Европе, если и не по детально разработанному проекту, то весьма, если не вполне, проективно — как раз усилиями «глубинного правления» из Европы. Тут уж «евромасонерия», не будучи связанной ни древней, ни средневековой, ни ренессансной традицией, а лишь накрепко привязанная к Просвещению, постаралась всю — продукт выходил на славу!

Чистоте эксперимента поспособствовала так называемая война за независимость (1775—1783) как раз американской Новой Европы от европейской Новой Европы — метропольной, с одновременной войной между английскими и французскими имперо-колониальными архитекторами-строителями Нового Света.

Любопытно, что сия освободительная-де война шла аккурат перед Великой французской революцией (1789—1793) — тоже боровшейся за Новый Свет, но уже в самой старушке Европе. Так что Просвещение тогда работало на двух фронтах: европейском и американском, и французские просвещенцы были не только геополитическими противниками английских (Континент со своей имперской теулократией против Океана с его империльной талассократией), но и их идейно-духовными в аспекте Нового мира союзниками. Преобразовательные планы европросвещенцев, пусть и не совсем одинаковые у англичан и французов, воплощались куда-как свободнее и последовательнее в свободной от любой традиции Америке, в США, чем в замусоренной «пержитками» Европе.

Окончательное формирование общечеловеческих Соединённых Штатов произошло уже по итогам гражданской войны 1861 — 1865 гг., в которой победу одержал прогрессивный просвещенческий (масонский) Север, не давший Югу не так сохранить чёрное рабство, как воссоздать в Новом Свете подобие традиционной Европы. Гражданская война в США была более откликом на Великую французскую революцию, чем на антирабское восстание того же Спартака. Не в освобождении чёрных рабов было главное дело, а в концептуальном освобождении заокеанской Евро-

пы от... старой Европы, что весьма в итоге и удалось: США — если и европейская по происхождению и бытовой культуре страна, но совсем не европейская по своим устройству и «глубинному» бытию.

Почему мы вспомнили о США? А чтобы, во-первых, увидеть кое-какой реальный просвещенческий образчик, а во-вторых, заметить новосветскую Европу в её концептуальном и функциональном отличии от Европы старосветской.

89

Ежели в США (как и в той или иной степени в других бывших английских колониях вроде Канады, Австралии, Новой Зеландии) победила некая ультрановейшая Европа, если уже не квазиЕвропа, в самой Европе всё было с момента ухода Наполеона Бонапарта с его модерновой империей куда как сложнее, заковыристее и безысходнее, ибо обще-европейской гражданской (религиозного) типа войны после и так обильно смертоносного Бонапарта не было и быть не могло, хотя и случались кое-какие революционные по духу бунты, а потому и не было судьбоносного разрешения большой европейской проблемы: куда идти дальше?

Да, имели место реваншевая реставрация монархии во Франции, как и охранительно-укрепительные потуги иных европейских монархий, что говорило о возрождённой бытийно-исторической активности, тоже в общем-то немало и реваншевой, коренных для Европы монархических династий (в Пруссии, в Австро-Венгрии прежде всего). Старая Европа, хоть и признавала кое-какие новейшие просвещенческие и экономико-производительные плоды, стремилась

оставаться если не вполне прежней, но всё-таки всегдашней Европой: многополюсной, полицентровой, конгломератной, представляя собой некий кластер независимых государств и наций (народов), естественно, с сословным, иерархическим, аристократо-публичным устройством, а для кое-кого и империльным.

Это была одна, или первая, из имевшихся тогда в Европе стратегических устроительных тенденций: прогресс, но в рамках, на основе и усилиями самостоятельных наций и суверенных государств. Вполне оправданный европейской историей вектор движения Европы в будущее — консервативно-новаторско-плюралистический.

Однако панимперский дух с поражением Наполеона Бонапарта никуда из Европы не исчез, да и среди независимых наций и суверенных государств мало того, что были империи, как и возможные претенденты на империи, но и вполне себе амбициозные игроки, способные продолжить святое дело Бонапарта по принуждению Европы не только к давно чаемому «глубинным правлением» единению, но и к бодрому восприятию ею всё того же, пусть пока и осекшегося, и отступившего, но никуда не исчезнувшего... э-э... Просвещения, тоже немало чаемого всё тем же «глубинным правлением».

И сия внутриимперская для Европы миссия перешла, по итогам объединения россыпи мелких германских государств под эгидой относительно крупной Пруссии и образования уже вполне великой Германии, от Франции к Германии, — аккуратно после победы Пруссии над Францией и посетившего тогда Францию социумного бедствия в виде бунташной Парижской коммуны (1871). Важно заметить, что

ни Франция, ни Австро-Венгрия, ни тем более Великобритания ничуть не отказывались от своей имперской сути и лидерских амбиций, хотя реальная инициатива на континенте всё более переходила ко всё более и более могущественной и агрессивной Германии — молодого, считавшего себя незаслуженно обделённым, всё более сильного хищника.

90

А что же Просвещение со своими непреклонными и непрекаемыми просвещенцами? Нет, оно вовсе не унялось, да и не могло уже уняться, ибо выражало и тащило за собой главную стратегическую линию мало что Новой Европы, её уже немало весьма онаученной цивилизации, а и, как вскоре стало совершенно ясно чуть ли не всем на планете, всего зёмного мира. Просвещение продолжало своё, как казалось его адептам, возвышающее шествие по Европе и миру, и просвещенцы, весьма преобразовавшись и реформировавшись по итогам бешеной французской революции и бесовских бонапартовых гуляний по Европе, вышли на самый край что самого Просвещения, что вдохновляемого им революционного движения с присовокуплением к нему не только ужаленных свободой «умных» либералов, не только чем-то недовольных, чего-то лишённых и как-то униженных социальных слоёв и публичных персонажей, но и больших населенческих масс, непосредственно уже в социальной иерархии низовых — трудников-«пролетариев».

Просвещению уже мало было утопий, иллюзий и наивных заблуждений, оно, то ли уверовав в силу науки и физикалистской философии, то ли просто воспользовав-

шись их «достоверным» имиджем, вышло на уровень самоуверенного и по-своему отчаянного псевдонаучного абсурдизма, преследуя цель «переевропеирования Европы» и «перемиривания мира», и тем самым вступило на путь самого что ни на есть выразительного для себя *Декаданса*.

Вроде бы тут невозможное противоположение: Просвещение и Декаданс, однако это оказалось вполне реальным сочетанием, выразившись в итоге не так даже в борьбе одного с другим, как в плодотворной их между собой взаимности.

Вместо того, чтобы ужаснуться от вскормленной Просвещением «Великой революции» и полученными им же бонапартовыми имперо-завоевательными успехами и искать спасения Европы и мира в единении с ещё живой сакральной традицией, Просвещение, ставшее уже вторичным, выхолощенным и «барабанным», кинулось в самую настоящую квазипросвещенческую магию, напыщенно веруя во возвращенную им «гуманитарную науку», внедряемое «научное образование» и разлитое повсюду печатное массмедийное слово, способные-де разрешить все человеческие проблемы, упразднив в человеке зверя, беса и безумца, а в социуме — насилие, неравенство, вражду, а заодно и преодолеть в людях эгоизм, корысть, алчность... да мало ли ещё что... стоило лишь упорно и последовательно действовать!

Чем, ежели не сциентистской магией, можно объяснить как утверждение повсюду разрушающего любые экзистенциальные устои в человеке и социуме ядовитого либерализма, так и явление вослед в общем-то примитивному «утопическому социализму» вполне себе интеллектуально-

го так называемого «научного социализма», захватившего профаническое воображение целых роёв, если не туч, «просвещённых» им революционеров и реформаторов? Как вообще можно было дойти до уверования в благоносную-де «пролетарскую революцию», да ещё и с возвышающей её «диктатурой пролетариата»? Как? Если, конечно, не чаять полного разрушения руками восставшего «пролетариата» устаревшего-де мира и возведения на его месте какого-то «насекомовидного рая», отнюдь даже не Царства Божиего! Чего тут было больше: научного абсурдизма или же гуманистического безумства?

Уместно заметить, что присвоив человеку статус «говорящей обезьяны», просвещенческий «научный гуманизм» низвёл человека-обывателя до простой статистической единицы, а людское обывательское население до столь же статистической массы, разумеется, предусмотрительно исключив из сего статистического хомообезьянника посвящённых в тайное знание и в тайные дела высокопоставленных фигурантов конспиративного управления бытием-историей с его вроде бы внезапными и совершенно невозможными революционными выворачиваниями, а заодно исключив из той же обывательской массы первейших деятелей Просвещения — науки, литературы и искусства, ну и, конечно же, крупнейших финансистов и предпринимателей.

Карл Маркс, к примеру, или тот же Александр Герцен — не более чем личного титанического масштаба... *профаны*, втёмную использованные «глубинным правлением», точнее, его особой частью (или же филиалом), отвечавшей(им) за революционное движение — за евромировую РЕВОЛЮЦИЮ!

Куда, как и кем могла продвигаться по большому историческому вектору раздираемая разными амбициозными силами, политическими течениями и устроительными проектами Европа?

Заметим: вполне успешная в то время, но как всегда коварная и беззаветно враждебная евроконтиненту, независимая морская Англия (монархо-«демократическая») со своим усиливавшимся за океаном бастардом-союзником — США; континентальные монархии с империальным задором — исконные противники Англии и ярые соперники между собой; расплывшееся по Европе Просвещение, подбравшее под себя образование, науку, литературу, искусство, а главное — бурно развивающуюся печать, отчего державшее под своим контролем и нараставшее «общественное мнение»; подталкиваемое вперёд «глубинными генераторами» и идейно питаемое Просвещением реформационное и революционное движения, ставившие целью не одно лишь осовременивание (модернизацию) Европы, но и коренную переделку Европы — прямо в некую *пост*Европу, основанную уже не на европейских, а на общечеловеческих-де ценностях (в духе тех же США или же становившихся всё более убедительными, популярными и авторитетными у евроинтеллектуалов либо «либерального проекта», либо «социалистического (коммунистического, трудового, пролетарского, красного) проекта»).

Выразительным и немало удручающим стался тогда европейский идейно-политический коктейль, в котором сильно чувствовался и токсичный антиевропейский ингре-

диент, отчего можно было говорить уже не просто об очередном кризисе Европы, а и об её конечном апокалиптическом кризисе, что и выразилось, к примеру, в тяжких философских прозрениях Ф. Ницше и в ужасных полито-эсхатологических прогнозах того же О. Шпенглера.

Несмотря на внешне заметное производительное, научно-техническое и даже культуро-экзистенциальное процветание, Европа — как собственно Европа, как единообразная многоликая цивилизация и передовой континент — переживала, пусть и неравномерно, качественно поразному и стратегически неоднозначно от страны к стране не что иное, как... *Декаданс — закат самой себя, причём... от самой же себя, от своего же собственного яда — прогресса!*

Позитивный вроде бы для Европы прогресс, разогнанный во времени Просвещением, наукой и техникой, безудержной экономикой, созидательным предпринимательством, обогатительным импероколониализмом, беспощадной эксплуатацией трудового люда, затем и глобальной милитаризацией, вдруг развернулся против породившей его Европы — прежней Европы, как бы внезапно устаревшей, но вовсе не склонной исчезать в небытии, а желавшей оставаться Европой — сложной, многоликой, разноцветной.

То был уже явно вселенский конфликт не на жизнь, а на смерть, и не просто нового со старым, а возникающего *иного* с мешающим ему *былым* — вовсе и не старым, а попросту приговорённым к исчезновению.

Новый проект против уже отработанного проекта!

Порождённый Ренессансом и воспитанный Просвещением новый европеец рвался уже за пределы не только при-

роды и сакрала, но и своего же гуманитарного чрева — Европы.

Прогресс предавал свою мать и её отрицал, устремляя европейца в иные экзистенциальные кущи — *общечеловеческие!*

Великая, циничная и страшная ирония Бытия-Истории, лукаво увязанная с Прогрессом и Революцией!

92

Европа отреагировала на свой же внутренний конфликт с самою собою, — не очень-то, надо полагать, этот конфликт осознавая, — помимо продолжения и расширения импероколониальной практики, новой межевропейской империальной борьбой за овладение Европой, за её единение под эгидой самого сильного из имперского пошиба европейских субъектов-супостатов. Таковым субъектом-супостатом после поражения неонапартистской Франции от окрепшей и обнаглевшей Пруссии и очередных бунтовских потрясений в Париже могла стать и стала объединённая под опекой Пруссии целостная, молодцеватая, бурно экономически, производительно и научно-технически развивавшаяся, монархическая и имперская Германия.

Германский микст из национал-традиционизма и новейшего европейского прогрессизма определил концептуальную суть сначала просто возможного, а затем и действительного лидерства Германии в континентальной Европе с решительным противодействием всем вероятным претендентам на такое лидерство, включая и островную Англию.

Стихийно нараставшее и вполне сознательно нагнетавшееся десятилетиями межимпериальное, парареволуци-

онное и декадансное напряжение латентного по преимуществу характера, вырвалось-таки вулканически на волю усилиями в основном запредентовавшей не просто на виртуальное лидерство, а на безоговорочное властное доминирование в Европе, а то и в мире, ставшей уже вполне имперской Германии, развязавшей-таки долгожданную паневропейскую войну (1914—1918), оказавшуюся затем, если не попросту официально сквалифицированную, мировой.

Эта война, закончившаяся поражением истощённой борьбой на два фронта Германии, решила кое-какие европейские проблемы вроде ухода с явной исторической арены ещё оставшихся у власти континентальных монархий с их поднадоевшими евромиру династиями, общего ослабления традиционной Европы, а заодно и подрыва паневропейского (интернационального) парареволюционного, прежде всего социал-коммунистического, движения, не решив, однако, основного европейского вопроса — перехода разноплеменной и поликультурной Европы к единой модернизированной Европе, оказавшейся под властью космополитизированного элитократического («демократического») правления, конечно же, вдохновляемого идеологией и либерализма, и социализма под негасимым лозунгом «Свободы, равенства и братства».

Идеология сия была, разумеется, предназначена для публичного потребления, для профанного то ли активизма, то ли актёрства, то ли провокаторства суетных фигурантов расплывшейся в Европе полуподпольной оппозиции, а вот там, где надо — в закрытых центрах «глубинного правления», имели место иные концептуальные, проективные и акционные установки, вовсе не отрицавшие ни социальных

иерархий, ни аристократства, ни элитарности, ни имущественного неравенства, ни частной собственности и её частичного наследования, ни капитал-экономизма с его наёмным трудом, ни эксплуатации одних другими, ни лукавой политики, ни конспиративного всем вокруг происходящим управления, а главное — признававшие и следовавшие Хирамову проекту построения мировой пирамиды с посвященным в сей проект властно-финансовым наверхием, обработанной научным знанием профанной середины и оболваненным беззастенчивой пропагандой работающим низом.

Несмотря на большую кровопролитную войну, а скорее — благодаря ей, герменевтический новомировский концепт с давно уже засветившимся проектом космополитического переустройства Европы, не только выжили, но и изрядно укрепились, продолжая опираться в практической реальности на разлагающий житейское бытие и культуру либерализм, на смягчающий социальные противоречия и снижающий градус революционных настроений компромиссный (очень важный и эффективный) социал-демократизм («центризм», реформизм), а также на развращающий интеллект, слово, искусство весело разыгравшийся Декаданс.

Послевоенная Европа была уже не совсем Европа, скорее, полуЕвропа, не могшая уже вернуться к традиции, но и не ставшая себе самой полным, передового разряда, *антиподом*.

93

Коммунистическое преобразование Европы в некую «справедливую» постЕвропу не только не состоялось, но и было удачно перенаправлено на Восток — в Россию, как раз

для её преобразования в нероссийскую «чёрную дыру» с последующим освоением той же Европой освободившейся от России территории.

Сама же Европа предпочла тогда не социал-коммунизм с его трудовым «интернационалом» и «пролетарской революционной диктатурой», а... *социал-фашизм* с его иерархическим, хотя и тоже «трудовым», национализмом, жёсткой партийной диктатурой и новым бонапартовского типа вождизмом.

Почему же так?»?

Фашизм, в отличие от того же коммунизма, не стремился к неведомому обществу «свободных трудящихся», а, отрицая разве лишь старые монархические династии, сохранял нации, государственность, экономизм, предпринимательство, частную собственность, церковь, в меру поощряя трудящимся с их профсоюзами и трудовыми правами. Да, фашизм был тоталитарным и жёстким в аспекте служения захватившим его интересам, утверждения трудовой и служебной дисциплины, исповедания последовательной национальной и расовой идеологии, но это не только не смущало втихомолку правивший в Европе «глубинный истеблишмент», но и немало его устраивало: просвещённая Просвещением, развёрнувшая либерализмом, коррозируемая параревolutionным «социализмом» Европа давно уже нуждалась в укреплении порядка, в очищении от разных «вредных элементов», в целостной себя консолидации.

Разумеется, новая претензия Германии на имперское доминирование на континенте не могло не смущать многих адептов «разумной конспирологии» и «потаённого правления», но для ослабленной войной, весьма разорённой и раз-

розенной закатной Европы, ещё и накрывавшейся всё более «призраком коммунизма» вкупе с «мировой пролетарской революцией», фашизм казался единственно спасительным, а уж что было говорить о павшей, униженной и стремившейся во что бы то ни стало вновь немедленно подняться Германии, где фашизм обрёл для себя прямо-таки «землю обетованную» — самый что ни на есть счастливый центр притяжения и эффективный очаг созревания и распространения по европейскому и не только европейскому миру.

Европейская апокалиптика, сочетавшая бурный прогресс с интенсивной цивилизационной деградацией, как раз и вызывавшейся этим самым прогрессом, заставила европейские правящие верхи искать, как и на это попросту соглашаться, очередного силового разрешения сей великой бытийно-исторической коллизии, отчего и усилилась закоренелая склонность Европы к империализму, милитаризму, диктату, отчего и возникло «доверие» к наиболее реальному их очагу — реваншистски и «творчески» в таком разе настроенной, готовой на всё, Германии.

Заражённая, растревоженная и заморожённая собственной апокалиптикой, вполне и революционной, Европа шла — как сомнамбула — не просто к очередной внутриевропейской коллизии, а к самой настоящей... катастрофе, и остановиться уже не могла, — такова была сила бытийно-исторического, вполне и метафизического, рока.

Нужны были драка, кровь, смерть.

Выворот!

Фашиствующая Германия со своим антилиберальным, но и антикоммунистическим настроем, ещё и вполне по

платформе европейским, причём как арчео-, так и модерно-европейским, к тому же вождленным для многих в Европе антисемитским, антиславянским и антироссийским уклоном, и впрямь казалась реальной спасительницей Европы и эффективным орудием её исторического продолжения, пусть уже и вкупе с США (или же США вкупе с Европой) при всё ещё несомненном доминировании всего Запада в мире.

Собственные претензии Германии, как и её явных союзников, на паневропейское и даже мировое господство были, конечно же, известны «глубинному руководству», в особенности, англосаксонскому, но либо считались стратегически всё-таки в реалиях невозможными («утопическими»), либо рассматривались как временное и вполне допустимое зло вроде бонапартовского.

А вот новая паневропейская войнушка никак не возбранялась: что ещё кроме краткой, ударной и действенной, а главное — управляемой, войнушки могло надёжно обеспечить так необходимое Европе ультраевропейское разрешение накатившей на неё апокалиптики?

Однако, одно дело — чаяния, намерения, проекты, совсем другое — реальная реальность: Германия с её фашизмом оказалась на поверку куда более амбициозным, хитрым, сильным, а главное — зверским, да не просто злом, а... воистину... ЗЛОМ — концептуальным, мистическим, трансцендентным, да что говорить — *метафизическим* (как и преисподним, адовским, inferнальным), чем думала многая просвещённая Европа — глупая и наивная!

Германия — это не просто одна из крупных, пусть и претенциозных, европейских держав, это особого рода великий бытийно-исторический субъект — наследница древних германцев и вместилище столь же древнего германского духа, — да ещё какого? — *волчьего*, что было особенно хорошо известно издревле теснимым, покоряемым, истребляемым и гонимым германцами славянам.

Именно волчий дух проснулся и сосредоточился в бисмарко-вильгельмовской Германии, а потом уже вновь собрался с силами и ненавистью ко всему негерманскому в реваншистской Германии — фашистско-гитлеровской.

Германский фашизм — мало того, что был национал-фашизмом, стоявшим горой за германскую нацию, а был ещё и расо-фашизмом, стоявшим за генетическое превосходство германской (арийской-де) крови надо всеми остальными кровями, языками, народами, не говоря уже о бытовавших на Земле небелых расах. Но это было не всё: он стоял и за расовую чистоту самих же германцев, выделяя среди них истинных и вполне себе позитивных «волков» и отделяя их от нечистого и негативного «недочеловеческого мусора», даже и внешне вроде бы германского.

Что это было: исполнение великой европейской мечты или же просто великий казус Европы?

Совсем не простой вопрос, но куда ж от него? Наверное, тут было то и другое, но мечты, пусть и скрытой, даже и подавленной, было всё-таки больше, ибо ничего *такого*, что реально произошло в Германии и в Европе, как и с Германией и с Европой, в качестве лишь германо-европейского казуса не случилось бы: страшной кровопролитнейшей вой-

ны, завоевания Германией и подчинения ей континентальной Европы, тевтонского человеконенавистнического похода на Восток Европы, мультимиллионных потерь и жертв на стороне «говорящих животных», возрождения откровенного рабства, уничтожения масс неугодных и «отбракованных человек», безжалостных научных экспериментов над беззащитными и обречёнными на смерть пленниками, грабежа захваченных территорий и наглого присвоения богатств и ценностей, да мало ли ещё чего — невозможного, казалось бы, для просвещённой, высококультурной, онаученной, прогрессивной, возвышенной Европы. О-о, очень уж интересным тут выходит ответ!

А если принять во внимание великие деловые, творческие и изобретательские способности, начинания, проекты, и многие реальные свершения германского национального гения (станкостроение, судостроение, автостроение, авиастроение, ракетостроение, созидание ядерного и иного оружия и многое, многое другое), как и необыкновенную волю всей германской нации, столько всего натворившей и столь упорно сражавшейся на поначалу вроде бы легко доступных, а затем всё более безнадежных для великой германской армии восточноевропейских, то бишь российских, просторах, при отступлении обратно на запад и безрассудном сопротивлении в том же Берлине до последнего вздоха обречённых на смерть стариков и мальчишек. О-о, как ни возмущаться деяниями Германии, как ни осуждать преступления германского фашизма, как ни издеваться над злостью Адольфа Гитлера, но... феномен есть феномен, а феномен этот — *Германия!*

Развязанная Германией война, пусть тогда и фашистской Германией, то бишь единой, упорядоченной, тотали-

тарной, диктатурной, а главное — отмобилизованной (не так даже милитарно, что само собой, как в целом, вообще, «общаком»), долгое время Германией и ведомая война, а в итоге ею — Германией — начисто проигранная, да не просто так, а с полной безоговорочной капитуляцией перед антигерманской военно-политической коалицией из СССР, США, Англии и Франции, как и с полной ликвидацией фашистского режима и с недопущением какого бы то ни было германского реванша, то бишь с оставлением на свете подконтрольной союзникам страны Германии, но без (или почти без) собственно Германии как особого и самостоятельного геополитического и геостратегического субъекта-феномена, так вот эта-то развязанная и ведшаяся Германией до полного своего поражения великая паневропейская и в то же время мировая война, ежели ещё учесть войновские деяния милитаристской империльной Японии, тоже капитулировавшей в конце концов перед союзными США и СССР, очень и очень многое изменила — не только в Европе, но и во всём мире, да так, что как Европа стала *другой*, так и весь мир планетарный предстал перед лицом Бытия-Истории совершенно уже *другим*.

Эра не эра, а вот *новая эпоха* явно и внезапно вдруг наступила, обозначив и деление бытия на *бытие довоенное* (б.д.в.) и на *бытие послевоенное* (б.п.в.), хотя, заметим, войн всяких хватало и до этой войны (1939—1945), но ни одной из предшествовавших войн не довелось обозначить переход из одной эпохи к другой (об эрах тут можно и помолчать).

Вот такая сталась война — *эпохальная!*

Да, многое, что совершила Германия, захваченная, объята и ведомая фашизмом, немало ей и органичным, но, заметим, кем-то и как-то участливо извне поддержанная, кем-то и как-то к этим экстраординарным свершениям охотно подтолкнутая, а потом кем-то за это всё и за что-то ею самую слишком уж в своих интересах содеянное разбитая, мало того, осуждённая в лице кое-каких своих высших и внешних адептов и в меру тогда возможного показательно распятая.

Всё произошло примерно так, как когда-то со славным Бонапартом: выскочка сделал своё дело, выскочка должен уйти в тень или насовсем *исчезнуть!*

Ах, как попался в липкие властные сети бесноватый фюрер, ах, как поддался на англо-американскую провокацию национал-фашизм, ах, как вляпалась в топкую историю Германия!

Волк сделал своё дело, волк должен уйти, скрыться, сдохнуть!

А что, собственно, он такого сделал?

Тут-то как раз и самое главное: в самом деле *что* и что же тут *такого?*

Германский волк поставил над Европой и над миром... *крест*, нет, вовсе не христианский и даже не тевтонский, вовсе и не могильный, а... э-э... *антиевропейский* и *антимировский*, от имени желавшей при этом такого вот креста для Европы и мира «мировой закулисы» или нет. когда она ещё только призывала войну и бесшабашное лидерское участие в ней Германии, но факт остаётся фактом:

Германия либо сама реально впрыгнула в *иной мир*, он же и *антимир*, он же и *антиЕвропа*, и потащила *туда* за собой всю Европу и весь мир. либо же антиЕвропа с антимиром втащили в себя Германию, сделав её своим реальным адептом-реализатором, ну и «козлом отпущения» тоже, — так или иначе: антиЕвропа и антимир не только стали реальностью. а и на краткий фашистский срок — вполне и лидирующей.

О чём всё-таки речь? Да всё о том же — о строительстве на Земле *иного мира*, одной из версий которого, надо особо это заметить, занимался и насмерть воевавший с Германией-агрессором и её послушными союзниками сталинский СССР, тоже ведь вышедший идейно из Европы, а ныне подобным строительством, уже глобализаторским, занимаются, не без подневольного участия всё той же Европы, США — этот главный бенефициар от Великой войны, им самим то ли попущенной, то ли спровоцированной, то ли немало сконструированной, а также главный наследник... нет, не самой по себе имперской выскочки — Германии, и уж тем более, не самого по себе токсичного германского фашизма, а... всего лишь... *общего дела*, которым как раз лихо и убедительно занималась имперо-фашистская Германия, как и, разумеется, заокеанский получатель и владелец кое-каких доставшихся от Германии важных результатов этого общего дела.

Став главным очагом великой евро-мировой войны и намертво отвоевавшись, Европа наконец-то покончила и с самой собою прежней: классической, ренессансной, многоцветной, ещё и независимой, горделивой, возвышавшейся надо всем миром, и, передав неохотно и даже при некото-

ром сопротивления (де Голль, Аденауэр, Брандт, Моро, Миттеран, Ширак, еврокоммунизм) мироустроительную эстафету, уступив при этом немало в реальном суверенитете (в величии!) своему как бы незаконнорожденному, но очень бойкому, настырному, накаченному золотом и разнообразно идейно и материально плодоносному, сыночку-бастарду — Соединённым Штатам Америки, этой антиевропейской Европе, или же европейской антиЕвропе, — всё равно!

Главным для США стало не наследование ими Европы, из которой они вышли и которая их в целом породила, от которой они войновски и отделились, а наследование *ультраантиЕвропы*, созданной в один миг злой, но крайне талантливой, трудо- и боеспособной Германией.

Ядовитые, но очень привлекательные для устроителей нового мира, евро-германские плоды были охотно съедены США, их «тайной канцелярией», вовсе не подавившихся и не околевших, а вполне себе поглотивших и усвоивших, чтобы, доделывать то, что не смогла и не могла совершить Германия, правда, доделывать уже не мрачно сосредоточенно — по-германски, а забавно развлекательно — по-американски.

96

Великая война закрыла один мир — *европеизированный* — и открыла другой — *американизированный*, что стало ясно, конечно, не сразу, но ясно всё-таки стало, когда стало очевидным подчинение объединённой насильно Европы её заокеанскому другу-хозяину; когда сам собою хотя и не без пособительства извне тех же США, исчез альтернативный североамериканскому социалистический-де проект,

тоже ведь антимировый; когда осколки от СССР и мировой соцсистемы, включая и саму Российскую Федерацию, двинулись на поклон, за советом и за поддержкой к американскому светочу, деляге и жулику; когда показалось, что всемирная имперо-вассально-кабальная пирамида во главе с США наконец-то оказалась вроде бы достроена и на планете Земля стал главенствовать один, при этом глобальный и антимировский, геостратегический центр; когда выход из преисподних закровов *античеловеческого антимира* стал реальным бытийно-историческим фактом.

Америка по итогам сначала Великой войны, а потом и самоликвидации «социалистического проекта» (в угоду, кстати, всё той-же Америке), реально оказалась единственным лидером мира, а вовсе не отошедшая в сторону и попавшая в прямую зависимость от Америки объединённая Европа (Европейский союз); не потрясшая воображение всего мира фашистская Германия, войну свою проигравшая и попавшая под пяту либеральной-де Америки, ни тем более взявшая было снова верх на европейском континенте обновлённая постантифашистская Германия (ФРГ), поднявшаяся из руин усилиями беззаветного германского духа, разносторонней помощи от США и под их неустанной опекой; ни воспрявшая было в последнее время Англия, вынужденная обратно скукожиться и даже покинуть на всякий пожарный случай ЕС — этот чуть ли не тонущий ныне большой геополитический корабль.

Америка — *иной мир*, не европейский и вообще не мировой, построенный по совершенно другим лекалам, чем остальной зёмный мир, это как бы незёмный на Земле мир, он же и *антимир*. Мир-пришелец, мир-инопланетянин,

мир-турист. Это, безусловно, *сам-себе-мир*, но не по причине своей самостоятельности, даже и оригинальности, а в силу своей сущностно-содержательной и организационно-устроительной *инаковости* — вполне ведь и *искусственной*. Это мир без земных корней и без сакральных истоков, без седой истории, но зато это чисто элитно-проектный мир — *храмовский*, построенный как виртуальный аналог Храма Соломона, но при этом и как столь же виртуальный аналог Вавилонской башни — как раз в соответствии с усечённой долларовой пирамидой.

У США есть интеллект, деловитость, мощь, как и, разумеется, величайшая гордыня и неизбывная самонадеянность, хватает и имперской самоуверенности, но у США, в отличие от той же Германии, в особенности как раз *той* — бившейся смертельно за себя и за овладение миром, нет... да, да... нет... *духа*, не то что аналогичного германскому, но и вообще никакого, — страсть ведь — не дух!

Искусственная, проективно сконструированная и сделанная, тяжёлая и призрачная, как Манхэттен, хотя и гигантская, и устремлённая ввысь, и внушающая благоговейный страх — как тот же Манхэттен, вполне себе *антимировская страна* — вроде застеклённого поселения закафандренных земель где-нибудь на Луне или на Марсе, но вставленная как искусственная челюсть в земную жизнь, ещё и на весь зёмный мир империально распростёртая.

И чтобы уловить образ и код Америки, надо не Манхэттен придирчиво рассматривать, не к джазу благоговейно прислушиваться, даже не зашифрованный доллар скрупулёзно разглядывать, а обратить свой взор на... *Голливуд* —

вот уж где полная слиянность с *антимиром*, причём не каким-нибудь, а... *авторским*!

97

В европейских, как и со временем в американских, новейших делах не обходилось, да и сейчас не обходится, без того или иного взаимодействия с Восточной Европой, субъектнопредставленной, по обыкновению, прежде всего Россией, правда пребывавшей в разных бытийно-исторических образах-ипостасях-личинах.

Россия (Русь, Рось, Русия) — не обычная страна, каких на земле множество, а некий восточноевропейский и в то же время евроазиатский мир — весьма при этом неопределённый, не слишком выраженный, сложный. пространный, дискретный, вроде бы статуарный, но и довольно переменчивый, как бы блуждающий, а главное — не очень-то понятный, причём не только для внешних наблюдателей, но и, что особенно поразительно, для своих же родных домочадцев и очевидцев.

Что-то вроде бы они — эти домочадцы — видят, что-то как будто бы слышат, что-то даже замечают, а вот *что* же в действительности — толком и не знают. «Умом Россию не понять», но её не понять и сердцем, хотя в Россию должно верить, а сердцем можно и нужно непременно признавать.

Всё в России, казалось бы, есть: цивилизация, государственность, культура, словесность, искусство, образование, медицина, спорт, экономика, промышленность, наука, техника, космос, не говоря о людях, природе и ресурсах,

но... *чего-то* всё равно нет, или не хватает, а вот *чего* собственно — вопрос!

А-а, европейскости, видно, недостаточно, конечно же — западной, ренессансной, просвещенческой, хотя вся она по мысли и видимости есть, а ежели её нет или её не хватает, то лишь... *по сути*, ибо суть у России совсем *иная*, хотя никто взаправду и не знает, какая же она, а если и знает, то лишь бурчит, сжимая зубы и разводя руками... *никакая!*

Форма какая-то вроде бы есть, даже и содержание кое-какое есть, а вот по сути... э-э... по сути-то что?

Интересно, занятно, странно!

Странная страна!

Факт!

Только не страна это, а, напомним — мир, но, может, и не мир вовсе, а какое-то извечное... *иномирье*, да что иномирье, может... вообще... *безмирье*, то бишь... *ничто!*

Да ещё и с какой-нибудь «чёрной дырой» где-нибудь в таёжной глуши, с подпольной «тёмной материей», с упрянтанным где-то на северах тайным «сингуляром»?

Ни логики тебе, ни стройного, понятного и соблюдаемого порядка, ни доминирующей законности, ни житейской ясности.

История, как и у любой значительной страны, у России, конечно же, есть, и очень даже богатая история, однако какая же история и какой собственно страны?

Откуда, как и зачем она взялась, эта Русь-Рось. Кто её сделал, что за язык у неё, который чуть ли не древнее санскрита; а люди, люди-то кто же: арии, гиперборейцы, скифы, венецы, славяне, да ещё с доброй примесью угрофин-

нов, тюрок, татар, и при этом — русы-росы, русичи, русские, которых ни с кем не спутаешь, но которые всем народам будто родные, даже и африканским неграм?

Пластичная, вязкая, топкая.

Бездна какая-то!

Где оно, дно России, её твёрдая опора, её надёжный фундамент?

На чём стоит, куда и зачем идёт, чего хочет?

Все народы-страны что-то о себе думают, зачем-то стоят, куда-то идут, только Россия ничего о себе не думает, ничего о себе не знает, да и ничего *такого* она и не хочет, стоит себе и стоит, а ежели и идёт, то куда же — не в своё же светлое будущее?

Люди русские, разумеется, что-то про себя думают, что-то о себе знают, чего-то для себя хотят, куда-то стремятся, а вот страна, народ, мир... тут уж одни вопросы, разумеется, без каких-либо ответов.

98

Да, Русь-Россия — *не от мира сего*, — факт!

Она сама-себе-идея, сама-себе-проект, ну и сама-себе-страда.

Сама-себе-тайна!

Россию не надо конструировать, хотя что-то в России и приходится конструировать; Россию надо... чувствовать, а чувствуя, ей сочувствовать, не мешая ей оставаться и быть Россией.

Как же?

А... *никак* — *русским* надо просто быть, вот и всё!

Человеком надо быть: ведическим, православным, коммунальным, евразийским, в общем — *своим!*

А иначе нельзя, ничего не получается, ничего не выходит, но вот что же... о-о... кто ж это в России знает, кроме самой России?

«В Россию можно только верить!»

Факт!

Россия как раз и есть первая и последняя для русского человека вера.

Как это?

Всего лишь потому, что Россия не страна и даже не мир, хотя она и то, и другое, — Россия — идея, смысл. проект, разумеется, потаённые, неразгадываемые, тайные, как таинственен и сам Господь Бог, как загадочен мир вообще, как неразгадываем и сам человек.

И что может быть лучше и выше веры в тайну, как раз в свою, но при этом и общую, которая всегда с тобой и в которой ты непрерывно бытуешь!

Сила!

Сила России в её тайне — метафизическая сила, которая как раз главная, и физическая сила, которая уже вторичная.

Кто погружён в Россию и её людей, в русских, тот знает, точнее, понимает и принимает Россию и русских, ничего досконально о них и не зная.

Сила России и русских — в её и их *незнании*, в её и их *неизвестности*, в её и их *неведении*.

Бери любое событие-происшествие в бытии-истории России, как и любое значимое деяние, как и любую великую

личность, как и любой хорошо известный факт, — и ничего ни логичного, ни понятного, ни ясного не уловишь.

Одна только муть!

И жуть!

Кто такой, к примеру, как личность и деятель тот же Рюрик, что он на самом деле сотворил (или натворил); кем, уж извините, был св. князь Владимир, что и как он на самом деле совершил; кто, от кого и зачем явился в образе царевича Дмитрия, войдя в историю как Лжедмитрий; кем реально был, что творил и как пришёл к власти патриарх Филарет — отец-основатель династии Романовых; кем на самом деле был, чего хотел и чего натворил патриарх Никон; кто такой, кем был и что натворил в реальности Петр Великий; кто такая Екатерина Великая, почему это вдруг она стала самодержицей российской; кем был и куда делся Александр I; зачем и кем был убит Александр II; что был на самом деле Николай II и зачем он вообще был; кто такой Керенский, что и зачем он наделал; кто такой Ленин, почему и зачем оказался у власти, что на самом деле творил, отчего вдруг смертельно заболел и умер чуть ли не умалишённым, а его тело внезапно оказалось на вечном открытом хранении в мавзолее его же имени; а кто и что был Троцкий со всеми его революционными делами; а что убедительного сказать о Сталине, этом бедном горийском мальчишке, ставшем абсолютным тираном-самодержцем в СССР?

О самых последних и нынешних видных персоналиях во власти мы уж помолчим. Та же многоликая и даже безликая неясность преследует любого отечественного, а уж тем более зарубежного, любознатца, покушающегося на понимание или хотя бы трактование любых судьбоносных со-

бытий-происшествий в бытии-истории Руси-России-СССР-РФ: от варяжства и крещения Руси до революций 1917 и 1991 гг., включая татаро-монгольское иго, Великую смуту и тот же церковный раскол.

Вопросы, вопросы, вопросы!
И где они — ответы?

99

Да, Россия не от мира сего, в том плане, что она, находясь пространственно в Европе и в Азии, не является по сути своей ни западной, ни восточной, хотя и несёт в себе черты и Запада, и Востока, а заодно и Севера с Югом, но была и остаётся особенной... нет, не единицей вовсе, а некой массивной геогипервеличиной, а именно — *российской*, как по плоти и образу, так и по духу и характеру, а ещё, что самое главное — по смыслу бытия своего, ей самой достоверно не известного, а лишь интуитивно чувствуемого, скрепя сердце принимаемого и стойчески выдерживаемого.

Россия (Русь) уже по рождению своему сопряжена с Небом и Землёю (не как планетой, а как зёмной твердью), но она почему-то накрепко сочленена и с иномирьем, что как раз и делает её «не от мира сего», что означает, что она «знает» *что-то*, никому не известное, в том числе и ей самой, и что имеет какое-то особое для этого мира предназначение — *неотмирное*.

Будучи своеобразной, Россия не отделена ни от Запада с Востоком, ни от Севера с Югом, более того, вольно или невольно, постоянно или прерывно, мирно или немирно со всем своим геоокружением взаимодействует, как вбирая что-то в себя, так и отталкивая от себя, как отстраняясь от

чего-то, так и к чему-то «прилипая», как выливаясь окрест себя, так и вливаясь в себя обратно.

В отличие от бойкой, упорно стремящейся к новизне и беглой по миру Европы (ныне ЕвроАмерики), Россия, не имеющая в себе беспокойного и взрывного кумулятивного экзистенциального заряда, предпочитает некое бытийное равновесие между покоем и движением, традицией и новизной, но в силу соседства с непоседливой, дерзкой и агрессивной Европой, вынуждена время от времени по-европейски «взрываться», либо впуская в себя бодрую Европу, либо её выпихивая взащей, но в меру и не в меру с ней непременно пересекаясь.

Россия и Европа взаимно вожделенны: если Россия для Европы более всего как ресурс, то Европа для России как раздражающий, задирающий и завлекающий субъект.

Что касается Азии, то Россия предпочитает, тесно соприкасаясь с ней, иметь с нею прочное взаимовыгодное взаимодействие, хотя и не остаётся к Азии безучастной.

Европа — это глобальная новизна, стремление в содеянный человеком иной мир, даже в ущерб традиции, в отрыве от неё; Азия — давняя традиция, базисная тенденция оставаться собою даже в потоке интенсивных обновлений; Россия же — ни то, ни другое, а совсем иное: обновляющаяся традиция, хотя и неохотно, рывками, через выворачивание и переворачивание своего бытия-истории, через «не хочу» и через «не могу».

Если Европа — это прогресс самой себя, а Азия — сочетание себя с прогрессом, то Россия — прогресс в сочетании с собою.

А в чём тут дело — для России?

Россия, вынужденно и со скрипом изменяясь, находится не в проективном созидании иного мира, как та же Европа (ЕвроАмерика), и не в нахлобучивании на себя этого сделанного Европой иного мира, как та же Азия, а в ожидании соответствующего своему исходному генетическому кодовому иномирию какого-то дарованного человеку и им само собой обретаемого *иного мира*, не проективно сделанного, а *экзистенциально* обретаемого.

Вот так!

100

Россия, в отличие от суетно-конструктивной Европы (ЕвроАмерики) и от самодостаточно сконструированной Азии, более всего в режиме бытийно-исторического сохранения, хоть и не без крупных импульсивных перемен своего генетического ядра-сингуляра, ещё только ждущего своего разрешения, причём ядра-сингуляра, явно *альтернативного* тому же евроамериканскому проекту, хотя ему вовсе и не враждебного, и *не аналогичного* любому из азиатских проектов, тоже, разумеется, никак им не враждебного.

Отчего такое убеждение?

Тут достаточно обратить внимание хотя бы на взаимоотношения Европы, а ныне ЕвроАмерики, если не АмерикоЕвропы, и России. Что мы видим? С одной стороны, желание Руси-России заимствовать с некоторых пор кое-какие достижения Европы, но при этом не превращаться в собственно Европу, в неё не входить, быть самою собою и рядом с Европой; с другой стороны — стремление Европы подчинить себе вассально-колониально Русь-Россию, производно и произвольно европеизировать её, присоединить

(пристегнуть) к себе, для чего все средства хороши: от выгодной для себя торговли, долгового закабаления России и экспорта в Россию технологий и производств, тоже, разумеется, выгодного для себя, до мало что в придачу политического влияния на российские правящие верхи, а и ведения против Руси-России покорительно-захватнических войн, среди которых и три паневропейских (Бонапарт, Вильгельм, Гитлер).

Что же в итоге?

Да, известная, весьма и обширная, особенно после Петра I, европеизация России, её хозяйства и культуры, даже онемечивание царствовавшей три сотни лет династии Романовых, но при этом и самостоятельная геопозиция России, независимая политика, при необходимости военный отпор захватчикам вплоть до их полного разгрома и вхождения российских войск в европейские столицы.

Что особенно поразительно: Россия сумела себя сохранить и оставаться суверенной Россией как по итогам бесных и круто антироссийских петровских преобразований, как по итогам страшного антироссийского мирореволюционного большевистского выворота, так и по итогам вкрадчиво inferнальных, но очень уж лихих, переворотных под прямым водительством западного глобализма 1990-х!

Россия остаётся Россией — даже побывав в бесовском inferнале и изрядно погуляв по антироссийским безднам!

Почему так, из-за чего, по каким-таким соображениям, тем более, что житие российское совсем не сахарное, по всем обыденным статьям явно уступающее Европе и Америке, вовсе не случайно вызывающее хронический протест

от регулярно поднимающей свой негодующий голос и восстающей *антиРоссии*?

Вот и выходит, что дело тут весьма сокровенное, просто так не прочитываемое, восходящее к чему-то и в самом деле иномирному, может, дочеловеческому, сакральному, софийному, божескому. И хочешь, не хочешь, а поверишь не просто в необычность России, а и в её всамделишную *неотмирность*, в какую-то её особую на Земле миссию — вырвалась же Россия первая в Космос, опередив славную и могучую ЕвроАмерику (американцев с немцами или немцев с американцами), да ещё и сделала это прямо после разорительнейшей для России Великой войны (1941 — 1945)!

101

Россия — трудная страна, и не только из-за безграничных просторов, большого холода и долгой темени, как и тех же плохих дорог, а из-за слишком уж въевшихся в её бытие и ныне разыгравшихся произвола, несправедливости, неравенства, равнодушия, разгильдяйства, глупости, как и воровства, коррупции, преступности, бандитизма, как и массового бескультурья, неуважения к другому, презрения к выделяющемуся, невнимания к таланту, преследования гения, ещё и разврата, обмана, лжи, казнокрадства, мошенничества, корысти, эгоизма, да мало ли ещё чего, чем «радуется», безумствуя, беспутствуя и беснуясь, постсоветская российская обыденность, не исключая науки, образования, литературы, искусства, ну и само собой, властных и «бизнесовых» эшелонов помрачённого социума.

Ничего не поделать: Россия ныне как раз там — в бездне, а в самой России — сущий ад!

Преисподняя правит свой нудный inferнальный бал.
В чём же дело?

Не в одной только долгожданной «свободе», дарованной аморальными 1990-ми, и понятой более всего как вседозволенность, распущенность, беспредел, а и, надо полагать, в своеобразном возмездии, а может, просто неизбежной плате — за революции, перевороты, обильные жертвы, массовые убийства, потоки невинной крови, неиссякаемые страдания, слёзы, стоны, за притеснения, произвол, надругательства, тоталитаризм, эксплуатацию, рабство, бедность, голод, холод... о-о... за многое, очень многое, что имело и имеет место, в российском бытии-истории.

И покидают, не выдержав столь впечатляющего падения страны, социума, людей, многие и многие россияне, в особенности из так называемой середины — из образованной части, бегут, да не куда-нибудь, а на формально противостоящий России Запад — дружелюбный ли, враждебный ли — всё равно!

Что тут скажешь: правда она и есть правда, хоть и не любима она, и скрывается, и, конечно же, наказуема!

Однако есть и другая правда: большая, а может, и бóльшая часть населения, в основном из коренников, из трудящихся, из прикипевших к родной земле, не только никуда не бежит из страны, а и, сохраняя личное и гражданское достоинство, бытует в ней, пусть и по-разному, вовсе не всегда благополучно, поднимает страну, улучшает быт, служит людям, воскрешает нетленный дух предков, сохраняет верность необъяснимой российской истине, в общем — противостоит энтропии, распаду, патологии и одичанию, одолевает уныние и отчаяние, держит в тонусе

настроение, обеспечивает не одно лишь выживание, а и полноценную жизнь.

Трудно, тяжело, горько, но... где же ещё им — русским, россиянам — быть, как не в России, и кто, если не они, всегда вместе с Россией — обманутые, обобранные, оболганные, оскорблённые, но... не сдавшиеся, не согбенные, не падшие, может, не очень счастливые, но зато... хотя почему же и не счастливые, ежели на родине, среди своих, в общем деле, на земле предков, ради России?!

Идёт жёсткая, бескомпромиссная, жестокая сортировка: люди и нелюди, люди и звери, люди и бесы, — и людям тяжело, подчас и невыносимо, но, несмотря на кажущуюся удачу нелюдей, зверей, бесов, их-де повсюду первенствования, не их всё-таки победа в российской экзистенции, ибо с ними и за ними лишь суета, тлен и погибель, — а небо русское проясняется, а земля русская очищается, а России всё равно стоять — до срока, который не только не вышел, а и ещё не заказан!

Что ж, война — России с антиРоссией, мира с антимиром, человека с нелюдем.

Россия — поле последней решающей битвы, вполне и сакральной!

102

Известная по истокам и источникам история Руси-России богата на разные катастрофного характера события-происшествия вроде разорительных нашествий внешнего врага, но так же и не менее, а то и более разорительных, внутренних усобиц, обычно весьма связанных с внешним

миром, присутствием и участием в усобицах внешних сил, включая и вторжения иноземных банд и армий.

Достаточно здесь упомянуть, не вдаваясь в назойливое перечисление, ордынское нашествие на Русь; Великую смуту с вторжением в Московское царство разных армий и банд; разорительные петровские реформы со спровоцированными Петром I репрессиями и войной России со шведами — этими новыми варягами, претендовавшими на рюриковское наследство; вторжение в Россию Великой армии Бонапарта с целью разгрома Российской империи и присоединения России к Европе в качестве зависимого полуколониального придатка; вторжение фашистской Европы под водительством и главным участием гитлеровской Германии со всё той же колониальной целью, но уже в расово-дискриминационной упаковке.

Но особый гражданско-размыслительный трепет вызывают революционно-преобразовательные коллизии, они же и откровенные катастрофы, вполне себе уже просвещенческого, даже и гуманистического, времени — XX в.: во-первых, Революция 1917 г., последовавшая за ней Гражданская война с иностранной военно-колониальной интервенцией и массовой эмиграцией соотечественников за рубеж, классовый революционный геноцид и жертвенные в петровском стиле революционные преобразования страны со стороны победившей красной власти, а во-вторых, потрясающая любое гуманитарное воображение перестроечно-преобразовательная смута конца XX — начала XXI вв., начатая в СССР и продолженная уже в оставшейся от него Российской Федерации.

Там и там — *революционные катастрофы*, причём гигантские, кое в чём сходные, но в целом различные: ежели первое из архиреволюционных деяний XX в. вершилось с участием горячей преисподней, то второе — преисподней холодной, но там и там, заметим — *преисподняя!*, а значит и зверский выворот — что кроваво-расстрельный, что бескровно-удушающий.

Оба происшествия — по иноземным (сначала европейским, а потом уже американским) проективным лекалам и деловым рецептам, разумеется, антироссийским (прямо как при Петре Великом!), и оба (как и после Петра Великого) с антиреволюционными в сторону России откатами с той лишь разницей, что Сталин, опираясь на Россию, её нещадно эксплуатируя, держал исконную Россию взаперти, в советском заточении, то сейчас, в отличие от советского сталинизма, Россия — открытая внешнему миру, хотя внутри страны весьма и теснима — неРосией, пожалуй что, как и при советах, более вынужденная, чем естественная, опора страны и власти, мало того, при всём евроамериканизме по-реформенного бытия, в особенности экономического — опора более всего концептуальная, идеологическая, даже и политическая, включая и геополитику (ну прямо как при Екатерине Великой или том же Александре III), ибо что ещё у нынешних реформаторов может оказаться под рукой, кроме России — не глобализм же, им не подотчётный и для них, как вскоре стало ясно, чрезвычайно опасный?

Да, Россия живуча, хотя весьма и весьма страдательна, и несмотря на все свои беды — нескончаемую inferнальность и ужасные катастрофы, революционную (переворотно-вывертовскую) цикличность, не только продолжает

быть, но и идёт, пошатываясь, вперёд — прямо в *неизвестность*, дарованную ей судьбой, мало того, делающую Россию именно Россией — неизвестной, непонятной, роковой!

103

История Руси-России полна неизвестности, неведения и загадочности, а что касается протоРуси — так тут даже не белые во времени пятна, а вполне себе белое от неведения время: что, где, когда там на Руси было, хотя древность русского (может, славянского) языка подтверждает, что таки что-то там было, да и разные обнаруживаемые от случая к случаю древние артефакты говорят за это же, как и те же ведические (пушкинские!) сказки: и города были, и ремесла с торговлишкой, и моря с кораблями, и военные походы за море синее, даже и цари кое-какие были.

Вообще ведическая часть истории Руси нарочито и напрочь забыта, а точнее — отвергнута и стёрта из памяти прямо в угоду корыстным варяжским захватчикам и назойливым византийским просветителям. А ведь была она, была, да ещё *какая!*, коли русский человек так с тех пор и остаётся... *русским*, несмотря на варяжщину, на византийщину с христианизмом, на ордынщину, на неметчину, на европейщину, как и на «советчину» (большевизм), да и сейчас он — русский человек — не что иное как... *русский* — вопреки «общечеловеческому»-де закатыванию усилиями нового глобализма всего национально-самобытного.

Русский мир прямо оттуда — из неизвестной протоистории, хотя, быть может, и не назывался он собственно русским, да, наверное, и не назывался, хотя корешок «рус»

издревле гуляет по свету, гнездясь в словах, именах, названиях.

Так или иначе, но Россия с русским людом и русским миром из давних времён, хотя бы из тех же ведических, может, арийских, может, гиперборейских, может и скифских, а доказательством сего факта, кое для кого и прискорбного, является неистребимый русский человек — не то что уникальный, а воистину... *неотмирный*.

Сия неотмирность дорого обходится русскому люду с его Русью-матушкой, не только дорого, а точнее — настолько невыносимо, что не выдерживают многие из русичей своей неотмирной русскости и хаот отчизну, и бегут они из неё, и изменяют ей, и пополняют ряды антирусских легионов.

Кого ещё на Земле *так* осуждают, корят и ненавидят, как русских? *Русофобия* — диагноз! Не настолько же русские «хуже» других, хотя в чём-то, может, и не столь «хороши», чем другие, чтобы вызывать по поводу себя чуть ли уже не институционализированную фобию? А может, дело совсем не в такой уж «плохости» русских, как в их... *инаковости*, причём не этнической, не национальной, даже и не культурной, не цивилизационной, а какой-то совсем другой — *экзистенциальной*, что ли?

Русские бытуют в массе своей, а лучше сказать, в совокупности, как-то не так, как другие, как бы и не бытуя: что им — русским — обыденные утехи других, им ведь о человечестве, мире, Боге думать надо, о той же России, да и о других, но меньше всего как раз о себе. Мир зёмный что-то не сильно русских устраивает, им нужно что-то *иное*, а что — они и не знают, но что-то *такое* они всё равно ждут,

проявляя по ходу бытия-истории неприхотливую ко всему вокруг и ко всем другим терпимость, даже к русофобии и русофобам — до какого-нибудь, правда, вдруг явившегося или почувствованного предела!

Да, русские бытуют не ради *этого* мира, а ради мира *иного*, которого, может, никогда и не будет, но в который русские верят, как и в *свою* Россию, почему и купились однажды, не очень-то это сознавая, на революционный коммунизм — вестник светлого-де будущего!

104

Не на тот, конечно, коммунизм, о котором вещали велеречивые компропагандисты, и даже не тот, о котором писали Маркс с Лениным, а на замаячившую в воображении угнетаемых веками русских возможность хоть какой-то *всеобщей справедливости*, немало участвуя в текущих коммунистических делах и многое что прощая тащившим их в «светлое будущее» немилосердным большевикам — сначала вроде бы ленинцам, потом, как вдруг оказалось, сталинцам, а затем уж и... никаковцам.

Да, доля наивности тут имела место, но не она решила дело, а веками не сходившее с исторической арены лицедейное, пятнистое и жестокое мурло бытия, вовсе не мимражное и не театральное, а вполне реальное и действенное.

Инстинктивная неотмирная инаковость, глубоко запрятанная в русской душе, сойдясь внезапно с большевистской правдой и большевистской же утопией, дрогнула и поддалась, не только вляпавшись в вызревшую в общем-то революцию (1917), но и во всё постреволюционное — плохое и хорошее, мрачное и светлое, тяжкое и доблестное,

пошлое и героическое, разрушительное и созидательное, зверское и гуманное, во всё то, что последовало за Великой революцией и заполонило необыкновенную, прямо скажем, «советско-социалистическую» быль, включая и миражно-реальную небыль.

В революции, а потом и во всём остальном — судом, приговариваемом, отвергаемом, уничтожаемом, переделываемом и впервые создаваемом, как и, разумеется, в Великой войне и великой в ней победе, в вырыве в космос, всё сразу и сошлось: неотмирность России как небесной идеи, многовековая страдательность её как зёмной данности, подспудная, невыразимая и неодолимая тяга русского духа к иному зёмному, а может, и незёмному, миру, внезапно возникший по инициативе большевиков «портал» для перехода в иную экзистенцию, — да не просто сошлось и дало взрывной, вулканоподобный эффект — разливный, лавинный, долгоиграющий, горючий, горящий и всю сжигающий, но и рождающий, остывая, новую экзистенциальную твердь.

Да, в той российской («русской») революции были так или иначе заинтересованы и приняли участие разные внутренние и внешние силы с разными намерениями и ожидаемыми результатами: от ревнителей за благотворные перемены в движении от старого к новому, от рабства, неравенства и вражды к свободе, равенству и братству, включая и вызревших мстителей за вековые насилия, страдания, кабалу, несправедность до корыстных приобретателей, хапуг и захватчиков, не исключая и откровенных врагов России, желавших её распада, разгрома и исчезновения с последу-

ющей колонизацией освобождённого от «русской скверны» жизненного пространства.

Такое великое деяние с такими его разными реализаторами, с такими их разными чаяниями, ещё и в озлобленной бесперспективной войной (1914 — 1918) и бестолковым царским-де правлением огромной страной, не могло не вызвать вместе с первыми взрывами людского негодования и выхлопами вдруг ожившего социумного вулкана внезапного пришествия во взбудораженную революцией страну самой что ни на есть пламенной и беспощадной... *преисподней*, что естественно, и случилось.

105

И пошло-поехало!

Пошла по России гулять революционная преисподняя, разжигаемая вырвавшимся на свободу антропогенным безумием, да не только своя родная преисподняя, но и чужая. международная, интернациональная, у которой тоже была своя задача — разжечь мировую революцию, бросив в её жгучую топку Россию вместе с её списанным мировой закулисной «никчёмным народцем».

Скоренько стало ясно, что революция-то совсем не та, что она своевольна и безобразна, что она почему-то более антироссийская и антирусская, чем российская, тем более уж не пророссийская и не прорусская, что она... э-э... мало того, что безумная, но и вовсе не «умная», не проективная, не конструктивная, а лишь разрушительная, произвольная, хаосная — как раз *преисподненская*.

И большая война всех против всех, именуемая лицемерно «гражданской», оказалась не только неизбежной, но

и неизбежно яростной, жестокой, беспощадной, кровавой, страшной, ещё и долгой, всяческой, нескончаемой. Как вспыхнула в 1917, так и длилась, и длилась, меня своё внешнее мурло, то затихая, то вновь возбуждаясь, хотя и всё более со временем лениво и неохотно, но границы окончания своего так ясно и не обозначив.

Вот так и жила в затяжной войне революционная Россия, то ли ставшая СССР, то ли в него попавшая, и жила так весь XX век, а вот продолжает ли так жить и в XXI в., судить уже каждому из актуальных современников сего преднамеренного века.

100 лет — с 1917 по 2017 г. — волнующейся, судорожной, неравномерной, импульсивной, подёргивающейся, разновыраженной РЕВОЛЮЦИИ — вполне и эпохальной по значимости, итогам и срокам действия, а вместе с нею и большой ВОЙНЫ, но не гражданской вовсе, может — *гибридной*, а ежели по-честному, то, скорее — *гуманитарной*: межсознаниевой, межидейной, межлюдской, межмировской: куда идти, с чем идти, кому идти, а кому при этом и сгинуть, зачем идти, до чего идти? — разборочной то была война, весьма и смысловой, концептуальной, проективной, хотя и немало бессознательной, разгульной, бешеной.

Она вроде бы началась и немалое время была войной между «красными революционными новаторами» и «белыми контрреволюционными консерваторами», но это не совсем так, если совсем не так: никаких прямых консерваторов не было и быть не могло, ибо «большую переменную» в стране чаяли все, хоть и не все предполагали, что революция может принять фундаментально антироссийский смысл (что в первом — февральском — варианте, что во втором —

октябрьском), а потому, помимо разгулявшейся войны всех против всех, разгорелась фронтальная война не между «старой» и «новой» Россиями, даже не так между разными «новыми» Россиями, хотя это тоже было, как между Россией и антиРоссией, точнее — между напористой и собранной в кулак антиРоссией («красной», включая «интернационалистов» и кое-каких внешних врагов России) и застигнутой врасплох, рассеянной и растерянной Россией, вовсе не консервативной, разве, может, не слишком обновленчески настроенной.

Не столько «новая Россия» поднялась против-де «старой России», хотя частично это и было, сколько «антиРоссия» поднялась против России — *России вообще* — за нероссийскую Россию, во всяком случае — за нерусскую Россию.

106

Российская по месту реализации и явным движущим силам революция, как и последующая за ней беспредельная гуманитарная (антропогенная) война — конкретные плоды, неявное продолжение или даже действительная часть великой мировой (в ядре паневропейской) войны. Именно эта мировая война возбудила, окрылила и вела российскую революцию с её не менее великой гуманитарной межчеловеческой войной на территории и просторах России, либо ставшей СССР, либо в нём оказавшейся — на условиях если не растворения, то уж «заклучения под стражу».

А мировую войну разжигали не только империалисты Европы и той же Японии, не только «сторонник»-де США, но и великое евромировое революционное движение, не

могшее по своей природе не сомкнуться с войной вообще и войной, о которой речь, в частности, — да и сама эта война не могла не сойтись с революцией и не иметь кое-каких имманентных революционных задач.

Принять во внимание тройственный союз *империализма, революции и войны* — многое понять во всех этих трёх компонентах мировой европейской по генетике апокалиптики XX в., включая и имперо-войно-революционную апокалиптику России и СССР.

Вот так: революцию с её долгоиграющей гуманитарной войной в России и СССР можно понять только в контексте Великой мировой войны XX в., вполне и апокалиптической, причём, войны опять же *гуманитарной* (антропогенной и миропроектной), тоже мироантимировской, и что самое интересное — продолжающейся и сейчас, уже в XXI в.

Та же пресловутая «холодная война», в основном между ЕвроАмерикой (Западом) и СССР — тоже ведь часть Великой мировой войны, начатой уже неизвестно когда, но уж с Великой французской революции — точно!

Революция и война — родные сёстры, одна другую стимулирует и ведёт; вот и «русская революция» со своей внутрисосийской и внутрисоветской войной всего лишь сестричка, да сразу двух «богатых родственниц» — *мировой революции и мировой войны*.

Да, тут действовали персоны, элиты, массы, — всё это так! — но тут действовал и «ход гуманитарных вещей», ну и, разумеется, «ход великой неизвестности», а в итоге — *мировая кровеносная пря*, в которой и революции, и войны, и вывороты с переворотами, в общем — бесовская игра

преисподней, с которой ничто и никто не может в бытии-истории справиться, да и справляться из сильных мира сего, кроме явно уж «шалых» единиц, попросту не хочет.

Прю вполне устраивает «глубинное правление» бытием-историей, а бытие-история, ведомое преисподней, вовсе не такой уж ныне и глубинной, не уходит решительно от этой всемирной при (распри), а потому вся надежда на неизвестность, на что-то не подвластное человеку и не зависимое от бытия-истории — на *Иномирье*, на *Небеса*, на *Бога!*

Вот и российская, а в период СССР — советская, пря продолжается, хотя не одна лишь пря, а и кое-что «высренное», противоположное при (распри), что разворачивается как бы параллельно ей, явно ей вопреки, а может, и благодаря, — что в СССР, что даже сейчас, — как раз то, чего нельзя-таки не увидеть, не отметить, не выставить, чем либо нельзя не восхититься, либо о чём нельзя не поскорбеть.

Перманентная всё-таки бродит по Руси революция, нескончаемая идёт война, но и жизнь тоже, течёт свои чередом, принося бесчисленные жертвы и верша нескончаемые подвиги, испытывая броское отчаяние и не избегая неброских оцепенений, одним словом — круговая вокруг *апокалиптики*, вполне себе и *гуманитарная*.

Так уж устроен он — мир человеческий!

107

Да — величайший случился переворот с безумным экзистенциальным выворотом, да — бешеная пошла междуусобица, да — беспощадная разгорелась тотальная чистка,

да — силовое развернулось построение нового мира с новым-де человеком — мира без эксплуататоров и из одних только трудящихся (*без-умно*, но факт!).

Что же случилось в осаде, когда отчаянная драка затихла, наступила пусть и репрессивная, мобилизационная, директивная, но стабилизация, хотя и не штилевая стабильность, ибо в стране шло подъёмное движение вперёд — не к выдуманному коммунизму, конечно, а к реальному, армейского образца, вынужденному устройению, но не статуарному, а динамичному, модернизационному, как раз очень схожему в данном аспекте с западным, не исключая и фашистский вариант, причём не без мощной, разносторонней и весьма эффективной технотронной помощи Запада, той же Европы и тех же США, следственно, по воле «глубинного правления», ведущего неустанно *свою* мировую революцию и *свою* же мировую войну (знаменитый «ленд-лиз» времени Великой отечественной войны не был никакой для истории новинкой).

Реальным, действенным и продуктивным итогом Великой российской революции и имманентной ей гуманитарной войны стал не «военный коммунизм» и не НЭП, а военизированный, авторитарно-тоталитарный, однопартийный режим во главе с властным личностным, фантомным, но вовсе не иллюзорным вроде последнего русского царя, феноменом — товарищем Сталиным (в миру Иосифом Джугашвили, грузином, социальным маргиналом по рождению, неплохим начинающим поэтом, недоучившимся семинаристом, боевитым революционером-экспроприатором, успешным самоучкой, незаурядным мастером слова и оригинальным публицистом, талантливый политиком, изоц-

рѣнным политиканом, беспощадным инквизитором-палачом, безоговорочным диктатором, общепризнанным вождѣм, аскетом-бессеребрянником, зѣмной, прямо из самой преисподней, мессией).

Сталин — не царь, не император, не султан, это — *вождь*, то бишь *вождеденный водитель* и куда как более системный, мощный и сакральный властитель, чем любой царь, император или султан, ещё и простой, понятный, как бы и *свой*!

Нет, это не германо-фашистский фюрер — мистический избранник скрытых тѣмных сил, верный носитель и высший выразитель сумрачного германского духа, «истинный»-де ариец и ультрановый тогда европеец, дарованный провидением спаситель немцев, Европы, мира, хотя тоже из социальных низов и тоже, судя по некоторым признакам и фактам не совсем стопроцентный немец, как и, кстати, кремлёвский вождь не совсем, кажется, грузин, — нет, Сталин — не фюрер, он хоть и не любил Европу, как, собственно, и Россию, но не презирал их, даже кое в чём и кое за что уважал, а вот Гитлер презирал всех и вся, кроме германцев и Германии, а уж славян и прочих «остлендцев» люто ненавидел.

Сталин вѣл стальной рукой все без исключения народы необъятной самодостаточной страны к новому, пусть и строгому, но общему суверенному будущему, лишѣнному вроде бы классов и иерархий, господства денег и приоритета частной выгоды; Гитлер же предпочѣл расово-господское доминирование высших-де народов над якобы низшими, как и не пренебрѣг этническим геноцидом (евреев, славян, русских, тех же цыган), а также предпочѣл властно-

владельческое и экономическое доминирование избранных элит (каст) над примитивным-де плебсом (римские имперский и рабовладельческий симптомы). Надо заметить, что идейно-проективно Гитлер был менее утончён, чем марксист-ленинец Сталин, хотя и вдохновлялся тёмной метафизикой древнего ведизма, вполне признавая при этом, как, собственно, и Сталин, реальность сильной государственной власти и неизбежность управленческой и социальной иерархии. Что же касается личной диктатуры и репрессивных методов партийного правления, то тут оба абсолютных лидера вполне между собой сходились — что концептуально, что практически.

108

Мировая в широком смысле революция — как большая перемена мира, ведомая так или иначе евроамериканизмом, Западом, и соответствующая ей затяжная мировая война, тоже сыницированная и ведшаяся прежде всего Западом, привели к возникновению как-то поощрявшихся поначалу «мировой закулисы», а затем вдруг оказавшихся реально альтернативными классическому Западу вкупе с самой «мировой закулисой», двух, уже опасных для Запада и его закулисы, режимов: коммунистического в России, ставшей СССР, и фашистского режима в ряде стран Европы, в особенности в Германии.

Ни сию революцию, ни сию войну, в которых серьёзнейшими игроками стали указанные новоиспечённые режимы, было уже не свернуть, да в общем-то было и не нужно: то и другое не только жарко разгорелись, но и весьма устраивали занятое масштабными переменами в мире за-

падное «глубинное правление», тем более, что евроамериканская цивилизация переживала тогда явный системный кризис, из которого надо было выходить как раз по самым что ни на есть кризисным путям — *войны и революции*. Всё это так или иначе сходилось в большом войно-революционном русле, определявшем тогда мировое бытийно-историческое течение. В этом-то течении и оказались два новых претенциозных контрагента — фашистский и коммунистический, то понимавшие и принимавшие друг друга, то, наоборот, между собой явно соперничавшие, но так или иначе это были игроки-соперники, способные сыграть и вместе — как раз против «евроамериканской закулисы».

И поскольку существование, деяния и взаимодействие сих новаторских и амбициозных контрагентов весьма заботили «евроамериканскую закулису» и заботили с некоторых пор, надо особо заметить, с очень и очень немалым страхом, а потом и попросту крайне негативно, то всё было сделано этой закулисой, а вместе с нею, надо заметить, и «ходом вещей», а может, даже, и «ходом неизвестности», ради ожесточённого между этими крайне для либерал-глобалического Запада опасными геостратегическими субъектами столкновения, причём не на жизнь, а на смерть!

И неважно уже для метаистории, что фашистская Германия первой напала на СССР, что она стремилась к порабощению местного населения и завоеванию для себя жизненного пространства на востоке Европы, что она подвергла геноциду население оккупированных территорий СССР, не признавшее захватчиков и им упорно сопротивлявшееся, и т. д., и т. п., — тут важно ныне другое: обе альтернативы

сцепились тогда в смертельной схватке, в которой как было уже вполне ясно «евроамериканцам», оказался должным сначала погибнуть (именно погибнуть!) фашизм, как раз тот самый фашизм — гитлеровский: самый амбициозный, последовательный, проективный, популярный, сильный, ещё и в чём-то важном... *мистический*, воевавший Англию и ненавидевший США, развязавший холокост, а что касается СССР, долженствовавшего поучаствовать в разгроме Германии с её сателлитами, то его печальная участь должна была решаться как-то иначе, может, и в последующей его войне с ЕвроАмерикой, либо же ЕвроАмерики с ним — как уж кому больше нравится!

Нет, конечно, нельзя полагать, что всё в мире происходит под дирижёрскую палочку «евроамериканской закулисы», да ещё и по строго очерченным планам, но отвергать инициативное, проективное и руководящее влияние этой мощной силы на мировые и локальные процессы не то что неверно, а и попросту глупо. Сила есть сила, — и она пока что в руках тех, у кого она реально в руках — у евроамериканского навершия-центра глобальной мировой пирамиды, вполне, знаете ли, гуманитарной.

Мировая революция, а это целый сонм локальных революций, и мировая война, а это целый набор различных войн, равным образом и мировой гуманитарный кризис с мировой гуманитарной переменой, где тоже «куча» различных кризисов и перемен, — пусть и не всё там было сознательно и в меру субъективно управляемым, пусть и было немало самопроизвольным, — стихийным, хаотичным, бессознательным, но без учёта влияния на всё это, во многом и руководящего влияния, такого центра мировых решений,

как англосаксонский, он же американский, или же евроамериканский, — всё равно! — ничего толком не понять в имевших место наиболее значимых деяниях, событиях и происшествиях почти всего Нового и всего Новейшего времени, тех же XIX, XX и XXI вв., как ничего не понять и в судьбе многих стран, держав, империй, регионов, включая и Россию (и тот же СССР).

109

С учётом всего вышеочертанного из переменнокризисного и войно-революционного, весьма и апокалиптического, а также с учётом того, что внешняя феноменальная история вовсе не вся, да и совсем не главная, история, ибо есть ещё *внутренняя, или глубинная, метаистория* — вовсе не только результатная, а и вполне себе инициационная относительно внешне фактической истории, становится возможным не только *по-другому* увидеть и иначе трактовать историю, а признать, что реальная история, а лучше сказать — реальное бытие-история, что-то вообще другое, как бы и *иномирное*, требующее не просто *иных* суждений, а и в полной мере *иного* смысло-сущностного понимания и словесно-категориального представления.

Бытие-история — *нечто совсем иное*, вовсе не *такое*, как кажется обычно не только обыденному, но и специализированному уму: деяния, события, происшествия, процессы, даже и факты — не совсем, а то и совсем по смысловой начинке *не то*, а *что-то* всё-таки *другое*, человеку в общем-то для ясного и полного понимания и недоступное. Незнание, незнание и иллюзия — из одного онтогносеологического гнезда, чуть ли не из самого Грааля, немало изде-

вающегося над человеком разумным и не дающем ему разумного познавательного покоя.

Та же «российская революция» — наполовину, возможно, а то и на четверть, собственно российская, на другую же четверть вполне себе нероссийская, а еще на четверть — так и вовсе антироссийская, а в общем-то — неизвестно по сути и какая! Вообще-то — она более неизвестность, чем известность: уже прямо по мотивам и причинам, кроме, пожалуй, гуманитарной усталости от бытовавшего тогда режима, системы управления, царя, дворянства, князей и графов, церкви, социальной иерархии, рабства, чиновничества, неправды, несправедливости, косности, лицемерия, подлости, хамства, алчности, глупости, то бишь от институций, пороков и поведения людских, как и усталости от бестолковой, безысходной, ненужной войны, да и от самой России тоже, от той же литературы, от искусства, от балета, от школ и университетов, от... *всего!*; революция толком неизвестна и по своему ходу, движущим силам и действовавшим лицам, а главное — ради чего она явилась, чего хотела, к чему стремилась, кроме, разумеется, отчаянного отрицания и бесцельного разрушения, да и разрушала она в итоге всё подряд, — этакое случилось саморазрушение России, жаждавшее теми же литературой, искусством, публицистикой, газетами, думскими речами; а в итоге-то что? — новая и лучшая Россия или же, пардон, опять же неизвестно что: какой-то репрессивный, нечеловеческий, театрализованный урод, какая-то странная, фантомная страна под кодовым названием СССР со странной в её неугомонном чреве правящей партией во главе с не менее странным вождем по имени Сталин, а на самом-то деле страна полу-

чила жесточайшую тоталитарную диктатуру и армейского (ордынского) образца режим, вроде бы и необходимый, чуть ли и не спасительный; а разгромленная было Россия почему-то при этом никуда не делась, не исчезла в пучине СССР, а выжила, сохранилась, а в итоге Великой войны 1941—1945 гг. даже и сильно поднялась.

Была ли нужна бытию-истории *такая* вот революция (о жертвах мы тут помолчим) или нет? Видно, была нужна, раз случилась, хотя, может, и не была нужна, но... *случилась*, а вот именно *такая* ли нужна была революция или нет, кто ж знает? Если уж нужна была, то видно... *никакая*, не причинная, не ясная, не проективная, этакая *сама-себе-революция* — безумная, оголтелая, стихийная, хаосная, отчаянная, самочинная, непотребная, а что ещё другое могло тогда произойти в стронувшейся с места и тронувшейся умом стране, погруженной по уши в апокалиптический поток хронически кризисного, эсхатологически переменного, войновского и революционного бытия-истории, а-а?

Не хватало ещё такому вот бытию-истории хорошо продуманной, ловко по плану сделанной, с запроектированными благими результатами «научно-де обоснованной» революции!

110

Не только революцию, но и ту же войну не понять без допущения её, как и революции, более всего метафизической, а лишь частично и физической, *самости*.

Война, как и революция, в особенности большого, как и революция, масштаба, всегда, как и революция, *сама-себе-война*. Это вообще-то относится к любому деянию, со-

бытию, происшествию, не говоря о процессах, тенденциях, движениях. Всё это имеет *свой* резон быть и состояться, опять же состояться в чём-то важном *по-своему*, вовсе не так, как кто-то, где-то, зачем-то, чего-то хотел, даже и в ранге всемогущего «мирового правительства», не говоря о финансовых воротилах, промышленных дельцах и торговых умельцах, как будто бы в разных войнах сильно экономически заинтересованных: даже государственные правления со своими силовиками и спецслужбами далеко не всё определяют в происходящем вокруг войновском акциуме, хотя в нём непосредственно и участвуют. Короче, войны развязываются и ведутся во многом... *сами*, реализуя не что иное, как скрытый, может и в самой преисподней, бессмертный и навязчивый дух войны, который непременно оживляется в благоприятные для себя и своего рокового взлёта бытийно-исторические времена и текущие моменты.

Да, войны делаются «людьми», ими всю вершатся, но войны делаются и сами собой, как и сами собой во многом вершатся: мало кто в нынешнем мире реально хочет войны, тем более масштабной, мировой, армагедонной, но все, или почти все, или многие, к ней усиленно готовятся, ибо состояние мира ныне таково, что он уже давно такой войны... *жаждет* — независимо от чьих-то чувств и умозаключений, — и лишь угроза всеобщего самоуничтожения пока ещё останавливает сию последнюю войну.

А вот когда подобной апокалиптической угрозы не было, а война представляла собой жертвенный алтарь лишь для части наличествующего на Земле люда, причём очень и очень меньшей, то война, даже и мировая, незамедлительно раздражалась.

Нравится нам это или нет, но в Бытии-Истории существует неиссякаемая потребность войны, периодически прорывающаяся в реальность и её захватывающая. Такие исторические персонажи, они же и великие герои, как Дарий, Цезарь, Македонский, Чингиз Бонапарт, но и, конечно же, Вильгельм с Гитлером, хоть и развязывали войны и их беспощадно вели, но важно иметь в виду, что и войны, их нетленный дух, их потенции, тоже развязывали умы, души и руки этих войновских героев, вели их по стезе войны.

Вот и Великая мировая война, непременно тлеющая в преисподних глубинах Бытия-Истории должна была вновь вспыхнуть аккурат в XXI в. — жутком не одной только потенциальной войной, а и кое ещё чем — тем же разошедшимся не на шутку антимиром, включая и бешеное искусство, и дрянную литературу с лживой журналистикой и прочим похабным медийством, и даже сумасшедшую науку с зарвавшейся техникой, — и война сия таки разразилась, и пошла себе по миру, лишь приняв иные, чем прежде, образы.

Это ведь не просто война, а *война миров*, включая и войну между *миром* и *антимиром*!

Виноват ли был Гитлер со своими «милейшими компаньонами» в развязывании и ведении мировой войны? Виноват, конечно, но ведь наряду со всеми своими противниками, не так ли? Ну и потому ещё виноват, что проиграл — на срок! — войну, стался побеждённым, а вот если б выиграл и стал победителем, — тогда что?

Нюрнбергские сидельцы были поражены не столько фактом своего участия в кровавой бойне, сколько фактом, что их... судили!.. причём за военные преступления!.. при-

чём судили их вчерашние по Западу... союзники, вдохновители и подстрекатели!

Нацизм, по некоторым данным, зародился вовсе не в Германии, а в имперо-колониальной, пиратской Великобритании, да и овладел воображением не кого-нибудь, а части потомственной аристократии, включая и членов королевской фамилии!

111

Великая Отечественная война (1941—1945)!

Да, она и в самом деле и отечественная, и великая, но она и часть Великой мировой войны, её нового могучего выплеска в 1939—1945 гг. уже и не только в основе европейского, но и азиатского, где агрессивно и зло заактивничала имперо-милитаристская Япония, напавшая в один прекрасный момент и на США. Однако наша ВОВ ещё и компонент мировой революции, большой всемирной гуманитарной перемены. Не одна лишь мировая война обусловила и вошла в ВОВ, но и мировая революция тоже, причём со всеми своими основными компонентами: либерально-имперо-глобалической, социал-интернационал-коммунистической, социал-национал-фашистской. Сложно тут всё было, очень сложно: разные течения, движения, силы, игроки, проекты, деяния, следствия.

Да и сама по себе ВОВ, как уже собственно *наша* война, тоже не отличалась смысло-содержательной простотой. Мало того, что стала продолжением Первой мировой войны (1914 — 1918), весьма ВОВ предопределившей, но оказалась генетически затронутой и Великой российской революцией, и Гражданской войной, и отраженческой борь-

бой с интервентами, и оборонительно-наступательной схваткой с Польшей, и претенциозной со стороны СССР войной с Финляндией, и дальневосточными военными конфликтами, и наступательным, вполне и имперским (оправданным или нет — особый вопрос!) продвижением СССР на запад (Прибалтика, Западная Белоруссия, Западная Украина).

Великая Отечественная война вобрала в себя многое из предшествовавшего и была не просто войной с фашистской Германией и её сателлитами, как и не просто частью мировой войны, а и войной, так сказать, собственной (не просто нашей, а именно — *собственной*, то бишь опосредованной и вызванной бытием-историей уже самой России, самого СССР, самой большой евразийской империи).

Нечего тут что-то скрывать, да ещё и чего-то стыдиться — Бытие-История не только жёсткая, но и самоуправляемая и самоуправная реальность: революция революцией, перемены переменами, новизна новизной, а имперство родной страны никуда не деть — ни белым, ни красным, ибо тут решает не чьё-то субъективное хотенье или нехотенье, а метафизическая (эзотерическая, эгрегорная) предопределённость, она же и предназначённость, она же и судьба. Россия как оказалась в войне с 1904 г., так в ней и находилась, попав, будучи уже СССР, и в войну 1941—1945 гг., вполне оправданно ставшую для страны и её народа *Великой отечественной войной*.

ВОВ была, конечно, битвой за Родину, за СССР, но, как быстро выявилось — и за Россию, за ту самую — за свою, нашенскую, исконную, пусть и запятанную произвольно в СССР, и изрядно поруганную, и нещадно эксплуа-

тируемую, но живую, неотменную, неистребимую. Однако революция, «гражданка», насильственные преобразования, чистки, репрессии, трибуналы, посадки, высылки, расстрелы не могли не сказаться на содержании разыгравшейся войны, присовокупив к ней и кое-что, мягко выражаясь, неприятное, сходное с тем, что было в то же Смутное время, а именно — совсем не малый по масштабам коллаборационизм с фактической гражданской междуусобицей на оккупированных врагом территориях (полицейские против партизан и стоявшего за родину населения); массовую сдачу в плен наскоро мобилизованных и брошенных фактически на убой тысяч и тысяч сограждан; появление сражавшихся против Красной Армии воинских частей, состоявших из соотечественников (вроде власовцев, казаков-красновцев, тех же украинских «соловьёв» и «галичан», литовских «лесных братьев»); появление масс добровольных трудовиков из СССР в Германии; явление тех же шпионов и диверсантов из «своих», вполне себе самоотверженно и эффективно служивших врагу.

Нехорошо, прискорбно, противно, но разве выворачивающий всё и вся репрессивный революционный, а может, и с воцарением сталинизма во многом уже контрреволюционный, режим не был тут ни в чём виноват? Ах, эти радикальные долгоиграющие извращения — нетерпеливые и беспощадные!

Да, вроде бы измены, предательства, преступления против отечества, — это, конечно, так, но почему же они стали такими массовыми?

Один из назидательных уроков ВОВ, может, и самый в гуманитарном плане главный: нельзя издеваться над людьми.

ми, над народом, над творческой элитой, даже ежели это оправдано-де революцией, исторической необходимостью или какой-нибудь «передовой», ещё и «научно-де обоснованной», идеологией, тем более издеваться над людьми честными, порядочными, позитивными, над народом трудовым, мастерским, профессиональным, несущим на себе страну, её держащим, оберегающим и спасающим, над оригинальными талантами и необычными творцами, — *нельзя!*

А что, разве были сделаны серьёзные выводы, это властей-то предержавшими? Да, кое-что было понято, и кое-что было изменено, ослаблен репрессивный пресс, но... не то что не до конца было понято и сделано, а даже и не до середины — очень уж нравилось бывшим крепостным оказаться, быть и оставаться новыми крепостниками, пусть уже от имени и по воле-де «рабоче-крестьянского» государства, не так ли?

112

Сталинский режим, преобразившись в беззаветно воюющий против захватчика и бескомпромиссно защищавший страну и её народ, опершись на коренную Россию, на патриотизм, на народный дух, не только устоял сам, хоть и наделал наряду с великими достижениями немало ошибок и преступлений, но и обеспечил, не без помощи союзников-противников в лице главным образом Англии и США, разгром врага и добыл победу не только в отечественной, но и вкупе с союзниками, тоже принявшими участие в войне против еврофашизма, во всей мировой войне.

Напряжение, риски, затраты ресурсов и жертвы были для СССР колоссальными, победа сия далась очень дорогой

ценой, но что особенно значимо — не просто гигантским усилием власти, армии и народа, пусть и не без приказа «Ни шагу назад», заградотрядов и штрафбатов, а и титанической работой тех, кого обычно относят к профессиональной элите: офицеров и генералов, партработников и комиссаров, государственных служащих и директоров, инженеров и конструкторов, учёных и экспертов, литераторов и журналистов, деятелей искусства и представителей священства, врачей и учителей, в общем всех, всех, кто знает, руководит, ведёт, созидает, берёт на себя ответственность, за всё отвечает, требует, не исключая и тех, кто по-честному и профессионально исполнял свой долг в правоохранении, в спецслужбах, в милиции, на дипломатическом поприще, ну и, конечно же, в разведке.

Зачем об этом говорить? А как было воевать, разрабатывать и производить вооружение, вести хозяйство, обеспечивать жизнеотправление страны, обновляться, идти вперёд, поддерживать гражданский порядок, учить и учиться, лечить и лечиться, держать и умножать культуру и т. д., — как это всё делать без корпуса образованных и квалифицированных спецов, без творческих элит, без национальных мозгов — как? И что замечательно: сия умственная армия в стране... *была* — была в СССР, у ВКП(б), у товарища Сталина, мало того — она была своя, национальная, коренная — частично старая, ещё имперско-российская, но и новая — советско-российская, и она выполнила грандиозную задачу — обеспечить фронт и тыл, победить в войне, ещё и круто по ходу модернизироваться, выйти из войны обновлёнными, передовыми, новыми.

А ежели соединить эту армию спецов с военной армией и армией трудящихся масс, то выходит не что иное, как необыкновенный социально-деятельский феномен, он же и чудо — целое поколение преданных стране созидателей, работавших более всего не на себя, а на общество, на Родину, на государство, на всех!

Такой реально тяжкий репрессивный режим и такое мощное поколение эффективных работников, формально вроде бы полностью от режима зависимых, чуть ли не государственных крепостных, а по сути — на редкость свободных тружеников, не связанных ни с собственностью, ни с частным накоплением, ни с личной корыстью!

Поразительно, не правда ли?!

Победа в войне легитимизировала существовавший в стране большевистский режим с ВКП(б) и НКВД в основании и товарищем Сталиным во главе, новое поколение трудо-созидателей его вполне или весьма признало, и вместе они — режим и созидательное победительное поколение — пошли после войны дальше по пути созидания, обновления, строительства нового будущего, как всем тогда казалось — *строительства коммунизма*, во всяком случае — справедливого трудового бытия, по возможности и счастливого (всё того же Царства Божия на Земле).

Да, это был феномен — действительный и невозможный: возникновение и деятельное бытие уникального поколения созидателей-победителей, — и не только в войне победителей, а и во всём остальном — в индустриализации, строительстве, образовании, науке, здравоохранении, культуре, спорте — во *всём*!

А если ещё учесть, что это было поколение не просто людей — как животного вида, а людей как... ЛЮДЕЙ — нравственных, социабельных, культурных, товарищеских, хотя, как водится, не без недостатков, изъянов и даже пороков, но всё-таки в целом очень и очень позитивных, гуманитарных, людских.

Можно смело утверждать, что тогда случилось *единственное* в бытии-истории не только России, но и всего цивилизованного мира, поколение, вполне и чудесное, которого не было никогда ранее и которое уже вряд ли когда-либо и где-либо повторится.

Заметим при этом, что поколение сие хоть и из христианско-православного по преимуществу мира, но ни практической религии, ни практикующей церкви не было сильно обязанным, разве лишь вере в себя, в страну, светлое будущее и своё текущее дело — вполне и святое!

113

Да, это поколение действительно явилось на свет божий, оно было и оставило глубокий и яркий след в бытии-истории не только России (СССР) и её идейно-стратегических союзников (стран соцсистемы, многих «развивающихся стран»), а и всего мира (достаточно упомянуть о сдержавшей США атомной бомбе и вырыве первыми в мире в космос).

Можно предположить, что в рядах сего поколения как раз и явился новый — вроде бы советско-социалистический — человек, но это вряд ли будет верно, точнее, будет, скорее, неверно, ибо явился, повторим ещё раз, сам... ЧЕЛОВЕК, хотя и не без кое-какой внешней ис-

торической окраски, но лишь окраски, не более того, да и преобладала в этой окраске не совсем та краска, о которой обычно думают, а именно... *сталинская*, да-да — *сталинская*, но не в плане большой приверженности поколения Сталину и сталинизму, а в плане его совместного со Сталиным и сталинизмом мучительного рождения и своей трудоёмкой, самоотверженной, но при этом и крайне плодоносной, реализации. Сам Сталин трудился день и ночь, работая ради страны и всего населения страны, будучи при этом в материально-денежном плане аскетом-нестяжателем, и поколение его точно так же много работало, будучи в общем-то если не совсем аскетическим, то уж в основе нестяжательным — точно! Эгоизм, корысть, личное обогащение в среде того поколения попросту презирались. Где и когда было что-то подобное, разве лишь у первых катакомбных христиан, да у части индуистов с буддистами, но разве те, другие и третьи так трудились созидательно и новаторски продуктивно для страны, общества, для всех, как это довелось «сталинскому поколению», когда никто не думал ни об индивидуальном счастье, ни о личном спасении, ни о райском загробном мире, зато думал об общем благе и большом сложном деле — строительстве новой жизни на новых производительных и культурных основаниях.

Не Сталин, конечно, соткал это поколение, хотя и приложил к этому свою тяжёлую диктаторскую руку, и не марксизм-ленинизм, усиленно тогда пропагандировавшийся, прославлявший труд и возвышавший людей труда, и не ВКП(б), хотя и она усиленно старалась соткать нового человека, — поколение это выварилось более всего *само*, прямо в апокалиптическом, если не преисподнем, котле Бы-

тия-Истории, где сошлись в жарком вареве большие мировые деяния-события: революция, война, прогресс, ну и такие вещи, как новизна, утопия, мечта, как и генетическая память вкупе с культурным архетипом — *русскость*, а также не объяснимая досужим научным умом своевольная мистика.

Хочешь, не хочешь, а ведь мистическим по рождению, энергичности, деяниям, облику и поведению оказалось то поколение — *мистическим!*

И *феерическим* тоже!

А вот с верховным правлением страной и управлением её бытием сему поколению после ухода Сталина, уничтожившего по параноидальной своей подозрительности адекватных сему поколению возможных своих преемников (роковая его кровавая ошибка!), крупно не повезло, может, тоже мистически — пора было, видно, начинать сворачивать руками бездарных управителей не только мобилизационный сталинизм, но и весьма смягчённый и очеловеченный большевистский социализм — не так даже утопический, что само собой, а попросту невозможный.

Сталинское поколение ещё подержало на себе до 1970-х этот самый социализм, а на самом-то деле тоталитарный этатизм, но с отходом поколения от активных дел и из зёмной жизни вся постсталинская система быстренько впала сначала в застой, потом в маразм, а затем и в неодолимый кризис, он же и паралич.

Вышло так, что не только не вечный, но даже и не долгоиграющий, строй не удался ни у революции с войной, ни у Сталина с ВКП(б), а потом КПСС, ни у замечательного

поколения «сталинских соколов», ни у самого Провидения: пропуска в большое будущее у сего строя не стало.

114

Однако вспышка от советского социализма была не только яркой, но и обжигающей — что при разрушении и при воссоздании многого из бывшего, что при созидании чего-то нового, что от безумного ожидания чего-то *этого*, что от внезапного от всего реального *этого* разочарования.

Событие ведь — этот «русский» практической социализм, что говорить, грандиозное событие, хотя не такой уж это был и социализм, скорее, трудо-общественная альтернатива европейской либерал-приватной социальности, а вообще-то и по-простому — альтернатива Европе (ЕвроАмерике) — как идейному концепту и генератору особого рода деятельной экзистенции.

На срок сия альтернатива в чём-то удалась, но только на срок и только в чём-то, да и то не более чем в роли соперника — будто на беговой дорожке, может, и влиявшего, и даже повлиявшего на бегущего рядом противника, но не обыгравшего его, не выигравшего в беге на длинную дистанцию, как оказалось, ещё и начисто проигравшего, да не на финише, а попросту сойдя с дистанции.

Очень это интересно!

Что же это на самом деле было — в России и в мире, в связи-то с «социализмом»?

Да, будто бы альтернатива Европе, хотя и по замыслу... *европейская*, как, собственно, и тот же фашизм — эта даже более европейская по сути и характеру альтернатива

старой Европе, отчего, возможно, и первой выбитая с бытийно-исторической дистанции, — советский же социализм, вступив в союз с англо-саксонской Европой (ЕвроАмериканской) и победив конкурента по альтернативе Европе, продержался дольше, уже как бы и добровольно сойдя с дистанции.

Фашизм оказался слишком уж *своим* для Европы и слишком уж заносчивым, он мог и впрямь подмять под себя Европу вместе с её англосаксонской *запад-нёй*, даже не выходя и на соревновательную дистанцию, он был из того же самого общего еврояйца и грозил, вырастая и бешено вибрируя, это яйцо вдребезги разбить и покончить навсегда с отжившей-де Европой.

Не то «русский социализм». Да, он только был по идее и происхождению европейским, но реализовался за пределами Европы, он тоже угрожал классической Европе, но иначе — более всего дистанционно и на дистанции; да и союзником антифашистской Европе в борьбе с отбившимся от рук национал-фашизмом оказался вполне подходящим — сильным и жертвенным.

И всё-таки: альтернатива-то альтернативой, но ведь и что-то *своё* — уже как бы «*русское*», как и что-то *общемировое*, — тогда что же?

Если «русское», то, конечно же, что-то вынужденно возвратное в сторону исторической России, не очень-то, скажем прямо, собственно русское, скорее даже, антирусское, но... творившееся в России и, как оказалось, для России (разворот Сталина от мировой революции к революции и построению социализма в одной стране), а также с участием России, её нового созидательного поколения (не

слишком афишировавшийся разворот Сталина от СССР к исконной Руси-России) — СССР, конечно, не вернулся в образ прежней Российской империи, хотя и остался империей, уже новой, ещё и более сильной, но немало от Российской империи воспринял — антиутопически!; а ежели что-то общемировое, то, надо полагать, две вещи: 1) построение хоть и не социализма в полном смысле слова, но вполне реального трудо-общественного социума с ещё более реальным «социальным государством», что послужило реальной «социализации» Европы и преобразовательным примером для всего мира; 2) вырыв сталинского СССР усилиями самоотверженного созидательного поколения в космос.

Да, можно сколь угодно много говорить о том, что бы было с Россией, какой бы она стала и что бы в ней свершилось, не случись в России революции с её перманентной «гражданской усобицей», как и не случись в России сталинского тоталитарно-репрессивного режима с «социалистической» идейностью в общественном сознании, но случилось то, что случилось, мало того, ещё и кое-что великое и невозможное для текущей обыденности тоже тогда свершилось, — и ежели режим не уцелел и весьма позорно «ссуицидировался», то это вовсе не значит, что ничего ценного после себя не оставил — вроде тех же «социального государства», «ядерного щита» или вещего космического деяния. Ушёл, но оставил всю, знаете ли, и судьбоносное — что для России, что и для всего мира!

Европейский по происхождению и в то же время антиевропейский по сути «социалистический проект», получивший идеальное воплощение в мировом коммунистическом и в международном фашистском движениях, а конкретно практически всего более, с одной стороны, в «русском социализме» («эсэсеровском» сталинизме), а с другой — в европейском фашизме (германском национал-социализме, итальянском, испанском и иных фашистских режимах), оказался в конце концов (не без «горячих», «холодных» и «гуманитарных» войн) *свёрнутым*, а может, и попросту *был свёрнут* — как раз *паук-тинной* (может, сетевой) «мировой закулисой», разумеется, не без влияния стихийных, а то и кем-то откуда-то управляемых, процессов.

«Мировая закулиса» — то ли реально правящая миром, то ли пытающаяся (не без успехов и... неудач!) править миром — вовсе не какой-то единый, сидящий в каком-то уютном месте, командный штаб, вовсе нет, это тоже мир, совсем, может, и небольшой, но очень распростёртый по всему бытующему на Земле миру — верхний, высший, суперкратический, не в меру закрытый и в меру открытый, сложный, разный, противоречивый, полный ума и знания, но и безумия с незнанием, самоуверенный и не очень при этом в себе уверенный, делающий ходы, как неплохой шахматист, и совершающий раз за разом вполне мастеровитые ошибки, дорого обходящиеся управляемому вроде бы проективно, но и весьма слепо и хаотично, человечеству.

Построение Царства Божиего на Земле — открытая цель-задача, а вот какого же Царства и для кого — цель-задача закрытая, да и не особенно кому-либо ясная.

Вообще счастье человеческое — не в приоритете у «закулисы», она управляет, или пытается управлять, человеческим процессом на Земле не ради этого, а, во-первых, ради самого управления, обеспечивающего контроль над человечеством, его многомерную эксплуатацию и безмерный судьбоносный генезис, во-вторых, ради чего-то *иного*, а вот какого же иного, кроме как постчеловеческого, «закулиса» не знает, как не знает она конечной судьбы не только человечества, но и себя самой, — знала бы, не дёргалась бы, не выворачивалась, не колбасилась!

«Закулиса» по численности и составу не маленькая и не простая, она большая и сложная, и она повсюду, вовсе не только в Лондоне, Париже, Риме и том же Нью-Йорке, а сейчас вот в Берлине и Брюсселе, она везде — и в Пекине, и в Дели, и в Москве, и в Рио-де-Жанейро, и в той же Варшаве, даже и в Киеве, разумеется, везде она разная, не равная по силам и возможностям, а в большинстве случаев вторичная, производная, зависящая, причём ясно от кого — от более сильных, знающих, влиятельных и амбициозных центров закулисной власти.

Вот такая сете-пирамидальная, вполне себе и паутиная, «мировая закулиса» — и что интересно — *работающая!*

Запускает проекты, делает революции, производит реформы, провоцирует и ведёт войны, командует экономикой, тащит вперёд научно-технический прогресс, одаривает в меру подкупных, уничтожает без меры неподкупных, да не

особей только, а и страны, народы, большие людские массы.

Тут ведь совсем другое видение человеческого мироздания, другая цена человеку и человечеству, другое понимание, чего миру надо и чего не надо, всё другое, ибо «закулиса» — вроде инопланеты в зёмном образе, другой мир, другая экзистенциальная стезя.

116

«Мировая правящая закулиса» — иерархическая, не строго центрированная, а, наоборот, хотя при этом и полицентровая, пирамидального кроя, гибкая конструкция, что-то вроде рыхлой, не системной, матрицы, где на самом верху самые сильные, самые посвящённые и самые влиятельные, ниже самоуверенные приобщённые, ещё ниже самонадеянные привлечённые, а ещё ниже — ни во что тайное не посвященные самодовольные профаны-исполнители, правда, иной раз и взбрыкивающие, да так сильно, что достаётся от них не одним лишь управляемым ими массам, но и избранным фигурантам, не исключая и самых высших. Порок любого управленческого верха в излишней уверенности в себе и своих деяниях, в своей непогрешимости, как и в недостаточном знании и понимании складывающихся и самоизменяющихся ситуаций в объекте управления, а также в недооценке личностных и групповых амбиций в нижних уровнях управленческой системы, переоценке преданности «низов» верху, недооценке степени «нижней» компетентности, а главное — силы, отсюда и такие феномены, как «Лютер», «Бонапарт», «Гитлер», ну и «Ленин», «Сталин», даже и «де Голль».

Вообще, «закулисное мировое правление» вовсе не обычная система действительного управления каким-либо конкретным объектом, процессом, событием; это, строго говоря, даже не управление — как в той же армии, или в том же государственном аппарате; здесь сложная, неопределённая, вероятностная игра — даже не шахматная; любой ход согласно любому замыслу — не более чем сам-себе-ход, а замысел — сам-себе-замысел; здесь больше аналогии с игрой в казино, хоть тут и не совсем казино, даже вовсе не казино, скорее... футбол; слишком много повсюду самоуправления, стихии, неуправления, чтобы называть сие правление управлением; однако замыслы, проекты и импульсы есть, и вовсе не только в головах, на бумаге, на игровых досках и на экранах, они все работают в реальности, хотя и не со столь высокой степенью разрешения, как в обычном управлении; здесь важны более или менее предсказуемая среда и долгое время, потому не так ожидаемые результаты, как получающиеся бытийно-исторические картины (ситуации).

Переоценивать реальные возможности «закулисного правления» не стоит, но не стоит и их недооценивать. Сказать, что всё вокруг управляемо — заблуждение, но сказать, что никакого управления нет — глупо! Тут достаточно не так знать, тайком посидев за ширмой во время тайного заседания какого-нибудь закрытого клуба из сильных мира сего, как внимательно присмотреться к ходу бытия-истории, случающимся в нём событиям, деятельности разных персонажей и их судьбам, к началам и итогам, победам и поражениям, в общем — к ходу реальной действительности, чтобы кое-что заметить и понять: да, управления как такового, су-

дя по всему, нет, а вот... *правление* кое-какое... э-э... *глубинное... есть!*

Особенно тут привлекательны «вещающие вещи», обоснованные мыслью, идеологией, наукой, раскрученные публицистикой, не пренебрегающие правдой, но более всего от правды уводящие, приверженные выдумкам, фейкам, лжи, подкрепляемые, однако, разными эффектными деяниями, вроде реформ, переворотов, революций, войн.

В общем: ситуации, события, происшествия, процессы, тенденции, поведения, мораль, культура, образ мыслей, ну и люди, адепты, «агентура» — свой среди чужих, но и «свой среди своих» тоже.

Не просто, конечно, так вот сложно править, но... *можно!*

117

Заманчивое это дело — править миром, да ещё и исподволь, скрытно, тайно!

Когда-то это делали цари со жрецами и прочими знаками зёмного — преисподнего и поднебесного — бытия; потом стали делать всякие разные переменчивые, но несменяемые во власти, группировки из «лучших людей»: полководцев, опять же жрецов, философов, ораторов, деловых людей; затем снова авторитарии в виде императоров, королей, царей, высшей аристократии, священства; в конце концов этим стали заниматься попросту «сильные мира сего» — *мондиакраты*, в среде которых не так даже главы и члены правительств, как потомственные властители, финансово-экономические воротилы, главы «тайных обществ», но

и частные лица: политики, мыслители, интеллектуалы, те же учёные, в общем — *мондиакратия!*

И она неоднородна, разна и розна, переменчива, а ежели едина, то лишь в своей кратии, которой владеет, которой служит и которой дорожит, а ежели не едина, то в конкретной реализации своей кратии, что зависит от ветвей, устоев, проектов, держателей и исполнителей, ибо все за общую кратию, но все и не за (или не все за) общую её реализацию.

Оттого, между прочим, и всякие неожиданные, внезапные, не слишком часто и понятные, деяния, события, происшествия, включая разного рода коллизии, взлёты, падения, ликвидации, перевороты, революции и те же войны, по большей части конспиративные по истокам и исполнению, прикрытые немалой дезой и разными отвлекающими акциями.

И никакой тут, знаете ли, «теории заговора», одна лишь текущая заговорная практика, вполне себе и эффективная!

Что-то тут удаётся, что-то не очень, что-то совсем не удаётся, то с предсказуемым, то с невероятным результатом!

Везде ведь большое «чернодырье»: что в делах человеческих, что в «делах вещей», что в «делах неизвестности».

Большая всемирная игра, вовсе и не «шахматная», даже и не «футбольная», ибо без правил она, без каких-либо игровских устоев!

Возникают и целые мироустроительные проекты, которые вполне работают, что-то достигают, чего-то нет,

ослабевают, стушёвываются, растворяются, незаметно перетекают в другие или даже в совсем новые проекты, как и закрываются, упраздняются, умерщвляются.

В мире идёт борьба проектов, включая и контрпроекты, отчего и всякие, не всегда опять же и понятные, коллизии, потрясения, кризисы, перевороты, революции, войны.

Всемирное проектно-соревновательное казино, в котором игроки, правда, вовсе не на равных, да и играют не на один только счастливый случай, а на конкретный замысел, подкрепляемый изоощрённым умом, хитростью, ловкостью, силой, но и благоуханным безумием тоже.

Что-то вроде большой компьютерной игры, обладающей способностью самоусложняться, меняться, подводить и предавать игроков, от чего-то ускользать, куда-то исчезать, вновь выныривать из ниоткуда, воодушевлять игроков до иступления, радовать, но и доводить до отчаяния и того же самоубийства.

Вот такое оно — *мировое правление*, которое давно уже есть, которое всю работу, и которое, не скроем, ещё побудет — как раз до скончания мира!

Тут и потребность, и нужда, и страсть, как и своя неистребимая мистика — никак не объяснимая, но зато... *верная!*

118

Проекты бывают разные: великие, большие, крупные, средние, малые; переименовские, процессные, событийные; идеологические, культовые, религиозные; воспитательные, обработочные, «зомби»; государственных, национальные, интеграционные; завоевательные, имперо-

колониальные, экспансионные; политические, «властолюбивые», перестроечные; бунтовские, переворотные, революционные; экономические, производительные, «развитийные»; познавательные, научные, исследовательские; «культуровские», образовательские, социальные; оборонные, военные, «войновские», в общем — очень и очень разные.

Всё бытие ведь из проектов, пусть нередко, если не часто, по их реализации и самопроектов, но всё-таки — *из проектов*, а иначе у человека с его уникальным для зёмной природы и всего космоса беспокойным и напористым сознанием и быть не может!

Раз сознание, то и проекты, пусть и надуманные, фантастические, невыполнимые, даже и безумные, но... *проекты* — с учётом того момента, что какой-нибудь хорошо разработанный проект оказывается на практике пустышкой (фейком), а самый что ни на есть сумасшедший — *реальностью*!

Любопытно, что проекты проектами, а бытие-история катится всё равно *по-своему*, в изобилии удивляя проектантов, управленцев и исполнителей проектов сюрпризами и неожиданными ходами, не только нарушая человеческую проективность, но и демонстрируя в реальности не просто кем-то не предусмотренное, совершенно невероятное, причём делает это, естественно, внезапно.

Великая Неизвестность — неодолимая сила, но вовсе не только разрушительная, как может казаться, а и охранительная, и сберегательная, и созидательная, но вот что, как, где, когда... тут уж великая тайна есть, не очень-то доступная сознанию — сознательному сознанию, но зато доступная... э-э... бессознанию — бессознательному сознанию,

даже иной раз и самому безумию, почему и мудрецов «нормальные люди» почитают за сумасшедших — не только не внимая им, но и высокомерно их презирая.

А кто они — авторы проективных идей и разработчики проектов? Да кто угодно, главное тут не в идеях и разработках, а в принятии решений по проектам и обеспечении их реализации, а тут уже дело как раз за «сильными мира сего». «Большие головы», включая и гениальные, всегда найдутся и всегда сотворят кому-то чего-то нужное и не нужное — хоть «Евангелие», хоть «Тезисы», хоть «Манифест», ну и, само собой, многое затем другое — сопутствующее, разъясняющее, рекламирующее, прикрывающее, в меру и искажающее — по потребности!

Большая это работа — проектирование, раскручивание, вовлечение адептов и «простофиль», внедрение проекта в бытие, им — бытием — соответствующее управление, а потом... потом уж как вывезет, да и у кого какой вытянется жребий... ох!.. непростое это дело, хоть и занимательное, подчас и прибыльное, но всё-таки для многих страдательное, жертвенное, губительное, как и, увы, очень нередко зрящее.

Соблазны тут всякие, адреналинные страсти, неуёмная корысть, неодолимая гордыня и дикая самоуверенность, жажда успеха, надежда на удачу, ну и бесконечная ненависть, как же без неё, и та же прелесть, хотя и подвижничество тоже, и отчаяние, и вера.

Победы, напряжения, поражения, платы, расплаты.
Страда!

О морали в деле управления миром и бытием человеческим говорить в среде «мировой закулисы» не то что не принято, а попросту почитается за дурной вкус; там только намерение и только результаты, как и возможность обогатиться, сохранить и умножить богатство, себя оберечь, а если надобно — умыть запросто руки и вовремя унести ноги. Никаких злодеев и злодеяний тут нет и быть не может — только потребность, полезность и выгода!

Весь мир XXI в. у ног «верховой закулисы», включая всех адептов, авторов, исполнителей, а уж о людских массах говорить вообще не приходится — с них достаточно обыденного гуманизма, полицейского порядка и благотворительной «социалки», да и то лишь в «правильных» странах, с «правильным» правлением и «правильным» населением, а что касается остальных — неправильных, нерадивых, «криминальных», ещё и непокорных, то им уготованы «разборки», не исключая и смертоносных.

Вот она — *мировая инквизиция в действии!*

А что остаётся, ежели на планете уже *мировая по масштабам власть*, и она не собирается сдаваться, да и кому?

Что же это за власть такая, из какого она проекта и с каким своим проектом?

Тут всё не просто, хотя и можно, пожалуй, утверждать, что из чуть ли не победившего на планете после свёртывания социалистического проекта и распада СССР с его международной соцсистемой, перебежки части бывших стран-«собратьев» и государств-«друзей» на Запад (или к

Западу), как и с попыткой самой России по-западному осовремениться и стать неким «партнёром» Запада (вплоть до G-8), так вот — из чуть ли не победившего в мире окончательно и бесповоротно евроамериканского, или западного, проекта, что смотрелось вполне естественно, логично и чуть ли не заслуженно.

Да, это было так, во всяком случае, так выглядело на поверхности бытия-истории, в его легальной, так сказать, части.

Правда, проект сей грандиозный был аккурат к моменту своего триумфа намеренно перелицован, обретя более нейтральное, но и более мировское лицо — он стал *глобальным проектом*, причём не только по пространственному и временному масштабам, но и по своей, скажем так, содержательной целостности, или системности, ибо речь уже шла не вообще о мире, а об именно *глобальном мире*, немало и единообразном, не только подконтрольном Америке и ею управляемом, но и качественно переделанном под Америку, по её метропольным лекалам, мало того, по лекалам нового научно-технического прогресса, гонимого вперёд Америкой, всем Западом.

Важно иметь в виду, что отработавшие своё и даже вроде бы покинувшие бытийно-историческую арену проекты, разумеется, проекты достаточно «сурьёзные», действенные и влиятельные, насовсем из бытия-истории не исчезают, а в нём остаются: как в большой метафизической памяти, так и в реально бытующих там и сям фрагментах, даже и с кое-какими рецидивами, а оставаясь, обычно проявляются в своих сменщиках, даже и в им вроде бы противных.

Нечто подобное приходится переживать и глобальному проекту, которому тоже предшествовали глобального характера проекты, хотя и концептуально в чём-то иные.

Заслуживают быть здесь отмеченными и подверстанными под ныне разгулявшийся глобальный проект, в некотором плане уже и гибридный, три совсем недавних конкретных проекта: *либерал-приват-социальный*, *социал-коммунистический* и *социал-фашистский*.

120

Ежели социал-фашистский проект, он же и нацистский (национал-социалистический) был вроде бы ликвидирован и публично навечно осуждён, а социал-коммунистический — в одночасье свёрнут, чуть ли не добровольно, хотя и с показательной жертвой в виде СССР и его международной соцсистемой, то либерал-приват-социальный, оказавшись вроде бы проектом-победителем, был незамедлительно и незаметненько преобразован в *либерал-императивный*, а все три проектных концепта нашли то или иное эхоподобное отражение в явно новом и вполне доминационном для всего мира интегративном проекте — как бы воистину *глобальном*!

Либерализм, принявший более императивный (даже и воинственный) характер — был легко интегрирован в глобальный проект в силу своей исходной адекватности историческому евроамериканизму; социал-коммунизм, конечно, не был интегрирован в своей идейно-концептуальной полноте в глобальный проект, но своей «социальностью» в нём присутствовал; что же касается фашизма, то... очень тут не просто... ибо публично громко отринутый и всячески затем

поносимый, он всё-таки нашёл какой-то своей частью кое-какую реинкарнацию в трепещущем сегодня глобальном проекте, — что, скажите, в нынешнем глобализме не перекликается так или иначе с фашизмом, включая и имперское превосходство одной нации, или ряда однотипных наций, над другими — будто бы отставшими, пусть и не расово-этнически, как это было у нацистов, а хотя бы концептуально, деловó, экзистенциально, прогрессно? Мало того, что та же Америка пример и пример неоспоримый, так ещё и пример высший, не только заслуживающий всеобщего почтения, но и безоговорочно ведущей во всём мире роли — *властно-эксплуаторской!*

Это как раз *то*, о чём лишь мечтали вожди Третьего рейха, — та же мировая империя, разве лишь в менее, чем у фашистов, откровенном виде. Новый Рим вкупе с Новым Карфагеном, а по тенденции к унификации мира, его дегуманизации и его вассальному подчинению единому империальному центру — самый что ни на есть «Третий рейх».

Любопытно, не правда ли: Вашингтон, Нью-Йорк, свободная обетованная Америка и... Третий рейх!

Парадоксы Бытия-Истории, выкрутасы Хода Вещей, козни Великой Неизвестности? — да нет, просто ЕвроАмерика в своём зрелом и вроде бы победном самоисполнении!

Великая долгожданная виктория, да вот, как водится, не тут-то было... нет, хоть как будто бы не Пиррова победа, но... очень уж какая-то... *не такая* — не слишком убедительная, не полная, не окончательная, а так... *чуть ли не фейковая!*

Поразительно: такая супердержавная мощь, такой обоснованный вроде бы самим Бытием-Историей проект, такая захватывающая перспектива и... *фейк!*

Ах, эти парадоксы, выкрутасы и козни, а может, они и в самом деле... *работают?!*

Рухнул же в один миг могучий СССР со своей огромной соцсистемой, а что тогда Америка, она же ЕвроАмерика, со всем своим Западом — лучше что ли, она неуязвимее, крепче, везучее?

Невольно приходят на ум апогеи всех предшествовавших империй мирового пошиба, да и не мирового тоже: полная вроде бы чья-то победа, властная вершина, открытые горизонты и... на тебе... что-то вдруг не так: невроз, вибрация, тряска, ну и внешнее грозное противление, прямо от только что успешно покорённого и вроде бы весьма ошачливленного Западом, уже и *своего*, субглобального мира.

Загадки тут Бытия-Истории, извилистого хода непокорных Вещей, независимой и своевольной Неизвестности!

121

ЕвроАмерика, конечно, поживучее СССР — гибкая, динамичная, изменчивая. СССР был погублен статикой: идеологической, политической, социальной, хозяйственной. Динамика была в СССР рывковая, принудительно-энтузиазменная, толчковая, а потому и не самостная, не животворная, не перспективная, сроковая. Не то евроамериканская динамика — очаговая, пламенная, свободно-энтузиазменная, ещё и выплёскивающаяся за пределы Европы и США, в мир, в бескрайние планетные просторы.

Тут тебе и мощная потенция, и великая энергия, и большая сила, и напористое движение, ибо... частное предпринимательство, гонимое вперёд частным же банкирством, ещё и частное творчество, изобретательство, новаторство.

Капитализм, одним словом!

И имперо-колониализм тоже, экспансионизм, вывоз капитализма вовне с оставлением его в метропольных руках.

Интенсивный вывоз и самой самой передовой цивилизации — системного евроамериканизма.

Американскую всемирную революцию, осуществлённую не без скрыто стимулированной США Великой мировой войны XX в., никто во всём мире особенно и не заметил — как именно РЕВОЛЮЦИЮ, вполне и *гуманитарную*, ибо Америка и сама стала *суперпостЕвропой*, и мир преобразила в *суперпостевропейский* — пока противник её идейно-деятельный — мироевропейский социализм, засев в России и став советским, напрягал силы порабощённого им населения, гонясь за ЕвроАмерикой в конфронтационном режиме, правда, кое в чём (образование, здравоохранение, тот же космос) её и опережая.

ЕвроАмерика выиграла-таки соревнование у солнечно-статичного СССР-социализма, обозначив тем самым и победу евроамериканского проекта над сталинским социал-коммунистическим. Выиграть-то она выиграла, однако тут же... *проиграла* — сама себе и перед собой прежде всего, а заодно и перед своим неугасимым вроде бы проектом.

Любой апогей вообще дружен с концом, ибо куда идти дальше, ежели уже на вершине — только вниз, но почему же тогда не получается надолго оставаться на вершине, по-

быть на ней, насладиться, покрасоваться, полюбоваться на подотчётные окрестности, порулить раскинувшимся внизу долом?

Действует тут один интересный, лукавый и страшный закон, называемый в физике *энтропийным*, охотно принимаемый и метафизикой — с той лишь разницей, что метафизика признаёт и работу Неизвестности, конечно, не так буквально работающей, как в том же физическом случае, а попросту необъяснимо и неумолимо... действующей.

Триумф на то и триумф, чтобы быть мигом, а не временем — как и у того же спортсмена, взявшего рекордную высоту, — дальше возможно лишь триумфальное шествие, но... пустотное в своей идейно-творческой данности, что-то по-прежнему и блестящее, но движущееся всё более и более по кругу, по плоскости, вокруг себя — вроде шипящей юлы.

Уходит энергия движения, роста, развития, является повторение, возникает оскомина, приходит слабость, начинается разложение и усиливается распад, хотя всё это и не мгновенно, наоборот — во времени, поначалу незаметно, латентно, скрытно, иной раз весьма и упоительно — как при неизлечимой внутренней болезни, не спешащей долгонько показываться, но зато потом... потом, когда всё уже становится ясно — перманентная одышка, неодолимая немощь, нарастающее угасание и... *конец!*

Нет, триумфальной Америке вместе с её Западом во все ещё не конец, но... *«пато»*, это мерзкое *«пато»* уже там, во чреве, а на бледнеющем глобальном лике первые, не очень-то пока заметные, бугорки и пятнышки — безжалостные вестники роковой судьбы!

А что там — во чреве, а что на лице?

На лице измельчание «лучших людей», правящих функционеров, «руководителей», так себе — пустышки, куклки, опарыши, в общем — *никто*, что-то вроде облезлых скоморохов с треснутыми колокольчиками в дрожащих руках — лицедейных, мультяшных, унылых. Может, где-то в глубине, там, за ними, скрывается какая-то весомая содержательная элита? Нет, вовсе нет — уже нет, никакой такой вот элиты нет, одни лишь заморыши: ни сильного интеллекта, ни великих дерзаний, ни значимых свершений. Деградация! Разве не так, ежели даже науку мерят теперь научно-де разработанными пустыми, ложными и тёмными рейтингами? Вот вам и пятнышки на западном улыбчивом лице — всё ещё ухоженном, душистом, но... как-то вдруг стёршимся. Где они — лидеры, деятели, вершители? *Нету!*

А во чреве у Запада что, кроме гнилья и пустоты: уже и ничего, достойного внимания, пусть и чего-то вражеского, но всё-таки внушающего уважение, хотя бы страх. Какая-токая ныне концептуальность, какая-токая идейность, какая-токая смысловость? Гниль от отжившего гуманизма и пустота от заступившего на скорбную вахту постмодернизма — вот, собственно, и всё!

Загнивание — сила! А миражная пустота разве не сила?

Вот и знаменитые ленинские прозорливые слова-определения: *паразитизм, загнивание, умирание!*

Как раз то же самое, что было когда-то с Египтом, Вавилоном, Древней Грецией, Древним Римом, Византией, в

немалой степени и с Российской империей, лишь прерванное Великой революцией, да и с СССР было что-то подобное, завершённое пореформенным скоропостижным его распадом, а теперь вот происходит со старушкой Европой, вдоволь навоевавшей, явно уже отвоевавшей и тихо себе кончающейся под двусмысленной сенью своего ещё не старого сыночка-друга-хозяина — США, но тоже вдруг ни с того ни с сего закачавшегося, заёрзавшего, затрясшегося, хотя тут кое-что и понятно — от свалившегося на США аккуратно после ухода в небытие СССР *всесветского триумфа*, враз Америку и подкосившего. Доллар уже на излёте, военные базы с авианосцами по всему миру бесполезны, территория вполне уязвима, никакой единой нации так и не стало, и стать не могло, живительных корневых традиций как не было, так и нет, культура замещена суррогатом, политикум разложен, калиброванных людей нет, элита — уже и антиэлита, мозгов своих творческих никак уже не в избытке, а импорт свежего интеллекта близится к концу.

Вообще нынешняя Америка — большой, красочный, но явно неважнецки управляемый корабль, вовсе и не непотопляемый, что-то вроде ещё не потопшего «Титаника» — громадного, совершенного, сверкающего, неуязвимо, но... внезапно всё-таки утонувшего, пусть и из-за столкновения с айсбергом, но ведь «айсбергов» на пути Америки теперь хватает: не линкоров с крейсерами, а именно «айсбергов» — вроде Китая, России, Индии, Ирана, той же Турции, как и вроде бы ещё рыхлого, но уже и весьма рисуночного БРИКС'а.

Америке с Европой ныне не позавидуешь: точно так же было когда-то с Римом или той же Византией, а совсем

недавно — с СССР, ибо... ибо вдруг настаёт время не только внутренней энтропийной самодиссипации, но и, что вряд ли кем-то достаточно сегодня осознаётся, время платить по историческим — давним и недавним — счетам. Той же Америке надобно платить за уничтожение индейцев, эксплуатацию негров, господство над «латинами», за скрытое развязывание большой мировой войны, за долларовое закабаление всего мира, за самонадеянную экспансию по всему миру, за нероспуск НАТО, за вмешательство во внутренние дела других стран, наций и народов, за бесцеремонное патронирование всех и вся, за убийство национальных экономик и государств, за низкопробную попкультуру и чародейный Голливуд, за разрушительный постмодерн, за ту же смертоносную наукометрию, за высокомерие, за глупость; Европе же придётся прежде всего заплатить Европой же (похищением самой же себя), причём за столько всего, что и не перечислить, но из недавнего наследия: за Югославию, Сербию, Ливию, за движение на Восток Европы (за «Дрангах Остен»), за экспансию на Украину, на Кавказ, на Ближний Восток, в общем — за новую, подстать гитлеровской, геостратегическую тупость.

123

Геостратегическая тупость, легко переходящая в геостратегическое безумие — великое изобретение человеческого бессознания, либо накрепко сопряжённого с сознанием, либо уютно в нём — в сознании — посиживающего. Примеров хватает, среди которых и послевоенное «социалмиро-революционное» миссионерство СССР, его —

СССР — немало надорвавшее и не последним из геополитических «дураков» погубившее.

Вот и современная Европа, объединённая вроде бы, но вовсе не единая, захотела было поиграть в *новую европейскую империю*, а поиграв, получила не только по рукам — от той же враждебной-де ей России, но и по мозгам — уже от союзных ей США, для которых ЕС — не более чем часть американской суперимперии, а никакая не самостоятельная империя, ещё и при лидирующей роли поднявшейся с колен Германии, уже параноидально бредящей «Четвёртым рейхом».

Этакий неумный неоимпериализм — зачем было ЕС глотать бывших советских сателлитов из Центральной Европы, Прибалтики, пытаться проглотить Украину, Грузию, соваться туда с натовскими базами и войсковыми контингентами... чтобы подавиться неожиданными даровыми обретенными, вызвать гнев и отпор России, занять «троянских коней» и «чёрные дыры» — ведь все эти субъекты во все не склонны ни к служению, ни к верности, ни к доблести.

А внутри ЕС что уже творится — это как раз вполне мистическая месть за Югославию, Сербию, Ливию, как и возмездие за новый «Drang nach Osten», — а творится уже не просто разногласия, а самый настоящий разнобой, ибо брюссельская внутриевропейская империльность — даже не миф, а так — химера, ибо кто же в Европе расстанется по доброй воле со своей независимостью и пока ещё бытующей самоидентичностью, пусть и изрядно поеденными «союзной общеевропейской молью».

Опять же нашествие на Европу мало что арабов и африканцев, а ещё и мусульманства, иной культуры, Европе совершенно чуждой и смертельно опасной. Не кара ли это Божия за тот же когда-то успешный-де колониализм?

Европа как идейно-концептуальный уникум вполне уже истощилась, ей нечего предложить животворного ни для себя, ни для мира, ни даже для той же страждущей Украины. Всё! Масонский ларчик пуст! Теперь над Европой лишь бессодержательное и бессмысленное облако из неведомой и невидимой постмодерновой пыли.

Европу покинул, куда-то вдруг улетучившись, фундаментальный метафизический смысл, как раз и обозначавшийся долгое время как «Европа».

Что есть «Европа» сегодня? А... *ничего*, пустое место, зияющая высота, «серая дыра». Да-а, жизнь, конечно, продолжается — хлебная, зрелищная, весёлая, соблазнительная, прелестная, но, увы... *пустая*, — ни жрецов тебе, ни волхвов, ни богословов, ни философов, ни даже интеллектуалов, — зато научная-де нумеристика, унылая «игра в бисер», «философия повседневности», евгеника, медицина с бойкой геронтоклинией.

Красивое. лучистое, изящное умирание!

Что впереди? Всё, что угодно, но только не единая, органичная, животрепещущая Европа: ни тебе эффективно-го либерализма, ни спасительного фашизма (тоталитаризма), ни очистительного нацизма.

Распад!

А всё от «глубинноправной» европейской глупости.

Европе надо бы вновь... *переродиться*, но вот во что и как?

Инициатива тут уже за «ходом вещей» и «ходом неизвестности», а не за «ходом европеоида», как и за «ходом всего мира», который тоже ведь для Европы есть и который вовсе не дремлет, стирая день за днём со своего лица увядающую Европу — за *ненадобностью!*

124

Люди зёмные любят разные страны, культуры, цивилизации — свои, родные и не свои, не родные — любят искренне, горячо, сердечно, но судьбы сих объектов любви решаются — увы, лишь частично, да и то в малой степени — самими людьми, теми же элитами, правящими кланами, «лучшими из лучших» или же «худшими из худших» — всё равно, ибо тут «решающее слово» за объективностью и неизвестностью, может, за промыслом Божиим, а может, за происками дьявола, в общем — за ходом самого Бытия-Истории, что-то, кого-то и когда-то выносящем на поверхность, иной раз поднимая высоко и держа на весу подолгу, а что-то и кого-то скоренько поглощая, затаскивая в небытие, а то и в полное забвение.

Задача *концептуальной метафизики* — в рассмотрении, фиксации, понимании бытийно-исторической реальности, её собственной, не слишком-то и зависимой от человека, как и не очень-то ему открывающейся метафизической концептуальности, вполне таинственной, но, увы, всю работу — как раз в ракурсе непреклонной судьбы, следовательно, и рокового суда — надо всем наличествующим и вокруг происходящим — суда безапелляционного, а уж судьбы бесповоротной.

Вот и Америка, которая США — *земля обетованная* — мощная, динамичная, творческая, забравшаяся на вершину зёмного мира, пусть и не каменную, не земную, не гималайскую, а виртуальную, отношенческую, властную, как раз и метафизическую, но зато какую видную, несомненную, завораживающую, да не только и не так лежащий по зёмным долам мир, как саму Америку, её насельничество, её элиту, её правление, её первых лиц.

Что ж тут такого, ежели... могущество, сила, совершенство, а главное — высота, самая вершина мира, самое поднебесье?!

Да-а, есть от чего вскружиться голове, в особенности авантюрной, экспансивной, агрессивной, — такой эксперимент, такой итог, такой пример!

И такая, чуть ли не безграничная, власть над миром!

Была себе Америка в мире, среди мира, внутри мира, а теперь уже весь мир как бы в Америке, в её преисподнем чреве, а потому он и должен быть весь уже *из* Америки, её экстраординарного постмодернового чрева.

Есть, чем гордиться и от чего возгордиться, как есть, однако, и от чего с ума сойти, впасть в великое помрачение, — и Америка не выдержала, не только впадала в прелесть гордыни, но и угодила в тенета горделивой обречённости, почти так же, как это случилось совсем недавно, с несамостоятельным, неповоротливым и недалёковидным СССР, его безумным правлением.

Гордыня — потеря чувства реальности, когда собственные фантазии принимаются за реальность, а реальная реальность начинает мстить фантазёру, иной раз, ежели вдруг подпитывается энтропийной духовной энергией, очень

жестоко — вплоть до ликвидации (самоликвидации) не в меру заблудшего.

И это относится не только к отдельным хомоноидным персонам, а и к любым вообще субъектам-объектам, включая нации, государства, цивилизации, даже и целые миры.

И к нынешней Америке тоже: управлять всем миром из одного центра — *абсурд*, а управлять эксплуатационно и в своих интересах — *двойной абсурд*, а управлять, навязывая себя в качестве эталонного образца, — *абсурд уже тройной!*

Так вот Америка и вляпалась в эту безумную триаду, из которой, как и из трёх миражных сосен, выход только один — прямым в «жёлтый дом» — на покой!

Странно всё это выглядит для столь прагматичной страны, но... бес наживы — этот главный живительно-смертоносный двигатель Америки, страну-то и попутал, как СССР попутал бес «всемирного социализма» — эта наркотическая самоубийственная приманка!

125

Не просто гордыня тут, а и самый настоящий римско-карфагенский, он же и военно-экономический, империализм, вышедший на рубеж мирового господства и получивший обманный шанс обманного управления миром. Исполнение тут давнего проекта, ещё и европейского, лишь обновлённого чистопородным американизмом. Имперская эстафета давно уже в американских руках, — настал лишь момент триумфа империальной ЕвроАмерики: что не удалось Европе с её Бонапартом, Вильгельмом, Черчиллем и

Гитлером, то удалось Соединённым Штатам — этой обновлённой и вполне уже совершенной Европе.

Американский имперский тоталитаризм — сила и натиск!

Развал СССР вместе с крахом социал-революционного империализма открыли дорогу американскому либерал-неоимпериализму — прямому наследнику паневропейского империализма, включая, конечно же, и фашистский. И ежели ренессансно-просвещенческий концептуальный европеизм был худо-бедно воспринят, — насильно или добровольно, — планетарным миром, то американский декадансно-постмодерновый авторитаризм встретил сопротивление, причём не просто геополитическое, а и... *концептуальное*, ибо мир, пусть и не весь, не захотел принять нивелирующего глобального американизма, да и не мог — какая-то единая «Всемирная Америка», или же однообразный «Американопоподобный мир», — этот новый, уже и последний, всемирного размаха Вавилон?

Мир, которым занялся высший адепт хирамовского конструктивизма и его — мира — главный управляющий, оказался настолько противным американизму и настолько плохо и корыстно управляемым из межокеанского центра, что восстание его против США, пусть и не войновское, стало историческим фактом: *от однополярного мира к многополярному!*

Нежданно-негаданно возникли новые центры геостратегической силы, причём и имперские тоже, среди которых и между которыми оказалась и Россия, но не так как Китай или Индия — расчётливо, терпеливо, молча, а со СЛОВОМ — мюнхенской речью российского лидера, срав-

нимой с фултоновской речью господина хорошего Черчилля, только исполненной заметно круче, эффектнее и действеннее. Черчиллевская речь не была неожиданной, а российского лидера — громом среди ясного неба! У почтенного лорда звучала набившая оскомину англо-саксонская мифика, как бывшей всегда антироссийской, так и оставшейся, а в Мюнхене случилось... э-э... задорное откровение, за которым маячила не что иное, а... *русская правда!* Когда и где подобное было? Никогда и нигде!

С мюнхенского внезапного выпада пошёл уже не «закат Европы», к чему все в мире давно привыкли (всё никак не закатится!), а... *закат Америки* — полной могущества, уверенности, очарования, но... как вдруг оказалось... переполненной противоречиями и захваченной разладом внутри себя, облепленной катастрофическими ошибками и наглыми злодеяниями вовне.

Вот она — метафизика, как раз та самая — непредсказуемая: одно только слово — СЛОВО! — и полный разворот с выворотом, а за ними — *война!*

126

Не выдержала Америка — кинулась *воевать Россию!* Это ведь не старушенция Европа, которая уже навоевалась с проклятой восточной «медведицей», а вполне ещё молодая Европа — Америка, полная сил, задора и отваги, — отчего же ей не повоевать с так раздражающей и даже унижающей весь Запад, саму Америку, хотя и совершенно политически к ним лояльной, Россией? Изменщицей, бескорыстно-де поддержанной Западом в роковые для неё 1990-е, не распущенной им как тот же СССР, не разделённой, не уничто-

женной, а сохранённой чуть ли не в роли своей северной союзницы, ещё и милостиво включённой в G-8. Неблагодарная и коварная Россия должна была за беспутство и строптивость наказана, это как минимум, а то и стёрта с лица планеты как страна, как держава, как империя, разделена, поглощена, в общем — уничтожена — это уже как максимум.

И пошло-поехало! Тут как раз и Грузия с Украиной подросли в функции заклятых врагов России, в общем — пошла война, уже и не холодная, а... *гибридная* — ложь, санкции, военные базы у российских границ, войсковые манёвры, политические провокации.

А что Россия? А Россия... приняла сей безумный вызов и не стала отсиживаться за окопным кордоном: новая действенная армия, новейшее вооружение, разгром агрессивной Грузии, возвращение непокорившегося Киеву Крыма, защита восставшего против великоукраинского русогеноцида Донбасса, яростное медийное противостояние, колючая правда.

И, о-о, чудо! — Америка не просто дрогнула, а... посыпалась — как большой планетарного масштаба фейк!

Да, она по-прежнему на месте, такая же большая, богатая, жирная, но уже и... не совсем такая, без прежнего привлекательного американства, вдруг оголившаяся, весьма, как оказалось, безобразная, как раз такая, какая и *есть*, — хотя всё ещё вроде бы наверху. впереди, на самой крыше растревоженного ею мира.

Почему же вдруг так вот всё и происходит? Почему восстала Россия, почему громко затрещала Америка и ис-

тошно заголосила её неподражаемая, как и английская, элита.

Виною тут даже не так «ход вещей», как сама уже Великая Неизвестность, её таинственный ход и непредсказуемые решения.

А как же иначе, ежели «элитный человек» стремительно превращается в погремушку, это в лучшем случае, а по правде... э-э... не будем об этом, и так тошно!

Великая Неизвестность! Учёным, образованцам, верноподданным сынам Просвещения, кажется, что её нет, а она — *есть*, да мало что есть, она ещё и всю работу — за человека, за «ход вещей», за всю историческую судьбу.

Разве можно, кроме разве самой малости, рационально объяснить что-либо из происходящего в мире: кульбит в бездну СССР и внезапный вырыв из неё России; мгновенный взлёт безобъёмного Китая; независимые упорство и стойкость Ирана и той же КНДР; спонтанное-де возникновение непридуманного БРИКС'а; непреднамеренный кризис ЕС и мягкое увядание Европы, её вполне открытое похищение зловредным «исламским туром»; внезапное явление в России «национального лидера» и чудесное явление в США... э-э... «Народного артиста России»; эпидемическая, вроде тропической малярии, элитная лихорадка в США; «типично английское убийство» двух несчастных солсбери-евских россиян, ну и многое другое из совершенно невозможного, несуразного, несусветного.

Да, это всё некие коварные и не очень коварные деяния Неизвестности, которая, собственно, ничего и не делает, а попросту кое-что позволяет — бессознанию, безумию, бездне!

Почему же в центре всего ныне происходящего в мире именно Россия? А кто ж еще! Иран уже о себе заявил (Хомейни), но он — Иран, он из другого мира, не того он авторитета, да и не той магической силы. Россия же из христианского мира, ещё и белорусового, арийского, европейского, при этом она прямая наследница недавнего исторического могущества (нового и новейшего времени), она же, как это ни странно для кого-то звучит, совсем не в малом авторитете, ибо ежели от кого-то чего-то невероятного и действительного в мире ждут, то... *только...* от России!

Это-то мистическое ожидание, будучи направленным на Россию и на ней сконцентрированное, и сработало, поднимая как Россию, так и за нею весь мир.

Только Россия!

Почему же? А у кого же ещё в мире такой исторический «послужной список», такой безумный опыт с такой невероятной судьбой — открытой и неопределённой, ничего ещё не решившей, но зато стремящейся к какому-то небывалому разрешению, — прямо из бездны, из преисподней, из иномирья, где полно взрывного заряда, выталкивающего Россию вверх, ввысь, куда она и сама не знает, но где откроется портал в *иной мир* — не лучший, быть может, но... *иной*, с другой экзистенциальной парадигмой.

Россия пережила многое, да всё какое-то несусветное: крах *пара-* и даже *про-*европейской, но всё-таки в метафизическом ядре и своей — *русской*, империи — Российской империи; совершенно антироссийскую, придуманную в Европе вроде бы для Европы, но Европой таки вдруг пропу-

щенную, революцию (1917) со страшной братоубийственной бойней (с 1917 по ... гг.); репрессивный тоталитарный режим во главе с ВКП(б) и товарищем Сталиным, но при этом с труднейшим индустриальным, образовательным, научно-техническим рывком, приведшим затем аж к прорыву в космос; кровопролитнейшую битву с немалой частью Европы (1941 — 1945), вдохновлённой придуманными в той же Европе фашизмом и нацизмом; крах вроде бы уже весьма очеловеченного, но слишком инертного и обезумевшегося СССР вкупе с его парализованной КПСС и внезапно износившемся совето-социализмом; погружение в экзистенциальную бездну и единение с самой Преисподней в бешеные 1990-е с невероятным вырывом к свету и кое-какой экзистенциальной норме, всё ещё, правда, от страны ускользающих, но всё-таки не дающих ей шанса насовсем исчезнуть в последней inferнальной тьме.

Выбор у Неизвестности пал на Россию, но не в силу какой-то роковой случайности, а из-за мистической предрасположенности России к не то что неординарным, а вполне и безрассудным в плане невероятности и риска, поступкам-происшествиям: что с Революцией 1917 г., что в крайностях войны 1941 — 1945 гг., когда, казалось, поражение СССР было неминуемо (1941, да и 1942 гг.), что в совершенно абсурдном 1991 г. — р-раз, и нет СССР, два, и страна в бездне 1990-х, три, и Россия вдруг на подъёме в 2000-е — чуть ли не по милости и деятельном участии всё той же загадочной и производительной Преисподней!

Но что самое поразительное: несмотря на невозможное поругание, разграбление и одичание уникальной страны, в ней сохраняется, выживает и даёт о себе знать что-то

коренное российское, русское, своё, что-то явно из человеческого, даже и героического — с товариществом, взаимовыручкой, чувством справедливости (это при тотальной-то вокруг несправедливости!), с любовью к Родине и ей бескорыстным служением!

Наследие советизма? Почему нет? Но и наследие долгого бытия-истории, дальних и близких предков, той же неистребимой, до сих пор не понятой и даже вчистую отрицаемой, русскости: вброшенная ухабистой судьбой общая беда русский люд не разъединяет, а сплачивает, разумеется, так случается не только с русскими, но здесь-то — в России, всё-таки прежде всего с русскими, с их упрямой рускостью, с их благим для них русским миром!

128

Россия — великая страна с великой историей, способная к необычному деянию, неожиданной импровизации, большой метафизической, а не просто житейской новизне, а главное — к бескорыстному экзистенциальному подвигу. Нет, Россия ни для кого не образец, скорее — наоборот, ибо она по обыденным меркам «не умеет жить» — для себя жить и собою же довольствоваться, ибо Россия не то что уникальна, что само собой, а уникальна она какой-то особой уникальностью — *неотмирной*, что ни хорошо, ни плохо, что просто — *есть!*

Достоинство ли это? Вряд ли, скорее — ноша, бремя, ярмо, чего не каждому «земству» выдержать, в том числе и самой России, где всего хватает — и слабости, и корысти, и измены. Однако есть *Россия как Россия*, восходящая к *Руси как Руси*, которую можно коварно обмануть и даже на вре-

мя покорить, но переделать в *не*Россию, как и в *не*Русь — невозможно, что опять же ни хорошо, ни плохо, а просто так есть.

Та самая загадочная Русь-Россия, которую умом никак не понять, в которую верить невозможно, но которая как раз и есть первая и последняя для русских вера!

И что же *этакое* внезапно произошло в России и с Россией следом за коварным 1991 г., в лихие 1990-е и неопределенные до какого-то судьбоносного момента 2000-е?

Да, падение, срыв в бездну, тесный контакт с Преисподней, хотя и наперекор всему этому сохранение, выживание, продолжение высокой человечности, как бывало и во времена Великой смуты рубежа XVI — XVII вв., Отечественной войны 1812 г. с последующим взятием Парижа в 1814 г., Великой революции 1917 г. и последующих за ней социо-государственных пертурбаций, Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., что, конечно же, относилось, может, и не ко всем россиянам подряд, но всё-таки ко многим, а иной раз и очень многим — к миллионным массам, — всё это так, плохое и хорошее тут сразу, но, что особенно примечательно и важно: из каждого страшного потрясения Русь-Россия непременно выходила Русью-Россией и снова вышла уже в XXI в. ... *Русью-Россией*, что приятно сознавать «русакам», да не очень-то приятно осознавать разного рода «неруси», не так даже закордонной, как «своей».

Беспредельная ныне «эффективная русофобия» — лучшее тому доказательство!

Отчего же так, ведь Русь-Россия, будучи не самой благоприятной для безмятежного бытия данностью, никому не

угрожающая, а если терпящая всякие беды и невзгоды, то ведь более всего по собственной же «недалёкости»?

Однако же вокруг отъявленная русофобия — и аккурат в момент нового выхода Руси-России к самой себе. Что же тогда есть в Руси-России *такого*, что из-за *него* обрушивается на Россию буквально шквал неприятия, отрицания и ненависти?

Да, своеобычность, непохожесть, инаковость, пусть даже и неотмирность, может, и иномирность, но что из того?

А как раз то, что заключено в эгрегоре Руси-России, в ее исходном метафизическом ядре, что заложено Провидением, восходящим к Великой Неизвестности, что есть *альтернатива*, да не чему-нибудь, а всему *этому миру*, включая как его массовидную обыденность, так и имеющуюся в нём элитарную исключительность — *вкуне со всеми его проектами и правлениями*.

Каково, а-а?

Доказать это невозможно, ибо Русь-Россия — сама-себе-проект, до срока не раскрывающийся и не раскрываемый, а вот почувствовать что-то неладное от Руси-России исходящее всегда ведь можно, а потому и превентивно на всякий случай отвергать Русь-Россию, её страстно при этом ненавидя, всячески опорочивая и загоняя, по возможности вглубь и на периферию — в тёмные тенеты бытия, никак при этом не достигая, несмотря на все усилия, сей коварно чаемой цели — до своего отправления в Небытие Русь-Россия неизбежно и неизменно *воскресает!*

Вот и сейчас, уже в XXI в., взяла, да ни с того ни с сего и *воскресла* — это после-то убийственно-самоубийственных 1990-х!

Вновь побывав в «единении» с Западом, как это уже бывало не раз, а теперь и в «партнёрских отношениях» с самими США, разумеется, в рамках «штатского» глобализма (глобального проекта), Россия как страна, государство, цивилизация, предпочла фактический, а не формальный, суверенитет, освобождаясь шаг за шагом от цепких евроамериканских объятий, опираясь полубессознательно на исконную «Русь-Россию», обеспечивая и новый «воскресный» выход субстанциальной России на бытийно-историческую арену.

Как же и в силу чего всё это происходит — в общем-то загадка, но ясно, что нашлись-таки умные силы во главе с... или же нашёлся-таки умный лидер со значимыми вокруг него силами, что не так уж и важно, да и взяли курс на реальную, а не фиктивную самостоятельность пусть и находившейся в разборном, кризисном, безнадежном положении, но всё-таки второй в мире ядерно-ракетной державы. В общем-то, а это вполне и возможно, хотя об этом до срока обычно не говорят, что сей вырыв стался по причине надёжно закрытых от бойкой общественности обстоятельств — вовсе не только сугубо национальных.

Короче, случилось сложное деяние-происшествие, немало и конспиративное, в котором, судя по всему, оказалось задействованным *многое* и *разное*, что так сильно и раздражило глобалическую и антироссийскую «общественность»,

как раз и развязавшую настоящую русофобскую «гуманитарную войну» с очень уж по-особому (талантливо!) строптивой — и неплохо вооружённой! — страной.

Обращает на себя внимание именно русофобская мотивация и такая же «мелодика» этой необыкновенной войны, когда Россия в чём только не обвиняется и в какие только гнусные цвета не окрашивается — мало того, что оказывается главной причиной концептуально-устроительных судорог ЕС и США, но ещё и главным, совершенно для Запада недопустимым источником... э-э... *правды*... как раз о самом же Западе, да-да, всего лишь *правды*, получая в ответ потоки ничем не мотивированной, кроме желчной русофобии, ничем хорошеньким не прикрытой, ладно бы только медийной, а то ведь, увы, самой что ни на есть официальной, лжи.

А в начале сей нешуточной конфронтации, напомним, было лишь... *слово* — СЛОВО!, произнесённое лидером России в славящемся превосходным пивом и великолепным футболом и обесславленном гитлеровской «пивной речью» и англо-французским сговором с тем же Гитлером городе — Мюнхене, ныне, впрочем, вовсе и не русофобском.

Интересно всё это, не правда ли: какие тут имеют место события-происшествия, какие реалии и какие мистификации, какие переплетения исторических линий и судеб, какой возник клубок «неразрешимых разрешений», какая тут, разгулялась, пардон, *метафизика*!

130

Интересная это, знаете ли, вещь — *бытийно-историческая метафизика* — со всеми своими большими

войнами, великими революциями, судьбоносными переменами, разными там срывами, крахами, погибелями, ну и вырывами тоже, подъёмами, взлётами, преображениями, которые происходят обычно как бы *сами по себе*, в «ходе вещей» или вообще неизвестно почему и как — уже в «ходе неизвестности». Иной раз и вообще без всяких причин, во всяком случае — без явных причин, точнее, причины-то досужими обозревателями всегда находятся, но... спорят, спорят между собой умные обозреватели по их поводу, ибо истина от ловких обозревателей почему-то непременно ускользает, тайны тут оказывается куда больше, чем яви. Метафизику ведь никакими причинами не возьмёшь, ибо что ей — метафизике — причины эти, когда неведомый Промысел тут старательно работает — вполне и беспринципно!

Русь-Россия, которую умом не понять и в которую невозможно просто так верить, ближе, чем любая этно-страновая на Земле данность, именно к метафизике, даже ближе, чем насквозь вроде бы метафизическая Индия, ибо в Индии всё-таки замершая метафизика, а в Руси-России — живая, вполне и непотребная. Индия метафизически остановилась, выбрав для себя конечный метафизический концепт, он же и рецепт спасения, да и социо-устроительный тоже, а Русь-Россия не то чтобы что-то для себя ищет, как может показаться, а попросту идёт, без всякого сознательного выбора по своему, ей достоверно никак и не известному, пути — тоже концептуальному, но совсем другому — неизвестному, но неперемному. Тут не выбор и никакой не отбор, даже не осознанное созидание — тут именно *чего-то* возникновение и *чему-то* возникающему покорность, сме-

шанная с непокорностью — до срока, а потому и возникновение чего-то... *иного!*

Да, у Руси-России есть свои константы вроде верности себе самой и, уж извините, неверности чему-то приходящему извне, хотя и пробуемому вольно или невольно «на зуб», частично вбираемому, а по большей части отторгаемому, чего как раз никому из русофобов решительно и не нравится, особенно де очень умному и совершенному Западу.

Где-где, а уж в России всё великое и впрямь происходит само собой, вполне и чудесным образом, так сказать — «авосьно». Где ещё «авось» введено в ранг святости, разумеется, под прикрытием «Воли Божией»? Но что поразительно: «авось»-то весьма и срабатывает, конечно, не без кое-каких потребных и непотребных усилий русского человека — как раз всегда и как раз вовремя!

Нет, никому не понять ни Руси-России, ни русского человека, ни русскости, ни русского мира, даже и самому русскому человеку, как никому из здравомыслящих людей не понять ни неведомой им бытийно-исторической метафизики, ни Великой Неизвестности, ни силы того же знакомого незнания, ни мощи и действенных возможностей небытия. А Русь-Россия дружит со всем этим, — и как же её за это не ненавидеть? Вот вам и оправдание залежалой и дурнопахнущей русофобии, упорно стремящейся отправить Россию в небытие, куда она и сама время от времени отчаянно погружается, прямо как в чан с кипящей водой, и откуда выскакивает почему-то живой и обновлённой, но при этом всё той же русо-российской.

Небытие хранит Россию!

И выходит, что даже с Небытием России «дружится», а вот с Западом и его сателлитами-приспешниками — *нет!*

Знает Россия, что правды нет на этом свете, так зачем же её дружить с зёмной неправдой, уж лучше общаться с Небытием, где правды хоть отбавляй!

131

Запад всегда воевал Русь-Россию, ещё с достопамятного времени Рюрика и вещего Олега, воюет и сейчас, что не значит, что на Западе у России нет сочувственников и даже кое-каких союзников, но до тех пор пока Запад под США (англосаксами), он будет оставаться даже не противником, а истым врагом России, которая, увы — не Запад, хоть и весьма европеизирована, как уже почти всё на планете, и даже, как ещё не всё на белом свете, немало американизирована

Глобализм успел в 1990-е широко зайти в Россию и по ней немало и неплохо пройти, а Россия, то ли с дуру, то ли с перепугу, то ли в соблазне, то ли в прелести, успела «отглобалиться», мало того, весьма в глобализме и подвязнута, но... в один прекрасный момент вдруг взбрыкнула и подалась из глобальной трясины вон, хотя, судя по всему, вовсе не до конца, ибо доллар, глобальная финсистема, рынок капиталов, мировое ценообразование, как и рынок-де образования и квалифицированного труда, культуры с антикультурой, спорта, медицины, технологий и технологики, а ещё и «рыночек» миллиардеров и миллионеров, где всю подвизаются и наши «суперсчастливцы».

Магнетически вязко и сложно всё устроено в глобализованном мире, не просто и России в её взаимоотноше-

нии с глобализмом, с Западом, с США и Европой, как и со всем вообще миром, включая и Китай, и Индию, и Ближний Восток, где ведь не так уж все и всё «за», а немало и «против», а ещё и «никак», — вот почему среди надёжных союзников России, кроме самой собственно России, её армия и флот, а ныне ещё и ВКС.

Да-а, тяжело... тяжело быть суверенным в глобализованном мире, всё ещё подконтрольном США, но... мир таки меняется, как и вынуждены меняться, разумеется, пока не в лучшую для мира сторону, сами США, а потому всё тут, что называется, ещё впереди, досконально никому в мире *не известное* и никому в мире вполне *не подотчётное*.

Тут уместно обратить свой взор не на что-то уже хорошо известное и всюю обсуждаемое вроде той же геополитики, а куда как менее привлекающее внимание — *метафизическую стратегиологию*.

Есть и такая, разумеется, мало кем признаваемая, понимаемая и учитываемая, ибо ей в университетах не обучают, её не знают, ею и вполне осознанно пренебрегают, а ведь зря, очень даже зря!

Да, здесь — в метафизике — царствуют незнание, неопределённость, неизвестность. Что тут ясного скажешь, да и кому? Все списывают обычно на невозможность что-либо досконально предвидеть, на его величество случай, на редкое и своевольное стечение обстоятельств, иной раз, правда, и на роковую для неудачников судьбу. Однако, однако! Есть же она — *метасмысология бытия-истории*, в которую вплетена и *метагеострагеиология*, есть! Намерения и цели бывают одни, а реальное течение бытия-истории и результаты — совсем другие. Значит, дело не в одних намере-

ниях и целях, не только в продуманных деяниях и осознанных действиях, не только в текущих событиях, а и в чём-то другом — *металогическом*, в том, что не предвидеть толком, не рассчитать, не удержать, не подчинить.

Китайцы следуют, к примеру, Конфуцию или тому же Лао Цзы, вдумываются в «Книгу перемен», а что делать нам — россиянам, русским, каким следовать металогистам, кроме разве незабвенного Суворова да... никак не забываемого Сталина, каким выверенным пособием воспользоваться, во что мудро предписанное вдуматься, кроме самой по себе России, её бытия-истории, той самой России, которую умом не понять и в которую лишь надо верить, но при этом так... невозможно?!

132

Частично выручает наше коренное и вполне сакральное «авось», но лишь частично, к тому же это слишком затратно и жертвенно. Волхвов давно нет, их убрали с глаз и от ушей долой, а православные и иные культовые провидцы, может, и есть, но... тут ведь надо всю картинку целиком видеть, да ещё и непрерывно меняющуюся, многое что из происходящего и вовсе сокрытого знать, не всё при этом и зная, видеть невидимое, знать незнаемое, всё это сразу учитывать, а уж если бить куда ментально, то по сингулярным точкам, смысловым и силовым перекрестьям, по источникам, по входам и выходам, по порталам, оставляя на воле самодвижущуюся обыденную ирреальность.

Управлять идеями, концептами, смыслами, идеалами, сознанием, самим духом людским — непременно!

Четверть на вынос, наружу, а три четверти — в себе, внутри: здоровая конспирация — залог успешного управления!

Управлять переменами и посредством перемен — высший управленческий пилотаж, рискованный, но верный.

Правление, каким бы в себе уверенным и для себя самого эффективным ни было, судьбоносно зависит от управляемого объекта, его реакции и хода, причём гораздо более, чем обычно кажется самому «эффективному правлению», ибо тут зависимость не так явная и физическая, как неявная и метафизическая, а потому и самим правлением мало, робко и плохо фиксируемая.

Объект, а это социум, народ, массы, а теперь в России ещё и электорат, и гражданское общество — вовсе не так инертен и безразличен, немощен и беспомощен, как кажется, — это мощнейший *живой организм* (вроде пресловутого Соляриса), который думает, переживает, пережёвывает, переваривает, перенастраивается, по-своему что-то решает и для себя разрешает, и, как мощный магнит, либо подтягивает себя духовно-энергично к правлению, его незримо и молчаливо поддерживая и живительно питая, либо, наоборот, от правления отпрядывает, тоже незримо и молчаливо, его уже не только не поддерживая и не питая, но весьма высушивая, скукоживая и... умерщвляя — до полного изнеможения и даже паралича, — и горе тому правлению, от которого безмолвно, почти что и незаметно, но зато весьма грозно, сначала отворачивается, а потом и отрекается «управляемый»-де правлением низ, который вовсе и не «низ», а *базис* — как раз для самого правления, разумеется,

ежели последнее базисно по характеру, настрою и деяниям, а не всего лишь наивно и невинно надстроечно.

Не напоминает ли это *конечное* (или *концевое*) годовские, николаевские (что Николая I, что Николая II), брежневские или те же горбачёво-ельцинские времена, да и не падает ли тут луч проясняющего света на современную российскую данность, конечно же, не всю, но... значительную, а главное — значимую: что для страны с её подопытным населением, что для «эффективного правления» с его обновленческим цифrogenным ражем, что для властей, собственности и доходов ныне предрежащих?

Метафизика хороша (и при этом страшна!) своей волевой неуправляемостью и поверхностной незаметностью: что, где, почему и для чего в реальности происходит, да и происходит почему-то и зачем-то само, независимо ни от чего и ни от кого, неизвестно с какой конечной целью, неумолимо и неостановимо, но происходит себе и происходит?

Невольно задрожешь, заколбасишься, оцепенеешь: вроде бежать уже надо, да вот куда... ежели всё более вокруг войны, вражды, ненависти, той же русофобии... *куда?* И вдруг выясняется, что... *некуда*, а внутри родной страны всё больше странных перемен, делающих страну уже и не родной, почти что тебе и враждебной. Выясняется вдруг, что как чисто большевистское, вполне открытое и открытое, насилие, так и меньшевистское с обратным знаком, более закрытое и почти что сокровенное насилие тех же 1990-х, не только застряли и сидят в эгрегоре страны, но и небезуспешно вокруг творятся, уже в сегодняшнем, ярком

и улыбчивом, вполне себе и глобалическом, времени-пространстве.

Так бежать или не бежать новому пушкинскому Евгению от медного всадника и «отеческих гробов», а-а?

133

Откуда взялась вся эта масса человекообразных существ, получивших из рук закулисных перестройщиков возможность, ладно бы бандитского, а то ведь вполне себе цивилизованного, прямо по западным рецептам и лекалам безудержного грабежа и присвоения? Выходит, что сидела вся эта масса где-то укромно и тихо в недрах СССР, то ли умело избегнув сталинской инквизиции, то ли в ней активно поучаствовав, то ли став от неё негласной, неизбежно и уродливой, производной, то ли вызрев в среде пошлой обыденщины под покровом в целом позитивного созидательного, вполне и героического, советского бытия, то ли напитавшись ядовитыми соками разъедавшего страну антисоветизма, в общем... где-то и как-то присутствовала, всё более разыгрываясь и высовываясь наружу, ну и, дождавшись благоприятного для себя момента, выскочила наверх, немедля впад в грабительский раж, уничтожая, разрушая, присваивая, пожирая, никак не насыщая своё вдруг зазиявшее нулевой пустотой безлимитное чрево.

Звери, хищники, людоеды — да, но откуда вдруг этот безмерный маргинальный легион — алчный, ненасытный, беспощадный?

Вроде бы вокруг бытовали более или менее... *люди*, а тут... целая армия, пардон... *нелюдей*, даже не преступников как таковых, что для сего племени ничего не значило и

не значит, а каких-то прямо-таки *иных существ*, вроде тех же инопланетян, может, подземельников, скорее даже — преисподников, лишь в людском обличье, кстати, не без кое-каких приметных печатей на своей назаурядной «физике».

Напасть, нашествие, эпидемия!

Тут уже не надрез, не срез, не вырез, а самое что ни на есть... *разверзие*, опрокинувшее фактом своего свершения не одни обывательские представления о человеке, родиче, соседе, а и весь надуманный научно-просвещенческий гуманитарный концептуализм, оказавшийся наивно-ложным блудом и вполне себе легковесным фейком.

Как в тех же немцах, пусть и не во всех, проснулся во времена нацизма окаянный зверь, так и в советских «людях», вдруг переставших быть формально советскими, в миг тоже проснулся зверь, правда, уже иного кроя, чем когда-то в общем-то весьма идейной для себя Германии.

Вот вам, господа хорошие, и человеке, гордо-де звучащий, да дурно пахнувший, и социум, крепко-де сбитый, и культура, всё-де вокруг облагораживающая, и гуманизм, человека славящий, и тот же коммунизм, уверенно вперёд смотрящий, — и что же... кроме разверзшейся в который раз тошнотворной истины?!

Россия, который уже раз брошенная в бездну и который уже раз каким-то чудом и невероятными усилиями своих достойных отпрысков из неё выбирающаяся, который уже раз вновь переваривает бессмертную нелюдскую анти-Россию, уже новую, новейшую, ультрановейшую, которой ещё не бывало, да и не только её переваривает, но и... му-

чительно из себя изрыгивает — с разной, увы, степенью успеха и оздоровления.

Непростая тут экзистенциальная дорога, не правда ли? Хотя и, несмотря ни на что порочное и низкое, что-то... *такое* — необычное! — всё-таки обещающая, слава Богу, вне и вопреки круто по-научному обоснованных и вечно-де зелёных дорожных мифов. Новая Россия, пусть и в муках, пусть и среди чудовищной несправедливости, пусть и под гнётом принципиально некомпетентной административности, пусть и под произволом прогрессивного-де частного бизнеса, пусть, пусть, пусть... но... вызревает и поднимается, ставя в тупик всех её придирических и проницательных обозревателей и критиков, ничего в феномене России в общем-то и не смыслящих!

134

Какая она — *Новая Россия*?

А какой ей быть, кроме как сложной, трудной, противоречивой, мало того — весьма ещё и адовской, — это после-то бесконечного принудительно-идейного тотального советизма и разнузданно-«безыдейного» постсоветского «либерализма», если не откровенного сатанизма, пусть и дискретного, дырчатого, не сплошного?

Примечательно, что в 1990-е и первые 2000-е гг. в стране, заражённой анархией и беспределом, было куда как больше личностной, деловой и творческой свободы, чем во вроде бы стабилизировавшейся в цивилизованном отношении России 2010-х: теперь в России разгулялся *финансово-административный произвол*, он же и *деспотизм*, к тому же и добротню *криминализованный*, как будто и не было в

стране яростно осуждённых нынешними «гуманистами» тех же «негуманных» большевизма, сталинизма, тоталитаризма, чего там ещё? — никак не может отечественное правление без несправедливости, насилия и произвола, пусть и не тотальной несправедливости, не физического в целом насилия и не анархического в основном произвола, а всего лишь управленческих, институциональных, конституционных, а главное-де — модернизационных, оптимизационных, «улучшенческих» инициаций, вызывающих у российского населения лишь недоумение, осуждение и бессильный до поры гнев.

Родовая тут бытийно-историческая печать, и дело тут не в самих по себе тяжести и даже злостности сладострастно чинимых в стране несправедливости, деспотизма и произвола, как в их полной управленческой неэффективности, экзистенциальной вредности и стратегической недалёковидности: даже ежели управленческому верху вроде бы пожитейски очень хорошо, и управляемому им низу при этом всего лишь не очень хорошо, то это совсем не хорошо для всей распределённой по разным людским судьбам страны, для её экзистенциального гражданского и патриотического единения: зачем вообще правящему верху так упорно, немудно и пошло кошмарить, якобы модернизационно, трудящийся на него, на страну и на немалый внешний мир низовой, да и средний тоже, так сказать, люд, ради чего?

Нет здесь никакого рационально-гуманитарного объяснения, кроме разве сиюминутных выгод от безумной, показной и коварной активности, от того же текущего ничего-неделанья «эффективных управленцев», хотя стратегически это не то что иррационально, но и крайне для всех сразу в

стране рискованно: начинается ведь всё с безгласных неявок на фальшивые выборы, а заканчивается... известно чем... вовсе и не обязательно большой бузой, а всего лишь молчаливым гражданским отречением от действующей власти, когда никакая национальная гвардия с никаким Народным фронтом в придачу уже никого и ничто не выручают (не Николай II ведь отрёкся от престола, как принято легкомысленно утверждать, а все в стране почти что поголовно отреклись от царя, точнее — от надоевшего всем царизма, что было эмоционально и в свою пользу воспринято Николаем как «трусость, измена и предательство»: довести ведь надо было страну до такого вот состояния!).

Ах, эта неведомая метафизика — совершенно порой и негативная, да вот куда ж от неё?

О-о, как всё тут не просто: вроде бы Россия, чуть ли не вырвавшаяся из погибельной бездны, поднявшаяся кое-как с колен, заговорившая будто бы по-своему, чуть ли не идущая к себе, но... и антиРоссия тут как тут — своя и чужая, и великий животный страх перед Россией, включая и своих «русистов», и глобализм, как хорошо видится, никуда из России не делся, и скрытая внутренняя прятка имеет место, и коррупция процветает, и дикое неравенство в доходах и житейских возможностях, и то же антиправление налицо, и людишки наверху невменяемые и несменяемые, ну и гнёт повсюду с произволом, а главное — не то чтобы неопределённость, которую никуда не денешь, а... *бесперспективность*, да не самой России, пути которой неисповедимы, а людей российских, молодых людей, желающих быть в России и ей верно и честно служить, но не имеющих для этого никакой реальной возможности, ибо не пути тут для них

вокруг открытые, а лишь беспутье с тупиками, аморально почему-то всю культивируемые, и их, россиян, из страны упорно и без сожаления выталкивающие, да вот куда, ежели не в заграничное для россиян безвременье.

Экзистенциальная трагедия России продолжается, несмотря на вновь вроде бы обретенную ею суверенность и взятие вполне значимой в мире геостратегической высоты!

135

Это, конечно — *кризис*, но не самой по себе России — как идеи, концепта, проекта, а того фактического «душевно-телесного» наполнения, которое Россия получила в итоге беспрецедентных четвертьвековых преобразований: сначала совершенно с преисподненным выворотом, а затем хоть и не с безуспешной, но в основе своей ложной из-за концептуальной и доходной привязанности к глобалическому реформизму, попытки с обратным выворачиванием вывернутого — попытки, как принято в таких случаях говорить, паллиативной, половинчатой, не цельной.

Состоявшаяся в 2000-е гг. стабилизация страны оказалась весьма позитивной в аспекте текущего бытия и ближайшей судьбы России, но, стабилизировав и закрепив при этом добытый реформой 1990-х произвола-деспотический строй, она оказалась и весьма негативной: правящий верх то ли не захотел, то ли не посчитал нужным, то ли попросту не смог пойти дальше в позитивном преобразовании страны и, пойдя на преодоление сопротивления «лучших» *пореформенных* бенефициаров, перейти к уже *постреформенному* обустройству российского бытия.

В итоге в России родилась, закрепились и немало сегодня благоденствует некая уродливая новь — *пореформенная*, несущая на себе в силу своего присвоительного эгоизма, собственнического, функционального и экзистенциального отрыва от управляемого ею социума и неизбежной в таком разе фундаментальной менеджериальной некомпетентности все родовые признаки... *антисистемы*.

Эта-то *антисистема* и впала в состояние собственного концептуального, функционального и управленческого кризиса, вполне, так сказать, «эффективного», из которого, как ожидал массовый российский электорат, начнётся вполне уже осознанный и ведомый верховным правлением решительный выход, но... нет, не тут-то было: победа на выборах 2018 г. означила, кажется, и победу... самой этой *антисистемы*. Ожидаемых электоратом качественных перемен не последовало!

Нельзя сказать, что верховное правление не пытается выправить патовую ситуацию, возникшую в стране, перейти к более достойной социокультурной экзистенции и массивному техно-экономическому развитию, но делается это пока... через посредство... всё той же *антисистемы*, что лишь усложняет возникший социально-административно-управленческий кризис, он же и цуг-цванг, что лишь приближает страновую ситуацию к социальному коллапсу.

Им там, в Кремле, как говорится, виднее, но ведь скольким уже правителям всё всегда было вроде бы виднее — из того же Кремля, из Зимнего дворца, да и Россия тут вовсе не одинока, из того же Версаля, или той же рейхсканцелярии, как сегодня, к примеру, из Белого дома, что гнездится «белой дырой» посреди имперского Вашингтона,

ох-хо-хо!, и что же: кто и что видел, да и где и кем он затем стался?

Управление в стране, как и, к примеру, в том же ЕС, должна осуществлять *система*, а уж никак не *антисистема*, а где же они ныне — эти эффективные системы, разве что в Китае, Сингапуре, может, в Казахстане, Белоруссии, где... а-а?

Вряд ли будет преувеличением сказать, что для воюющей и мобилизующейся России наличие управленческой антисистемы, пусть и не военной, а только гражданской — большая национальная с немалой антинациональной окраской проблема — разве не так?

Вот и выходит: либо-либо! — либо *пореформенная* глумливая антисистема, либо *постреформенная* действенная система, — иного тут не дано, а потому: *либо-либо!*

136

Легко сказать, да трудно, а то и невозможно, сделать: кое-как выращенный обновленной властью административный аппарат, а, может, как-то и сам сформировавшийся — очень уж неоднозначен: не в одну отечественную сторону бодренько смотрящий, не самый в делах надёжный, не слишком квалифицированный и не самый компетентный, не совсем, может, «из грязи в князи», но ведь и не из безукоризненной гражданской нови, в общем — весьма и весьма проблемный, если не сказать как-нибудь покрепче, наблюдая за повальной коррупцией, провальной деловитостью, завальной имитацией бурной деятельности, отвальным ничегонеделаньем, и за т. п. «вещами», слишком уж свой-

ственными ныне так называемому «эффективному менеджери́зму».

Как ни крути, а *кризис управленческой системы* налицо, а вместе с этим и *кризис пореформенной власти* — уже их собственный кризис, прямо от системной неэффективности или же, наоборот, чрезмерной антисистемной эффективности.

На повестке дня теперь не что-нибудь, а *большая реконструкция системы управления с серьёзным кадровым обновлением*, — и как же это сделать, не меня ни духа, ни концепта, ни образа действий, ни состава того же правительства? Ясно, что... *никак!* Отсюда и кое-какой болевой тупик, крайне опасный в конфронтационной внешней и напряжённой внутренней ситуациях.

Причём же тут метафизика? А при том, что «кризис... кризис порождает», ещё более острый и безысходный, ежели не принять своевременно против вроде бы ещё не очень-то масштабного и серьёзного кризиса необходимых противодейственных мер, — а накатывается такой умножающийся кризис неумолимо и неодолимо, преодолеть который оказывается возможным уже лишь через большую и крайне неприятную как для *тех*, так и для *этих* катастрофу.

Правящему верху пора бы уже признать, если он хочет выжить и продолжать управлять страной, фактическое банкротство созданной им системы управления и необходимость её очистительного перестроения.

Скорее всего, это просто так не произойдёт — ни в понимании, ни, тем более, в действии. Тут уже чувствуется некий ступор от вящего доходного удовлетворения, а это-то и самое из доступного вящего неприятное, ибо триумф все-

гда скрывает и усиливает уже имеющуюся пагубную коррозию, заметно и не очень подтачивающую стройную вроде бы властную конструкцию.

Власть вообще куда более духовно метафизична, чем просто физически функциональна; лидерство — тем более, — тут уже сплошная метафизика, вовсе не обязательно, что бодрствующая и сугубо позитивная, но всегда присутствующая и дающая о себе знать как победами, так и поражениями, как собственно, и застоем; самоопределение населения, его экзистенциальные настроения — тоже ведь сплошная метафизика, лишь кажущаяся вполне контролируемой и управляемой сверху, а по сути-то очень даже «сама-себе-метафизика».

И ежели сложить все метафизику вместе: власти, лидерства и населения, то получается очень замысловатый самодвижущийся узелок, не подлежащий никакому распутыванию, разве лишь безжалостному разрубиванию, но лишь огненным мечом экзистенциальной катастрофы.

Так что метафизика тут не просто налицо, она ещё и главное из всего судьбоносного, а попытка заменить неясную-де метафизику ясной-де «цифровой физикой» не то что ошибочна или преступна, а совершенно, знаете ли, суицидна — для всех сразу!

ПРИВОРОТНЫЙ КЛЮЧ

Иди туда — в затекстье, где ничего нет, но где всё сказано!

Главное творится не здесь, а там, которое не где-то там, а... здесь!

Знаемое незнание — магический узелок метафизики!

Итак, читатель, дело сделано — с книгой ты ознакомился, может, и прочитал со вниманием, а может, и порезвился размыслительно *над, с и за* текстом, что-то для себя и открыл, хотя бы то, что либо никакой метафизики вообще нет, либо она — метафизика — что-то совсем другое — *не это*, хотя, впрочем, вдруг и признал, что метафизика, хотя бы *эта*, не только есть, но и есть как особенно необходимая в апогейный расцвет науки и техники, как и верховенства создаемого ими искусственного мира, вещь, она же и *весть* — всё-ещё-человеческая, а потому и метанаучная, и метатехническая, обращённая к осмыслению не так даже всего вокруг фактически происходящего, как самого по себе *феномена* этого происходящего — мира, бытия, природы, жизни, человека, сознания, хозяйства, творчества, культуры, истории, причём с подходом ко всему этому феноменально происходящему со стороны более всего ему — этому происходящему — противоположного, то бишь со стороны не

явленности, а «ничегошести», не экзистентности, а покоя, не вестности, а безмолвия, в общем — отчаянно *метафизически*, как это и свойственно *реальной метафизике* и как это принято у *нереальных метафизиков*.

Неизвестность для метафизика — не то, что ему всего лишь не известно и что он должен, как тот же физик, непременно познать, а то, что он признаёт вполне себе *неизвестным* и что он призывает для участия в осмыслении того, что представляется человеку *известным*, как раз того самого известного, что погружено «с головой» в неизвестность, от неё производно и от неё зависимо, а потому хоть и вроде бы известного, но либо всё-таки «известного неизвестного», либо же «неизвестного известного» — это уж как кому в том или ином познавательном-оценочно-прогностическом случае покажется наиболее угодным.

Да, многое из вокруг наличествующего и человеком воспринимаемого как известное или могущее стать известным любой порядочный метафизик, не говоря о любом сто процентном физике, принимает за *физис* — видимую, твёрдую, плотскую, упругую, осязаемую человеком часть мироздания, бытия, природы, жизни, самого человека, однако есть в мироздании и во всём остальном, к нему относящемся, и нечто другое — невидимое, прозрачное, спиритоподобное, эфириобразное... э-э... *никакое*, что фиксируется проницательным человеком, его сознанием, включая в это другое в первую очередь само человеческое сознание, причём фиксируется это другое вообразительно, идейно, отпечаточно, мыслительно, галлюциозно, в общем — осознанием — и это-то другое как раз и есть то, что метафизик

относит не к физису, а к *метафизису*, чего обычно не делает слишком уж стопроцентный физик.

И ежели физис можно условно отделить от сознания, подарив ему честь бытийствовать как бы вне сознания, то метафизис от сознания никак не отделить, ибо у него нет иной возможности, иного места и иного способа бытия, кроме как в сознании, посредством сознания, благодаря сознанию, да, пожалуй что, и ради сознания.

Что-то из метафизиса является и прямой принадлежностью сознания, вроде мысли, слова, языка, рефлексии, памяти, знания и т. п. «вещей», а что-то можно рассматривать как вошедшее в сознание извне и как им непосредственно воспринятое — те же знания о мироздании и обо всём к нему относящемся, включая и знание о неизвестном, о, как любят выражаться метафизики, *трансцендентном*.

Физис и метафизис — два противоположных качества-основания одного и того же — Вселенной, мироздания, бытия, природы, жизни, того же человека — существа плотского (телесного) и при этом духовного (осознаниенного). Да, физис — это как бы плоть Вселенной, метафизис — как бы её душа, чуть ли не само её сознание. Две Вселенных в одной большой Вселенной! И обе эти частные Вселенные непременно вместе, вперемешку, во взаимодействии, а главное — во взаимопереходах и взаимопревращениях. Есть в связи с этим во Вселенной и третье — *пустота*, она же и *анти*Вселенная — посредник, передатчик, отстойник, поглотитель, аккумулятор, амортизатор, резерв, спаситель.

И вот что тут особенно примечательно: из метафизиса в физис — не что иное, как аттракторный и негэнтропийный

ход из пустоты (праха) в вещь, а вот движение из физиса в метафизис и далее в пустоту — из вещи в прах.

Генерирование Вселенной тут — за метафизисом, а вот за физисом, увы — лишь временное поддержание и вечное дегенерирование.

Генератор Вселенной — метафизис, а вовсе не физис, зато физис — телесный, плотский, упругий, явленный носитель Вселенной, её остов, её каркас.

А уж ежели обратиться к гуманитарной, связанной с человеком и его сознанием, Вселенной, а сознание — тоже ведь целая Вселенная, то тут уже сплошной метафизис, причём как реальный, живой, бодрствующий, содержательно насыщенный, изобретательный, действенный, творческий, так и инертный, покойный, замерший, бездействующий, можно сказать — спящий, чуть ли не мёртвый, во всяком случае — неживой, как бы и отдыхающий, а между обоими метафизисами — некая явная неявность, или же неявная явь, в виде поля галлюцинаций, снов, миражей, призраков, в общем — всего безумного, что ни сознанием не назовёшь, ни бессознанием не обзовёшь, ни даже подсознанием не обозначишь, разве лишь *межсознанием* каким-то, что, заметим особо, не менее важно для бытия сознания, чем само по себе сознание.

Сложно. неясно, тёмно!

С физисом-то людским сколько всего неясного, а уж с сознанием — одна заполошная неясность, отчего и метафизис, эта некая воображительная *за-предельность*, она же и... *ничто*, однако не то ничто, которое ничтожит, хотя и не без этого, а то, которое есть хоть и неизвестное, но всё-таки...

нечто, да такое *нечто*, что дух захватывает да дрожь по всему бренному телу!

Да-а... *ничто*, которое не ничтожит, хотя и не без этого, а которое, будучи само «нечтом», правда, неявным и неизвестным, творит не что иное как... *нечто* — явное и известное, как раз то самое, что и представляется человеку в общем-то известным, пусть во многом не совсем известным, но всё-таки наполняющим чем-то таким сознание — как раз знанием, делая его именно *со*-знанием — знающим, пусть и перемешанным с незнанием и с бессознанием, даже и с безумием, даже и с пустотой, но всё-таки... *сознанием!*

И вот творимое неизвестным «ничтом» сознание, становясь осознанным «нечтом», причём активно сотворяющим уже и самого себя — сознание, вглядывается пристально в себя, а через себя и во всю Вселенную, ища помимо самого себя и всего к себе относящегося, всю, знаете ли, Вселенную, включая и Вселенную гуманитарную, как раз *свою* относительно сознания Вселенную, причём сложную, всякую, разную: от всей доисторической до всей текущей, ибо вся она для человека не где-нибудь, а в сознании, и другого вместилища, кроме разве лишь ещё сознания самого Господа Бога Творца, у неё — у этой Вселенной — попросту нет.

Тут-то и развёрстывается экзистенциальная гносеонтологическая, она же и акционная, игра сознания со Вселенной, их хозяйственное между собой взаимодействие, — без каких-либо твёрдых оснований и незыблемых правил, да и, знаете ли, игра, прямо скажем — не на жизнь, а на смерть!

Да, физический онтос немало поддался человеческому гнозису и людскому акциосу, что хорошо известно, правда, не избегнув при этом самой что ни на есть метафизики, само собой разумеется — служебной, вспомогательной, зависимой относительно физики, а потому и до некоторых пор весьма тщательно скрываемой стопроцентными физиками и на виду как бы даже ими гонимой — физике никак не хочется не то что признавать себя метафизикой, пусть и физической, но даже обнаруживать свою вынужденную связь с решительно проклятой ею в Век Просвещения метафизикой.

Однако пришло-таки время, аккурат на рубеже XX и XXI вв., признать физике, даже самой что ни на есть физической (естественно-научной), не говоря о гуманитарной физике, что есть во Вселенной *что-то*, что не просто не подвластно физическому гнозису, но и ему, уже и скандально для него, решительно противостоит — что-то от *иной*, стало быть совсем и не физической, природы (породы), что-то от *иного мира* — совсем уже и *не этого!*

Особенно это стало очевидным для гуманитарной физики, или для так называемой гуманитарной науки, амбициозно и парадоксально включившей в себя и философию, которая вовсе не наука, не физика, а... *философия*, стало быть... *метафизика*, тем самым и обозначив по обнаружению и кое-какое, весьма и принципиальное, гносеологическое, а потому и онтологическое, банкротство гуманитарной науки-физики: сознание со всей его гуманитарной Вселенной, или же гуманитарная Вселенная со всем своим сознанием — сплошь *онтологически метафизичны*, а потому подлежат прежде всего и в целом *метафизическому гнози-*

су, хотя частично и могут быть подвергнуты физическому опознаванию и осознанию.

Оставим в стороне явный физис с явной физикой и обратимся к гуманитарной реальности, полной метафизиса и нуждающейся в метафизическом распознавании и представлении, не изгоняя и не забывая при этом и физического к сей ирреальной реальности подхода.

Тут, пожалуй, и начинается, читатель, самое интересное и значимое для тебя как для не более чем оглашённого пока лишь *предметафизика*, когда с первым оборотом волшебного приворотного ключа открывается перед тобой реальная возможность отважно вступить в открывающиеся врата метафизики и стать, побродив в метафизисных лабиринтных пущах, понабивав искромётных шишек на своей беспутной голове, изрядно себя физически измотав, а ментально и буквально вывернувшись... э-э... стать не кем-нибудь, а... *метафизиком* («из Савла в Павла!»).

Стать же в данном случае — не просто чем-то себя дополнить, обогатить себя, как-то измениться, нет — умереть и восстать, но восстать уже... *другим!*

Каким же? О-о... что тут сказать? Э-э... признающим не просто неявное, скрытое, неизвестное, трансцендентное, не говоря о духовном, идеальном, эфирном, прозрачном, как и призрачном, а признающим *работу* всего этого и всего ему подобного, да ещё... *какую работу!* — мало что *большую*, но ещё и... *определяющую!* — как раз по линии явного, открытого, известного, имманентного, в общем — всего, так сказать, *нашенского!*

Наш вроде бы вокруг мир, да не совсем наш, причём не только не весь наш, а ещё и, как раз в главном... *иной* — весьма потому и *не наш!*

А это означает, что вовсе не всё в особенно дорогой нам — гуманитариям — гуманитарной Вселенной, во всяком случае — из главного, великого, судьбоносного, — что у отдельной уверенной в себе персоны, что у какой-либо пассионарной общности, что у всего инициативно и творчески овладевшего планетой человечества, — вовсе *не всё* решается именно тут, в этом мире и этим миром, самим по себе человеком и самими по себе людьми, целостными сообществами и безлимитными массами, не говоря уже об амбициозных элитах и великих экстраординарных деятелях, признаваемых обычно за истинных героев-вершителей зёмного бытия-истории.

Не всё, далеко не всё, а ежели что-то и впрямь здесь решается, то не более чем обыденное, повторяющееся, привычное, ничего особенно и не решающее, пусть и массовое, всеобщее, всеобъемлющее, даже и, наоборот, уникальное, необычное, дерзкое, страшное, но, увы, ничего особенного для бытия-истории всё-таки не значащее.

Бытие, переживаемое человечеством — не просто бытие, а самое что ни на есть *мета-бытие* (вкуче, по крайней мере, со всем вышеупомянутым *иным*), а история человечества — *мета-история*, обязанная не так всему *этому* — *нашенскому*, как чему-то *иному*, а потому бытие-история и должна трактоваться значительно *иначе*, чем это делает та же наука, не говоря о текущей обыденности.

Как же?

С привлечением как раз *иного*, стало быть — трактовать прежде всего *метафизически*, то бишь не только и не столько фактически, сколько... *за-фактически*, даже *вне-фактически*, то бишь *мета-фактически*, видя то, что не видят не то, что фактологи, а и сами по себе факты — *вовсю и слепые!*

А чего же они не видят?

А того *факта*, что всё реальное фактическое бывает генетически обязано не так чему-то фактическому, как... *пред-фактическому* — глубинному, или, наоборот, высоко парящему, для всего фактического *пред-намеренным*, а преднамеренность сия нисходит, или восходит, к чему-то мало что неизвестному, но ещё и трансцендентно неизвестному.

Любую социополитическую революцию, к примеру, делают, как известно, люди, обуславливают разные обстоятельства, определяют те или иные процессы — факт!, — но есть и другой, не очень-то и обычно замечаемый, факт — *революция делается... самой же революцией*, а потому всякая революция в чём-то главном и неизбежном — *сама-себе-революция!*

Не «Ленин и революция», а «Революция и “ленин”» — вот в чём тут решающая смысловая загвоздочка, вот где вызывающе торчит не устранимый никаким инициатором кодовый супергвоздь!

И все большие войны, все крупные походы, вроде тех же крестовых, все масштабные колонизации, вроде тех же европейских, даже и крутые реформы с перестройками, вроде тех же горбачёво-ельцинских, — всё это *сами-себе-*

события, сами-себе-происшествия, сами-себе-феномены, даже и сами-себе-деяния!

Да что революции, войны. походы и т. п. значительные и особенно значимые для бытия-истории события, ибо само бытие-история есть не что иное как *Бытие-История*, то бишь *сама-себе-данность* — некое творящее само себя Нечто вкупе с не менее творящим самого себя Ничто — не более и не менее!, — и не одни только великие события оказываются самими себе фактами, но и такие всем хорошо известные вещи, как, к примеру, те же деньги, цены, инвестиции, а в общем-то — всё, или же многое из всего, что вокруг бытует и случается, не говоря уже о внезапных откровениях сознания или парасознания, вспышках любви и ненависти, неисправимых людских характерах и тех же неукротимых людских поступках.

Куда ни кинь пронизательного взгляда, везде неясность, необъяснимость, тайна, и всё вокруг не что иное, как тайна, и сам себе человек — тайна, и всё в человеке, знаете ли, тайна, — и чем больше размышлений на тему тайны (тайн), или в сторону тайны (тайн), тем более тайной она — *тайна* — становится!

Однако... мы же метафизики, как раз и обращающиеся к тайне, с ней всю оперирующие, причём воспринимающие тайну как именно *тайну*, вполне и на доверительных с ней началах, а потому можем, наверное, кое-что из позитивного о тайне вдруг и сконстатировать.

Что же?

Тайна — не просто тайна, а *тайна работающая* — через метафизис работающая, в основном через какой-то иной метафизис, но и через наш — сеюмирный, тоже достигающая,

постигая и овладевая текущей реальностью, особенно гуманитарной, сознаниевой, ноосферной, ею так или иначе управляя, её ведя и её изменяя, однако не через прямое, приказное, безальтернативное и безапелляционное давление, а через влияющее, побуждающее, вариационное, допускающее разнообразие и многоликость, даже и разносущность, воздействие, в общем — колебательное, вибрационное, трепетное, одним словом — *живое*, а на уровне сознания — и *сверхживое*, во всех отношениях, можно сказать — *экзистенциальное*, следственно, с хорошей долей и *трансцендентности*.

В метафизисе, в особенности отдалённом, глубинном, высшем, работают *свои* энергии и информации, сосредоточивающиеся через хаос и с его участием там, где им надо или там, где у них получается, — кто знает?, — и направляющиеся туда, куда им то ли надо, то ли куда у них получается, — опять же кто знает?, — и делают *своё* дело, влезая в реальность, ею овладевая, себе подчиняя, хоть и не полностью, не во всём, не по всему полю, оставляя реальности действовать и *самой*, правда, опять же не механически, а гибко, разнообразно, перемененно, случайно, даже «абы-как» и «авосьно».

В итоге выходит *то*, что выходит, а выходит всё, что угодно, причём менее всего кем-то сильно желаемое, хорошо им просчитанное и нетерпеливо ожидаемое.

Обратимся вновь к примеру революции: кто и что её вершит, почему, зачем, для чего, с каким итоговым результатом? И нет тут вполне ясных и полных ответов, несмотря на весь «научизм» и всё здравомыслие пропагандистов революции, её обоснователей, проектантов, делателей, во-

ждей, бойцов, героев, жертв, победителей, пораженцев, последователей, противников, бенефициаров, принужденцев, обозревателей, исследователей, бескомпромиссных судей и т. п. фигурантов революционного деяния-происшествия. Ничего и никому тут до конца не ясно, даже по свершении события: споры, споры, споры!

А всё потому, что революция есть не что иное, как *сама-себе-Революция*, она ведь готовится более всего где-то в глубоких преисподних недрах, как и в недостижимых небесных высях, и готовится во-многом и в главном *сама*, как и *сама* же в реалиях во многом и главном творится, — и там, и там, в хаосе и через хаос, в безумии и через безумие, хотя и не без участия кое-какого разума и даже здравого смысла, как и не без влияния действующих в реалиях вполне вроде бы разумных и совершенных уложений.

Революция — выброс энергии отрицания и разрушения ради неведомо и неважно какого, хотя и вполне желаемого, а то и вообразительно, вполне и убедительно, сконструированного, нередко просто чему-то и кому-то раздражательного, замысла, но непременно с *иным*, чем было заявлено и предусмотрено фактическим ходом революции и её конечным результатом, иной раз и прямо противоположным всему желаемому и предусмотренному.

Революция — хаос, стихия, безумие: что изначальные, что текущие, что последующие!

Главное в революции — *сама революция*, но не потому, что нет у неё причин, поводов, мотивов, желаний, проектов, а потому что революция — это... РЕВОЛЮЦИЯ (револ-юция), то бишь переворот, выворот, кульбит, сопровож-

даемые восстанием Ничто, Неизвестности, Незнания, ну и, конечно же, преисподней, бездны, пустоты.

Трансцендентное это дельце — *революция!*

Да, всегда есть некий реальный факт революции (кто бы спорил!) — неоднозначный, разный, многоликий, вёрткий, тёмный, скользкий, не очень-то и понятный, однако есть в гуманитарной Вселенной и другой факт, сопряжённый с реальной революцией — факт ирреальной *суб-, над- и пара-*революции, который не здесь — на явленной стороне бытия-истории, а где-то там — в неявной глубине («суб»), в необозримой вышине («супер») или же в неуловимом промежуточном метафизисе («пара»).

Сначала где-то там совсем малое, почти что и незаметное, энерго-информационное сгущение, вроде некоего прозрачного пятнышка, потом большое расплывшееся пятно — уже вроде заметного облака, а затем и гигантское скопление в стиле грозовой тучи. И всё это иномирные, или же, на худой конец, параиномирные, нам — «людям» — неизвестные, энерго-информационные сгущения: где-то, когда-то, как-то, зачем-то, для чего-то, — то ли проблески с сияниями, то ли тени с помрачениями, но... *факт!*

И вдруг где-то, когда-то, зачем-то... *революция*, нередко вроде бы и ожидаемая, и обоснованная, и заведомо спроектированная, и хорошо подготовленная, но... всегда... внезапная, более того — невероятная, — бац! — и всё — революция вдруг на дворе, а уж какая... о-о... тут уж лучше попросту помолчать!

Бытийно-исторический *метапоток* — смысло-событийный, когда фактическое хоть и делается «людьми», но делается ими вовсе не так, как делается, к примеру. та же

подкова под молотом кузнеца, а всё происходит в потоке, да не только и не так в феноменальном потоке, более или менее человеком осознаваемом, хотя часто и не очень, даже *не* в метафизическом потоке, немало и в трансцендентном, а как раз более всего в практически неосознаваемом человеком *метапотоке*, отчего и внезапность повсюду, и неожиданности, и случайности, и непредвиденности, и нелепости, и безумства, и масштабная стихия, и безудержный хаос, да и вообще всякая бытийно-историческая, она же и экзистенциальная, дрянь!

Хотят люди обычно одного, делают реально уже весьма другое, получают же в итоге что-то третье: вот вам, господа, и революции, и войны, и те же идеи, учения, религии, правила, принципы, законы и... вообще всякие отточенные разумные установления, тщательные проекты, целеположенные деяния. Идёт себе как-то бытие, катится куда-то история, течёт во все стороны экзистенция, — и выясняется вдруг, что хотя и многое может совершать человек со своим ловким сознанием, не может совершать, увы, одного — преодоления своей волей *великого метафизического тяготения*, действующего всюду и всегда, во все стороны, на всех высотах и глубинах, по всей обыденности, при этом колебательно, турбулентно, витиевато, то вперёд, то назад, да и незнамо куда.

Бытие-История, таким образом, творится людьми, сознанием, когнитивом, разумом, как и, разумеется, безрассудством, безумием, бессознанием, мало ли ещё чем из, условно говоря, человеческого — личного, коллективного, общественного, включая и всё ноосферное; Бытие-История творится само — само по себе, как само-себе-Бытие и как

сама-себе-История (хочешь, не хочешь, а как-то *так* вот всё и получается!); Бытие-История творится и (Не)Бытием-(Не)Историей, чем-то иномирным, запредельным, совершенно уж трансцендентным, восходящим мало что к Богу Творцу, но и к Великой Неизвестности, даже и к самому Ничто.

Вот и выходит некий *мирозданческий бытийно-исторический поток*, в котором всё, что угодно, кроме чёткого плана, выверенного маршрута, механической (вроде небесной, не говоря уже о часовской) организации.

Не физический это поток, хотя в нём и есть какой-то свой физис или же ему некое подобие, не физический в основе и в целом, а как раз — *метафизический*, — и приходится иметь с ним гносео-акционное дело не так даже физику, как метафизику — что созерцающему сей грандиозный процесс, что в него вообразительно проникающему, что в нём как-то по-своему участвующему, что с ним откровенчески и промыслительно взаимодействующему.

Вот он где — *метафизис*, вот и где бывать с *метафизикой* в обнимку рабу Божию *метафизику*!

Бытие-История — не только поток, это ещё и сложный, открыто-скрытый, светло-тёмный, покойно-бурлящий мирозданческий «котёл» — безграничный, бесконечный, безостановочно работающий, в котором что-то бытийно-историческое вываривается — по какому-то *софийному*, надо полагать, рецепту, провиденциально сочинённому зачем-то Господом Богом Творцом — с неведомым человеку концептом, но и со свободой реализации сего варева, что и позволяет вареву всякие разности, резвости и вариации, но

не позволяет ему ни стать в основе и в целом совсем другим, ни сбежать вон из котла — до срока!

И котёл сей, располагаясь придоньем своим в довольно-таки горяче-огневой преисподней, а открытым верхом выходя в высшие веси, варит себе и варит, производя на Свет Божий людей с их сознанием и бессознанием, умом и безумием, немало изменяя их даже физически, не говоря уж об их ментальности, характерах и образах поведения, как и тех же внезапных воодушевлениях и, наоборот, необъяснимых помрачениях, непременно людей и их массы охватывающих; производя и само бытие-историю с его то ли промыслительными, то ли само собой свершающимися, то ли одновременно теми и другими итогами — пока вроде бы промежуточными; реализуя также великий гуманитарный мирозданческий проект под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК» — вплоть до какого-то его завершения: то ли внезапного закрытия сего трансцендентного в основе и в главном проекта, то ли самоотрицания главного действующего лица большой экзистенциальной драмы — человека, то ли промыслительного само- и не само-превращения человека во что-то *иное*.

Да, ныне-то уж явно есть, над чем задуматься думающему человеку, не говоря уже о каком-нибудь забытом чуде-метафизике, — *есть!*

А теперь самое сокровенное для нашего кодовского, кладовского и в меру колдовского произведения: думать-то думать, да вот *как* — чтоб по *метафизическому*?

Сказано, что сделать из убеждённого во всём своём физика во всём сомневающегося метафизика нельзя, что метафизиком надо непременно сделаться, для чего надо

много знать, включая и всё неизвестное; обнимать вообразительно, вполне и сингулярно, всё возможное и невозможное сразу, включая и самого себя со всем своим сознанием и всем своим бессознанием, умом и безумием, знанием и незнанием; вживаться во всё происходящее, думать вместе с ним, страдать, переживать, ничего поспешно не решая, а, терпеливо выжидая, ловить сходу разрешения — откровенчески; находиться всем духовно-ментальным существом своим в потоке бытия-истории, зная факты, но зная и то, что не факты есть истинная реальность, а метафизическая «обнажёнка», то бишь некое междуфактье, подфактье, надфактье; сознавать хорошо, что ничего вполне отразить рассудочно и выразить словами нельзя, что понимание всего вокруг происходящего где-то за пределами рассудка и точных слов, что оно — это понимание — всё в ничто и из ничто, отчего и невозможность не то что быть широко и глубоко понятым, иметь массовую аудиторию, но даже и занять персональных воспринимателей, ещё и из числа реальных властителей; ясно видеть непоколебимую возможность обрести фронтальное со стороны «мира» себя неприятие и «немировую» духовно-ментальную одинокость.

Так или иначе действительный метафизик сливается всем своим одиноким существом с не менее одиноким существом Бытия-Истории, с существом той же и тоже одинокой гуманитарной Вселенной, и, не пытаясь разгадать их сакраментальную тайну, вливается в их реальное течение, чувствуя каким-то седьмым чувством всё там происходящее, вовсе не совпадающее с поверхностной фактической явленностью, а всего лишь восходящее, как и нисходящее, к внутриреальной *метасмыслологии*, что позволяет, сосредото-

точившись на единой сингулярной точке, видеть сразу всё в пространстве и во времени, ничего при этом конкретного не различая: здесь и там, в настоящем, прошлом и будущем, разумеется, всё это в допустимых для смертного обозревателя софийных пределах.

Метафизика — вовсе не вера, не колдовство и уж, тем более, не камлание, как может кому-то показаться, а многим из тех же ученых и им подобных философов очень удобно так именно и «казать», нет, это не вера, как верой легко становится та же наука за пределами искомой и находимой ею точности, в особенности, гуманитарная наука — эта чуть ли не сплошная вера в своих прежде всего мировоззренческих основаниях, — так вот: метафизика — не вера, а *видение* с кое-каким *ведением*, пусть и в чём-то неправильных, ошибочных, неверных, но... нет, не истина вовсе, как удаётся утверждать претенциозной науке и безоговорочным религиям, а всего лишь источник более *адекватных* относительно таинственной Вселенной, более реалистичных, а в чём-то и более для человека значимых, суждений.

Желать стать метафизиком или нет, решается самим вольным размыслителем, стать метафизиком реально или не стать решается уже не очень-то вольной судьбою, питаемой и ведомой Софией Премудростью Божией, — путь к метафизике ни для кого априори не заказан: наш приворотный ключ совершил, надеюсь, свой последний — третий, наверное — оборот, мистические ворота в метафизическое царство приоткрылись: так входи, мыслитель, авось достигнет и тебя страдная удача, но помни, что метафизика, как и сама Премудрость Божия есть не что иное, как *Страх Божий!*

ЧТО ЕСТЬ МЕТАФИЗИКА, ИЛИ МЕТАФИЗИКА КАК ЕСТЬ

(беседа метафизика с корреспондентом
научно-познавательного канала TV)

К: Я познакомился с вашей претенциозной рукописью «Метафизика. Код доступа»...

М: И вряд ли что поняли, надо полагать... не захотели.

К: Э... э... почти не понял... мало что понял... во всяком случае не понял главного: ни что такое метафизика, ни каков же ключ к ней доступа.

М: Понимаю. *(Пауза)* Значит, не дадено! Вы же научник, а мир вокруг, включая и самого человека, по большей части не научный, он за пределами науки, причём как раз в том, что можно назвать, ставя в кавычки, «душой» мира, его «сознанием», даже и «разумом», ибо мир, или мироздание, этакий большой, вполне и безразмерный, «мозг», лишь частично для человека видимый и чувствуемый, а в остальном, как раз в главном, невидимый и не чувствуемый, так сказать — «пустой», но лишь для человека пустой... кажущийся ему пустым.

К: Этакий, выражаясь по-вашему, метамир.

М: Можно и так... *(пауза)*... да, невидимый и нечувствуемый, но... всё-таки угадываемый человеком и им так или иначе признаваемый.

К: Как раз метафизиками...

М: Не только, всеми в общем-то людьми, которые в повседневной жизни вроде бы хорошо знают, что завтра с ними

будет, что должно быть, но ведь они столь же хорошо знают, что завтра с ними может случиться и что-то совсем другое, им вовсе и не известное, а может и самый настоящий конец с ними случиться... Аннушка всегда ведь проливает масло там, где и когда не надо, а может, как раз и надо, не так ли?

К: Выходит, метафизика — неизвестность?

М: Нет, не только, скорее, это известная неизвестность.

К: Так это же парадокс, оксюморон какой-то!

М: А что в мире и в нас, скажите, не парадокс, не оксюморон, а-а?

К: Тогда и сама метафизика... э-э ...

М: Разумеется! И в этом её сила! Она, в отличие от науки, всего этого не боится, этого не скрывает и от этого никак не скрывается. Кстати, что в науке, в особенности гуманитарной, не оксюморон? А ежели наука и парадокс, то никак не животворный. Наука ведь так и не ответила строго по-своему, то бишь по-научному, ни на один большой смысловой вопрос, включая и вопрос о самой себе: «Что есть на самом деле наука?»

К: Ну и что же, однако вокруг нас мир, созданный наукой, благодаря науке... не так ли?

М: Так, но вполне-то адекватно наукой так и не объяснённый, это во-первых, а во-вторых — с никак не ведомым науке, но ею старательно приближаемым эсхатологическим концом — разве не так?

К: И вы надеетесь с помощью вашей «известной неизвестности» объяснить мир и предотвратить его конец?

М: Нет, конечно, не надеюсь, хотя и надеюсь не быть по жизни таким учёным дурачком... вроде деревенского.

К: Гм...! Ну хорошо, вы всё-таки мне ответьте, что такое метафизика и как в неё войти?

М: Оперирование — мыслительное и практическое — с неизвестностью, это да, но при этом и как с мыслящей и действующей реальностью, разумеется, ирреальной в силу своей невидимости и нечувствуемости человеком.

К: То есть... тут ваши «ход человека», «ход вещей», «ход неизвестности», так?

М: Примерно! Разве, совершая покупки и делая выбор из продуктов в магазине, то бишь делая там свои разумные-де ходы, вы обходитесь без «хода вещей» и «хода неизвестности», а-а? А что уж говорить о всей вашей экзистенции в целом, об экзистенции страны, мира, всего мироздания?

К: Ладно, согласен, но разве наука этому противоречит?

М: Попробуйте с недельку пожить по науке, тогда, может, поймёте, что всякая экзистенция в основе и в главном, уж извините за словечко, прёт не по науке.

К: А философия, психология, этика, этология... э-э... это же науки!

М: Во-первых, не совсем, если совсем не, а во-вторых, вы и впрямь что ли думаете, что живёте согласно философии, психологии, сексологии, патологии, чему там ещё...?

К: Ну тогда и не согласно метафизике!

М: Как раз в полном с ней согласии, милостивый государь, в полном! Как в полном согласии с метафизикой, а не наукой, творится всё бытие, вся история, вся экзистенция. Да, да! Я вовсе не шучу, это действительно так!

К: Допустим! Что же такое тогда метафизика, дайте хоть какое-нибудь определение, дефиницию, чтобы можно было хотя бы как-то уяснить, что это за зверь такой...!

М: В том-то и дело, что метафизика чужда всяким определениям, она сама себе определение — метафизика, и всё! *(Пауза)* Этого вполне достаточно, уверяю вас! Не прочитать и усвоить для какого-нибудь экзамена какое-то там определение, даже не что-то по указке осмыслить, а всего лишь вдруг открыть, ухватить, воспринять, понять... э-э... не умом даже, а... э-э... задумьем.

К: Метафизика... э-э... заумь?

М: Не в ходячем же понимании! Метафизика — работа всего сознания вместе со всем бессознанием, причём в единении со всеми вселенскими их адекватными.

К: Ничего себе! Но как это всё-таки разумно признать и как, если уж захочется или потребуется, стать метафизиком?

М: Никак! Либо дадено, либо нет, а метафизиком стать нельзя, им можно лишь внезапно и...э-э... недоумённо... стать. Понимаете — именно стать, а никак не стать!

К: Как бы само собой?

М: Как бы так! Любой метафизик — сам собою и сам себе метафизик. Вот тут какая получается сама собой и сама себе метафизическая загогулина!

К: Но ведь и большие учёные что-то вроде того, не так ли?

М: Так ведь они же все стихийные метафизики, хотя по большей части некие параметафизики, или квазиметафизики, это уж как кому нравится, точнее, не нравится.

К: И если прибегнуть к примерам практической метафизики, есть ли они?

М: Сколько угодно! *(Пауза)* Вот та же экономика, её никак не понять, пока не признать, что она «сама-себе-экономика», как, собственно, и любая вообще вещь. Та же

революция — «сама-себе-революция», как и война — «сама-себе-война».

К: И пресловутая перестройка — «сама-себе-перестройка»?

М: И перестройка, и знаменитая мюнхенская речь российского лидера, и возвращение Крыма, и российское деяние в Сирии, — в общем — всё!

К: И господин Трамп тоже, и товарищ Сталин, и... э-э... любой другой исторический персонаж, включая и...

М: Да, включая и его, и других тоже, как, собственно, вообще любого человека, который всегда «сам-себе», при том что и «сам-не-сам», со своей, знаете ли, экзистенциальной матрицей, причём более личностно врождённой, чем разумно-де благоприобретённой. *(Пауза)* А что касается «великих», то они, как уже исторические феномены, тоже «сами» и «не сами», а в итоге каждый выходит «самим-себе-феноменом», что вовсе не значит, что вольным, вполне себя и всё вокруг определяющим, мало-де от чего зависимым, совсем нет — тут уж как метафизис распорядится, включая и неизвестность, да и физис тоже. *(Пауза)* «Сáмо» тут не так от самой по себе персоны, как от присущего ей персонального... э-э... эгрегора, а последний вроде плазменного облака, насыщенного всякой внутренней и извнеинформацией, на сей необыкновенный феномен при этом и работающей. *(Пауза)* Всякая вещь от Бога, а потому и «сама-себе-вещь», а уж человек-то, да ещё и «великий», это уж безусловный «сам-себе-не-в-себе-феномен»!

К: Фатализм какой-то!

М: Почему нет, есть тут и кое-какой фатализм, правда, не тот, не фатальный, не от полной предопределённости, хотя и как тут обойтись без толики неизбежности, а более всего

от влияния на всё происходящее того, что обычно именуется трансцендентным, но не просто непознаваемым, а... э-э... необходимо независимым, а потому и непознаваемым, хотя и не абсолютно — иначе ведь ничего вообще быть не может.

К: Как это?

М: Чтобы что-нибудь случилось, оно должно либо стать само по себе, либо под влиянием чего-то другого... э-э... самостоятельного, причём будучи непременно погруженным в неопределённую неизвестность и из неё непременно вышедшим, став для человека известным и самосыдентифицированным. Мало того, продолжать нести на себе груз, или печаль, этого неопределённо неизвестного. *(Пауза)* Это касается всего: от безвоздушной мысли до любой упругой твёрди. Иначе нет производства всего существующего и происходящего, всего экзистенцирующего. Нет производства, изведения, ведёния. *(Пауза)* Прямо из ничего!

К: Из какого-такого... ничего?

М: Из Ничто, прямо с большой буквы Ничто, как раз того самого Ничто, откуда всё на свете и есть.

К: Странно! Вообще странна́ ваша метафизика, какой-то сплошной миф.

М: А что не миф вокруг нас, сударь, что? Вы думаете, что вы-то сами не миф? Ошибаетесь, очень даже миф! *(Пауза)* Но мы сейчас не о мифах, а о реальности, которая хотя и миф, но всё-таки для нас с вами и кое-какая действительная реальность. *(Пауза)* Так вот: без привлечения трансцендентного начала нам вообще ничего не понять в реальности, ибо она погружена не просто в ирреальность, а в самое настоящее Ничто, — как раз то самое Ничто, которое с

большой буквы. Там, в Ничто, создается информационно-проективно ирреальный образ всего реального, из Ничто он исходит, то бишь изводится, а уж потом воплощается в реалиях.

К: Следственно, Ничто — кухня, цех, фабрика?

М: Да, но, конечно же, вместе с Нечто, которое тоже с большой буквы. (*Пауза*) Вы можете представить делание чего-то, не говоря уже выделавании чего-то нового, без той или иной свободы, а соответственно — без присутствия... э-э... нашего пресловутого ничто, пусть и с маленькой буквы?

К: Пожалуй... нет, — нет, не могу... разумеется.

М: И я не могу. А как по-вашему сотворить весь этот движущийся, изменяющийся, живой мир, не прибегая к свободе, уже и абсолютной, а-а?

К: Да-а, Господь Творец свободен!

М: Вот именно! А как, сударь, что-нибудь сотворить вне какой-либо кухни, какого-нибудь цеха, какой-нибудь фабрики или ещё чего-нибудь подобного вроде того же НИИ, КБ, той же лаборатории, в общем — некой, уж извините, работающей преисподней... да-да, не удивляйтесь, именно преисподней, как раз того самого феномена, который мы обычно называем походя и умильно производством?

К: И что, производство нашего мира именно... там... в преисподней?

М: А где ж ему — нашему-то миру, перво-наперво быть, как не в про-извод-ительном закулисье: там, прежде всего, а потом и здесь, уже в явленности, в единении со всей наличной реальностью? Весь наш замысловатый и до конца не познаваемый человеком мир, да и не долженствующий быть

человеком познанным — та ещё преисподняя! Весь цимес нашего мира не в нём самом, а в том, что стоит за ним, или под ним, или над ним, что как раз скрывается за спасительным словцом «трансцендентность».

К: Да-а, весело... что ж, пусть и так, но тогда что же остаётся людям?

М: Знать это всё и это всё по возможности учитывать, что-то вытворяя и чем-то управляя, хотя бы понимать при этом, что же всё-таки вытворяется, причём во многом и не по свободной воле человека, это во-первых, а во-вторых, знать и учитывать, что в итоге получается вовсе не то, что исходно вытворяется. (*Пауза*) Аналогично и с управлением: понимать, где собою и от тебя управление, где управление тобой, не исключая и ... оттуда — из ничего, из преисподней, где разное самоуправление, а где и попросту неуправление, так сказать, некая самостихия.

К: И что же у нас тогда получается?

М: А то, что в хаосе всё лежит и из хаоса вылезает, что без хаоса — никуда, но и в полном хаосе — кердык, а выход — в мудрости, которая не есть знание как таковое, хотя без большого разнообразного знания, включая и научное, и религиозное, и обыденное, мудрость никак не обходится, а открывающий возможность кое-какого иного знания контакт с Великой Неизвестностью, с Софией, с Богом — откровенческий контакт, позволяющий как-то «увидеть» невидимое, хотя лишь какой-то долею, и как-то постичь сокрытое, хотя тоже не всё, но что-то такое всё-таки познать и более-менее ориентироваться в не на шутку запутаном мире, вовсю объятном Ничто, допускать наличие хаоса, в него с головой не окунаясь, выходя ментально из хаоса и так же ментально

принимая всё из него происходящее, будучи если уж не победителем, то хотя бы не побеждённым. Вот так!

К: Согласен... пожалуй, на такую вот мудрость, которая и в самом деле трансцендентна, хотя и как-то постигаема, без которой и в самом деле никуда. Но как же её заполучить — такую вот мудрость?

М: Никак! *(Пауза)* Её можно только открыть, да и то ежели вдруг представится сия возможность. Надо много знать, много размышлять, много над собой работать, ни на миг не расставаясь с текущим бытием, находясь в гуще жизни, лишь, по возможности, абстрагируясь от вездесущей суеты. А там уж, как Бог даст! *(Пауза)* Не ты ведь привлекаешь к себе Софию, это Она к тебе нисходит, если это Ей, а не тебе, надо, но ты должен к Софии упорно идти, об этом не слишком думая и оказаться ни с того, ни с сего достойным её выбора — без всякого на то намеренного стремления.

К: Выходит, что это удел как-то вдруг избранных?

М: Наверно... но не просто удел, а и тяжкое бремя. *(Пауза)* И более всего от одиночества, от непонимания, от невозможности что-либо донести до людей. *(Пауза)* Люди, правда, в таковой мудрости не сильно-то и нуждаются, они не могут в массе своей, даже и хорошо образованной, её воспринять и ей следовать, как и в той же правде они не сильно нуждаются, которой попросту страшатся.

К: Да-а, возможно и так... тогда что же?..

М: А как идёт, так и будет идти, и пусть идёт — само собой... вполне себе и трансцендентно: человек ведь существо в крайности своей хоть и наглое, но... обречённое!

К: Как! На что же?

М: Хотя бы на завершение проекта «Человек». *(Пауза)* Не смотрите на меня удивлённо: именно так — проекта «Человек», который когда-то и где-то возник за пределами природы... э-э... «по подобию»... правда, с подобием, запущенным в природную среду — материальную, биологическую, зоологическую, — так вот этот проект непременно завершится — как раз уже в неприроде.

К: Чем же, если не секрет?

М: Какой уж тут секрет: полным, знаете ли, фиаско... либо полным исчезновением, да и пожалуй что, вместе со значительной частью природы, либо трансгрессией в какое-то иное — уже и постчеловеческое — существо, наверно, и не по подобию, а так... вместо подобия.

К: Нейрокиберпроцесс, искусственный интеллект, цифровизация, — так?

М: Так... но и не так: всякое тут возможно!

К: Армагеддон?

М: И Армагеддон тоже.

К: А если постчеловек, то что это будет за существо?

М: Вполне поначалу, наверно, внешне и человекообразное, а затем... э-э... какое-то оборотообразное...

К: Как в Голливуде?

М: Примерно... хотя, пожалуй, и что-то совсем другое может случиться — провальное, надо полагать.

К: Провальное!? В каком смысле?

М: От большой неудачи Господа Бога Творца.

К: Тогда-то и будет Страшный суд?

М: Может, его-то и не потребуется. Суицид — самый надёжный судья для зарвавшегося, а может, и отчаявшегося, человека!

К: А возможно ли всё-таки избежать всего этого?

М: Ха! Кого это вы хотите направить на правильный путь, да и каков он — этот правильный путь? *(Пауза)* Сам Христос не смог направить, да и пути, собственно, не смог указать.

К: Путь той же любви... разве нет?

М: Это с эксплуатацией-то человека человеком, войнами, казнями и научно-техническим рвением — как раз на пути от природы к неприроде?

К: Э-э!..

М: Нет уж, пройти придётся до конца — может, и буквального! Впрочем, ещё не вечер, во всяком случае, не ночь, хоть и кое-какие сумерки уже в ходу. Человечество ещё побудет на Земле, превращаясь неустанно в постчеловечество, а уж потом — нет, не как Бог даст, а как у постчеловечества получится. *(Пауза)* Боюсь, что человеке уже перехватил инициативу у Господа.

К: Тогда, исходя из вашего метафизического подхода, постчеловеческий проект — чисто человеческий, уже не Божеский?

М: Возможно, и так. *(Пауза)* Меня, знаете ли, весьма задевает то, что вытворяет сегодня человек, органично техпологизируясь по нейрокиберварианту: то ли тут исполнение всё ещё Божеского проекта (Каин и т. д.) или же реализация собственно уже человеческого (как раз Каинского) замысла — в меру и «самого-себе-проекта», то бишь вышедшего из-под контроля даже и самого человека-творца?

К: Да-а, интересно... что же это?

М: Вот потому у меня и софиасофия, когда предвечная мудрость, знаете ли, впереди, а это как раз софийная мудрость, а уж человеческая лишь за ней следом.

Пауза

М: Заметьте, молодой человек, мудрость человеческая почти уже утрачена человеком, во всяком случае, человеком европейского культурного кода, и утрачена по вине удачливой науки и ловкой научной философии, точнее, псевдофилософии, изгнавших из культурного пространства не только теологическую, но и светскую метафизику, где ещё теплилась кое-какая мудрость. Вот почему у меня сейчас не философия даже, а именно софиасофия — как попытка напитать сознание человеческое метачеловеческой мудростью — как раз софийной!

К: И что это даёт?

М: Ничего не даёт: человек прогрессивный выполнит-таки своё каиново предназначение!

К: И для России тоже ничего не даёт?

М: Если что-то даёт, то разве лишь для навской России, которая всё ещё в Нави, в темнице, но при этом и в резерве — как спрятанное Бытием-Историей сокровище — до лучших, как раз и последних, времён.

К: Поэтому-то и явилась софиасофия — эта мудрость последнего времени?

М: И, возможно, конечного.

Пауза

М: Алчность губит сегодня Россию, вполне себе, кстати, и метафизическая.

К: Этакая «сама-себе-алчность»!

М: Именно, именно! Однако, не всё потеряно. Россия — не от мира сего, так что её экзистенциальные ресурсы не просто велики, но и никакому толку не известны, они прямо там и оттуда — в Великом Неизвестном и из Великого Неизвестного.

К: Вы в этом уверены?

М: А во что мне ещё верить, как не в Россию, причём как раз навскую, можно сказать, и глубину?

К: Во Христа хотя бы?

М: А сама Россия по-вашему — не Христос, трижды распятый?

К: Как это?

М: И трижды воскресший!

К: Но всё-таки?

М: О-о, не знаем мы России, не знаем, не видим её органичной связи с Иномирьем, не понимаем, что не для обычного благополучия и счастья земного она, а для какой-то великой, вполне и страдательной, миссии, пожалуй что, и вселенской.

К: У-ух!

М: Вот вам и «ух»! Не просто тут всё: во Христа верим, а ничего ни в Христе, ни в Евангелии, ни в Библии, ни в Иоанновом «Откровении» не понимаем. Вот и в феномене России ничего не понимаем, а тут — в России — и заваривается нынче вся общечеловеческая заварушка: быть или не быть, а ежели кому-то и быть, то кем, чем и как?!

К: Отчего же так, отчего война Запада с Россией: из-за пространства, ресурсов, из-за чего?

М: Всё это так, конечно, но это не главное, а главное тут в том, что в России и из России может явиться даже не аль-

тернатива уже стремительно разлагающемуся Западу, а что-то совсем уж для него страшное — почти что и могильное, никому, разумеется, пока не ведомое.

К: Это почему же из России?

М: Из-за системного несовершенства России, её потенции на неожиданную экзистенциальную импровизацию под влиянием своей мистической связи с Иномирьем, как и с мировой, если хотите, Преисподней, хотя при этом и Занебесьем тоже, ну и по причине той же мобилизационной способности России вкупе с необъяснимой её массовой жертвенностью. (*Пауза*). Ещё и из-за многовекового пленения России, её вынужденного несамосохранения. Вот так!

К: Ну и метафизика у вас!

М: Созидательное безумие Запада (Европы, США) уже обернулось для Запада безумием саморазрушительным, суицидным, а вот российское безумие ещё только набирает свою судьбоносную для мира силу, всё более забираясь в тёмные глубины Неизвестности в поиске там нового для мира человеческого сингуляра. (*Пауза*) А мистика тут в том, что у Запада или под Западом, разверзывается воронковая «чёрная дыра», а у России, перед или над ней, завихривается смерчем какое-то иное бытие, его неведомый образ, чего полудохлый Запад, бессознательно это чуя, допустить добровольно никак не может.

Пауза

М: Вижу, сударь, ваше недоумение и вполне это понимаю. Да, я не могу ничего воочию вам показать и убедительно доказать, ибо тут работают глубинные, как и возвышенные, не подлежащие хирургической препарации и целостному аргументированию смысловые токи, вполне по-своему

энерго-информационные, о которых ничего явного и понятного профаническому сознанию не предъявить, но зато которые может почувствовать метафизическое сознание — не так при этом даже метафизика сознания, как, не удивляйтесь... э-э... сознание самой метафизики.

К: Вы как медиум какой-то, право!

М: Только ни в какой заведомый транс не впадающий, ничего от собеседника не требующий, на него никак тайно не влияющий, его не зомбирующий, за собой не зовущий, никуда его не ведущий. Я не колдун, даже не монашествующий прозорливец, вообще никакой не магик. *(Пауза)* Метафизика — совсем не магизм! Она ведь и весьма концептуальна, хотя и по-своему, не так, как наука и та же научная философия, которая, впрочем, не наука и не философия, а так — высокий, не мало и игровой, интеллектуализм. Что касается метафизики, то её концептуальность не так от гнозиса, как у тех же интеллектуалов, как от онтоса, она более всего от концептуальности самой реальности, включая и ирреальность. *(Пауза)* Метафизик не выдумывает какого-то своего концепта для реальности, а более всего погружается в концепт, или в концепты, вокруг реально и ирреально происходящего, обеспечивая для себя концептуальное видение и понимание этого вокруг дящегося.

К: А наука разве не так поступает?

М: Наука, во-первых, рациональна и логична, а реальность, особенно гуманитарная, куда как иррациональнее и алогичнее, чем кажется науке, она, согласно софиасофии, метарациональна и металогична; во-вторых, наука занята более всего поверхностной фактологией; в-третьих, она претендует на точность отображения и моделирования видимой и

учитываемой ею реальности. В этом её сила, но тут же и источник её слабости — по причине своей гносеологической заданности, а потому и познавательной ограниченности. Наука не видит и не хочет видеть невидимого, ирреального, потустороннего, всего того, где всё для нами видимой и фиксируемой реальности и решается.

К: Не видит... э-э... той же преисподней?

М: Можно сказать и так. *(Пауза)* Хотя наука и сама немалая преисподняя. *(Пауза)* Не признаёт наука и присутствия иномирья в этом мире, причём вполне определяющего присутствия. Факты — это хорошо, и в определённых пределах ими можно вполне довольствоваться, успешно переделывая реальность. Но факты зависят в целом не так от фактической стороны бытия, как от, заметьте это, нефактической стороны, то бишь сущностной, смысловой, концептуальной стороны, а лучше бы сказать, сферы. *(Пауза)* Фактология — это экзотерика, внешний анализ внешнего, чем и занимается по преимуществу наука, априорно игнорируя эзотерику, направленную вовнутрь, в иное, чему как раз и предана всей душой метафизика, вовсе при этом не игнорирующая экзотерики.

К: Выходит, что метафизика даёт более целостное представление о реальности, чем наука?

М: Выходит, что так, именно так!

Пауза

М: Но вернёмся к России. Факты о России — одно, а вот её смысловая данность — во многом или совсем другое. Я, как метафизик, настаиваю на том, что мы не знаем ни действительной России, ни действительной её истории-судьбы, ни её действительного земно-космического предназначения.

К: Но ведь и не можем знать!

М: Да, не можем, но хотя бы могли бы себе зарубить на носу, что она — Россия — совсем другая, вовсе не такая, какой она нам кажется, и уж, тем более, какой представляется гуманитарной науке, не говоря уж о русофобах, которые, кстати, понося Россию и русских, что-то этакое из ряда вон выходящее в России и в русских всё-таки чувят — очень для них тревожное.

К: Наверное, это относится ко всему гуманитарному миру, не так ли?

М: Верно — ко всему! Гуманитарное бытие-история заметно, даже и в решающей степени, другое, не такое, каким оно представлено тем же научным, то бишь университетским, мировоззрением, а что касается смысловых глубин происходившего и происходящего в гуманитарном мире, то тут, как говорится, «конь не валялся», — тут уж сплошная тайна, лишь едва метафизикой приоткрываемая.

К: Интересно!

М: Всё гуманитарное знание подлежит мало что пересмотру, а полному переосмыслению, ежели на то, конечно, пребудет воля Божия, да и время станется.

К: Но ведь это всё равно невозможно!

М: В массе людской, конечно, нет, а вот в исключительных — очень редких и к тому же избранных свыше — головах, вполне возможно, да и то ежели бдительное человечество их — эти уникальные головы — заботливо не снесёт с перепугу с плеч долой. Что же касается крупных гуманитарных перемен по такому вот вектору, то мы вряд ли их дождёмся — человечеству суждено ещё побрести в мифотворческих потёмках, излучаемых на него точной наукой и

совершеннейшей нейрокибертехномикой. Тут уж ничего не поделаться: только вперед! (*Пауза*). Тот же XXII век в общем-то мне не кажется возможным, всё, видно, решится в веке XXI-ом.

К: Ничего себе! Да-а, но, может, так всё и надо, а ваш «Код доступа» пусть так и останется «Кодом недоступа», а-а?

М: Да-а, лукавито говорите, сударь, но верно... что тут сказать: пусть будет так, как будет!

К: Спасибо, профессор, за очень интересный, интригующий разговор!

М: Да ладно! Всё равно ведь ни с чем не согласны, да ничего толком и не поняли.

К: Ну-у... кое-что... всё-таки уразумел.

М: Ладно, ладно, вы счастливый человек, как и все вокруг: неведение — залог истинного счастья посреди разогревающей преисподней, особенно российской. Чему быть, того не миновать! Да будет!

ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА, ИЛИ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Метафизис — то, что есть, но при этом и не есть, чего нет, но что всё-таки есть, что (не)кажется, что ставит вопросы на них и (не) отвечая.

Метафизика — словенная весть от неизвестного о самом себе, своей (не)реальности, своей (не)кажимости.

Метафизический концептуализм — беспредельное суждение о неизвестном, его скрытом течении и потаённой работе, даруемое им метафизике по вектору трансцендентной метасмысловости.

Концептуальный мониторинг реальности — суждение о реальности, её движении и текущих разрешениях на основе и в рамках суждения реальности о самой себе в приближении к своей собственной трансцендентной концептуальности.

I

ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ СЕГОДНЯ: ОТ НЕВОЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КВАЗИМЕТАФИЗИКИ К ВОЛЬНОЙ ПОСТНАУЧНОЙ МЕТАФИЗИКЕ*

XVIII — XIX вв. — время триумфа науки вообще и в немалой степени науки гуманитарной, что то же самое — физики вообще, ибо вся естественная наука по сути своей физика, обращенная к видимому, ощущаемому, вещественному, материальному миру — *физису*, как и время резкого подъема гуманитарной науки, читай — *гуманитарной физики*, обращенной, как ей все еще до сей поры остаточно кажется, к хомо-социальному физису, а на самом-то деле не к физису вовсе, а к... *метафизису*, которым как раз и полнится гуманитарная — духовная, сознаниевая, когнитивная, психейная — сфера, в которой нет и не может быть ничего видимого, ощущаемого, вещественного, материально-го, то бишь нет и не может быть никакого физиса.

Странно все это выглядит для человека познающего и вроде бы что-то весьма уже знающего, но... факт!

А все это по причине и вследствие волевого переноса восторженным от успехов естественной, да еще и во многом весьма точной, науки европейским ученым сообществом физического, гносеологического концепта на собственно гуманитарный гнозис, что и породило незамедлительно так называемую *гуманитарную науку*, нарочито вытеснившую из гуманитарного ученого обихода действительную философию — как раз метафизическую, обеспечив взамен радикальное онаучивание философии, ее превращение в невозможную для нее как собственно философии неметафизическую — научную-де, философию, а фактически — в псевдофилософию.

Осудить и отринуть на словах метафизику, может, тогда и смогло, да вот избавиться от нее насовсем и на деле все-таки не смогло, ибо гуманитарной науке так и не удалось выдать на гора точного, незыблемого, однозначного, инвариантного, то бишь сугубо научного, физического, позитивного знания, но зато пришлось вынужденно подпольно, закулисно, если не воровски, пользоваться не чем иным, как... *метафизическим гнозисом*, однако... искаженным, уродливым,

*Опубликовано. Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 11—21.

дурным, выдавая свою отрицательную по сути метафизику за позитивную-де физику — гуманитарную физику.

На рубеже XIX — XX вв. уже стало ясно, пусть и для некоторого числа ученых прозорливцев, что сугубо научный подход к гуманитарному объекту не просто самому объекту радикально противоречит, не просто для него не годится, а и весьма ему враждебен: объект-то был и остается по своей природе не физическим, а метафизическим, следовательно, и не научным, а потому и основательно науке противостоящим.

Гуманитарная наука пыталась выдать свой псевдонаучный гнозис за вполне концептуально адекватный гуманитарному онтосу, выписывая налево и направо рецепты «рационального» управления реальным онтосом, как и его конструктивной-де переделки, не пренебрегая в связи с этим ни познавательным насилием над реальностью, ни концептуальными натяжками, ни правдоподобной ложью, охотно оправдывая лукавые реформы, разорительные революции, братоубийственные войны, бесцеремонные колониальные захваты, хищные империализмы.

Завороженные познавательно-переделочно-творцовскими успехами физической науки вкуче с родственной ей технической инженерией (технологикой), ученые-гуманитарии даже не ставили вопроса не то что о соответствии своего научного-де гнозиса гуманитарному онтосу, благодушно принимая свой надуманный гнозис за реальный онтос, а, что гораздо важнее и страшнее, не задумывались вовсе над реальной ролью его мифоподобного отрицательного гнозиса в человеческом жизнеотправлении и уж тем более над такой замечательной «вещью», как онтологическая ответственность гуманитарной науки перед бытием, историей, человеком, его текущим настоящим и возможным будущим.

Отечественные прозорливцы рубежа XIX — XX вв. нашли в себе силы решительно отпрянуть от научно-гуманитарного гнозиса, однако двинулись они при этом не так вперед, как назад — к бывшей ранее философской и религиозной метафизике, что было совсем на первых порах и не плохо, но при этом не то что недостаточно, а в решающей мере и контрпродуктивно. Да, они обратились к той же Софии Премудрости Божией, что было великим подвижническим деянием-достижением русских мыслителей, но, связав свою мысль с христианской догматикой, не смогли придать принятой ими софиологии необходимой концептуальной свободы и воззренческой самодостаточности.

XX в. — век неявного противоборства в гуманитарном гнозисе научного и метанаучного подходов к гуманитарному онтосу, пошагово-

го осознания, что сей онто́с не просто выходит за рамки физического, а по сути своей является вовсе не физическим. Что физического в таких феноменах бытия, как сознание, разум, мысль, смысл, знание, память, слово, язык, цифра, отношения, творчество, познание, образ, фантазия, что там еще, относящееся к собственно гуманитарной, хотя фактически и не только к гуманитарной, сфере — что? Ответаем: *ничего!*

В том-то все и дело, что человек — как именно *человек!* — совершенно не физичен, а насквозь метафизичен: духовен, эфирен, идеален, потусторонен, инороден. Разве природа могла произвести *такое* вот существо — в главном содержании свое и совершенно неприродное, природе вовсе не адекватное, ей всюю противостоящее, ей даже враждебное, а-а? Нет, не могла, даже если б вдруг своим материальным чревом того и захотела (не смешно ли?)!

Нравится это кому-либо или нет, но все еще думающий все-еще-человек начала XXI в. не может не замечать вполне уже бездного отрыва гуманитарной науки от реального гуманитарного онто́са и не обращаться за выручкой к действительной метафизике, причем не просто уже *постнаучной*, но и непременно *софийной*, освещаемой высшей, первичной, потусторонней мудростью — Премудростью Божией, причем при непосредственном контактировании все-еще-думающего все-еще-человека с Софией — вне каких-либо догматических установок и уже существующих ментальных конструкций. Отсюда не одна лишь постнаучность новейшей метафизики, но и в известной мере и постфилософичность, и даже пострелигиозность, не говоря о постэзотеричности.

Почему так? А вследствие всего пережитого в славном своими великими рывками, потрясениями и провалами XX в. — веке триумфа человеческой — научно-технической — демиургии и зеркального ей человеческого — научно-гуманитарного — мировоззрения, хотя и триумфа крайне неоднозначного, если не попросту... нет, пожалуй, еще не пиррова разряда... но почему же и уже не пиррова? В общем — очень уж противоречивого триумфа, за которым маячит и вполне себе непротиворечивая острая досада, если не жуткий страх — вполне уже и апокалиптический!

А ведь успех сей вековечный был обязан антифилософской и антирелигиозной антропокультураной революции — сплошь *профизической* и сплошь *контрметафизической*, а потому и, знаете ли, весьма профанический. Теперь на пороге не так археометафизическая контрреволюция, как *неометафизическая антиреволюция*, устремленная не

назад, а вперед — к новому мироустроению, возможно, уже и постапокалиптическому, хотя скорее — неоапокалиптическому... пока!

Приверженцы гуманитарной науки как именно науки — физической науки — вполне резонно возразят, что бытующая гуманитарная наука располагает добытыми, установленными и нарисованными ею фактами, фиксациями и картинками, вообще всякими онтологическими данными, пусть и не материальными, но вполне себе достоверными, на коих можно гносеологически основываться и с коими можно онтологически оперировать. А мы и не собираемся ничего подобного отвергать. У науки есть своя зона реалистичности, как и, надо полагать, реальной ответственности. Суть наших «нападков» на науку не в этом вовсе, а кое в чем другом — в отсутствии целостного — по горизонтали, вертикали, диагоналям и по времени (изменчивости) — воззрения на гуманитарное мироздание, в котором не только господствует метафизис, но еще и метафизис по преимуществу сокрытый, неизвестный, незнаемый, трансцендентный, иномиренный, причем не просто с заметной, а прямо-таки фундаментальной, если не решающей, онтологической ролью — как раз той самой, которая более всего и заботит метафизику — неогуманитарную в данном случае.

Да, можно строить научно-де обоснованное гуманитарное мироздание, можно научно-де обоснованно управлять многими хомомирозданческими процессами, можно и научно-де обосновано насилловать человека и человечество, их переделывать, преобразовывать, пересотворять, но... действовать при этом все-таки в целом-то вслепую, не только не понимая самого гуманитарного феномена в виде человека и человечества, но и, что особенно жутко, не представлять себе действительной — и не надуманной — сути всего через посредство науки обоснованно-де творимого.

Пришлось-таки ученым прозорливцам открыть неизбежное: гуманитарная наука не знает вполне ни того, чем настойчиво «интересуется» и что скоропостижно меняет в реалиях, ни того, что в итоге торжествующе творит. Тогда-то прозорливцы и кинулись к отвергнутой наукой, блестяще ею опороченной и основательно уже «еврообразованцами» позабытой софийной метафизике.

Любопытен тот факт, что новая метафизика вовсе не отвергает гуманитарной науки, хотя и ее немало критикует, а еще более — преодолевает, а вот гуманитарная наука не просто не признает метафизику, ее купно отвергая, что понятно, а и вовсе... презирает, даже люто ненавидит, что, впрочем, тоже понятно: наука ведь страшится метафизику,

так или иначе науку изобличающей, а потому всячески опорочивает метафизику, объявляя ее в собственном гносеологическом отчаянии лженаукой (хотя метафизика — не наука вовсе, а всего лишь неопредельное воззрение на таинственный в основе своей онто́с, отчего и не может носить сакрализованного звания лженауки), а вот метафизика вполне терпимо относится к науке, от нее, правда, отходя подалеже в глубины и на вершины познания, ее совсем не боится — этой ведь тоже метафизики, только в основе своей примитивно отрицательной.

Движение от науки к метафизике — движение всего лишь от отрицательной метафизики (квазифизики) к положительной метафизике (постнаучной метафизике), — не более того!

Что есть человек как человек, как осознанный извне феномен земно-космического бытия с точки зрения положительной метафизики? Неизвестность, конечно, тайна; целое духо-идеальное мироздание — беспредельное и бесконечное; неотмирное, иномирное, потустороннее — откуда-то; носитель сознания, владетель слова и цифры, производитель мысли, держатель памяти, угадыватель смыслов; элемент ноосферы (мировой сферы сознания); агент иномирья; невольник природы; изъявитель своей воли, производитель неприродных деяний, субъект творчества; творец. Человеком можно управлять, весьма и успешно, но до некоторых пределов — как раз до его самоуправления и неуправления. В исходе своем природном человек — зверь, но и в итоге своем неприродном... тоже зверь. Природно-неприродный кентавр — зверо-человек. Однако зверь метафизически просвещенный, обустроенный и подавленный, то бишь очеловеченный в экстремуме своего сознания. Моральное, так сказать, животное — до неопределенных и неустойчивых пределов, за которыми животное вполне и аморальное.

Что есть в таком разе человечество как человечество — кроме того, что это всего лишь масса человек? Это, надо полагать, земно-космическая сфера известного, не очень известного и вовсе неизвестного мирового сознания (как раз то, что более всего именуется ныне *ноосферой*); мировская совокупность индивидуальных человеческих сознаний (микросознаний), но при этом и большое само-себе-сознание (мегасознание), способное как-то по-своему — таинственно, конспиративно и трансцендентно — действовать, что-то реальное порождая, что-то храня, что-то умерщвляя; некий духо-идеальный, эфирный, нефизический мегамозг вкупе с мегамыслью, мегапамятью и мегаразрешениями; общечеловеческая работающая трансценденция.

Постнаучность нынешней метафизики ни в коем случае не означает полного с ее стороны отвержения гуманитарной науки, ее немалых достижений в феноменально-фактологическом познании бытия, включая и ее скрытую часть, тем более, что кое-что из достигнутого наукой в той или иной степени смыкается и с метафизикой как таковой.

О чем тут речь?

Метафизика как таковая весьма солидаризируется со многими из выработанных наукой представлений, заключений и тех же понятий, либо принимая эти последние такими как есть, либо трактуя их как-то иначе, либо используя метафорически. Почему метафизике не использовать такие, к примеру, понятия, как энергия, сила или та же информация, как структура и система, организация и самоорганизация, как механизм, организм и тот же химизм, как эволюция и развитие, как энтропия, негэнтропия, синергия и бифуркация, аттрактор и геном, как частица, волна и кварк, сингуляр, «черная дыра», «темная материя», как тектоника, равновесие и неравновесие, хаос и хаосмос, деградация и катастрофа, как модель, проект и программа, и т. д., и т. п. Такое обращение метафизики как таковой к научному понятийному аппарату тем более оправдано, что по сути-то последний тоже ведь немало метафизичен, а иной раз и вполне.

Однако мы настаиваем на движении науки, прежде всего, гуманитарной, к метафизике, — и делаем это не из-за какого-то вкусового пристрастия к последней, а по причине ее гораздо большего соответствия гуманитарной реальности — сплошь метафизической, а потому и по преимуществу не научной.

Человечество со своими человеками, или же человек с его человечеством, не просто фундаментально метафизичны, но и бытуют они не в одной физической, а и в метафизической среде, мало того, в тесном сопряжении с онтологической неизвестностью, с неизвестным и трансцендентным, с безмолвием, с Ничто, а попросту — по-над Бездной!

Бытие человеческое не отделимо от небытия, а потому оно временно, хрупко, уязвимо, особенно в материально-физическом аспекте, хотя и в духовно-идеальном тоже. Не порядок тут вовсе, а всего лишь хаосмос, идущий от хаоса и им порождаемый, но не доходящий до космического. В контакте с бездной, если не при присутствии в ней, от хаоса и через неизвестность все по жизни и идет: рождение, бытие, смерть, зверскость, человечность, моральность, безнравственность, беды, болезни, катастрофы, борьба, войны, политика, экономика, финансы, хо-

зьяйство, история, культура, цивилизация, государство, мифология, религия, философия, та же наука, и т. д., и т. п. — *всё!*

И чтобы адекватно понимать человека и человечество, их бытие, надо учитывать и факт онтологического небытия, и факт нечеловека, и факт нечеловечества, и факт их — человека и человечества — небытия, в общем — исходить даже не из известного вроде бы человеку, его уму, метафизиса (сознание, мысль, слово, цифра, смысл и т. д.), а из метафизиса, человеку неизвестного, или же из *Великой Неизвестности!* Наука заходит на бытие как бы сверху, она его исследует, фиксирует, моделирует, а надо, не отрицая захода сверху, заходить и снизу — от неизвестности, что, собственно, и делает метафизика, в особенности постнаучная. Неприятно, быть может, но что поделывать, да и наука доказала в противоречие себе сию гносеологическую необходимость: онтос, да не тот, гнозис, да не такой, — вот и приходится обращаться к метафизике, уже как раз постнаучной, хоть наукой и весьма обильно обогащенной.

Что можно из гуманитарного бытия по-научному удовлетворительно объяснить? Вроде бы многое, но... совсем не так уж и многое, ибо все главное в гуманитарном онтосе за пределами чисто научного познания. Казалось, что хотя бы в счетно-расчетной экономике (стоимостном хозяйстве) можно многое объяснить, но... практика отвлеченного размышляющего разума подтверждает как раз обратное: хаос, стихия, неопределенность, произвол, беззаконие, зазеркалье — вот чего более всего в экономике, а вовсе не порядка, логики, законов, открытости, ясности, что как раз и говорит, что экономика вовсе не космос, не упорядоченное мироздание, не точный механизм, не хорошо скомпонованный организм, даже не устойчивая система. Выясняется, что экономика, несмотря на всю свою имманентную себе онтологическую счетно-расчетную математику — очень даже не малая тайна, висящая и порхающая прямо над стоимостной бездной, а потому уже и не просто хронически кризисная, а прямо-таки адовская.

Выходит, что любое человеческое ведение неизбежно и необходимо включает в себя не просто долю невѣдения, а в фундаментале своем прямо-таки состоит из невѣдения, от которого человеку знающему хоть и неуютно, даже и тошновато, но никак и никогда не избавиться. Оперировать сознанию знанием всяким можно и нужно, но совсем не дурно сознанию уметь оперировать и с незнанием, обращаемым в таком случае в своеобразное трансцендентное знание, а на это способна лишь реально позитивная метафизика, не только признающая незнание, но и ставящая его себе на службу.

Попытаемся кое-что этакое продемонстрировать.

Возьмем бытие. Это ведь не просто известное бытие посреди неизвестного, а известное бытие в единении с неизвестным небытием, причем в единении, когда первенство и инициатива не за бытием и известностью, а как раз за небытием и неизвестностью, что означает не только то, что само бытие весьма неизвестно и непознаваемо, но и то, что оно не более чем мимо- и мнимолетный блик посреди неизвестного (и незнаемого) небытия, мало того, его — Небытия — проект! Ничего себе, а-а?! Творящее небытие! А разве может быть иначе, разве человеку известно, что есть в реальности он — человек, что есть в реальности мир вокруг него, откуда это все, зачем, с какой целью и с какой перспективой? О-о, тут не то что табула раса, а самая настоящая дыра в дыре, не более и не менее!

Человек вроде бы творит свое бытие, а бытие разве при этом не творится само по себе, еще и незнамо как, зачем и куда, да и разве бытие не творит и самого человека? Кто и что тут на самом деле более всего творит, что-то вытворяя, а что-то вытворяя — творит?

Не так уж трудно заметить, что бытие существует вопреки небытию, причем существует, непрерывно при этом сходя в небытие — откуда оно ведь и является. Тогда что есть аттрактор бытия, что задает негэнтропию в бытии, что держит во времени это приходящее-уходящее бытие? Хороши вопросы, не правда ли? А ведь ответов-то на них нет, кроме, пожалуй... трансцендентных, то бишь и безответных: именно трансценденция (работающая трансценденция!) служит тут инициальным аттрактором, негэнтропийной мощью, удерживаемой силой. Трансценденция — и ничто другое!

Ну и что из того, скажут нам просвещенные по-университетски знатоки всего и вся? А то что надо бы человеку быть не только разумным, но и разумным, а еще лучше — благоразумным, хотя, конечно, тогда ничего и не случится из бесшабашных человеческих деяний, того же прогресса, тех же войн и революций, разных невероятных проектов и достижений, а потому... пусть все идет как идет... впрочем... не совсем... Великий Проект ведь — от Великой Неизвестности, следовательно... венец приближается, а может, уже и при дверях!

Вот та же нейрокибертехнологизация (цифрономия) — что это?

Переход вроде бы к сверхчеловеку (о суперрабах мы тут помолчим) или же к какому-то над-человеком-верху, к чему-то похожему на искусственного бога-творца? Тут ведь уже не переделка физиса, тем более лишь природного, организменного, мозгового, а преобразова-

ние... э-э... самого уже метафизиса, следственно, сознания, ноосферы, эгрегоров, с окончательным отчуждением человека уже не только от природы и самого себя, а от Бога Творца тоже.

Любопытно, не правда ли? Замена трансцендентного божественного проекта на имманентный человеческий, но... Sic!.. и постчеловеческий тоже, — как же иначе!

Отсюда и возникновение некоей концептуально-функциональной кульминации, поощряемой метафизикой и той же метафизической в основе философией хозяйства: ежели пришествие научно-обоснованного нейрокибертехнологизма вкупе с технотронной кентавризацией человека неизбежно, то, может, все-еще-человек в состоянии обеспечить приемлемое для себя и Господа Бога Творца исполнение сего суперамбициозного имманентного проекта, хотя бы потому, что человеческий имманентный проект вряд ли перекроит и вполне заменит великий трансцендентный проект под кодовым названием «Человек» (если, конечно, постчеловек не входит высшей эсхатологической компонентой в сей трансцендентный, тогда уже и метачеловеческий, проект)?

Тут самое место и самое время вспомнить о России — этой трансцендентной в основе и в главном мирособстанции, прочно слитой с Великой Неизвестностью, конспиративно с ней взаимодействующей. Концепт России сокрыт в самой России и не подлежит волевым искусственным замещениям ни под какой из кажущихся успешными проективно-стратегических примеров. Еще не реализованная под саму себя Россия открыта для бытийной импровизации, однако в соответствии со своим собственным археопроектом — практически никому и не известным. Отсюда как возможность приемлемого для все-еще-человека внедрения в его бытие транстехнологизма, так и загадочность, и сложность субъективно-объективного разрешения гигантской жизнеустройственной задачи.

Задача сия уже поставлена российским государством, обязанным встроить нейрокибертехноновизну в русло органичного для России исторического движения; вооруженное разнообразной нейрокиберэлектроникой население готово к восприятию эпохальной перемены; нетерпеливая молодежь засучает рукава и мобилизует свои творческим мозги — гигантское дело уже начато и пойдет вперед семимильными шагами. Не создашь своей (национальной) нейрокибертехносистемы, будешь вытанцовывать под чужую, так что тут и текущая безопасность, и стратегическая независимость, и собственная бездушность. Главное тут —

не отдаться водительству подслеповатой, если не слепой, науки, а привлечь на службу России и ее будущему вполне себе круговó и глубоко зрячую неометафизику, пренебрежение к которой грозит не чем-нибудь, а внезапной нейрокибертехногенной катастрофой.

Понять бы и весьма усвоить, да и немало этим руководствоваться!

Где вы — мудрецы уже крайнего времени, как раз и тотально оцифрованного?

НОВЫЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПРОРЫВ — НОВАЯ КОГНИТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Земный мир ныне стремительно меняется по инициативе и под воздействием человека-творца-преобразователя: упорно создаваемый человеком *искусственный мир* уже чуть ли не равен, если не превосходит, *природный мир*, он же и *Земный мир Божий*.

И сам человек заметно меняется: сознаниево прежде всего, ментально, когнитивно, но и физически тоже.

Новый человек, новое сознание, новый менталитет, новый когнитив, новая культура, как и новое мировоззрение — оно же и учение о мире: сначала не очень заметно новое, потом все более и более новое, наконец — явно уже новое.

И внешне человек заметно меняется, обретая новый облик, новую телесность, не говоря уже о динамике своего обновляющегося тела, обыденном поведении, психике, акциях и реакциях.

Другой уже ходит по асфальтированной земле и ездит на комфортабельных авто человек — *новый!* В новом образе, с новой головой и новыми мозгами, с обновляющимся внезапно и стремительно мировоззрением. И весь мир земный для человека становится другим — *новым!*

*Опубликовано: Россия: вибрирующие горизонты (вызовы, деяния, бытие). М.: Тамбов, 2019.

Выплеск фундаментальной новизны, прорыв в беспредельное новое, новая гуманитарная, ибо более всего технотронная, она же немало и антигуманитарная, революция!

Явный тут триумф научного (научно-технического), физического, материалистического, механического, позитивистского, прагматического, проективного, кантитативного, математизированного, модельного воззрения на мир и с ним — этим миром — соответствующего сему воззрению акционного взаимодействия, в котором предметно-исследовательскому и предметно-проективному действию человека на земный мир и на самого человека отведено первенствующее значение — в отличие от обратного действия зёмного мира на человека.

Научное воззрение, родившееся в ренессансную эпоху в Западной Европе, укрепившееся и победившее все иные на то время воззренческие парадигмы, как то мифологическую, эзотерическую, религиозную, даже и философскую в ее метафизической, следственно, и собственно философской, интерпретации, предполагает по преимуществу точное, параточное или же, на худой конец, квазиточное знание, возникающее посредством исследования, моделирования и переделки видимого, чувствуемого или же инструментально обнаруживаемого объекта (предмета) — по преимуществу непосредственного, наличного, устойчивого, воспроизводящегося, длящегося во времени.

Сей объект-предмет как раз и прежде всего не что иное, как *физис* (лито-, плазмо-, феа-, ликидо-, аэро-, био-, космо-физис), о котором наука способна говорить немало всего достоверного, более того, в среде которого эту достоверность и эффективно применять, изменяя доставшийся человеку природный физис, наращивая, как в его окаемах, так и вне его, *физис искусственный*, конечно же, не без прометеевского участия разнообразной умоположенной и рукотворной техники вкупе с вездесущей прикладной мыслью (архитекторской, изобретательной, инженерной).

Научное воззрение на мир есть более всего лишь обозначение особого знаниево-исследовательско-конструкционно-переделочного подхода к миру, чем собственно полноценная картина мира, которая у науки сводится, помимо философско-физического утверждения о материальности (вещественности, предметности) мироздания и всего в нем наличествующего, к фундаментальной понятийной троице: *частица, энергия, информация*, из различных комбинаций чего и получается весь разнообразный мир. Есть еще, конечно, такие «вещи», как *сила, движение, организация*, как и те же *синергия, аттрактор, негэнтропия* и эн-

тропия, как и, разумеется, многое сему подобное, что совсем и не плохо, но все-таки воззренчески недостаточно, что особенно хорошо заметно на примере так называемых *гуманитарных наук*, в познавательно-отражательном распоряжении которых вовсе уже не так физис, как *метафизис*, а именно: сознание, мысль, идея, смысл, слово, язык, знак, образ, психика, память, поведение, как таковая деятельность (труд, творчество), замысел, проект, программа, сама наука как собственно наука, любое вообще знание, ну и право, политика, социум, экономика, государство, культура, искусство, цивилизация, история, как и, разумеется, прошлое, настоящее, будущее, ну и всякие там сны, галлюцинации, бреды, призраки, химеры, оборотни, барабашки, те же страхи, что еще? — то бишь все то, чего в материальном мире нет и, как выясняется, быть не может, несмотря на наличие мозга — физиса вроде бы, но ... к одному мозговому физису все-таки никак не сводящегося (что, заметим, физического в слове, понятии, идее, мысли, в том же сне и т. д., а-а?).

Вот почему «гуманитарная наука» в заметной своей части — *оксюморон*, сочетание несочетаемого, хотя какое-то уважаемое знание сия наука, безусловно, дает, но ... более все-таки *метафизическое*, чем физическое, а оттого и во многом паранаучное, квазинаучное, ненаучное, что то же самое — *отрицательно метафизическое*, привходящее, так сказать, с заднего входа, со двора, с тыла — имитационно научное и порочно метафизическое. Не физика тут вовсе доминирует, а вынужденная, рядящаяся под научную физику, а потому и недоброкачественная, зачастую ложная, даже и недобросовестная, *отрицательная метафизика*.

Гуманитарная наука, так и не став физикой (точной наукой), но зато запечатав наглухо *позитивную метафизику*, лишь обрекла себя на отрицательную метафизику, выдавая ее за чуть ли не за точную науку, в реальности же оказавшуюся во многом самой обыкновенной лженаукой.

Гуманитарный онтос не физичен, а потому и не очень-то научен, а потому подлежит по сути своей не столько научному, сколько *метанаучному* гнозису, в основе как раз *позитивно метафизическому*.

Мало чего существенного сказав по поводу гуманитарного онтоса, наука принялась создавать под себя не что-нибудь, а свой *собственный онтос* (не гнозис, что само собой, а именно онтос), мифотворчески его себе воображая, мало того, уверяя человечество, что это и есть истинный человеком реальный гуманитарный онтос.

Однако Судный день для гуманитарной науки, да и не только гуманитарной, таки настал, а судейско-приговорно-палаческую функцию в адрес науки взял на себя ее собрат и одновременно «дитяtko» — *технологизм*. Он-то и стал отрицать первенствующую роль науки, не просто сокращая, но даже упраздняя ее же предмет, замещая человека и социум... *собою*, не испытывая при этом никакой особой нужды в каком-либо о себе и на себя воззренчестве со стороны науки. Технология — сама себе предмет, сама себе и воззрение, то бишь онтос и гнозис в одном флаконе — *сугубо технологическом*.

От науки к технологиям идет сейчас в передовой цивилизации дело, когда и сама наука оказывается не более чем исследовательской *технологикой*!

Мало того, что ныне уже не так наука двигает вперед технологии, как технологии — науку, уже саму по целям своим и задачам более всего технологическую, так ведь технологии попросту еще и подчиняют себе и замещают собой науку.

Наука дождалась-таки своего врачевателя-погубителя — амбициозного *технологизма*!

Кому теперь нужны глубокомысленные размышления науки о том же гуманитарном мире, если технологии сами создают вместо него свой искусственный, всюю уже технологический, новый-де «гуманитарный мир»? Что такое сегодня тот же Интернет? Технология вроде бы в среде гуманитарного мира, но при этом и особый параллельный мир, о котором способны глубокомысленно рассуждать не так ученые-гуманитарии, как... спецы-технологи. Вроде бы есть, чем заняться тут гуманитарной науке, но сознание-то уже вокруг не так гуманитарное, как технологическое, а человек-то уже всего более ... *киборг*, а жизни-то гуманитарной как собственно натуральной жизни уже и нет, а есть лишь ее виртуально-технологическая имитация (версия). Науке остается теперь лишь констатация всего творимого технологикой, тем же Интернетом, она даже не может всего этого как следует ни познать, ни хотя бы «охаить».

Научные гуманитарные теории уходят в прошлое; технологика обходится уже не только без гуманитарных теорий, а вообще без всяких теорий. Теория и технологика ныне — одно и то же. Что технологике досужие рассказы о зёмной природе и сути тех же сознания, мышления, морали, социальности и т. п. архаичных вещей? Если что-то из этого еще и есть, но никакого большого значения для человека и его технологического бытия уже не имеет! Технологизм не просто переделывает под

себя онтологически, он его... *убивает* — как самостоятельную реальность и как объект научного-де «гностицизма».

Идет *великая технологическая революция*, когда мир человеческий не просто с техникой и технологией, а когда он сам весь... *из технологий!*

Вот она — лемовская «*Сумма технологий!*»

Куда ни кинь технократического взгляда, везде в мире человеческом только или почти только технологии. Даже мораль теперь технологична: владеешь технологией — морален, не владеешь — никто! Ученному человеку все еще кажется, что технологии всего лишь служат человеку и социуму, ан-нет — это человек и социум, становясь все более технологичными, служат технологиям, в них, собственно, и растворяясь.

Ох, как цепки они — технократические сети — куда ж теперь от них?!

Осмысление всего происходящего в научно-техническом мире, безусловно, идет, но не так уже подрастерявшейся наукой и совершенно потерявшейся научной философией, как *метанаучной метафизикой*, не скованной никакими аксиоматическими, концептуальными и выводными лимитациями. Опороченная когда-то и почти что загнанная в небытие метафизика сегодня возрождается и возвращается, но уже заметно в иной интерпретации — как уже *пост-научное* знание-размышление, а заодно, и *мета-технологическое* (немало и *вне-технологическое*), но вовсе при этом и не какое-нибудь религиозное, не в рамках вообще какого-то конкретного идеологического концепта, а как, — тут вновь высказывает это «мета», — *мета-догматическое* знание-размышление.

Вышесказанное не означает, что новая метафизика изолирована от любых существующих знаний — она к ним внимательна и вполне лояльна, она их вовсе не отрицает, но она ими не то что не ограничивается, идя дальше, она их... *преодолевает*, но не ради их абсолютного отвержения, как это сделала в свое время с метафизикой «точная наука», а ради выхода на знаниево-размыслительный простор, на *не-догматическую*, а лучше бы как раз сказать — *мета-догматическую*, дорогу.

Новая метафизика — не так возвращение мысли человеческой к донаучной метафизике, как движение мысли вперед, как ее выход в новые знаниево-размыслительные дали.

И важно заметить, что сей весьма грандиозный выплеск новой метафизики обязан... *России*, причем России как ... *собственно Рос-*

сии — как идеи, как концепта, как эгрегора, как смыслового ядра, как сингуляра наконец. *Новая метафизика — актуальнейшее личностное высказывание России!*

Целое тысячелетие Русь-Россия находилась, да и сейчас все еще находится, под назойливой опекой, если не в сладком плену, внешних для себя идейных установок и идеократических конструкций, не очень-то, скажем помягче, добровольно ею воспринятых, хотя вовсе ей небесполезных и даже весьма в чем-то для нее продуктивных, но все-таки никак ей самой не органичных.

Долгое время Русь училась у Византии, потом, уже по итогам судорог Смутного времени и судорожных реформ Петра Великого ей было предписано учиться у Европы — более уже просвещенческой, чем ренессанской, что Русь-Россия старательно и делала, попав затем и в силки сначала абстрактно придуманного в Европе, но широко примененного практически почему-то именно в России, «социализма-коммунизма», а потом, уже в 1990-е гг., в «дружеские объятия» разработанного более за океаном, чем даже в старушенции Европе, по человечески-де открытого имперо-колониального «либерализма-глобализма».

Любезно усваивая заграничные идейно-концептуальные дары, даже ища своего места в потоках византийской, европейской, а теперь вот и американской, «заветной мысли», — места, естественно, производного, вторичного, периферийного, — отечественная мысль, по преимуществу все-таки подражательная, зависимая, колониальная, создавала и кое-что *свое*, конечно же, весьма подспудно, не слишком открыто, полно и ясно выраженное, но все-таки... *свое*, пусть и на противопоставлении своего размыслительного продукта внешней и ставшей для большинства соотечественников «своей»-де мысли (Посошков, к примеру, Ломоносов, Погодин, славянофилы, Данилевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев и все «соловьевцы», Федотов, И. Ильин).

Так или иначе, но оригинальная отечественная мысль пробивалась-таки в России, а на рубеже XIX—XX вв. заговорила весьма мощно и зычно, хотя во многом и осталась по-прежнему в потоке евровизантизма, но уже став в итоге достаточно самобытным течением *метафизической мысли* — как раз уже *постнаучной*.

Речь тут идет прежде всего о *русской софийной философии* (Вл. Соловьев, Флоренский, С. Булгаков, Бердяев, Зеньковский, Кузьмина-Караваева и др.), возникшей на стыке философии вообще и религии (христианства), даже до сих пор считающейся, да и то в порядке исклю-

чения, «русской религиозной философией», что, может, и так, но для нас важна не так ее «религиозность», как важен ее выход, пусть и в лоне христианства, на *Софию Премудрость Божию* — как кладезь *до-* и *сверх-*человеческой мудрости, как «свидетельницу», да и «участницу», Творения Божиего, как носительницу замысла Божиего о мире и человеке в нем, что ведь, заметим особо, соотносится с началом мира, имеет *до-*религиозные корни, а в иудео-христианстве лишь получило специфическое трактование.

Вот и Русь-Россия, она же когда-то и *прото*Русь (*до-*Русь), давнего происхождения, а потому нынешнее обращение к Софии Премудрости Божией открывает новые возможности в осмыслении как самого феномена Руси-России, так и феноменов мира и человека в нем, включая и феномен собственно русского человека. И хотя в русской софийной философии София рассматривалась более всего как София христианская, даже православная, а сам подход к Софии принял первичный облик *софиологии*, само тогдашнее обращение к Софии Премудрости Божией позволило в дальнейшем, уже после катастрофного завершения советского *анти-*Софийного эксперимента, выйти, если так позволено сказать, на *Софию вообще*, а от софиологии, предполагавшей некое трактование Софии и ее привлечение к мирским деяниям, перейти к *софиасофии*, заточенной на восприятие Софии как *про-*то-, *перво-* и *сверх-*мудрости, которой человеку даровано по мере возможного с его стороны и по мере попущенного со стороны Софии и самого Бога Творца размыслительно и практически руководствоваться.

Не полезность, польза или выгода тут в приоритете, как у деловых прагматиков и прагматичных ученых, а... *мудрость*, однако мудрость более всего уже не человеческая, как у тех же позитивных, материалистических и механистических философов, а божественная, сакральная, как раз... *софийная*, причем даже не так творческая, хотя куда без него — без творчества, а ... *творцовская* — от Бога Творца, что творчеству человеческому придает уже иной, чем у тех же ученых, характер, не говоря уже о расхожей житейско-хозяйственной обыденности.

Россия бытует в зёмном мире, на Земле, но ежели повнимательнее в Россию как Россию всмотреться, то можно заметить, что Россия не просто особенна, что в общем-то понятно, ибо это не Европа, и не Азия, не Юг и не Крайний Север, даже не Евразия, а именно *Россия* — по идее, концепту, эгрегору, — можно заметить и кое-что другое — что Россия... э-э... *не от мира сего*, что это *неотмирный феномен* — как

раз по идее, концепту, эгрегору, именно тот самый феномен, который по своему замыслу и генезису прямо-таки из самого *Иномирья*, как раз отсюда — от *Великой Неизвестности*, где зиждется истоково и сама *София Премудрость Божия*.

Россия — как идея, как концепт, как замысел — прямо от Бога Творца через посредство Софии, а потому она не только *сакрально иная*, но и *сакрально неизвестная*: она — *сама себе проект*, зачатый в ином мире и запущенный в сей мир в самые что ни на есть начальные (доисторические) времена.

На Россию у Софии заведена своя особая смысловая ведомость, возможно, и для самой Софии не слишком внятная, ибо весь смысл России как России как раз в ее импровизационной «неведомости», в своей никому из землян не ведомой проективности.

Умом Россию не понять, да и верить в нее почти что невозможно, а уж ежели все-таки верить, то не так в Россию как таковую, как в *российскую потенциальную неизвестность*, как, собственно, и в *реальную российскую неизбежность*.

Россия для русских — что коренных, что пришлых — первая и последняя вера и есть!

Невозможная, а... *вера*, да еще... *какая!*

Россия летуча, неуловима, непостоянна, переменна. Тысячелетие тут разных явленных пред Софией и Богом Творцом Россией, включая и последнюю, точнее — нынешнюю. И какая она — эта *нынешняя Россия*, куда и зачем идет, что вершит, а-а?

Россия — *тайна!*

И что нам в этой *софийной метафизике*, в той же *софиасофии*, как и в неясной и неясной *россиесофии*?

Что это дает нам и России, всему российскому миру? Что, кроме тайны, заботы, отчаяния и... неизречимой веры?

А ведь тайна здесь — *всё!* Не то здесь неведомый и неуловимый Грааль, не то невидимая точка на острие Кощеевой иглы, не то столь же неизвестный, но емкий по скрытым в нем смыслам сингуляр, не то некая смысловая завязка в точке пересечения ничем мирским не обозначенных запредельных координат?

Россия — *тайна*, но ведь тут и сама тайна — *Россия!*

Все тут из тайны, вся Россия, весь русский мир.

Интересно, занято, странно и ... страшно!

Сегодня Россия... *такая* (этакая), а завтра... э-э... *какая же?*

Россия, вырвавшись из тенет придуманного в Европе и беспощадно внедренного в России «социализма-коммунизма» и освобождаясь от пут агрессивного «либерализма-глобализма», прет сегодня вперед, суверенизируясь, обновляясь, развиваясь, отстаивая себя, участвуя в большой мировой игре, ведя в ней и свою собственную геостратегическую партию, вступая в международные «кооперативы», но главное, ища себя — новую, современную, XXI века.

Какую же?

Разнообразно и целостно (полилектически) *сбалансированную*, а потому и вполне жизнеспособную, ибо *динамично*, а не статично, сбалансированную — живую, изменяющуюся, вибрирующую.

Россия наконец-то на пути к *самой себе!*

Все из возможного и невозможного испытал, многое из иноземного и своего испробовав, пережив не одну, а ряд великих катастроф, побеждая и терпя поражения, перенося неисчислимые беды и редкостные удачи, бежа вдруг от себя и к себе же непременно возвращаясь, себя не жалея и упорно себя сохраняя, Россия ныне вновь, а то и впервые, устремлена к России, что вовсе не значит, что путь сей к самой себе усыпан прекрасными розами, а ежели и усыпан кое-какими дивными «розами», то с очень уж острыми вразбежку шипами, лишь коварно, предательски и опасно грозно во все стороны торчащими.

Устремляясь к себе, Россия, как подсказывает софийная метафизика, устремлена и к чему-то *иному*, как и к какому-то *Иному*, что от начала зиждется в эггегоре России, ее родовом семени, и что ждет бытийно-исторической реализации, причем уже не просто на *российской земле*, хотя и на ней тоже, а и в *российском космосе*, что было увидено и обосновано, хотя еще не обрисовано вполне устроительно, упоительно неземным *русским космизмом*.

Пониманию сего пути и возможного устройства России и мира в целом служит родившаяся и бытующая в России русская по истокам и по сути *философия хозяйства* — продукт и часть *софиасофии* (как и *россиесофии* тоже), — причем часть центральная, ядровая, очаговая.

Философия хозяйства — свободное, просторное, метадогматическое знание-размышление, признающее и рассматривающее: 1) земно-космический мир как *полилектическое* целое — что по феноменально-фактической горизонтали, что по ноументально-субстанциальной вертикали, как единство физиса и метафизиса, как органичное сопряжение онтоса и гнозиса, мира известного и мира неизвестного, мира имманентного и мира трансцендентного, мира творящего и мира тварного,

мира сего и мира иного; 2) ведомое человеком хозяйство как *целостное природо-неприродное жизнеотправление человека*, его сознания и бессознания, чувственности и интеллекта, как следствие труда и творчества человека, как реализацию потребления, переделывания и преобразования человеком природы, как эманацию человеком круговой искусственности, а в итоге — как противоречивое взаимодействие *природного* и *искусственного* миров, их совместного бытия и взаимоувязанного продуцирования жизни; 3) бытие человека и историю человечества в их сочлененности с *хозяйством*, свершающем бытие и делающем историю; 4) философию вообще как момент хозяйства вообще, а философско-хозяйственную мысль как фактор, продукт и условие хозяйственной деятельности человека, включая мечты, утопии и проекты; 5) возможность *хозяйства Бога*, а мироздание как его — этого хозяйства — объект и следствие; 6) экономику как обусловленную бытием и функционированием *стоимости* — этой идеальной субстанции — часть человеческого хозяйства (экономики Бога нет и быть не может!), как механизм, который необходимо использовать, но подчинять которому хозяйство не просто для человека рискованно, а воистину катастрофично; 7) человеческого происхождения *тотальный технологизм* как трансгрессивный, а не только трансформационный, мегапроцесс, как завершение внеземного проекта под кодовым названием «Человек» и переход к реализации проекта под названием «Постчеловек» — уже, надо полагать, и неземного, а в чем-то и субземного, антимирового, преисподнего; 8) необходимость существенной корректировки сути технологизма и его функционально-преобразовательной роли в бытии и судьбе человечества посредством взятия его под гуманитарный контроль, радикального изменения технотронной идеологии и защиты от тотального технологизма человека, человечества, России с ее уникальной цивилизацией и культурой, а также выработку нового воззрения на мир и на человека с софийских позиций и в философско-хозяйственном ключе.

Задача тут, прямо скажем, не то что не из легких, а прямо-таки из невозможных, но иного выхода у человека, в частности — русского человека, нет!

Софийные философско-хозяйственный и воззренческо-размыслительный подходы предполагают на так рассудочное познание внешнего объекта и произвольное конструирование и продуцирование какого-то нового, уже во многом искусственного, предмета, как проникновенное *сопереживание* сознания и всей бытийной среды, их сбалан-

сированное *соучастие* в реальных бытийных переменах и в созидании чего-то в бытии нового, их совместное *жизнеотправление*.

По аналогии с идеалами Великой французской революции (на самом же деле европейской, вполне и мировой, революции), сформулированными в триаде «Свобода, Равенство, Братство», пора уже в воззренческо-размыслительной (когнитивно-действенной) сфере провозгласить свою триаду, а именно: «Целостность, Всеединство, Совместность», когда человек, природа и космос вместе и в нераздельности; когда земный мир в единении с космическим; когда сознание всецело растворено в среде, а среда целостно пронизывает сознание; когда гнозис совмещен с онтосом в едином мироздании, а такое единое мироздание как раз и сосредоточено в России; когда русский человек, он же и россиянин, органично слит с Россией, а Россия целиком внедрена в русского человека-россиянина; когда мысль человеческая питается Софией Премудростью Божией, а София Премудрость Божия питает мысль человеческую.

Да, за всем этим не что иное, как всеобщая, чуть ли не тотальная, **Гармония**: всего со всем, включая и любую динамику с вовсе не любыми переменами.

Хозяйственный космос — космическое хозяйство — космобытие!

Вот он — **новый мировоззренческий прорыв**, как и **новая когнитивная революция!**

Утопия? Почему нет, может, и утопия, но... необходимая и неизбежная, пожалуй что, и вполне императивная.

Ближайшая миро-бытийная катастрофа, как и ее внезапное избежание, если не невозможное недопущение (чего не бывает!), все *это* нелицеприятно покажут и убедительно докажут!

Таковы, видно, вибрирующие горизонты идеальной, как и воззренческой, России, к которым она несмотря ни на что таинственно устремлена и слияния с которыми ей вряд ли удастся, все более резонируя с *земно-космической транценденцией*, избежать!

ФИЛОСОФСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ*

Философия хозяйства — вольно-потокное знание-размышление, не тяготеющее к логической стройности, категориальной строгости, парадигмальной системности, в общем — к концептуальной завершенности, чего обычно добивается научное теоретизирование.

Философия хозяйства — не теория, даже не учение, это безграничное по горизонтали и вертикали гносеологическое поле, беспрекословно сориентированное только на одно — на онтос, или реальность, к когнитивному взаимодействию с которым оно подтягивает весь словарно-образный арсенал, находящийся в распоряжении разносторонне образованного человека.

Не точные формулировки и безоговорочные формулы занимают философию хозяйства, а свободное мышлеизъявление, ориентированное на постижение скрытой от глаз и ушей сути реальности, ее собственной концептуальной метасмыслологии. Не игнорируя факто-феноменальных исследований, которыми обычно занята наука, философия хозяйства предпочитает проникновение в смысловые глубины бытия, преподнося достигнутое на общепринятом литературном, хотя и сдобренном некоторой когнитивной элитарностью, языке.

Философия хозяйства — философия не так от гнозиса, как от онтоса, несмотря на то, что на уровне философии хозяйства гнозис и онтос, немало различаясь, оказываются и весьма тождественными.

Философия хозяйства не чужда когнитивного концептуализма, но концептуализма все-таки особого — открытого, свободного, текучего, незавершенного. Есть чисто мировоззренческий концептуализм, есть методологический, есть и практический. Философия хозяйства хоть и способна погружаться в смысловые глубины бытия, как и воспарять над текущей обыденностью, устремляясь в смысловую высь, но, занятая реальным жизнеотправлением, бродит и по земле, уделяя внимание и всему текущему: хозяйству, экономике, политике, социуму, истории, культуре, литературе, науке, философии, религии.

Концептуальное видение реальности здесь дополняется концептуальным мониторингом и концептуальным предвидением, непременно

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 7—8.

совмещенными с концептуальностью самого бытия, самого онтоса, самой реальности, и, как показывает многолетняя ученая практика, не очень-то далекими от самодвижущейся метаистины. Не будем увлекаться доказательствами сего феномена, ибо видящие и знающие видят и знают, а невидящих и не желающих ничего такого знать никакими доказательствами нам не убедить.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА И ЦНДЕ*

Философия хозяйства — вольно-потокое знание-размышление о целостном жизнеотправлении деятельного и творящего человека, о сути, способах и ходе сего жизнеотправления, его телеологии (целеполагании) и эсхатологии (достижениях и завершениях).

Философия хозяйства не пренебрегает феноменальностью и фактологией, их принимает, изучает и осмысливает, но заточена она более всего на постижение бытийного сущего, включая и вышеуказанное жизнеотправление, а потому тесно сопрягается с постоянно реализующейся в бытии, включающем и человеческое жизнеотправление, онтологической (объективной) концептуальностью — сокрытой, неявной, предвечной и повседневной, статуарной и подвижной, меняющейся, вибрирующей, дискретной, распадающейся и сходящейся, ускользящей от сознания и в него вдруг врывающейся, трансцендентной, и в то же время познавательно имманентной, противоречивой, целостной, не игнорирующей при этом собственно человеческого (субъективного) деятельно-творческого концептуализма, его в себя вбирающей и в себе отображающей и собою же представляющей.

Философско-хозяйственный гнозис хоть и не совпадает вполне с соответствующим ему относом, но в силу своего проникновения в зону реального сущего весьма тождествен онтосу, отчего гнозис и онтос хоть и не одно и то же, но, безусловно, нечто содержательно единое: если без онтоса нет никакого велеречивого гнозиса, то и без гнозиса не видится никакого красочного онтоса. Гнозис и онтос — едины и неразделимы, как раз настолько, чтобы гнозис был полноценным гнозисом, а

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 276—281.

онтос — полнокровным онтосом, а в итоге имела бы место реалистичная философия хозяйства.

Философия хозяйства — философия прежде всего самого онтоса — хозяйства, как раз и рождающего в своем лоне *метасмыслологию*, улавливаемую философствующим сознанием и осмысливающим ее как уже свою метасмыслологию — как раз в образе и в статусе философии хозяйства.

Будучи сама конструктивным моментом хозяйства, философия хозяйства оказывается одновременно продуктом хозяйства и плодом философии, причем как объективной хозяйственной, так и субъективно хозяйствующей философии.

Философия хозяйства — свободное концептуальное мышлеизъявление, обязанное, однако, более онтосу, чем гнозису. Не онтос должен производно соответствовать гнозису, нередко весьма и выдуманному, ошибочному и ложному, а гнозис обязан вторить онтосу, который хоть и скрытен, таинствен, путан и уклончив, но... *реален*.

И ежели познающий человек замечает, что онтос насквозь метафизичен (нематериален, невещественен, непредметен), то человек размышляющий обязан следовать именно метафизическому гнозису и им в меру духовно-интеллектуальных сил пользоваться, не игнорируя при этом и ничего физического из обширного хозяйственного бытия.

Вообще собственно человеческий, он же осознанный, онтос не так уж физичен, как обычно кажется, он и в самом деле более всего метафизичен: что, скажите, физического в сознании, знании, слове, мысли, смыслах, памяти, именах, понятиях, замыслах, проектах, концепциях, как и в отношениях, социуме, экономике, политике, праве, государстве и т. д., что? — да ведь ничего! Везде тут, пусть и сочетающийся с физисом, но все-таки самый что ни на есть метафизис (духовный, эфирный, идеальный, прозрачный, беспространственный и вневременной, призрачный, виртуальный), которому как раз в наибольшей степени и соответствует метафизика, или метафизическая философия, хотя метафизика не избегает и физиса (физика, или наука, пусть и самая вроде бы точная, тоже ведь по сути метафизика, пусть и не столь неопределенная и «темная», как метафизика гуманитарная).

А коли человеческий, или гуманитарный, онтос столь основательно метафизичен, то он неизбежно столь же основательно трансцендентен, что вкупе (метафизики с трансценденцией) и заставляет непредвзятого мыслителя заниматься не так стройной теорией хозяйства (ради научного-де видения реальности), как нестройной, но более адекватной

реальности, философией хозяйства (ради уже иного восприятия реальности).

Несмотря на то, что философия хозяйства есть философия, еще и в основе своей метафизическая, это вовсе не только и не столько субъективно-интеллектуальное знание-размышление, сколько объективно-практическое средство-орудие познания и действия, способное не только распознавать и фиксировать концептуальные (смысловые) токи хозяйственной и вообще бытийной реальности, не только концептуально предвидеть ее реальный ход, но и оказывать воздействие на него, его концептуально вести.

Философия хозяйства улавливает сначала не свои и создает затем уже свои концепции, а творчески соединенные воедино сии концепции не только ведают, но и ведут реальность. Есть самодвижущийся объективно-субъективный онтос, есть его осознающий гнозис, а есть и субъектно-объектный *акциос*, — и все это представлено в частности в философии хозяйства, которая оказывается действующим онтологическим гнозисом, как и действующим гносеологическим онтосом — не более и не менее!

Философия хозяйства — сила!

Будучи не статичной, не системной и всегда незавершенной, философия хозяйства адекватна динамическому, потоковому, переменчивому и импровизационному бытию-онтосу, мало того, целиком погруженному в неизвестность — необходимую, стойкую и неизбывную, отчего философия хозяйства способна говорить всегда иначе, по-другому, по-особому, по-новому, не догматически, импровизационно, что вовсе не означает, что наобум, неряшливо и безответственно.

Имея дело с онтогносеологической трансценденцией, философия хозяйства часто говорит как бы не о существующей вокруг реальности, а какой-то иной реальности, точнее даже — ирреальности, чего вроде бы и нет, однако по прошествии времени и кое-каких реальных событий вдруг оказывается, что философия хозяйства говорит по преимуществу именно о реальности: либо сокрытой от глаз обычного наблюдателя, включая нередко и научного, а потом вдруг открывающейся в текущей феноменальности, либо еще только разворачивающейся в бытийных глубинах, а затем выходящей уже в ином выражении на поверхность. Философия хозяйства способна, заметим особо, к распознаванию и улавливанию некой *предреальности*, а следственно, и предвидению возможной *постреальности*, не говоря уже об особом трактовании текущей реальности.

Философия хозяйства — знание во многом о неизвестном, о невозможном, о вроде бы бытийном, о всем том, что не только не поддается исследовательскому по какому-нибудь щедрому гранту познанию, но вообще не подлежит переходу в разряд собственно известного, вполне возможного, напрочь и бытийного. Здесь хозяйничает не лабораторное исследование, не обработка массива данных с их механическим обобщением, а *сокровенное откровение*, может, и случайное, а может — и благообретенное.

Философия хозяйства вовсе не пренебрегает неизвестностью вкупе со столь же первозданной трансценденцией, а по-честному вступает с ними в имманентный диалог, ведя свой то нейтральный, то акционный гнозис, аккуратно взаимодействуя с весьма потаенным онтосом, вовсе при этом не безразличным к практической реализации человеческого жизнеотправления, его немало усложняющим, делающим неопределенным и вероятным, частично и случайным, но... только тогда и реально возможным: неизвестность с трансценденцией не так смертельное препятствие, как необходимое экзистенциальное условие бытия человека, его жизнеотправления, его хозяйства, равным образом и бытия самой философии хозяйства.

Неизвестностью все в мире начинается, ею творчески сопровождается и ею же заканчивается.

Пронизанная онтологической неизвестностью и взбадриваемая гносеологической трансценденцией, философия хозяйства и в самом деле представляет собой какое-то *иное* знание, или *инознание*, а вследствие своего метадогматического выхода за пределы любого из общепринятых знаний: науки, философии, религии, представляет собой и некое уникальное *метазнание*, могущее с пользой для себя взаимодействовать с непреходящими неизвестностью, трансценденцией и незнанием.

Да, это явно *иное* знание, но ведь это знание и об *иной реальности*, вовсе не той, как обычно преподносят реальность устоявшиеся знания: *иной гнозис* — *иной и онтос*, что, согласимся, хоть и можно нарочито и подолгу игнорировать, но не запереть навечно философию хозяйства в спецхранах, не удалить ее «маску» из ноосферы, не стереть ее смысловые посылы с когнитивного лика Земли.

Однако это еще не все: *иной онтос* — это не только иначе видимый и постигаемый онтос, а и онтос, который сопряжен с *иным миром*, или *иномирьем*, мало того, это онтос, в котором сие иномирье не только присутствует, а и всю работу.

Можно упорно отрицать наличие этого иного мира, как это делает та же наука, но разве науке и в самом деле известно, *что есть на самом-то деле* мир, бытие, Вселенная, космос, жизнь, человек, сознание, слово, смысл и прочее, прочее, прочее, откуда и почему *это все*, зачем, куда, до чего?..

Философия хозяйства не только видит все вокруг иным, будучи и сама иной, она еще и признает великую важность всего иного, которое вовсе не обязательно что-то потустороннее, а попросту невидимое, неосязаемое, скрытое, неизвестное, однако очень и очень действенное в плане реализации мирового и самого по себе человеческого бытия, — и только с привлечением к гнозису всего этого *иного* человеку становится не то чтобы вполне понятным, но более или менее приемлемым для кое-какого эффективного понимания весь искрящийся контакт познающего и действующего сознания с окружающим его миром, а может, и наоборот — мира с окружающим его сознанием.

Итак: *иное знание — иная реальность — иной мир*, как и обратно: *иной мир — иная реальность — иное знание*.

Вот и она — *философия хозяйства!*

НЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УЧЕБНИКОВ*

Учебники нужны, как и нужны учебные курсы, учителя, преподаватели, профессора. Факт! С которым не поспоришь, в особенности, ежели речь идет об овладении явно необходимым, общепризнанным, пожалуй что, и бесспорным, знанием. Пропедевтика, дидактика, обучение!

Однако учебник — это всего лишь учебник, то бишь некое обусловленное и суженное ради вынужденной доступности знание, может, и в основе правильное, но в чем-то непременно и не очень правильное — ради самого себя, а потому во многих случаях не слишком и соответствующее отражаемой им реальности. Рассказ, нарратив, повесть, но все-таки в потребных для учебника границах, как и в неизбежном отрыве от описываемого учебником предмета.

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 7—8.

Ничего тут страшного и ничего плохого, ежели, конечно, это хорошо понимать и, дополняя учебниковое знание иным — свободным — знанием, смотреть на реальность весьма по-иному, заметно не по учебниковому.

Вроде бы все ясно. Однако есть проблема: хорошо образованные и крепко обученные — вплоть до сданных кандидатских минимумов — ученые так и продолжают воспринимать богатейшую, сложнейшую, противоречивейшую реальность, во всяком случае в гуманитарной области, как раз через призму заученных по молодости учебников. А ведь между учебником, нередко вполне мифоподобным, и реальностью, как чаще всего бывает, — если и не пропасть, то уж не малая, знаете ли, дыра!

Учебниковое знание нередко воспринимается не просто как непререкаемая истина, а и вполне неодолимый закон. Так, в той же гуманитарной сфере, где слабы количества и нет незыблемых постоянных величин, где господствуют неопределенность, стихия и произвол, хорошо сбитый учебник оказывается чуть ли не единственно верным отражением бытия и единственно надежным по вихревому бытию путеводителем. Учебник, короче, всегда прав, служа фактически главным познавательным кодом для старательно его освоивших.

К чему мы клоним? Совсе не к осуждению учебников как учебников, а к той мысли, что реальность не только не «входит» в учебник, а попросту бывает частенько очень и очень иной, если не совсем иной, — и ежели уж что-то судить и осуждать, то не учебники сами по себе, а *учебниковое ученое сознание* — весьма далекое от реальности, бывающей, кстати, вполне и бешеной, то бишь никак уж не учебниковой.

Отсюда и текущее злоключение: ученое сознание с его учебниковым гнозисом — одно, а неученая реальность с ее неучебниковым онтосом — совсем другое, а в итоге — совершенно неисправимый диссонанс: как раз между реальным онтосом и ученым гнозисом!

А теперь дерзкий вывод: ежели онтос весь или почти весь — «мета», то и гнозис должен быть «мета», что означает быть ему немало за пределами не только учебников, но даже и многих науки.

Поймем ли?

**БУЕННЫЕ МЫСЛИ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ:
К Ю.М. ОСИПОВУ И ОТ Ю.М. ОСИПОВА***

Вопросы*

Первое — София. Фоносемантика слова «София»: «ф» — символ, знамя, а «с» — энергия. Отсюда следует вопрос: «Можно ли это представлять таким образом, что в работах Ю.М. Осипова рассматривается проблема Нечто и Ничто?». София рассматривается как мудрость, которая является свойством Творца при создании тварного мира? Или София рассматривается как величайшее таинство периода небытия самого Творца? То есть Творец рассматривается в представлениях вечности-бесконечности? Или Творец рассматривается в цикле Бытия / Небытия, и София описывает систему причинно-следственных связей, как из Небытия возрождается Творец, предрасположенный к «впитыванию» в себя опыта предыдущего цикла Бытия?

Далее — человек как следствие акта творения.

Безусловно, трудно спорить о том, что человеческий мозг является самым совершенным инструментом познания бытия. Но, если говорить языком православия, то человек смертен, страстен и гленин. Мы созидаемся и разрушаемся одновременно. Душа условно вечна (*Почему условно? Потому что, если предположить, что Творец условно вечен, то и душа, как его частица, тоже*).

Но тело человека совершенно не является образцом наличия высших адаптационных возможностей (а значит, и комфорта) по отношению к условиям жизни на Земле. Так, человеческое тело нормально функционирует, если в нем поддерживается температура 36,6° С. Это значит, что на основной части Земли зимой мы не можем естественным способом адаптироваться под условия окружающей среды (разница температурой окружающего воздуха и комфортной для человека температурой составляет около 50°С). Летом эта разница температур еще не так критична, и человеку достаточно комфортно. И существует какой-то диапазон температур, в котором человек находится в состоянии относительного комфорта (не сильно холодно, но и не тепло). Кро-

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 267—272.

* Получены редакцией журнала «Философия хозяйства» в октябре 2017 г.

ме того, температура днем и ночью отличается. Если днем поддерживается комфортная для человека температура 24°C, то это не значит, что так будет и ночью. И так далее. То есть человек сотворен таким образом, что он вынужден совершать какие-то действия, прилагать усилия, чтобы решить задачу обеспечения комфортной температуры для поддержания своей жизни. Тот вопрос, который есть, — такая высокая уязвимость (то есть низкая адаптивность) человеческого тела к условиям жизни на Земле — это следствие несовершенства реализованной Творцом модели или же это следствие проявления мудрости Творца?

Следующее — человеку для того, чтобы жить, нужно питание. Мы есть то, что мы едим. Нам для жизни нужна вода, микроэлементы, белки, жиры, углеводы и т.д. При этом, если считать, что человек производит за жизнь около 17 тонн клеток, то получается, что человек весом 100 кг за свою жизнь себя строит заново 170 раз. То есть для поддержания жизни человеку нужно непрерывно и достаточно питаться. И не раз в месяц, и не раз в неделю, а три раза в день. Вряд ли такую потребность человеческого вида в питании можно охарактеризовать, как высокую адаптивность к среде обитания. Далее, если рассматривать роль материального в жизни человека, то построение себе пещеры, жилья и т. д. может быть как функциональным, так и эстетическим (характеризующим статус человека); питание человека тоже может быть функциональным (то есть правильным, здоровым), а может быть еще и вкусным. И так далее. Тот вопрос, который интересен, — рассматриваются ли описанные аспекты свойств человека в том научном направлении, которое называется философией хозяйства, или нет?

Безусловно, на поверхности лежит мысль, что такая уязвимость человека по отношению к внешней среде является мотивирующей для того, чтобы он вступал в активное взаимодействие как с материальным миром, так и с себе подобными, и с растительным и животным миром. Хотелось бы понять, в философии хозяйства рассматривается, что целью данной активности является обретение человеком безопасности, комфорта и продолжение рода, или же предполагается, что данная активность нужна для души человека?

А если мы говорим о наличии души человека, то так или иначе это уже формирует представление о человеке, как о частично рожденном, а частично сотворенном. Можно ли в этом плане рассматривать цели и природу души человека, как прямую или опосредованную часть «тела» самого Творца?

Если душу человека рассматривать именно таким образом (то есть в логике условно бессмертной души человека), то этот акт творения / рождения человека — он является актом благодати / «развлекухи» Творца (то есть он «от избытка своих щедрот» творит?). Или это реализованная целесообразность? А если это реализованная целесообразность, то в рамках философии хозяйства какая же рассматривается цель существования человека и человечества?

Данный вопрос задается, потому что от ответа на него зависят ценностные установки человека, как личности, и критерии качества социальной структуры. Если целью существования человечества является достижение комфорта (то есть максимальная адаптация к среде обитания), значит людям надо и стремиться к комфорту и адаптации, и тогда они будут жить в соответствии с принятыми «вышестоящими решениями». А если у Творца были какие-то другие решения относительно цели существования человека и человечества, то тогда людям надо и готовиться к чему-то другому, и перестать надеяться в жизни только «согреть задницу», а начать стремиться к чему-то более сложному и менее комфортному.

А как понимается Святой Дух? В чем суть этого понятия? Потому что, возможно, в системе определений Святого Духа заложен механизм взаимодействия и удовлетворения потребностей Творца. И тогда может случиться так, что все наши телесные «несовершенства» (низкая адаптивность к среде обитания) являются частью модели, в рамках которой человек, осознавая или не осознавая это, реализует замысел Творца.

Ответы Ю.М. Осипова

Вопросы, поставленные передо мной, относятся к разряду «безответных», в том смысле, что на них можно отвечать и так, и эдак — «Да» и «Нет», — и все будет при таких ответах одновременно правильно и неправильно, хотя и есть один выход («диалектический»): признать за единый ответ сразу вместе «Да» и «Нет» (или то и другое), то бишь Нечто и Ничто, ибо Нечто есть по сути и Ничто, а Ничто содержит в себе непроявленное Нечто.

Это никакая не уловка: так оно вокруг и есть, — только надо *это* осознать, принять и всегда предполагать при «безответных ответах», — ничего другого более высокого и «точного» человеку попросту не дано.

Все знание человеческое исходит из Незнания, Неизвестности, Небытия — прямо Ниоткуда, а потому высшее знание, свойственное

мудрецам, это «знание незнания» — при его неприменном единении с «незнанием знания».

Диалектика: *это* — не *это*, а *то*, но не *то*, которое *то*, а *то*, которое... *это*!

Абракадабра, но что поделаться, ибо абракадаброй является сама реальность, которая вполне себе и ирреальность, но при этом не нереальность, а все-таки реальность.

Теперь ответы на вопросы.

1. София — смысловая эманация Бога, однако действующая и как субъект, но в пределах замысла Божиего о Бытии и в русле воли Божией.

Хотя София и предвечна, но она и в мире — как первозамысел и как первоисточник первосмыслов. София и в человеке, его сознании, но настолько, насколько это позволяют замысел и воля Божии.

София не самовластна!

Человек, имея свободу и волю, мыслит и действует софийно, но при этом и антисофийно, что вполне допускается Богом и Софией.

Суть земно-человеческого эксперимента в сочетании имманентной софийности и имманентной же антисофийности, что не так уж и просто различимо.

Без антисофийности человек Богу и Софии не нужен: софийность всегда, в *пред-*положении, а антисофийность — в самом уже *положении* (или в реальности, в действии).

Зачем обращение к Софии помимо софийности тварной? Чтобы выйти за пределы тварности через привлечение софийного (божественного) ничто. В итоге выход и за пределы самого человека, однако не физический, а метафизический.

Софиасофия — обогащенная незнанием рефлексия-переживание, позволяющая быть откровенческим прозрением, а в высшем случае — сакральному пророчеству.

2. «Между» мозгом и душой — сознание! *Со-*знание! *Со-*знание! Ни мозг, ни душа ничего не знают, хотя без них в человеке тварном и божественном нет никакого знания, отвечающего за сознание. Проблема тут более всего в сознании, его вечности или же временности — как раз атрибута непосредственно софийного. Сознание — София в человеке и при этом же она — человеческая софия! Обращение софии человеческой к Софии Божественной — обращение к вечности, к Ничто, разумеется, во времени и в бытии, а вот потом... кто ж из смертных знает?

3. Замысел Божий о человеке не сводится ни к комфорту, ни к природному совершенству, наоборот, тут что-то иное — неприродное и

несовершенное, а отсюда и наш выход на софиасофию, но не для окончательного ответа, которого не может быть, а для приемлемых для человека некомфортных и несовершенных текущих разрешений, пожалуй что, и спасительных — в бытийно-историческом временном течении.

4. Философия хозяйства не отвергает ни комфорта, ни дискомфорта, но исходит из фундаментальной неприродности человека (сознание!), его противоположения природе (дисконфорт!), но так-же и его стремления к неприроде (творчество!) вплоть до «вон отсюда!», туда, откуда человек и пришел, к Отцу, если, конечно, примет.

5. Неприродно-антиприродная активность человека либо прямо в замысле Божиим, либо не входит в сей замысел, а является продуктом человеческого произволения, вынужденно признаваемым Господом Творцом. Отсюда и потребность в размыслительно-переживательной софиасофии, которая не учение вовсе о Софии, а с Софией посильное и очень аккуратное взаимодействие.

6. Душа — это *vito* (жизнь), а сознание — это *homo* (смыслознание). То и другое божественно, но *vito* кругом, хотя бы на Земле, а *homo* со своим сознанием — один, даже и на Земле, пожалуй что, как и сам Бог (в беспределье).

7. Замысел Господа Бога о человеке самому человеку не известен, хотя и вроде бы «по подобию» (не *vito* и не *naturu*, а именно через... сознание!). О сознании Бога говорить, наверное, можно и нужно, как и о сознании человека, однако... тут две большие разницы — первосознание и второсознание, откуда и наше обращение к Софии — авось поможет (в пределах нашего незнания). Одно ясно: в замысле Господа не райский вовсе комфорт, а знание и творчество, сопряженные со свободой и волей, ну и с великим страданием тоже. Никакого Царства Божиего на Земле! Разве лишь мasonicкий Храм всеобщего социалистического счастья. У Софии, кстати, тоже ведь свой Храм, но... никак уж к мasonicкому не сводящийся.

8. Святой Дух для человека — божественное «погоняло», вселенное в человека, его душу, подсознание, сознание, сверхсознание, его — человека — трансцендентальная, при этом и антиэнтропийная, энергия. Почему нет? Как же тогда сознание ухитряется противостоять той же энтропии, в том числе и не физической? Дух — метафизическая энергия, а София тут ближе по своей роли к аттрактору — метафизической смысловой программе. Человек ведь — проект Божий! И не механико-физический, даже и не органико-природный, а... метафизический, отчего и все страсти вокруг человека, изумляющего не одного его верного дружка — дьявола, но и самого Господа Бога!

II

ВРЕМЯ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН, ИЛИ МИСТЕРИАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ МИРОВЫХ ПИРАМИД*

Пирамида — величайший смысло-функциональный образ, он же и реальный способ, организованного бытия оцивилизованного человечества!

Пирамида: мощное, пространное, вгрызшееся в землю (Землю!) народное основание; крепко сбитая, уходящая вверх, постепенно сужаясь, деловитая середина; клинообразная, уже и паракосмическая, властная вершина. В самом низу пирамиды работники с их работающими надсмотрщиками, в середине бодрые управленцы с незаменимыми профессионалами, высокие интеллектуалы, всех мастей непреклонные воины и вообще всякие охранительные вооруженцы, а наверху — властители с богами — все равно какими, лишь бы умело сакрализованными. Все это в случае, ежели пирамида одна-одинешенька, локальная, граничная, государственная, национальная, моноэтническая, единокультовая и однокультурная.

Совсем другой выглядит сложная пирамида — многонациональная, межгосударственная, полиэтническая, разнокультурная и поликультурная. Такая пирамида, уже большая, обычно величаемая мировой, включает в себя кучу меньших пирамид, а потому она, оставаясь пирамидой, оказывается пирамидой из пирамид, состоящей из некоторого числа системно под большую пирамиду взаимосвязанных меньших пирамид (и пирамидок тоже).

Своеобразные это пирамиды, в особенности большие — пирамиды из пирамид, ибо бытуют они непосредственно в социумах, никак фигурально не выраженные, но зато в когнитивно-социальном плане, ноосферном, духо-идеальном вполне себе и возможные. Пирамида тут — воображаемый метафизический образ, не более того, но при этом такой образ, за которым маячит самая что ни на есть и реальная реальность — вполне, знаете ли, пирамидная! Центрированная иерархия тут — вот, собственно, и все!

*Опубликовано: *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 11—23.

И ничего в оцивилизованном мире, кроме таких вот идеальных пирамид, нет и быть не может. Факт!

История оцивилизованного человечества — история разных социостранных пирамид, их возникновений, бытия, деяний, свершений, достижений, перестроений, лицедейств, измен, мучений, угасаний, разрушений, исчезновений. Бытие-история — не что иное, как великая пирамидная мистерия с нескончаемой сменой пирамид, их между собой непременным соперничеством, неотменно-отменной меж ними войной. Примеров — уйма, надо ли их перечислять?

Что сегодня?

А сегодня на планете присутствие и доминирование американо-европейской всемирной пирамиды — пирамиды из десятков пирамид и пирамидок, что случилось по итогам сначала вынужденного ухода с насиженного лидерского места старой плюроевропейской всемирной пирамиды, а затем и внезапного саморазрушения молодой советско-социалистической (коммунистической) мировой пирамиды по итогам известных и к ночи не поминаемых «перестроечных» событий рубежа 1980—1990-х гг.

Заметим: присутствие и доминирование на планете американо-европейской, а точнее — американской с англосаксонской закваской и собственно европейской компонентой, всемирной пирамиды.

Есть у этой пирамиды и свой изобразительно-окультурный образ, он же и тайный код — доллар — с нанесенной на его серо-зеленый бумажный лик (sic!)... *пирамидой*, почему-то при этом (sic!) усеченной, как бы и недостроенной, но зато с искрящимся над ней — усеченной и плосковерхой — всевидящим оком.

Итак: пирамида-таки — таки усеченная — таки под всевидящим оком. Не слабо! Ну и немало загадочно: то, что пирамида — понятно, то что под всевидящим оком — тоже, пожалуй, понятно, ибо тут проектная пирамида, да еще и покровительствуемая-де самим Провидением, а вот почему все-таки пирамида усеченная — чтоб не впасть в образ Вавилонской башни или же из-за неизбежного в подобных мироприятельных случаях недостроя, а может, по причине непременного наступления «конца истории» — как раз там, на срезе пирамиды, на ее плоской вершине, над которой возможно уже лишь воображаемое постисторическое, как раз вполне и конусное, наверхие? Кто знает!

Пирамида всемирная, вполне и империяльная. Новый тут Рим, перемешанный с финикийским Карфагеном, а потому и индустрия тут с постиндустрией, и военная сила, и деньги с финансами, и мерканти-

лизм, и наука с техникой, и космонавтика, и нейрокибертехнологизм, и Голливуд с рок- и поп-музыкой, и боги, которые совсем и не боги, а скорее потаенные идолы, в общем, много чего, не исключая Капитолия, Сената, Белого дома, гигантских памятников-храмов отцам-основателям Великой Америки, как и конных статуй с восседающими на них победоносными генералами времени великой гражданской распри.

Одним словом — ВСЕМИРНАЯ ИМПЕРИЯ!

Да, уход с исторической арены реального СССР с его международной соцсистемой освободил Америке путь на вершину мирового господства, а странное вхождение остатков СССР и его соцсистемы, не исключая и задумчивого Китая, в лоно глобальной американо-европейской пирамиды, позволил Америке почувствовать себя истинным и вполне праведным хозяином планеты Земля, разделив ее на подотчетные округа — сателлитный, согласный, прихвостневый, коварный, противный, — и каждому из членов пирамиды свое: кому пряник, кому похлопывание по плечу, кому кнут, а кому и войнушку, а главное — всем планетариям на показ свою силу, силу, силу!

Победа вроде бы! Тут и «конец истории» подоспел, и постмодерн вдруг явился, и совсем уж новое времечко наступило. Триумф! Да не просто Америки — как державы, а и давнего евроамериканского проекта, вполне по задумке уже человеческого (никак не Божьего!). Дискретная европеизация мира сменилась его тотальной американизацией.

Но... но недаром у мудрых отцов-основателей Америки на долларе пирамидка-то усеченная, с плоской крышей, без конусного навершия. Вроде как всевидящее око тут за Америку, что, может, и так, но все-таки... усечена пирамидка, усечена, что означает, наверное, какой-то скрытый в великом архитектурном замысле казус, если не подвох, как раз имперский, точнее — мироимперский, что и не замедлило всего через какие-нибудь четверть века после «победы» Америки над СССР и всем вообще миром внезапно сказаться.

О чем речь, братцы?

Да все о том же, что нет и не может быть никакого имперского моногосподства надо всем планетарным миром, нет и все тут! Ложная это идея, ложный это помысел, ложный это проект. Многое можно великой империи сотворить и натворить, да вот не все — всемирной эффективной для всего мира империи нельзя сотворить, хотя кое-что имперское натворить и можно, очень даже немалое и очень даже недоброе.

Что такое Америка? Искусственный, сборный, некорневой псевдонациональный псевдоорганизм, хотя вроде бы и государственный, и

гражданский, и цивилизованный, но, увы, не земной, хотя как будто бы и на земле (на Земле), какой-то нездешний, неземной, иномирный, но вот откудашний — со всей своей изначально пиратско-бандитской моралью, уж не из самой ли преисподней? Да, вроде бы европейский по происхождению, масонского кроя и финикийского пошиба, но не без собственных вековечных этнокорней, без выработанной на месте содвигательной культуры, без выстраданной религии, без сочной, насыщенной сакральными событиями истории. Этакий механизм-молодец — он же и устроитель — невиданного доселе межокеанского мира, новой Европы без Европы, что-то вроде большого трудо-предпринимательского лагеря, полного энергии, инициативы, стяжательства, присвоения, эксплуатации, денег, капитала, кредита, бизнеса, завозных мастеров, профессионалов, интеллектуалов, ну и рабов тоже.

Америка — мир в мире, но такой мир, который, несмотря на родство свое с Европой, тоже ведь не паинькой, стоит особняком на планете Земля, не имея с остальным планетарным миром никакой телесно-духовной органики, кроме разве неограниченного присутствия в этом остальном мире самодовольного доллара, уже ничем реальным и не обеспеченного, кроме своей безупречной наглости; — изошренного карфагенского финансизма; продуктов индустрии, плодов науки и техники; римских по духу военных баз и морских флотилий по всему миру с легионами развязных «хороших парней»; как и всяких локальных от благотельной Америки войн, переворотов, революций; голливудской постмодерновой стряпни на потребу ущербных элит и для надежной обработки всемирного плебса; ну и безотказной, поддерживаемой своей разветвленной разведкой и своими же повсюду «пятыми колоннами», беспардонной и весьма уже бестолковой дипломатии.

Такой вот водитель стался у современного мира — безапелляционный; с презумпцией своего превосходства над миром и правом им командовать; веселый, бесцеремонный, карнавальный; нахальный и... беспощадный. И что очень важно: занятый более всего собой, своими интересами и своей выгодой, а отнюдь не чаяниями управляемого-де им мира, предназначенного быть вовсе не для себя, а для великой беззастенчивой Америки, ей беззаветно служить, на нее много трудиться, ее страстно желать, ей худо подражать и ее шибко ненавидеть.

Что ж, земной мир весьма быстро во всем разобрался и, считаясь с американской римско-карфагенской имперской силой, стал шаг за шагом отруливать от благодельной Америки, ища своих собственных путей обустройства и личного бытия в новейших планетарных услови-

ях, что, разумеется, межокеанскому «эффективному менеджеру» круто не понравилось. И понятно!

Тут-то и задвигался великий мистериальный танец мировых пирамид, конечно, с медленных, почти и незаметных на первый взгляд па, затем более рисуночных, но все еще осторожных, наконец — то ли не очень-то скрываемых, то ли вполне уже откровенных, как это случилось, к примеру, с Россией, явно заявившей о своем намерении не только покинуть благодатную американо-европейскую заводь, но и... но и возвести свою пирамиду — вполне суверенную — российскую. Россия, сама-то всего лишь подугасшая и подразвалившаяся после развала СССР пирамида, решила не только не терять своей собственной пирамидальности, сидя в глобальных тенетах всемирной пирамиды, а двинулась навстречу самой себе, восстанавливая национальный суверенитет и свою имперскую органику. Не остались равнодушными к возможному освобождению из объятий американского пирамидального глобализма Китай, Индия, Иран, Турция, Бразилия, Индонезия и немалое число других стран, пусть и по-разному себя показывая в разгорающейся всемирной пирамидной мистерии. Не остается нейтральной ко всему этому и Западная Европа, засидевшаяся под покровительственным гнетом США в присутствии их оккупационного войска в уже разлюбленной ею заокеанской подклети.

Россия ныне не так реставрирует свою евразийскую пирамиду, как и не особенно ее реконструирует, как, учитывая новые миробитийные реалии, построяет новую российскую хомо-социальную пирамиду — царско-народную или, как, может быть, лучше и точнее — народно-царскую¹, во всяком случае — не римскую по духу и не карфагенскую, не европейскую и не азиатскую, а, надо полагать, соборно-гражданскую, как и, разумеется, великодержавную — в себе и для себя имперскую. Да, иерархическую, с трудовым населением и управляющей им разнородной элитой, но зато с личными свободами и семейной традицией, с нейрокиберсетями и виртуальными коммуникациями, и при этом — с национальным многоэтническим и поликультурным единением. Никакой тут красивой идиллии с беспечным массовым благополучием, но зато с возможностью полноценного бытия, совершенствования

¹ Речь тут не идет о монархической государственности, хотя уместно в рассудительном ракурсе напомнить о размышлениях по сему поводу тех же Л. Тихомирова с И. Солоневичем.

и творчества, в общем — в целом безопасной, но не лишенной напряжений, испытаний, коллизий и стойкости жизни.

Откуда сия уверенность? Не только от веры в Россию (Ф. Тютчев), но и от осознания богатой всякими терпкими событиями и грозными перипетиями российской истории, ее полного неумного страдательного вектора, ее глубинной метафизики, как и великого постсоветско-социалистического провала 1990-х гг., внезапного погружения в бездну, мучительного в ней пребывания и невероятного из нее выпрыга — не зря же все это стряслось с СССР и подвергло истязанию Россию, а также от нового очередного «дружеского» контакта страны с самодовольным, беспардонным и хищным Западом, решительного от него отпрядования, вовсе и не на Восток, как многим кажется, а к себе самой — к России.

Россия идет, возвращаясь и обновляясь, к России, как раз к той, которая и может стать согласно с ее собственным проектом, который надо не так строить, как позволять ему самому, пусть и с оглядкой, строиться.

Россия выходит на подъем — как раз пирамидный, вовсе при этом не вавилонского пошиба, а соответствующий заложенному в строительно-домовом коде Руси-России и воплощенном в ее шатровой архитектуре от древних теремов, башен и церквей до провиденциально выстроенного над Москвой великолепного здания Московского университета — совершенно ведь пирамидального. И Россию ныне никому и никак на сем пирамидном подъеме не остановить — ни родным «доброжелателям», ни чужеземным пособителям, ни откровенным врагам.

Не то теперь славные своей материальной культурой, идеальной антикультурой и необыкновенным зазнайством Соединенные Штаты Америки, вдруг в мгновение всевидящего ока превратившиеся в одряхлевшего, хотя и страшно молодящегося, с накаченными рыхлыми мускулами безумного старичка, что то же самое — из недостроенной, хотя и шикарной и гордой пирамиды в увядшую саморазваливающуюся Вавилонскую башню.

Если кто-то из экзальтированных почитателей Америки не замечает уже аварийного состояния сей великолепной поставилонской башни и не слышит пока еще негромкого скрипа от задвигавшихся туда-сюда ее навечно вроде бы поставленных правильными рядками камней, тот может обратить внимание на в высшей степени выразительное безумие, вполне уже и субстанциональное, незаметно, но верно охва-

тившее насельников потрясающей по красоте и трясущейся от самой себя плоскокрышей американской башни.

А башня сия не сдаётся, держится за саму себя, источая на мировую округу гнев свой и печаль, отчего и постреливает, не очень-то достигая намеченных целей, зато сея вокруг много боли, страдания и смерти.

Очень уж смертоносной выходит сия недостроенная башня, только что вроде бы коснувшаяся небес и на тебе — затрепетавшая от страха перед взятой высотой, заволновавшаяся, завибрировавшая, затрепавшая.

В чем же тут дело?

А всего лишь в недостойной смертных попытке занять место... всевидящего ока, то бишь и самого Господа Бога. Бац, и нет уже новой Вавилонской башни! Нет, конечно, она все еще есть, она стоит, пошатываясь, но уже не только как священная пирамида, но даже и не как Вавилонская башня, а как... груды камней, образцов, осколков... нет, конечно, не буквальных булыжников, а всего лишь виртуальных, эфирных, метафизических «вещиц», — где она ныне, славная Америка?

Любопытное это дело — саморазрушение, самоаннигиляция, самоисчезновение. Был тот же СССР с его полумиром, и, вдруг, нет ни СССР, ни его полумира. А всего-то один таинственный «чек» пришел там во власть, — и... *ничего!* Вот и в Америке всего-то один «чек» явился во власти, и затрясло вдруг Америку, и заколбасило, и забезумило. Вот оно как!

Точка тут, всего лишь точка, та самая — реперная, или сингулярная, а в точке этой всего лишь «чек», ну и... пошло-поехало, сначала в СССР и с СССР, а теперь вот в США и с США. Трудно в американское наваждение поверить не в пример советско-социалистическому. Да, трудно, но увы, есть он — ход самой по себе истории, а может, и не истории вовсе, а метаистории, если вообще не какой-то там внеистории, оплодотворяемой Великой Неизвестностью.

Энтропия! Интереснейший феномен, как, собственно, и феномен негэнтропии, который даже поинтереснее энтропии будет. Как полвека назад стала исчерпываться созидательная негэнтропия в СССР, уступив в один прекрасный момент свое место смертоносной энтропии, так и теперь американская негэнтропия уступает место американской же энтропии, — и что тут не делай, а все равно «трамп» получается — великая лажа, так сказать.

Энтропия, конечно — прежде всего усталость, старение, утрата энергий и сил, но не только — это еще и искажение пути, потеря цели, убыль предназначения, но и это не все — это еще и исчерпание... *самого себя!* Как СССР, оставаясь вроде бы сильным и вовсю для чего-то великого предназначенным, попросту исчерпал себя — как мощного фигуранта бытия-истории, так и США, оставаясь сильными и вроде бы все еще для чего-то великого предназначенными, исчерпывают самих себя — и тоже как мощного фигуранта бытия-истории. От великого нечто до нулевого ничто даже не один шаг, а всего лишь мгновение, разумеется, не временное, а смысловое. Вот так!

В интересном положении оказалась ныне и Европа, которая Западная, почти сплошь объединенная в рыхлую, но все-таки единую пирамиду — Брюссельскую (этакая получилась самозванная пирамида из сонма пирамид и пирамидок). Европе пора уже освободиться от своего заокеанского опекуна, выставив на всеобщее обозрение и вправив в мировой бытийно-исторический процесс свою собственную, пусть и не молодую, но обновленную всем организмом, пирамиду, весьма и, знаете ли, имперскую — новый европейский Рим, пусть пока и не «четвертый Рейх», но все-таки! В то же время Европа, она же Европейский союз, проглотив кучу балтийских и центральноевропейских стран — пирамид и пирамидок, — явно почувствовала себя не слишком здорово, обнаружив не одно лишь затратное экономическое напряжение, но и, что более гнусно, вполне политическое раздражение, ибо сии страны-падчерицы (или страны-приемыши) оказались на поверку весьма привередливыми и строптивыми (недаром все из бывшего соцлагеря или прямо из СССР). Уже поэтому ЕС стало малость мутить, а уж когда из ЕС стала выходить великая несносная «англичанка», то по Европе явно проскочила судорога... нет, конечно, еще не отчаяния, но уже... кое-какого несварения — точно! Да и в самом ЕС уже через край противоречий и неустройств, обязанных не только беспечной Греции и какой-нибудь бесшабашной Каталонии, но и вполне себе рассудочным Австрии и той же Италии. А ежели взять Францию с ее закоренелым недоверием к Германии, а саму Германию в ее унижительном положении плодотворной дойной коровы, а... а... а... и т. д.? Да, общеевропейский союз вроде бы имеет место, хоть и потрескивает по некоторым швам, а вот необходимые уже для Европы Соединенные Штаты Европы что-то не получаются, да и вряд ли вообще получатся — для кое-какого межгосударственного объединения Европа оказалась годна, а вот для полного политического единства, чуть ли не слияния — нет. Отсюда и кризис нынешней Евро-

пы, из которого она то ли выйдет, укрепившись в целом или разделившись на части, то ли нет, попросту уже распавшись. Очень в интересном положении оказалась ныне Европа, что говорить!

А что же *такого* творится ныне в Европе? Да все то же — энтропия, за которой рыхлость, дырчатость, рассеяние, распад. И откуда Европе взять новую порцию негэнтропии, чтобы не только поддержать себя, но и обновиться, преобразоваться, выйти на вектор нового европейского бытия? Был когда-то «план Маршалла», сообщивший Европе потребную ей тогда негэнтропию, а потом явились внутриевропейские интеграционные процессы, сию негэнтропию весьма и весьма усилившие, потом... потом рухнул СССР со своим соцлагерем, опять же в пользу европейской негэнтропии — рынки, экспансия, внешняя кровь, но, как и водится в этом злосчастном мире, пришли и кое-какие нехорошие вещи: разгром Югославии и той же Ливии, чего история никогда не простит Европе, как она не простила СССР и соцлагерю тех же Венгрии с Чехословакией; выхаживание Косова — этого криминального всеевропейского анклава; дурной заход в Грузию и на Украину; унылое и бесперспективное противоборство с Россией (те же антироссийские санкции); нашествие на Европу южных иноплеменников и иноверцев; мусульманизация Европы с утратой ею своего христианского лица; новая культурная (постмодерновая) идеология вкупе со странной антикультурной политикой; нашествие субстанционального элитного безумия. Как и Америке, актуально платящей внутренней кутерьмой за Сербию, Ирак, «Арабскую весну» и ту же атаку на Россию, Европе тоже случилось ни с того, ни с сего платить по свеженьким счетам: — не успела Европа насладиться своей протоимперской мощью, двигаясь на Юг и Восток, так на тебе — подлая внутренняя энтропия и угроза распада, а ежели и не распада, то кое-каких пренеприятнейших передрыг. Так вот все и бывает!

В реальном бытии-истории все самое судьбоносное почему-то происходит не так, как провидит человек, ибо бытие-история тоже ведь сознание, только не такое, как у отдельного человека и даже у группы людей, коллектива, общины, общества, мало того, в этом обобщенном бытийно-историческом сознании царствует не просто большая неизвестность, а неизвестность работающая и решающая, лишь частично улавливаемая одаренным на этот случай человеческим сознанием — посредством исключительных откровений, вполне и трансцендентных.

Есть игра престолов, а есть игра хомо-социальных пирамид, — и любая достигшая неких пределов своего бытия пирамида непременно

рушится — как сама по себе, так и под беспощадными ударами извне, чтобы либо уступить свое место другой пирамиде (или пирамидам), либо позволить возникнуть где-то рядом или вдали какой-то иной пирамиде (или пирамидам), что как раз и лежит в глубокой сути игры пирамид — игры не на жизнь, а на смерть, хотя в параметр сей игры входит в соперничество между собой живых пирамид — уже по самому факту своего существования, не говоря о почти неизбежной их взаимной неприязни и конфронтации.

СССР-пирамида рухнула, чтобы высвободить пирамидостроительную энергию ряда новых субъектов, но и... чтобы уступить место возведению новой российской пирамиды — восточноевропейской и евразийской вкуче, хотя, конечно же, формально еще вовсе не выраженной.

Очередь рухнуть теперь за всемирной Запад-пирамидой, включая США-пирамиду и Европу-пирамиду, однако суть дела тут не так в их непременном развале, хотя это и не исключено, как в их неизбежных коррозии, разделении, ослаблении и историческом отступлении. Звучит, кажется, нелепо, фантастично, даже и глупо, но бытие-история никаких такого рода оценок не приемлет, оно просто вершит свое бело-черное дело, никак не обращая ни к лепости им проделываемого, ни к реалистичности, ни к умности — вершит себе и все!

Однако у всякой пирамиды есть хозяин, восседающий на ее вершине, он же управитель, удерживатель, благотворитель, что не мешает творить ему и кое-какое зло, и немалое беззаконие, и подленькую мерзость. В общем, у каждой пирамиды свой владетель и водитель — то как известная персона, лицо, вождь, то как потаенный штаб, коллегия, синклит, а раз так, то пирамида всегда субъектна, осознаниенна, волева, а потому она всегда имеет свой выраженный интерес и хорошо осознанный резон быть, держаться, не уходить, ничего не уступать, не исчезать. Тут мало бывает деловой эффективности и даже военной силы, тут бывают потребны активные во все стороны действия, не исключая и хирургических вмешательств в иные организмы, как и любого рода внешние войны.

Всемирная глобальная пирамида, самоуверенно ведомая американо-английским административно-финансовым — в немалой части закрытым — истеблишментом, поднаторела во всем активном бытожитейском ассортименте ради самосохранения, себя укрепления и своего жизнеспособия. Во всем! Включая жестокость, обман, ложь, подкупы, провокации, кризисы, перевороты, революции, войны, причем по-

всюду, не исключая и самих любимых всеми США с Англией. Иначе ведь нельзя — это вам не укромный пяточок по имени Люксембург или искрящийся карлик по прозвищу Монте-Карло, это — целый мир, а у него свои требования к управлению и жизнеспособности. Вот и идет сейчас войной всемирная американо-английская пирамида на пока еще едва обрисовывающиеся протопирамиды вроде российской и китайской, экзистенциально ей явно угрожающие, хотя главная угроза для всемирной пирамиды исходит от нее же самой — не дряхлой, но кое-какой предательской молью уже подернутой; еще вроде бы идейно не слабой, но уже утрачивающей свою концептуальную мощь; извортливой как будто бы, да уж слишком уже нечестивой; прогрессивной-де, да что-то решительно обезумливающей.

Безумие ведь не приходит само и вовсе не всегда и не обязательно приходит в физически немощный организм, — соблазн всевластия, глобальной эксплуатации и тупого гедонизма ничем, кроме как коварным безумием, не оплачивается!

А от тихого миролюбивого безумия до безумной войны, увы, один миг, как раз между славным-де прошлыми и уже вполне бесславным будущим.

Это не так война Америки против России и того же Китая, как война вытягиваемого Америкой из преисподней inferнального антимира со всем человеческим миром вообще — вот что ныне главное! И такая война не может не быть тотально, субстанциально и институционально безумной. В этой войне нет ни глубинных мотивов, ни больших задач, ни высоких целей, как не может быть ничего подобного у любого возбудившегося вдруг безумца. Любопытно, что двинулась умом не одна Америка вкупе с Англией и кое-какой Европой, а вся всемирная пирамида, ведомая взбесившейся Америкой, исключая, быть может, тех ее членов, которые, почуввав опасность, двинулись прочь из нее, сбрасывая на ходу ее желтые одежды.

Речь уже не о границах, не о ресурсах, даже не о выживании как таковом, а о самом бытии, его образе, его, если хотите, *концепции* — и тут встает самый что ни на есть метафизический вопрос: ежели быть, то кем и как быть, коли уже не по-американски, не по-европейски, да и не по-китайски, не по-индийски, не по-ирански, не по-японски, вообще не по-каковски, и не по-российски тоже, мало того, не в соответствии ни с какой известной идеологией, включая и все мировые религии?

Ну и ну, вот и доигралось прогрессивное человечество, все более подпадая под нейрокибертехническое владычество — до великого себя отрицания!

Отсюда не что иное, как совершенно концептуальный характер разгорающейся войны мировых пирамид, — и не в самих пирамидах тут дело, а в их, пардон, *концепциях* — в их концептуальной, знаете ли, мистерии.

Оставь, наука, поле духовно-идейной битвы, открой дорогу Откровению, может, у страждущего человечества что-нибудь хорошее и выйдет!

О РОССИЙСКИХ ЗА ПОСЛЕДНИЮ СОТНЮ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИЯХ, ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ПОТАЕННОСТИ, БЕЗУМИИ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ

1. *Революция* — волевой (по преимуществу насильственный) радикальный переворот (резкий выворот) в текущем бытии-истории, его образе и способе реализации, а не сами по себе, обычно сопровождающие сие событие-происшествие, акции и процессы вроде бунтов, восстаний, массовых протестов, уличных демонстраций, стачек, гражданского (антигражданского) неповиновения, войн, вспышек террора и бандитизма, анархии, неурядиц, произвола, вообще всяких потрясений, острых пертурбаций и грубых перемен.

2. *«Цветные революции»* — тоже революции, но более всего в роли спусковых механизмов для либо уже назревших, либо удачно спроектированных и успешно вытасканных на свет собственно революций, а если и не особенно назревших, то в той или иной мере обоснованных реальным бытием-историей.

3. Революция — всегда *трансгрессия*, то бишь переход (перескок) от чего-то бытующего к чему-то *другому*, еще не бывшему, как правило, к чему-то и *противоположному*, вовсе при этом не обязательно к уже когда-то ранее существовавшему (тут действует неумолимое «отрицание отрицания», хотя и возвратное, но все равно неорекон-

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 11—26.

струкционное — а иначе, какой же тогда прогресс, какая новизна, какая поступательность на бытийно-историческом векторе?).

4. Революция — целостно, обычно весьма длительно и непременно глубинно обусловленное переворотное (выворотное) событие-происшествие в бытии-истории, вызываемое, навязываемое либо попущенное, — не без издевки над самим же собой, — ничем иным, как именно *бытием-историей*, а поэтому в чем-то базисном, решающем и главном определяемое... о-о!.. *неизвестностью*, являющейся вполне адекватной принадлежностью бытия-истории, его *потайной* «частью» (тут хорош для примера образ айсберга — видимая, подвижная, беглая, бурлящая часть революционного события-происшествия, во многом вполне субъективного накала и горения, и невидимая, весьма покойная, инертная, как бы утишенная часть, вовсе вроде бы и не событийная, но зато *всё основное* в событийной части и *решающая*).

5. Революция — следствие 1) хронически неправильного (или же как бы неправильного) прошлого, 2) неверного (или же как бы неверного) настоящего и 3) праведного (или же как бы праведного), хотя и в аспекте всего лишь ожидания, будущего; это безусловный бытийно-исторический *срыв*, обязанный своим фактом не только субъективному фактору, вольно или невольно его подготавливающему, провоцирующему и реализующему, не только возникающим, нередко ни с того ни с сего, объективным-де обстоятельствам, не только всей сложившейся к революционному моменту-событию общей ситуации, на привычном историческом ходу непреодолимой, а потому и ее дальнейшей бытийной невозможности; тут имеет место роковое схождение «плохого»-де прошлого, «порочного»-де настоящего и «хорошего»-де будущего, обусловленное *деградацией* (ослаблением экзистенциональной потенции) уже имеющегося бытия-истории, накоплением в нем разрушительных энергий и сил — что объективных, что субъективных, ростом нетерпеливых (и даже лихорадочных) ожиданий чего-то *иного*, — поначалу все это бытует подспудно, латентно, не слишком заметно, потом все более явственно и замечасмо, — наконец следует *взрыв*, за которым и *срыв*, — что особенно и «занятно», ибо это не что иное, как прыжок в закулисы, зазеркалье, подполье, в темень, в неизвестность, в... *никуда* (о непременной в таком разе преисподней здесь можно и промолчать)!

6. Бытие-история, как и сам человек, его сознание — *органически апокалиптически*, хотя бы в силу непреодолимого, пока есть человек как человек, противоположения в человеке природного (материнского) и неприродного (отцовского) начал, между собой неустанно борющихся, а

потому, если к этому еще добавить, что ничего действительно реального, кроме кругового насилия, верховенской иерархии и эксплуатации себе подобных человек для себя не придумал, а это есть мощнейший катализатор органической апокалиптики, а соответственно, как не трудно догадаться, и таких явлений, как война, каннибализм и даже какой-нибудь инцест, как те же издевательства, пытки и казни, ну и революции тоже. Хочешь не хочешь, а апокалиптика бытия-истории непременно приводит к его обращению вкупе со звероподобием человека к срывам бытия не куда-нибудь, а прямо в *небытие*, а человека — в *безумное зверство*, что как раз и получает шанс оказаться именно революцией.

7. Полоса, момент, миг революционного небытия (хаоса) и зверства (беззакония) — полоса, момент, миг торжества погибельного небытия и смертоносной зверскости. Революция наступает (случается, выпадает, вспыхивает) в полосу, момент, миг забвения, помрачения, паралича бытия-истории, когда бытие-история, то ли изнемогая от самого себя, и себя уже негэнтропийно не удерживая, то ли не в силах сопротивляться противному относительно себя энтропийному наплыву, сдается и как бы уступает на время, даже и на краткий миг, свое место небытию с его хаосом, беззаконьем, беспорядком, произволом, ну и, разумеется, вполне изуверским зверством.

8. Держать бытие-историю, противостоя апокалиптике и ею же пользуясь, как и пользуясь накопленным бытийно-историческим опытом и ему же противостоя, надо *уметь*, а ежели сие умение, пусть и обильно сдобренное насилием, куда-то улечивается, то неизбежно наступает *бытийно-историческая катастрофа*, умильно называемая в образованных по-европейски умах *революцией*, а сейчас — *бифуркацией*, — это ежели длящееся в каком-нибудь земном месте бытие-история не исчезает насовсем — как жертва катастрофы-революции-бифуркации, вполне уже инфернально-эсхатологической.

9. О Российской революции 1917 г. много чего говорено, но так ничего толком и не выговорено, причем не так даже о самой случившейся катастрофе протекавшего тогда бытия-истории вкупе с обрамлявшей его Российской империей с ее населением, как о мотивах сего срыва-крушения, в нем действительной нужде, а также о ближайших, отдаленных и дальних следствиях сего великого небытийно-внеисторического события-происшествия. Какой же был смысл в этой Революции — кто ж знает?! Автор сих строк кое-что знает, ибо в сей Революции... не было вообще-то никакого бытийно-исторического смысла, точнее, какой-то смысл и был, но лишь в самой... *бессмыслице!*

10. Сия Революция не подпадает ни под один всамделишный для той же России смысл, то бишь ни подо что, чего бы нельзя было совершить в стране безо всякой революции, но... ни бытие-история, ни ее главный вроде бы творец-человек никаким смыслом, кроме на тот роковой момент тотального *бессмыслия*, не обладали, как когда-то не обладали смыслами в угоду аналогичного бессмыслия те же Нидерланды, Англия, Франция со всеми своими бунташными голландцами, англичанами и французами. Держа в голове всякие намеренные, а нередко попросту надуманные, смыслы, надо непременно окунаться с головой в подавляющую всякие бытийные смыслы... *бессмыслицу*, — только тогда можно сделать «хорошенькую» революцию и стать ее великими героями-творцами.

11. В момент революции бытие-история отказывает себе в своем собственном мерном и осмысленном течении, ухая в бездну, а своим взвинченным участникам — в разуме, кидающемся в безумие. Это только кажется, что бытие-история в момент революции продолжается, что действие революционеров вполне разумны, нет, тут всё совсем не так, ибо в революционном недобром замесе инициатива принадлежит хаосу и безумию, ибо без них ничего ни у бытия-истории, ни у человека, страждущего чего-то нового, а главное — *иного*, получиться не может, причем вовсе не то, что кажется на перспективу вершителям революций, а то, что и в дурном сне показаться не может, а именно... вполне *роковое неизвестное!*

12. Уход от власти царя Николая II и невхождение в нее великого князя Михаила — еще не революция, но зато ее явное предварение; думали ли венце-уже-*не*-носные братья о предстоящей революции — вряд ли, скорее, не думали, хотя и невольно стали первыми по значению российскими ответственно-безответственными революционерами 1917 г., наверное, и самыми эффективными; они и не заметили, эти несчастные братья, как не только сами погрузились в бессильное предреволюционное безумство, пусть и вослед своему высшему фронтовому генералитету, но и дали первый и последний зеленый свет уже нараставшему, вполне при этом и сильному в своей нетерпеливой на тот момент потенции, российскому бытийному и человеческому безумству; ну и далее настала очередь других революционных безумцев: сначала таких, как Львов, Керенский или тот же Савинков, затем уже таких, как Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Бухарин, Каменев, Зиновьев... каких там еще «пламенных революционеров»... Дзержинского, Фрунзе, Котовского... многих, очень многих из бесчисленного революционного легиона;

однако нельзя тут забывать и о революционных *контр*-революционерах, прежде всего о генералах, среди которых были и те, кто как раз и обеспечил срыв России вместе с ее царем в пучину Революции — Алексеев, Брусилов, Колчак, призвавшие Николая II к отречению, ну и о других бывших царских военачальниках вроде Корнилова, Деникина, Юденича, Врангеля; в революционную мешанину попали все — «профессиональные революционеры» (Sic!), «непрофессиональные революционеры» из того же Временного правительства, совсем уж не профессиональные контрреволюционеры, как те же генералы, многие жаждавшие революции «интеллигенты», включая сильно и слепо взбудораженных Серебряным веком крикливых поэтов, ничего такого не жаждавшие мещане, рабочие, крестьяне, солдаты, матросы и офицеры, инженеры, врачи, педагоги, женщины, дети, да мало ли еще кто из задетых беспощадной Революцией и обреченных на революционное безумие россиян!

13. *Революционное безумие* — это вещь! Без него ведь ни о какой революции, даже простенькой «цветной», не приходится и мечтать: только через хаос и беспредел, только через произвол и безобразие, только через беззаконие и анархию, только в фундаментальной бессмыслице происходящего! Тут потребна бесстрашная, безразмерная и беспощадная расправа с прошлым и настоящим ради чего-то *иного*, причем *неизвестно какого* (!) — с нуля, с чистого листа, с ничто, непременно и через бездну — жутким, кровавым, смрадным походом!

14. Смысло-содержательная, она же и позитивно-конструктивная, суть революции вовсе не в самой революции, а в её... уже и в главном антиреволюционных следствиях, в том именно, что выходит дееспособным из революционного ада и закрепляется в бытии-истории как ее органическая принадлежность — *норма*! Интересный факт: суть революции оказывается как бы отодвинута во времени от собственно революции, выходя уже из рук... *антиреволюции* и не имея (почти не имея, мало имея), качественной, кроме странно-генетической, связи с революцией. А ежели эффект от революции, о котором речь, посчитать за саму революцию, то даже и в этом случае получается, что суть революции... *не в самой революции*, а где-то *за ее пределами*. От революционной неизвестности к революционной известности, однако все-таки... *пост*-революционной известности!

15. Какое же «умие» вылупилось в конце концов из российского революционного безумства 1917 г.? Учитывая, что Революция носила весьма выраженный антироссийский (антиимперовизантийский), но при этом еще и антирусский, характер, но при этом, уже после октября

1917 г., еще и антистароевропейский (тот же марксизм — в Европе рожденное, но при этом вполне антиевропейское в идейно-политическом плане учение-движение), то из щедрого на разрушение российского революционного безумства могло вылупиться с учетом мировой имперо-конкурентной и агрессивно-воинственной обстановки, тоже весьма что-то безумное, но только уже умно-безумное — и этим чем-то стало одно — *сталинизм!*

16. Сталинизм — это крайний этатизм, еще и тотальный, это вполне себе армейщина с ее иерархией, субординацией, дисциплиной, ответственностью, ну и, как водится, с карающим мечом, как и с побудительными поощрениями, заслуженными наградами и прощающей кого-то и за что-то высшей милостью. Экономика с ее деньгами, ценами, капвложениями, расходами, доходами, банками, кредитами и т. д. под жестким контролем, если не в резервации. Командное директивное сверху вниз из центра управление «народным хозяйством», господство плана и натуральщины. Фактически рабский труд, при этом не исключавший технического и иного творчества. Никакого властного демократизма, кроме совещательного, самоконтрольного и исполнительского, да и то в пределах подконтрольного коллективизма. Советы, союзность, федерализм, братство народов, даже социализм — имитационная, словесная, лозунговая, митинговая «шелуха», но никак не действенная реальность. Цивилизация, конечно, даже и с ненавязчивым правом, весьма добротной культурой, высокой словесностью, большой наукой, завидной инженерией, всесторонним изобретательством, но... вся в рамках, в матрице, в арматуре. *Спартанско-византийско-ордынская!* Хоть и погромившая охотно, жестко и масштабно византийско-православную церковь с полным отрицанием религии вообще, но охотно, жестко и целостно взявшая на вооружение не одну армейскую, но и церковную организацию с ее идеологической систематикой, приспособив к своей однопартийной (вплоть до писаний, образов, собраний и песнопений, разумеется, уже своих по форме и содержанию). Марксизм, заменивший идейно-практически христианство, не избежав при этом ему выворотного уподобления — уже по сути антихристианского, служил сталинской цивилизации не более чем идеологическим прикрытием, как, собственно, и ленинизм. В приоритете был вполне содержательно выхолощенный, уставного порядка, директивного духа *идейный сталинизм*, не бывший не то что «русизмом», но даже и собственно марксизмом. Россия со своей русскостью и своим русским миром оказалась, как и та же

экономика, в сталинской резервации, хотя весьма сталинизмом и использовавшимися — вполне деспотично и по-рабски.

17. Имел ли сталинизм отношение к Российской революции 1917 г.? Да, имел, но лишь как ее, хотя и логичный, но при этом и как бы незаконнорожденный сын — как плод ленинской-де революции и сталинской антиреволюции. Сталин преодолевал разыгравшуюся российско-антироссийскую революционную апокалиптику апокалиптическим же способом — жесточайшей, всеобщей и на время сказочно прочной *диктатурой* (личной, партийной, спецслужбистской, инквизиторской, идеологической — какой там еще?).

18. Была ли у Сталина иная возможность, был ли иной вариант, был ли иной путь? — а ведь это мало что среди разбушевавшейся апокалиптики — движения к ничто через ничто в обстановке беспощадной борьбы всех против всех, включая и само революционное чрево, но еще и, как уже было ранее отмечено, в условиях колоссального межимпериалистического мирового напряжения, вызревания новой мировой бойни, к ней уже и открытой подготовки, как и движения (Sic!) всех державных мировых игроков, включая Европу, Америку, Японию, не к чему-нибудь, а к *постгуманистическому тоталитарному диктатурству* (фашизм в Европе, причем вовсе не только в Италии и Германии; рузвельтовский «новый курс» в США, хоть и не вполне диктатурный, но все же немало и директивный; японский, уже и азиатский, милитаризованный диктат; китайские диктатурные потуги и т. д.). Весь мир прощался с гуманизмом и переходил к диктато-тоталитарным обустройствам социохозяйственного бытия. Монополизация, мобилизация, милитаризация, тоталитаризация, диктатуризация! Так что Сталин, все это зорко увидевший и глубоко осознавший, предпочел всему революционно-контрреволюционному бессмысленному словоблудию, бестолковым инициативам и ни к чему конструктивному не приводящим «деловым начинаниям» не что иное, как... увы — *сталинизм*!

19. Есть болезненный для каждого гуманного сознания и воображения вопрос — *сталинские репрессии*. Да, тут ничего хорошего, вернее, пожалуй — мало что хорошего, но, осуждая сам факт массовых репрессий, надо учитывать всё сразу: апокалиптику, вполне органичную человеку, неизбежную в человечестве межчеловеческую вражду, революцию с ее безмерными жертвами, исторические свидетельства и примеры, необходимость крутых в разоренной стране созидательных перемен, отсутствие на сии перемены спокойного времени и т. д. Наверное, можно было бы обойтись без именно таких вот по масштабу, жестоко-

сти и той же безумности репрессий, но... ничего ведь другого, кроме Сталина и сталинизма, в истории страны так и не случилось, — и вот это-то и должно занимать аналитические умы, как и такие аналоги сталинизма, как «иваногрозневизм» и «петропервовианство»: почему же все-таки *это*, а не что-то *другое*? Одно тут снисхождение напрашивается для Сталина и сталинизма: не Сталин вовсе в мировом бытии-истории придумал репрессии и не только сталинизм ими вдоволь «напробовлялся», так что, порицая Сталина и сталинизм, надо иметь в виду, к примеру, и «душку» Кромвеля, и «ребят» от Французской революции, и, разумеется, «милых» европейцев вроде Гитлера, Муссолини или Франко, да и самого Карла Маркса тоже, ну и, конечно же, родных нам «красногвардейцев» и «белогвардейцев» вкупе с их «бесстрашными вождями», да мало ли еще кого.

20. Очень уж тревожит сталинизм в негативном ключе современное сознание — факт! Но куда деть целую серию действительных, а не виртуальных, хотя и очень жертвенных, побед авторитарного «агмистроя»: индустриализацию, массовое образование, социально-карьерный лифт, развитую науку, доступное для населения здравоохранение, высокую, хотя и подпорченную нарочитой идеологией, культуру, массовые физкультуру и спорт с их мировыми достижениями, победную армию, Великую победу в Великой войне, атомное оружие, вырыв в космос, одну из двух сверхдержав, международную соцсистему, главенство над полумиром, — и всё это за четверть века, включая и страшную мировую, а для страны — отечественную — войну? Так вот — *никуда!* — *никуда всё это* реально победное не деть, оно было там и есть тут — в реальном бытии-истории — прошлом, настоящем и... будущем.

21. Мобилизационно-армейская социохозяйственная система, как показал опыт, может иметь великие достижения, но, как тоже показал опыт, на короткий срок — сталинской хватило в полном расцвете на четверть века (уже сам Сталин понимал, что надо *в корне* ее менять, да духу ему не хватало, да и сам он уже уходил шаг за шагом из реального бытия-истории); в ослабленно-усеченном виде ее хватило еще на четверть века, а дальше... дальше последовал все более и более обострявшийся системный кризис, закончившийся из-за отсутствия своевременных коренных преобразований полным и чуть ли не мгновенным крахом, причем вместе с распадом сталинского СССР и сталинской же соцсистемы. Да и само сверхдержавие вдруг юркнуло в тихую небывтийную заводь.

22. На месте сложного, выверенного, действенного, победного сталинского социохозяйственного монстра вдруг образовалась, не без участия антисталинистов и не без помощи внешних антистрановых сил... э-э... зияющая пустотой и смрадом... «черная дыра»! И это-то особенно примечательно: как возник нежданно-негаданно сталинизм из «черной дыры», разверзнутой революцией 1917 г., так и рухнул внезапно обратно, несмотря на все свои жертвенные победы, в «черную дыру», услужливо открытую для него уже антисталинской революцией, а относительно большевистской Революции 1917 г. — *контрреволюцией*.

23. Вот и он — феномен замыкания бытия-истории на самое себя: *от революции к революции!* Выходит, что вроде бы весьма уже постреволюционный относительно Революции 1917 г. сталинизм, долженствовавший закрепиться надолго в бытии-истории, чуть ли не на века, оказался какой-то временной *экстра-* или *вне-*бытийно-исторической данностью, не подлежавшей органическому единению с бытием-историей, прежде всего с российским, хотя и был, наверное, необходим бытию-истории, может, даже и российскому, но все-таки как лишь от основного течения некая чрезвычайная, если не экстравагантная, девиация (что не значит, что не могущая как-то вдруг и повториться, разумеется, иначе, в ином образе, в иной трактовке).

24. Теряется разум, мечется душа, неровно ухает сердце — что же всё это такое? Безумная революция; кровавая пореволюционная баня; затяжной и очень зигзагообразный выход из безнадежной ситуации; спасительная-де сталинская «казарма» со зверским репрессивным инквизиторством, крепостническим трудом, мобилизационным творчеством и энтузиазменным — социалистическим-де — словесно-кнутовским «погонялом»; великие победы и вдруг... *величайшее самопоражение*, а за ним — за этим чудесным самоисчезновением — *новая революционная бездна*, но не так полная всклокоченного безумия, как это было в 1917-м и многие последующие годы, как безумия негромкого, незвонкого, даже и вкрадчиво-мертвящего, вовсе не тронутого не то что моралью, но даже и самой захудалой человечностью, то бишь тут уже было какое-то самое что ни на есть *не-человеческое* безумие — голодное, хищное, алчное, механическое, вовсе не иллюзийное, не романтическое, не утопическое, даже не теплое, не то что горячее — холодное, расчетливое, умное, логическое, уже вполне и совершенно *инфернальное*, в общем — *не-людское!*

25. Да, то была реставрация частной собственности, но с бессовестным захватом очень и очень малым меньшинством очень и очень

больших богатств, причем созданных очень большим трудом подпавшего под очень большой большевистско-сталинский гнет немалого населения России-СССР (от подневольного населения требовался совсем не дорогой по цене, включая и очень дешевый, а то и вообще бесплатный, но непременно самоотверженный труд с беспрекословной исполнительностью, а от тотального государства — гарантии защиты, безопасности, социального обеспечения, образования, здравоохранения, карьерного роста, еще и уверенности в будущем, однако при общем управлении сверху и векторных инициативах из центра).

Вышло так, что Сталин со своим сталинизмом невольно выполнил одну важную бытийно-историческую задачу, как оказалось, главную для постсталинского алчного присвоительного племени — задачу так называемого «первоначального накопления капитала», причем не органического для той же трудящейся буржуазии, а вполне внешнего для «новобуржуазных» захватчиков накопленного богатства. Любопытно — не правда ли? — сталинизм как невольная, но эффективная предтеча не трудового вовсе, а вполне грабительского капитализма! Следовательно, и Революция 1917 г. в ее конечной «социалистической» интерпретации — такая же предтеча! Но самое тут поразительное даже не в созданных сталинизмом богатствах, а в созданной сталинизмом с участием и подпольного антисталинизма, вовсе не малой армии захватчиков сего народного-де, государственного-де, общественного-де богатства. Вот где парадокс, так парадокс! Сталинизм, всячески борясь с частной собственностью, предпринимательством, казнокрадством, личным обогащением, экономическими преступлениями, криптопроизводством и крипторторговлей, спекуляцией и т. д., обеспечил вызревание в своих порах особой-опарышей, не подлежавших, как выяснилось, никаким, даже и отрицательным, человеческим-де характеристикам. Вот он — главный продукт коммунистического тоталитаризма, вроде бы и морального, и правильного, и победного! Ах, какая тут злая ирония бытия-истории!

26. И снова на коне оказалась анти-Россия с широко открытыми дверями для западной мирной-де и продуктивной-де интервенции в страну, сдачей страны благому-де Западу, ее колонизацией этим же Западом. А всё потому, что «прихватизаторы» не могли бы состояться как новые владельцы страны без поддержки Запада, его заинтересованного участия, как и без внедрения «новых псевдорусских» в вожделенную ими западную райскую кущу — второсортьем, конечно, но... лишь бы... *туда и там!*

27. И вот тут явилось неожиданным чудом в России кое-что совершенно невозможное — большая конспиративная перемена в верхах на рубеже 1990-х — 2000-х гг. с более или менее прояснившейся ее сутью в ее же последствиях к середине первого десятилетия XXI в. — как раз через полтора десятилетия после революционного 1991 г., как заметим особо, что-то подобное произошло и с восходом сталинизма на рубеже 1920-х — 1930-х гг. — аккурат тоже через полтора десятка лет после катастрофического 1917 г.

28. Весьма судьбоносной оказалась сия перемена — вроде бы ради продолжения подлейших 1990-х, закрепления успехов криминальной во всех отношениях, антироссийской и даже противучеловеческой, вполне и русофобской, революции... э-э... *без революции*, но в то же время и ради чего-то... *иного*, если и не контрреволюционного, то явно *иного революционного*, а именно, как стало более или менее понятно к середине нулевой десятилетки — сначала ради *административного*, а потом и, что уже было настоящим громом среди ясного неба, правда, беззвучным — ради *отечественного*, причем не без обращения и к кое-чему *историческому российскому*, даже толикою и к... *советскому* (!). Не переворот, конечно, но кое-какой крутоватый разворот с кое-каким выворачиванием только что вывернутого, — это уж точно! Дальше — больше, и к 2017 г. вдруг стало ясно, что перед взором любого скольконибудь пронизательного наблюдателя на части территории бывшего СССР, стоит, то бишь на «поляне» Российской Федерации стоит, а не маячит вовсе, именно стоит... РОССИЯ!

29. Нет, не революция вроде бы, и не контрреволюция, но довольно-таки революционная по своим итогам *новая перемена* в бытии-истории страны: только что в жуткие 1990-е на российской территории вольготно резвилась прозападная анти-Россия, как вдруг, откуда ни возьмись, восстает на той же территории... *Россия*, да еще и суверенная, самостоятельная, чуть ли не царственная, да еще и боеспособная, решительная, «злая». Ну и дела-а! Попробуй-ка — разберись!

30. Нет, вовсе не благостная, не совершенная и даже не очень-то справедливая, а весьма даже проблемная, занозистая, немало и злостная, но, во-первых, Россия всё-таки, а не глобалический заповедник-резервация, во-вторых, Россия заново образующаяся, ищущая свое новое бытийно-историческое воплощение, в-третьих, Россия, хотя еще лишь идущая к себе, но вряд ли уже останавливаемая кем-либо и чем-либо на этом, пусть и тернистом, может, и не бескровном, но исторически совершенно оправданном пути.

31. Чудо, вполне себе чудо! И это при всех, хотя и весьма уже скорректированных, достижениях-плодах коварных 1990-х, которые есть, бытуют, входят в новую Россию: демократизм, губернаторство, публичное представительство, многопартийность, капитализм, финансизм, олигархат, богачи, средний класс, заядлый менеджеризм, беднота, маргинальность, но при этом сидит в современной России и кое-что из «гносного» прошлого вроде социализма, феодализма, «самодержавности», ордынщины, армейскости. Что в итоге будет и какой реально станет строящаяся вроде бы не по плану, но и не без кое-какого стратегического субъективного намерения, Россия — дело реального бытия-истории с его «ходом человека», «ходом вещей» и «ходом неизвестности», а для нас здесь важно связать этот внезапный выплеск *России в России и в Россию* с российско-антироссийской Революцией 1917 г., с последующим за ней крутым сталинизмом, его великими победами и внезапным крахом, с предательски противострановыми, но очень и очень круто переменными, 1990-ми, в общем — с прошедшим с 1917 г. воистину тернистым, многострадальным, многопобедным, воодушевившим, и не один раз круто и inferнально вывернутым столетием.

32. Выходит, что уже в петровско-екатерининской романовской Российской империи бытовало немало неРоссии и анти-России, даже весьма подмявших под себя Русь-Россию и немало над ней поиздевавшихся. Плененная в собственном доме, она лишь обслуживала трудом, потом и кровью не очень-то российскую, а скорее все-таки проевропейскую по духу своему империю — а такие самодержавцы, как Александр III и его несчастный сын Николай II, так и не смогли мирно и благообразно вывести Русь-Россию из нави и изменить характер всей империи в русскую сторону, несмотря на не малые с их стороны усилия. Победу одержала сначала проевропейская временноправительственная полусила, потом и проордынская (сталинская) большая сила, которая вновь пленила под себя Русь-Россию, но... все-таки была вынуждена пойти ей навстречу — опаснейшая антиэкзистентная крайность заставила, да и недееспособность надуманного «социализма-советизма» тоже; пришлось даже восстанавливать кое в чем империю времени Александра III и того же Николая II (армия, образование, культура, наука, инженерия, архитектура, даже и... церковь). Бытие-история идет, хоть и прерывисто, с падениями и крахами, но и постоянно выворачиваясь, меняя обличье всех его системных и личностных фигурантов, колеблясь *от* и *до*, самоотрицаясь и непременно снова самополагаясь.

33. Ну вот и славные, они же и «лихие», «послекраховые» 1990-е. Казалось, что России конец («Метили в коммунизм, а попали в Россию!»), — и действительно так оно и было: поносимая «жертвами сталинизма», разными «ненавистниками» социализма-советизма, яркими адептами «цивилизованного и благополучного» Запада (и в самом деле очень и очень потребительски «вкусного» и гедонистически завлекательного, безудержно манящего, воистину «манкового»), но при этом расхватавшая новыми своими «прихватизаторами», Россия погрузилась не просто в большой раздрай, жуткий аморализм и немалое отчаяние, а прямо-таки в некую «бездну бездноты», долженствуя благопристойно в ней и исчезнуть. Но... нет: не исчезла Русь-Россия, каким-то чудом сохранилась, даже, пожалуй, и уцелела (в нави, в душах, в умах, в традиции, в идее, в метафизисе, в самой даже своей трансценденции). И восстала она вдруг — как птица Феникс из пепла: оболганная, поруганная, обворованная, чуть живая, и пошла вдруг на подъем, ибо, как который уже раз в истории выясняется, что без сущностной Руси-России стране России попросту *никуда* — без этого вековечного *корабля спасения!*

34. Не надо, всезнающий читатель, криво в сем месте ухмыляться, встретив сии «наивные»-де неученые рассуждения, а оглянись лучше вокруг, да и обсмотри родные окаёмы, может, что-нибудь тобой совершенно не мыслимое и заметишь! Да, ни строго логически, ни системно, ни научно, ни даже просто по-житейски тут ничего не понять, не объяснить, не уразуметь, ибо само Бытие-История вовсе не строго логично, не системно, не научно и даже по-житейски не разумно, у него своя... э-э... не логика вовсе, а лишь свой... *промысел*, совсем и не логичный, своя *телеология*, своя *апокалиптика*, своя и *эсхатология*, согласно которым России не только еще не наступил конечный срок, а наоборот — её *новое время* только еще наступает! Могла ли Россия обойтись без Революции 1917 г., всех ее последствий и дальнейших бытийно-исторических выворотов? Нет, не могла, как и не может она стать ни чем другим, кроме как быть *самою собою* — и в этой необъяснимой крепости и живучести Руси-России залог ее... нет, вовсе не процветания по типу удачливой Европы и успешной Америки, а всего лишь какой-то, просто так и не вообразимой, мирового значения судьбоносной для человечества экзистенции!

РОССИЯ НА ПУТИ К РОССИИ

«Россия» — это не нейтральное название страны, а вполне онтологическое имя, но не только и не столько страны, сколько... э-э... тут надо подумать и разобраться — чего же?.. так вот: метафизической смысловой субстанции — не более и не менее!

Что это за субстанция?

Надо полагать — некое идейно-духовное средоточие (облакообразное ядро), способное не только быть где-то в бытийно-небытийных тайниках мироздания, но и проявлять себя в текущем реальном бытии, производя и сохраняя существующих от поколения к поколению землян, не только человеками вообще, а и какими-то качественно особенными, не такими как все, относящимися и к особым сообществам (массам, совокупностям) — родам, племенам, этносам, народам, расам, ну а затем и к общинам, обществам, государствам, цивилизациям, обладающим своими языками, этносом, культурой, генотипами, архетипами, кодами и т. д., в общем — и в самом деле особенными.

Касательно России выходит, что этим идейно-духовным средоточием, сопряженным и с кое-какой особенной «физикой» (внешностью, органикой, строением тела) является, конечно, *русскость*, носителями которой являются среди людей особые люди — *русские* (как родо-кровные, так и примкнувшие к ним — обрусевшие). Русскость — отсюда и там, а русские — тоже отсюда, но более всего здесь, хотя и русскость тоже здесь, но уже через русских.

Россия как страна, безусловно, пространнее, чем Россия как идейно-духовное образование, но Россия как страна на то и Россия, чтобы нести в себе свое идейно-духовное начало как свою всеохватывающую, хотя и не тотальную, принадлежность.

Россия (Русь) — это и есть качественная суть страны под названием «Россия», а не только характерное обозначение части земного пространства, покрываемой страной Россией.

И ежели говорится о движении России к России, то явно имеется в виду движение страны под названием «Россия» к своей же сути, выражаемой в свою очередь сутью метафизической смысловой субстанции, тоже называемой «Россия», то бишь собственно *российской субстанции*, делающей и сохраняющей Россию именно Россией, ее под-

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 11—22

держивающей и от себя не отпускающей — несмотря на большие, если не роковые, бытийно-исторические перипетии, в немалой части антироссийские, переживаемые испокон веку Россией (Русью).

Да, Россия, обречена бытовать со своим органическим антиподом *антиРоссией* как в своем собственном чреве, так и в окружающей Россию среде. Интересно, что со времени, более или менее нам известном, Россия бытует более всего не как собственно российская, а какая-нибудь иная — вовсе и не такая уж российская: то варяжско-рюриковская, то византийско-христианская, то азийско-ордынская, то европо-«немецкая», то интер-коммунистическая, то евро-америкоглобалическая. И сегодня мы наблюдаем «разгулянье» по России западно-цивилизованной-де антиРоссии, совершившей свою антироссийскую революцию 1990-х и захватившей в стране кое-какие господствующие высоты, однако не овладевшей важнейшими из коренных этно-идейно-духовных.

И что тут особенно знаменательно: как и в прежние времена, ни у какой неРоссии (пусть даже и у самой «злой» из антиРоссий) ничего не получается в России ни в плане конечной расправы с Россией, которая всегда упорно выживает и продолжается, пусть даже временно и в каком-нибудь параобразе, ни без России, которая всегда остается в работно-тягловом, включая и военное дело, общестрановом ядре-основании, без которого как раз у на какой-то срок господствующей не-анти-России ничего конструктивного в России и не получается.

Да, это есть: пользование коренной Россией, ее активная эксплуатация, порою над нею и отвратительный гнет, но... рано или поздно случаются обрусевание не-анти-России и новое восстановление России, пусть и в ином облике, но все-таки... *России* — до очередного то ли срыва самой России, то ли ее намеренного подрыва, то ли наглого ее захвата. Неприятно слышать это коренному русскому человеку, но ведь это — факт!

Россия (Русь) всегда есть и бытует в России, но по преимуществу все-таки в Нави, а не в Яви, — и только оттуда — из Нави, она бывает и здесь — в Яви. Почему же так? А все из-за странной неотмирности России, ее идеи, ее концепции, ее эгрегора, ее сути, как и от невозможности воплотить сию неотмирность в сем мире, полном земной обыденности, обильно ободряемой ныне материализмом, прагматизмом, монетаризмом и постмодернизмом.

Окружающий мир не слишком вдохновляет коренную Россию — она и не находит большого резона быстро обустроиваться на принципах

сего мира: изначальная Русь-Россия жаждет чего-то *иного* — то ли возврата к какому-то золотому прошлому, то ли обретения несусветного золотого будущего, но уж никак не позолоченного долларом настоящего.

Россия открыта для любой неземной импровизации, ибо ее ничто, кроме природы, земли и пространства, в этом мире особо и не удерживает.

Однако это не значит, что Россия не стремится к себе самой — ее же влекущей, хотя и не очень-то ей самой известной. Главное тут — постоянное неудовлетворение от самой себя бытующей и текущей и неутолимая жажда *иной России* — еще не бывшей, да и вряд ли вообще возможной.

Неотмирность России — роковая причина неустойчивости России, ее стремления выйти за пределы привычной житейской обыденности. Отсюда и исходная уязвимость России перед лукавой и деловой не-анти-Россией, как и, наоборот, фундаментальная от сей не-анти-России защищенность, пусть и не монолитная, даже временно ослабленная и местами дырявая, но на удивление стойкая, вязкая, упругая, а в итоге — действенная.

Вот и сейчас, по результатам вполне антироссийской революции 1990-х, Россия, вроде бы уже окончательно покоренная и загнанная в глубокую Навь, вдруг вновь поднимается, пронизывая и окрашивая собой лишь формально российскую, а на самом-то деле весьма и весьма нероссийскую, явь.

Разумеется, дело не в движении России назад, к какому-то своему большому историческому, тем более — фантазийному, образу, нет, совсем нет — речь идет об обретении Россией нового исторического образа, но уже не формально, а и вполне существенно, российского.

Что значит российского в современных реалиях?

Понятно, наверное, что не евроамериканского, не китайского, не любого иного из ныне существующих и даже благоденствующих образцов. Россия — вполне самобытная явленность, не собственно европейская и не собственно азийская, даже и не смешанная евразийская, — это — *российская явленность*.

Определить российскость в общем-то невозможно, — она и сама себя толком не знает. Российскость можно только чувствовать, а чувствуя — лишь в нее верить. Россию как Россию осознанно не построить, ибо она создается сама, вполне и трансцендентно. Проект России — проект иномирья, а потому в рамках сего мира Россия не что иное, как

сама себе проект. Выходит, что не сочинять Россию надо, а дать ей возможность самой раскрыться, расцвести и утвердиться.

И такой шанс вдруг возник перед Россией как по итогам увядшего советско-социалистического пленения, то бишь от него освобождения, пусть и уродливо-безумного, так и в обстановке небывалой открытости России всему планетарному миру, его конкурентной враждебности России, что и предопределяет возможность и необходимость суверенной импровизации именно по российскому, а не какому-то еще варианту: или есть Россия и Россия по своей сути, или никакой вообще России, кроме картографической единицы, называемой «Россией», нет.

Итак, в пространстве России прямо-таки зарождается новый геосубъект, уже не просто носящий имя «Россия», но и по существу складывающийся как Россия. Здесь имеет место как припоминание Россией бывшей своей исторической субъектности, так и созидание уже новой субъектности — XXI века. Если тут и есть какая-то импровизация, то имеющая как, с одной стороны, источниковое обоснование в метафизическом эгрегоре России, так и, с другой — текущее обоснование от современности, мало того, что глобализированной, но и чрезвычайно переменной, к тому же очень и очень относительно России «борческой». Импровизация поэтому вовсе не такая уж и произвольная, хотя в чем-то и своевольная, но все-таки это достаточно субъективно, объективно и трансцендентно творческая импровизация.

Россия вовсе не знает, какой ей стать конкретно, но она знает, что ей надо-таки стать... *Россией* — **Новой Россией!** И тут важно постоянное справочное обращение к самой себе, пусть и неопределимой, но тем не менее существующей, как и важна неременная корректировка всего создаваемого Россией ради самой себя — прямо относительно трех «С»: *самоопределения, суверенитета, самостояния.* Эти-то три «С-кита» и вытаскивают из России номинальной Россию действительную — и никакого тут другого исхода у нынешней России попросту нет!

Не идти же России вновь под евроамериканский колониальный гнет, как и не растворяться же ей в глобализированном мире, опять же евроамериканском, не натягивать же вновь на себя какие-нибудь заграничные одежды, — нет, нет и нет! — Россия не для того освободилась от тенет сталинизма и морока марксизма, как и, споро вкусив в 1990—2000-е гг. евроамериканского цивилизованного водительства под сенью объективной-де глобализации и по мотивам благодетельного-де глобализма, резко отпрянула от западнизменного «рая», чтобы не воспользоваться открывшейся для нее возможностью и свалившейся на нее необ-

ходимостью послужить наконец-то самой себе и обеспечить единственно для себя приемлемый вырв к самой же себе.

Никакой шибко умозрительный, тщательно разработанный и очень уж конструкционный проект для России не нужен, в особенности, наскоро сфабрикованный по ученым грантам или же выделанный какой-нибудь «авторитетной» менеджериальной прозападной комиссией. Никаких вообще тут придуманных проектов, ибо Россия — *сама себе проект!* Тогда что же — стихия? Нет, вовсе не стихия, а реализация стратегического проективного замысла, рождающегося в голове Верховного Правителя и им шаг за шагом исполняемого, точнее, согласно ему — замыслу — ведущего себя, правление и страну. Разумеется, такой замысел рождается не без предварительных фундаментальных оценок и логических расчетов, но в целом он носит более ориентировочный, чем программный характер, это, во-первых, а во-вторых — замысел в основе своей весьма конспиративен, — время громогласных, как и тотально-директивных, планов прошло, во всяком случае для России, теперь более приемлема скрытая векторная стратегия — при наличии в России разных «Россий», включая и не-анти-Россию, а также при всеобщей открытости страны в остро конкурентной, если не враждебной, к тому же еще и очень переменной, внешней среде. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация! Однако не тотальная по всей стране, а лишь высшая управленческая, оборонная и, как ни странно, концептуальная.

Перестроить такую страну, как Россия, в любую из возможных сторон очень и очень непросто, в чем пришлось убедиться за последние четверть века гражданам СССР-России. Призывать к большому перестроению можно сколько угодно, даже что-то для этого участливо предлагать, но вот сделать-то что-либо значительное, когда тот же отечественный капитал не слишком от себя производителен и инновационен, но зато очень меркантилен, присвоителен и жаден, да и бежит, сломя голову, со всеми своими накоплениями за границу, в офшоры; когда частный интерес населения, его активной части, явно преобладает над общественным, общестрановым; когда в стране явная нехватка квалифицированных и дееспособных кадров — управленческих, технических, конструкторских, как и тех же квалифицированных рабочих; когда нравственное состояние «граждан» не отличается, откровенно говоря, не то что потребным качеством, но даже и малой нормой и т. д., и т. п. В общем — в условиях хронического кризиса общества, государства, хозяйства, морали и т. д. действовать широко, с размахом, громо-

гласно и самоуверенно, не то что неумно, а попросту и невозможно — разве лишь святое дело возрождения страны вчистую провалить!

Отсюда не одна интерактивная управленческая осторожность, но и выбор первоочередного из всего необходимого, а главное — возможного, того, чего явно не избежать, на чем непременно сосредоточиться, от чего можно побыстрее получить позитивные результаты, за чем маячат текущее спасение страны и ее суверенное будущее. И верховное правление нацелено, как кажется, на подъем, пусть и не слишком броский, но все-таки исторически обусловленного самой практикой российского бытия давно оправданного действенного ядра России — *военно-оборонного комплекса*, тянувшего за собой и остальную, как бы для него уже и периферийную, часть России.

И явилась вдруг обновленная «оборонка», и возникла новая современная армия, и пошел вперед технический интеллектуализм, и стала вдруг формироваться посреди убогой-де России *Новая Россия* — *национальная, государственническая, имперская*, и зарделась Россия, и заиграла чудесными палевыми красками, и поднялась в рост, и вдарила во все свои протестные колокола!

Наивно? Конечно, наивно, но ровно в той степени, насколько наивным оказался человеческий мир, опять проморгавший подъем и «взбрык» России, и теперь смотрящий на нее то с наивной ненавистью, то с не менее наивной удовлетворенностью, то с наивной укоризной, а то и с наивным восхищением, мало того, и с наивной надеждой тоже, чуть ли не последней, ибо не хочет человеческий мир ни быть под погильной Америкой, ни оказаться под тенеобразным Китаем, ни сгинуть в лучистом ядерном Армагеддоне!

Нынешний очень грамотный современник не признает и не понимает метафизики (разнообразный бытовой оккультизм, который многие в отечестве ныне признают, хотя и ничего в нем не понимают, — вовсе не метафизика). Россия же — сплошная не то что метафизика, а даже сплошная мистика, лишь абрисно угадываемая метафизической гносеологией. Россия — тайна! Вот почему можно позволить себе лишь некоторые вольные рассуждения о России, ее состоянии и движении, а не дать развернутую и подернутую бесспорными доказательствами фактологическую картину. Онтос России — за семью печатями, а уж гнозис... э-э... так и вовсе сплошная тьма. Россия — не Шамбала — так ведь о Шамбале хоть сказать что-то можно, а вот о России... что скажешь, если от нее одно сплошное недоумение, да и есть ли она — Рос-

сия — как идейно-духовная субстанция, а не зафиксированная на географической карте «спейсовская» конфигурация, а-а?

Что ж, раз нет метафизической России — в головах людских, разумеется, — то остается лишь говорить о России, условно говоря, физической — пространственной, населенческой, страновой.

Однако в этом случае в голову сразу же непрошено лезет типологический вопрос: а что есть Россия как Россия в типологическом плане? Заметим, что вопрос этот хоть вроде бы научный, а ведь по сути-то он вполне... метафизический (как и вся наука физика тоже ведь... метафизика).

Итак, что это за географический «зверь» — Россия?

Крути тут сей субъект пред глазами, не крути, а вылезет все одно — ИМПЕРИЯ!

Да, да, именно так — *империя*, которая, кстати, формировалась еще первыми рюриковичами (вспомним того же храброго Святослава), потом московскими князьями и царями (Иван III — уже фактический император), ну а встала сия империя на ноги уже при Петре Великом (уже как романовская). Разгром Российской империи в революцию 1917 г. оказался лишь большим, но вовсе не смертельным для империи потрясением, — не прошло и двух десятков лет, как империя сталинизмом была вполне восстановлена, пусть и под лукаво продуманным названием «СССР». И опять, уже после развала ирреального СССР и «буржуйского» погрома страны в 1990-х гг., империя вновь на исторической арене, уже как бы и «путинская».

Любопытно, не правда ли? А все дело в том, что либо сказалось восточноевропейское, а затем и европейское государственно-цивилизационное образование в виде все той же российской империи, либо сего образования вроде нет и быть не может, но оно — это образование — все-таки необходимо, причем как исходно метафизически, так и производно физически, — и с этой-то необходимостью ничего никому не поделаться. Вот и сегодня — опять перед глазами изумленных интеллектуалов... *империя*, пусть и называемая скромно Российской Федерацией, но... ИМПЕРИЯ!

Какая же это империя?

Вовсе не римская, хотя и не без въедливого византизма; не та же британская, ибо не колониальная; не азиатская, хотя и не без известной ордынщины; как и, разумеется, не карфагенская (не финикийская), хотя и не без кое-какой торгово-финансовой карфагенщины.

Это — *российская империя*, вроде бы смешанная по имманентному составу, но все-таки имеющая и свою особенную корневую выраженность — *для-себя-империя* и *сама-себе-империя*, что означает, что сия империя есть не что иное, как особый внутренний строй, может, даже и квазиармейский, когда вокруг не для-себя-произвольное бытование граждан, а гражданское для-империи-служение, когда для граждан главным является не личное благополучие, а благоденствие всей страны, когда гражданин служит империи, а империя служит гражданину.

Вот какая ту своеобразная загвоздочка, господа присяжные и заседатели, ну и судьи с прокурорами и адвокатами тоже.

Представьте себе, господа — неустанные критики и противники России, неимперское устройство и бытие России, что тогда с Россией будет, кроме того, что ее — России — попросту не будет? Имперское устройство и бытие России вовсе не чья-то субъективная прихоть (того же Путина), а объективная метафизическая потребность, как и, кстати, сходное, хоть и в гораздо меньших масштабах, устройство и бытие того же Израиля, только Израиль таков от своей малости и от явной уязвимости от внешнего регионального окружения, а Россия — от своей великости и... нет, не от уязвимости как таковой, а, скорее, от чуть ли не мировой для себя угрозы, вполне, знаете ли, и алчной. Разные тут у двух государств могли быть мотивы, а вот исход все-таки один — *служение, мобилизация, отпор!*

Итак, Россия — империя, а потому и хозяйство ее должно быть не просто в чем-то империяльным, а в целом, знаете ли, *имперским*, то бишь находиться как бы под имперской опекой и в имперской оболочке, что не исключает ни многоукладности, ни частной собственности, ни частного предпринимательства, ни корпоративной самостоятельности, ни частной инициативности банковской системы, ни автономности регионов, ни... ни... ни, но при всем при этом предполагается и имперский государственно-корпоративный дирижизм, причем осуществляемый непременно из имперского центра; и централизованное проектирование из кое-чего стране потребного; и непременно исполнение кое-каких национальных проектов; и наличие разного рода производительных, инновационных, творческих и иных национальных комплексов; и бытие национально-государственного научно-исследовательского, конструкторского, внедренческого сектора; и присутствие национально-государственного банковско-финансового сектора, да мало ли еще чего, что необходимо и чего никак не избежать в рамках имперской, вполне и рациональной, организации национального хозяйства. Главное тут —

разнообразии, подчиненное, однако в той или иной мере *общим национальным интересам и целям*, которые в России по сути как раз и *имперские*, что не значит, что агрессивные, воинственные, захватнические, отнюдь — лишь *внутридомовские*.

«И создала себе империя дом, хранила его, и улучшала, и возвышала» — так было, так есть и так, надо надеяться, будет!

Выходит, что Россия, идя к себе самой, идет к... *империи* — *своей* империи, к ее восстановлению (не в прежних границах, а всего лишь как внутреннего себя обустройства), а, возрождая империю, Россия идет и *к самой себе!*

Нет России без империи, как и нет северо-евразийской империи без России (Руси-России), ее, пардон, метафизики! Вот так! И это не чьи-то, в том числе и автора сих строк, симпатизантные пожелания, это попросту веление самого Бытия-Истории, вовсе и не только российского. Понять бы надо это всем россиянам: *веление Бытия-Истории, причем не только российского!* Лишь империя может спасти и возродить Россию и поставить ее в метафизический центр мира, а тут ведь тоже веление Бытия-Истории, а не какое-то там хотение России, тем более — не ее правительства!

Вот говорят, что, Революция 1917 г., сталинизм, революция 1990-х и т. д. были объективными следствиями своего времени, а вот возрождение российской имперIALности — для себя самой! — никакое вроде бы не объективное веление времени, — тогда что ж — желание г-на Путина и его команды, разумеется, глубоко де ошибочное? Однако разве трудно заметить, что Россия вполне вынужденно по внутренним и внешним мотивам и обстоятельствам устремлена сегодня именно к имперской — а не какой-нибудь еще — реализации. Бытие-История буквально выдавливает из России империю, а из империи — Россию. Разве не так?

Да, в России полно всяких проблем, это далеко не благополучная, как это было, к примеру, в недавние 1950—1960-е гг., страна, но, как это уже было в отчаянные 1930—1940-е гг., Россия вновь рвется к империи, ибо так велит не только ее генотипическая интуиция, не только сходное по раздраю историческое время, но и большой общеземный промысел, восходящий прямиком, может, и «кривяком», к высшему и неподвластному человеку Промыслу, обычно заменяемому наукой бессодержательной объективной де закономерностью.

Да, автору сих строк, как и многим его читателям, хорошо известны все вопиющие проблемы, изъяны, пороки, несуразности, пре-

ступности современного российского бытия, но ежели мы, соотечественники, не хотим обратиться в энтропийную пыль, может, побыденному и счастливую, то будем тогда любезны чувствовать и быть российскими имперцами — творцами как своей, так и мировой истории!

БОЛЬШАЯ ИГРА — РОССИЙСКИЙ МИТТЕЛЬШПИЛЬ — «РУССКАЯ РУЛЕТКА»*

Жизнь — игра, война — театр (театр военных действий), многое из вокруг происходящего — цирк! Вроде бы вполне милые, не совсем милые, а то и весьма саркастические, метафоры — игра, театр, цирк, но при этом и вполне себе смылосодержательные определения, более того — сами сущности тут по существу и есть!

Бытие человеческое, как и больших земно-человеческих образований (стран, государств, наций), — большая экзистенциальная игра. Можно ли так? Можно! Именно игра и именно большая: с субъектами-игроками, их «игроцкими» ходами и выходками, ходом самой игры — с намерениями, планами, тактиками и стратегиями, с неопределенностью, вероятностью, случайностью и неизвестностью, с удачами и победами, промахами и поражениями, с метафизикой, мистикой и чудесами, в общем, со всем, что свойственно почти любой игре — что шахматам, что преферансу, что тому же футболу, но что присуще и самому бытию, самой жизни, самой зёмной экзистенции.

Не одно тут лишь сравнение с игрой, а и сама по себе игра, мощная, разнообразная, захватывающая, романтическая, ну и рискованная, жесткая, беспощадная, кровавая. Не в шутку вовсе тут игра, да и не только на жизнь, а и на смерть!

Почему так? А потому что жизнь тут, экзистенция, бытие, ну и сознание, воля, деятельность, творчество, выдумки, перемены, суэта, беспокойство, беспредел, отчаяние, ну и... много еще чего, что не может вершиться иначе, как через борьбу — «за» или «против», вообще всякую борьбу, а следственно, и через игру, которая и есть борьба, ее проектно-расчетная и даже стихийная реализация. Никакой игры нет

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 11—24.

лишь на погосте, да и то, знаете ли... духи, души покойников, призраки... своя, видно, и там игра, как же без нее?

Играя в большую экзистенциальную игру, каждый субъект-игрок играет не только с другими игроками, как и не только с самой игрой, но и с собою тоже, что, пожалуй, самое важное в такой игре и есть, хотя менее всего игроком замечаемо, контролируемо и управляемо: поглощенный игрой, делая превосходные на свой взгляд ходы и обыгрывая других игроков, гордясь собою, хотя и немало при этом расходуясь, игрок-счастливчик не замечает ни своего уже лукаво ослабленного состояния, ни подступающего к нему предательского самопереигрывания. И это не только самое в любой игре важное — для самого успешного игрока, но и самое для него... страшное!

Что сегодня?

Большая. планетарного масштаба и значения, судьбоносная для всего зёмного мира, экзистенциальная, она же и геостратегическая, игра. И Россия в лице своего государства — один из ведущих в этой игре игроков, разумеется, игрок среди игроков, ну и игрок с самим собою: одно дело — игра России в мировой игре, совсем другое, хотя и зависящая от мировой игры, как и в нее попросту включенная, но все-таки *своя игра России с самою собою*, так что наряду с большой планетарной игрой, в которой участвует Россия, идет и другая, тоже ведь не малая игра по значимости и риску — *игра России с... самой же Россией*.

На том пока и порешим!

А теперь обратимся к самой большой игре, которая разворачивается на наших глазах и в которой Россия непосредственно из ведущих игроков, той самой игре, которая вдруг пошла при внезапном и неожиданном для всего мира выходе нынешней России к игровому столу, что было сначала обозначено всего лишь метким словом (мюнхенской речью главы российского государства в 2007 г.), а затем и кое-какими деяниями (подъем «оборонки» и рождение новых вооруженных сил — это внутри страны, и кое-какие оборонно-наступательные действия вне страны: от защиты российских оакемов и русского мира до борьбы с угрожающим России международным терроризмом на том же Ближнем Востоке).

Игра со стороны России — игра за себя, свой суверенитет, свою неприступность, свое бытие и соответственно против всепоглощающего имперо-колониального глобализма, круто замешанного на постмодерновом западнизме, а потому и игре за иное общемировое устройство —

многополярное, и за иное, чем западное, цивилизационное разрешение зёмного бытия.

Игра-то игра, но зато... *какая!*

Ничего особенно нового в самом факте такой игры для человеческого мира нет — сия экзистенциально-футуристическая игра, она же и борьба, всегда на Земле была, есть она и сейчас, правда, в уже глобально и тесно взаимосвязанном планетарном мире, а для ведущих игроков еще и с атомной бомбой за пазухой.

Некоторый набор внутренних и внешних ходов-деяний, не говоря о бьющих в цель откровенных словах, и вот — из почти что списанного, то бишь весьма разоренного и ослабленного предшествующей мировой игрой, субъекта — постсоветской России 1990-х, вдруг возникает... *игрок*, да еще *какой* (!)... вдруг оказавшийся в *самом центре* больших игровых событий, прямо в эпицентре большой геостратегической игры.

Почему?

По причине вдруг им начатой и неплохо проведенной контригры как раз против главного и вполне уже почивавшего на планетарных лаврах всемирного глобального игрока — «дяди Сэма». Стоило лишь нашему «мюнхенцу» заявить, что «дядя Сэм», не более чем... «дядя Сэм» (то бишь вовсе не бабушка из «Красной шапочки», а всего лишь... серый волк в образе бабушки), как всё стало на свои места: «дядя Сэм» оказался снова на своем почетном имперо-колониальном, но уже явно пошатнувшемся, стуле, а мир, вдруг зашевелившись, стал подыскивать себе другие на мировой арене стулья, если не «контрстулья», относительно великого «дяди Сэма».

Раздосадованный «дядя Сэм» тут же начал вполне себе уже военную игру с взбрыкнувшей Россией, обозвав в конце концов эту войну «гибридной» — не объявленной официально и по преимуществу информационно-санкционной, без собственно боевых, то бишь горячих действий, но все-таки войной, а затем повел и войну тут уже более всего торговую, с другим мощным контригроком — Китаем, причем войну уже объявленную, пусть и вопреки дипломатическому этикету.

Интересно, что раздраженный «дядя Сэм» не удержался и даже открыл внутризатпадную войну, в основном с не слишком с ним солидарной и стремившейся к своей имперского пошиба самостоятельности Европой — Европейским союзом.

Очень любопытная тут выходит в целом всемировская заварушка!

С началом войны США и всего Запада с Россией российская большая игра вступила, завершив стадию дебюта, в характерную для шахмат основную игровую стадию — *миттельшпиль*, в ту самую стадию, когда всё главное для перспективы ведущейся игры и решается, пусть еще и не слишком заметно, а во многом и вообще скрытно, но... решается: в замыслах игроков и в их ходах, «ходом вещей», «ходом неизвестности».

Россия, пользуясь ментальной, духовной, геополитической, отчасти и экономической, поддержкой так или иначе антисэмовски настроенной части мира, тоже, впрочем, по преимуществу игровой, справляется в целом с фронтальной против себя «войновской» игрой «дядюшки Сэма», принявшего, кстати, адекватный себе персональный образ в лице г. Трамп — очень уж подходит «рыжий Дональд» на хрестоматийного «дядюшку».

Россия отстаивает прежде всего себя, свой суверенитет, но при этом еще и ведет геополитическое наступление, препятствуя Штатам вольготно по миру господствовать, а также если не впрямую построая, то активно способствуя созиданию новой конструкции планетарного мира — *многополярной*, да еще и ведет атаку, пусть еще только «вылазковскую», на святая святых Западного мира — американский доллар.

Примечательно, что Россия не только играет в большую мировую игру, но и весьма определенно переигрывает в ней зазнавшегося «дядю Сэма», хоть и несет немалое материальное бремя и заметные экономические убытки.

Зачем это России надо: большая игра, война, борьба, бремя, убытки, потери?

С позиции обыденного здравого смысла ничего *такого* стране вроде бы вовсе не надо, наоборот, надо бы ей было оставаться в «великолепной восьмерке», пусть и в роли «попутной шестерки (!)», пользуясь доверием и покровительством все сильного «дяди Сэма», возлежать на отведенной глобализмом энерго-сырьевой поляне, спокойно продавая себя и свои ресурсы, раздавая «умному Западу», а может, и хитроумному Китаю, свои пространство, территорию, землю, покончив с собою как историческим субъектом, но при этом жить, жить, жить — в немалом материальном достатке и в неограниченном виртуальном дольстве.

Но... но, с одной стороны, имперо-колониальный эгоизм Америки и Запада, как и их лицемерное, эгоистическое и в целом неэффективное управление миром, реализуемое через перевороты, войны и ката-

строфы, вкупе с тлетворным антикультурным и ядовитым античеловеческим вливанием, а с другой — поначалу глухой, а с российской инициативой все более зычный, протест незападной части планетарного мира против всего этого американо-западного безобразия с желанием обзавестись неформальным суверенитетом и идти по жизни и в будущее *своими* путями, сохраняя традиции и выдвигая для *себя* свои же новые экзистенциальные и цивилизационные разрешения.

В мире так или иначе назрела потребность в освобождении от американо-западного доминирования, усиленная и ускоренная наглыми силовыми и санкционными расправами с неугодными режимами и государствами, что привело к возникновению международного оппозиционного «сердечного соглашения» под чудесным названием БРИК (теперь уже БРИКС), а также к неожиданному, но вполне оправданному «взбрыку» России — страны европейской, хотя при этом и евразийской и даже азиатской, в основе христианской, пусть по преимуществу, и русско-православной, белорасовой, арийской, то бишь... в целом такой же по натуре, генезису, культуре, цивилизации, как и большинство других западной принадлежности стран, что и стало мощнейшим концептуально-политическим ударом для почивавшего на золотых лаврах Запада. Из чуть ли уже не ставшего союзническим партнером Запада, если не прямо звеном западнического по духу планетарного Севера, могшего эффективно-де противостоять Востоку и Югу, Россия вдруг оказалась мало того что выпавшей из северной западнического края железной челюсти золотой коронкой, но еще и... чуть ли не главной противницей Запада, хотя, конечно, не так, собственно, Запада, как американо-западнического на планете и над самой Россией доминирования.

За сие-то «предательство», как старается себя убедить обманутый-де Россией Запад, уже и всю саморазрушающийся как поздний Рим или та же запоздалая Византия, Запад и обрушился на Россию войной, которая вовсе не предавала Запад, а всего лишь заявила о себе как... *Россия*, причем заявила не то что незападной страной, а попросту... *собою*, следственно, никак не частью глобальной американской (америкоевропейской) империи. Россия всего лишь отказалась пребывать в сей замечательной всемирной империи, вновь вступив на путь собственного суверенного бытия — и ничего более!

Запад хорошо понимает, что за Россией на данный исторический момент не только большая экзистенциальная *правда*, но и явная *геостратегическая инициатива*, а еще лучше он сознает, что из России истекает для него великая экзистенциально-геостратегическая угроза, про-

тив которой он, во-первых, не может не бороться, а во-вторых, не может не бороться несправедливо и неправомерно, лживо, подло, ибо как тут иначе поступать с лицемерных имперо-колониальных позиций перед лицом жесткой и колючей исторической правды, хотя Россия нынешняя вовсе и не такая уж праведная «дамочка», а та еще в своих евразийских чертогах прозападная «блудница».

Да — суверенитет, независимость, самостояние, самодеятельность, — все это так, и это вполне уже оправдывает антиамериканский «взбрык» России. Но дело не только и столько в этом: Россия — *сама-себе-проект*, хотя сама себе она вполне и не принадлежит, а поэтому действует не так, как видится и хочется актуальной России, а как ей вовсе и не видится, и не хочется, что бывало не раз в большом бытии-истории России, что случилось с ней и в переходном XX в. — от Великой революции 1917 г. до великого самопогрома 1991 г., ну и, разумеется, революционной реформы 1990-х. Антиамериканский (антизападный, антиглобалический) рывок России из того же ряда не слишком субъективно желательных, но объективно неизбежных происшествий. Метафизики с глубинной трансценденцией тут куда как больше, чем физики с имманентной ей поверхностной обыденностью.

Россия исходно *неотмирна* и деяния ее с событиями, происшествиями и потрясениями тоже *неотмирны* — никаким разумом с никакой логикой они не объяснимы!

Но и это не всё: какой бы конкретно ни была в текущем бытии-истории Россия, в каком бы положении ни находилась, она всегда, пусть и не слишком выражено, пусть более всего потенциально, пусть где-то в темных закромах бытия-истории, она — Россия — всегда какая-то никому и неизвестная, даже и самой России... *альтернатива*, причем альтернатива всему зёмному миру сразу, не говоря уже о Западе, Европе и тех же США, да и самой себе она постоянная альтернатива, ибо ни на чем конкретном не задерживается, хотя и спелёнывается, и спутывается, и насильно кем-то и чем-то на чем-то конкретном удерживается: то рюриковством, то византийством, то ордынством, то святорусскостью, то европейством, то большевизмом, а теперь вот и глобализмом, но, увы, ничего с того не получается: приходит момент, когда Россия охотно и без сожаления сбрасывает с себя навязанные ей одежды и, охотно или нет, напяливает на себя какие-то новые одежды, как правило, увы, с чужого плеча, поносит их некоторое время и непременно с себя сбрасывает — не то как норовистый конь, не то как вытянутый в неурочье из

берлоги растревоженный медведь, но непременно сбрасывает, ища что-то *иное*, а что... и сама не знает!

Россия — единственная страна в мире, причем не просто страна, а мир-страна, не эволюционирующая просто так, не развивающаяся в рамках навсегда избранной модели, не что-то конкретное достигающая и на чем-то конкретном покоящаяся, а идущая дискретно и импульсивно куда-то вперед, держа в себе неизвестную ей самой альтернативу и стремясь к чему-то иному — не этому, не тутошнему, не сеюмирному, не земному только, а хотя бы к *земно-космическому*, то бишь к действительно *иному*.

Таков он, изначальный, запятанный в первосемени, генетический код России, ее подспудная проектная матрица, ждущая реального воплощения в каком-то (не)реальном и (не)зёмном варианте.

Игра, в которую вступила (попала, встряла) Россия, не только большая игра с миром, с Западом, Востоком, Югом, с Европой, США, Китаем, Индией, с кем тут еще, ибо игроков разных хватает, включая и мелких подпевал, подстрекателей, перебежчиков, изменщиков, нахлебников, но это и большая игра России *с самою собою* — вполне себе «*русская рулетка*», — и ежели вовне у России война фронтальная — против внешней антиРоссии, то внутри России идет уже тыловая война — как с самою собою, так и со вполне враждебной коренной России (России как России) внутренней антиРоссией, давненько поселившейся в России и с ней самозабвенно враждующей.

Отсюда и российский миттельшпиль, о котором речь, накрывающий сразу и внешнее фронтальное и внутреннее тыловое, а потому и говорить надо о миттельшпиле сложном, двойственном, внешне-внутреннем, фронтально-тыловом.

А по-другому, надо заметить, в России и с Россией и быть не может: внешняя антиРоссия вполне тут естественна, а внутренняя — весьма для России органична. Так что ежели экзистенциально-геостратегическая война, то непременно там — вовне и здесь — внутри.

Во внешней сфере Россия не ставит перед собой задачи какого-либо себе подчинения и уж тем более уничтожения (в отличие от некоторых, западного края сил, буквально грезящих распадом и исчезновением России), ибо игра, которую ведет Россия, это игра всего лишь за самостояние России и всего лишь за новое устройство мира, к которому мир, как надеется Россия, должен прийти без всемирной тотальной войны — компромиссно и согласительно. Разумеется, амбициозный имперо-колониальный и агрессивный Запад, в особенности США с Англией,

никакого переустройства мира не желают и ради сохранения своего доминирования идут на всё, включая прежде всего войну с Россией, что означает, что конфронтация Запада с Россией, вполне и яростная со стороны уходящего в преисподние дали Запада, совершенно неизбежна.

Что же Россия?

Ведет-таки свою игру, разоблачая и дискредитируя Запад во главе с США, всю уже прибегающий к нарочитой диффамации России и к откровенной антироссийской лжи, отбивая любые западные на себя идеократические наскоки; останавливая на подступах к России западный «Дранг нах Остен»; ведя и кое-какое наступление, включая медийно-информационное; ища и находя поддержку вовне, не исключая и самого Запада, который вовсе не так однороден, каким кажется, и где находятся силы, заинтересованные в существовании и даже процветании России, как и заинтересованные в переходе к новому обустройству мира; обретая, — может, и временных, — союзников, сторонников и попутчиков, а в складывающейся тревожной ситуации в мире не таких уж и временных; создавая и стимулируя международные интеграционные группировки, заключая межстрановые договоры, реализуя взаимовыгодные политико-экономические отношения, продвигая свое конструктивное влияние во все стороны, в особенности на Юго-Восток, Ближний и Средний Восток, поддерживая взаимоприемлемые отношения со многими странами, не исключая и страны СНГ.

Да — война с Западом, да — западные санкции, да — западная игра без правил, но при этом невероятные, но такие долгожданные со стороны России стойкость, твердость, отстаивание своих интересов, наступательные, причем не только реактивного, но и опережающего характера, «игроцкие» ходы: политические, информационные, экономические, военные, технические, геостратегические. Запад тревожится, негодует, бесится, но... фортуна нынче все-таки более с Россией, чем с Западом: таков всесильный, он же и магический, разворот *самого Бытия-Истории!*

Россия в целом справляется — и неплохо, надо заметить, справляется! — с большой геостратегической игрой, доведя начатую ею партию в позиционном, содержательном и перспективном планах до весьма обнадеживающего миттельшпиля, что позволяет сделать вывод о новом качестве России как действующего на мировой арене субъекта-игрока. Что, что, но *это* у нынешней России, судя по всему, получается!

Не то с внутренней — тыловой на сегодня — социохозяйственной игрой, а ведь в стране тоже идет немалая игра — за настоящее, бу-

дущее и даже прошлое (его трактовку), в которой участвуют разные субъекты-силы и силы-субъекты, как и просто силы как силы — вроде обстоятельств, стихий, процессов, случайностей, неизвестностей.

Внутри страны, как и на мировых просторах, тоже ведь своеобразное *казино*, где хватает всего: игроков, управителей, инициаторов, слуг, хапуг, мошенников, палачей, жертв, а главное — игры без правил, питаемой алчностью, блудом, деспотизмом.

Тут ведь не какое-то райское для населения убежище, скорее некое адовское прибежище, где в почете деньги, богатство, успех любой ценой, присвоение, коррупция, грабеж... да, конечно, уже не так, как в лихие 1990-е, но... увы... всё еще *сверх всякой меры*, — да и что еще может быть в пореформенном (созданном лукавой грабительской реформой) *казино*, если не это: игра без правил, нескончаемая схватка за блага, разъедающее беззаконие.

Но что особенно интересно, хоть и не особенно приятно: идет и вполне себе «казионная» игра... между властью и населением — на основе и в рамках пореформенной социохозяйственной системы, которая в общем-то никакая не система, а скорее — антисистема, ибо управляющая власть, хоть и старается иной раз что-то хорошее сделать, но либо в не очень-то управляемой ею среде, либо с не слишком адекватными стране задачами, либо явно «чужебесно» и вполне себе абсурдно, либо всего лишь некомпетентно, а главное — более всего служа, если уж это получается... самой себе, как и новым в стране большой собственности и кое-каких властей предержавшим, кровные интересы которых, увы, не очень-то совпадают не то что с народными, а даже и национальными.

Тут даже не противоречие между верхами и низами, а уже... *противостояние*, нет, конечно, не площадное, во всяком случае, пока, а... воззренческое, поведенческое, духовное, одним словом — *метафизическое*.

Власть — одно, население — другое, — и никакие телеинтервью и телешоу ситуацию внутри страны не спасают и спасти не могут, в особенности с уклонением власти от возможности начать отход по итогам мартовских выборов от по сути и духу глобалической пореформенной системы (антисистемы) в пользу постреформенной системы, как более адекватной России, — что исторической, что нынешней, что будущей.

Власть решила не на переделку себя под коренную суть и текущие интересы России, а вместе с этим и на созидание новой, адекватной как раз самой себе России, а на дельнейшую переделку России под

все тот же реформенный, в основе и в главном вполне глобалический, проект, т. е. переделку не себя под Россию, а *Россию под себя*, наступая на все те же, излюбленные отечественным правлением, грабли: не себя ломать под Россию, разумеется, новую Россию, а ломать Россию под себя, повторяя, что рюриковичей-византийцев, что Петра-европейца, что большевиков — мировых революционеров.

Ату ее — корневую Россию!

И что же в стране сейчас?

А сейчас наблюдается, может, пока не слишком явно выраженный, но все-таки... **кризис**, да не какой-нибудь там переходный или обычный экономический, а кризис самой *пореформенной системы*, ее уже *собственный кризис*, который на деле выражается сверху в *кризисе властных намерений* и в *кризисе властного управления*, а снизу — в *кризисе народного к власти доверия*.

Да, это *кризис пореформенной системы*, но вовсе не ее крах, — система жива и действует, однако в концепте своем она близка к полному банкротству: она то ли не захотела, то ли не смогла радикально измениться, а потому сама въехала в кризисное безвременье, когда никакие ссылки на безобразные 1990-е уже не выручают, — тут уж ее — пореформенной системы — собственное достижение.

Верховное правление рассчитывает на некоторое подправление социохозяйственной ситуации в стране и даже во властвующей системе, но... на основе, в рамках и усилиями самой этой системы, что очень напоминает те же николаевские (Николая I и Николая II), хрущевские и брежневские времена, а это, как хорошо известно из отечественной, да и зарубежной тоже, истории, чревато лишь углублением кризиса и переходом кризисной системы в неуправляемый режим существования.

Внутри страны, как мы видим, идет совсем другая большая игра, совсем иная тут разворачивается партия, отличный у нее и миттельшпиль. Какой же? Мало того, что остро проблемный, напряженный, неопределенный и рискованный, но и... страшно сказать... чуть ли не безысходный, что-то вроде шахматного *мата*, когда любой ход либо ничего не меняет, либо многое или все в партии лишь усугубляет.

Возникшая по итогам реформы и стабилизации пореформенной системы, административно-менеджеральная подсистема существует, действует, как и безостановочно бездействует, более всего ради себя, но никак не ради какого-то там населения, предназначенного для непонимания, послушания, эксплуатации, обирания, безработицы, самовыживания, обмана, издевательств, ну и для бегства за границу; точно так же

бытуют и надзорно-охранительные органы, кроме разве МЧС, даже и неподсудные «независимые суды»; и наша медийно-развлекательная матрица такая же, хотя и имеет, как и везде во всем, какие-то позитивные исключения.

Если власть бывает в себе очень уж уверена и не считает нужным искать реальной, а не той же шоу-электоральной, поддержки у народа, то это, как когда-то выразился хитроумный Талейран, даже не преступление с ее стороны, а... *ошибка*, та самая роковая ошибка, которая дорого обходится всякому из правлений, как раз вполне уже в себя и в свою несокрушимость уверившимся.

Власть, даже самая авторитарная, неотделима от народа-демоса, даже самого, казалось-бы, пассивного и самой же властью изрядно... э-э... презираемого, ибо между народом-демосом и властью бытует мистическая — невидимая и безгласная — связь, причем как позитивная, так и негативная, причем направленная в обе стороны — либо такая связь, либо этакая — и что тут особенно важно: не власть вовсе питает энергией и силой народ, а народ питает власть, а потому не так народ мистически зависит от власти, хотя и немало от нее функционально зависит, как власть мистически зависит от народа — не так от действия народного, хотя и это бывает, как от его... *существования*. Плохо народу, когда власть уходит от него в отрыв и ему достойно не служит, но горе власти, которая, оторвавшись от народа, служит более себе чем народу, ибо вовсе не власть, даже и церковная, благословляет по существу народ, а народ — власть, как, собственно, именно народ благословляет церковь, правящую партию, того же авторитарного вождя, а не наоборот.

Народ всегда бытует и всегда остается, как и та же Россия — бытует и остается, а вот власти и правления приходят и уходят, мало того — исчезают, как и навязанные ими не органично стране режимы.

И что же в России сегодня? А сегодня, что надо бы хорошенько осознать, не что иное, как кризис, да и явная бесперспективность для России навязанного ей *порекорформенного* режима, а потому и необходимо встать на путь *пострекорформенного перестроения*, вовсе и не возвратного к чему-то из прежнего, нет, а как раз устремленного к новому — к новой России, но не по форме и внешним признакам, а по сути, по духу, по *концепту*.

Какой же *суперход*, во всяком случае открытый для публичного обозначения, намерено предпринять наше властное правление в развернувшейся в стране судьбоносной партии, чтобы не так даже преодолеть,

как попросту смыть и забыть возникший в стране системный кризис, начисто переделав все и вся, всю российскую обыденность, все управление, все жизнеотправление, разумеется, кроме возникшей собственности и всех властей предержавших.

Нетрудно догадаться, что вся надежда теперь у властей на *тотальную цифровизацию* бытия, жизни, хозяйства, экономики, человека, сознания, интеллекта, когнитива, коммуникаций, не говоря уже о труде, производстве, потреблении, творчестве, технике, технологиях, — надежда, сравнимая с надеждами, если их не превышающая, на ту же христианскую веру, коммунизм (как учение прежде всего), на научно-технический прогресс, на электрификацию, индустриализацию, коллективизацию, химизацию, электронизацию (ЭВМ), на тот же глобализм, капитализм, на рынок в конце концов, а теперь вот на *всеобъемлющие цифровые технологии*, включая и *кибернейроповеденческие*, да с такой системностью, массивностью и дотошностью, что впору говорить не просто о *новой научно-технической революции*, а о **новой гуманитарной революции**, вполне и гибридной (человек+техника+цифра), сравнимой по силе и образу с неолитической революцией, когда произошла замена неандертальца на кроманьонца, с той лишь разницей, что нынешний «кроманьонец» — оператор-цифровик, он же и киборг, а вместо кроманьонского общества, сменившего неандертальское стадо, приходит оцифрованная матричная сеть.

Не случайно ныне приоритет в образовании и науке отдан математике, лишенной что материального, что идеального предмета, кроме голой когнитивной цифры, а фундаментальная наука, она же и по сути метафизика, в загоне, даже и во вполне осознанном притеснении, если уже не в гонении, ибо всё теперь сводится к количеству, числам, моделям — к цифровым скелетам, а не к содержательным, описываемым словами, «телам» и «душам».

Особенно ныне стало тяжело под прессом наукометрических лимитаций гуманитарной фундаментальной науке, всего ближе и полнее относящейся к метафизике, к слову, к переживанию и откровению, к мудрости, но при этом и к человеку с обществом, к сознанию, разуму, когнитиву, психике, ноосфере, как и к трансценденции, ко всему тому, что призвано концептуально судить обо всем происходящем с бытием, жизнью, человеком, обществом, историей, идеологией, с той же наукой, с культурой, цивилизацией, государством, вообще со всем человеческим мирозданием.

Цифровизация, видно, нужна и явно неизбежна, но... *какая* цифровизация, с какой гуманитарной *мерой* и в каком предметном *воплощении*? Предпринимаемый в России, как и во всем мире, курс на цифровизацию всего и вся оправдан творческой (демиургической) историей человека, но насколько оправдана вполне возможная тотальная цифровая эсхатология, ведущая к *трансгрессии* человека и человечества во что-то *иное*, вовсе не обязательно, что человеческое? Не окажется ли новая гуманитарная революция самой настоящей античеловеческой революцией, в итоге которой уже не станет ни человека, ни человечества, ни Земли как космического ковчега спасения? Или же наоборот — всё у человека с человечеством, как и у Земли грешной, только начинается?

Кто ответит на эти и им подобные вопросы, пусть и не полно, не окончательно, но хотя бы с заботой о человеке и его будущем, ежели не гуманитарная метафизика, которую нынче если и не гонят взащей из университетов и академий, но к которой явно не спешат прислушиваться ни функционеры, ни даже ученые — денег она не приносит, степеней, должностей и премий тоже!

Вот вам, господа, и *российский миттельшпиль*, прямо посреди функционального игрового алгоритма и в смысловых глубинах сложнейшей экзистенциально-геостратегической партии, точнее, двух взаимовязанных партий — внешней для России и для нее же внутренней, — и что интересно: вовне Россия разворачивает антиглобалическую игру — против однополярного мира за многополюсный мир, а внутри страны российское правление ведет вполне глобалическую игру, точнее, игру-то вроде бы национальную, по месту ведения, а вот по целям, механизмам и духу своему вполне себе глобалическую — за нового цифrogenного человека (тау бе — постчеловека) и новое, тоже цифrogenное — сетевое общежитие (тау бе — постчеловеческое).

Особенность сей игры, что игры вовне, главным образом с Западом, с США и Европой, хотя и не только — с бывшими и нынешними «союзничками» тоже, что игры внутри — с собственным населением, которое, как может, приспособливается к глобалическим новинам, обороняется от них, избегает их и им сопротивляется, кое в чем им поддается, кое-чему идет навстречу, в общем — преобразуется, по возможности себя сохраняя, — так вот особенность сей игры в большой неопределенности, как текущей, так и перспективной: во-первых, «что день грядущий нам готовит?», ибо *всякое* тут возможно, а во-вторых, чем же все-таки в итоге всё это станется — что в *эндшпиле*, что в самом уже *конце*?

В общем, хочешь, не хочешь, а «*русская рулетка*» тут: что *там* — вовне, что *тут* — внутри, хотя, быть может, вовсе и не русская, во всяком случае не только русская, ибо истории известны и другие «рулетки» вроде той же бонапартовой, но все-таки... э-э... *рулетка*, хотя, заметим особо: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!».

РОССИЙСКИЙ МИТЕЛЬШПИЛЬ*

Мительшпиль в шахматах — середина партии, однако не просто ее средняя часть, а некая сердцевинная ситуация, в которой всё, или почти всё, решается, — в общем — это решающая часть партии.

Дебют России как России в великой мировой игре, образом которой как раз и служат для нас шахматы, состоялся с момента первого знаменательного хода — Мюнхенской речи Президента Российской Федерации, когда и первая геостратегическая фигура была двинута вперед, и перчатка, знаете ли, гроссмейстерская была брошена действующему гегемону — Западу. Эндшпиль в этой замысловатой и весьма рискованной (прямо по Михаилу Талю) партии еще впереди, а вот мительшпиль уже налицо: война России уже объявлена Западом и всюду ведется этим самоуверенным «партнерским противником», или «противным партнером» — правда, в отличие от шахмат, без соблюдения каких бы то ни было правил (уже по Остапу Бендеру).

Ничего неожиданного в этой войне Запада с Россией нет — это всего лишь продолжение многотысячелетней тяжбы Европейского Запада с Европейским Востоком, с той лишь особенностью, что нынешнему Западу показалось, что больной для него российский вопрос был уже решен с уходом с бытийно-исторической арены СССР и подключением оставшейся от него Российской Федерации к Западу-победителю в качестве побежденного-де вассала.

Однако... то была лишь победа Запада с поражением СССР-России в отдельно взятой партии, а не во всей геостратегической игре, — из ничего вдруг возникла новая партия, в которой Западу, достигнувшему этой реваншевой партией прямо-таки врасплох, приходится не

* Опубликовано: *Философия хозяйства*. 2018. № 5. С. 8—10.

только отыгрываться, но и, пренебрегая правилами, впадать в элементарное шулерство.

Что же сегодня? Партия идет, передний российский фронт явно покрепче и поухватистее западного, вынужденного реально химичить (Сирия, Великобритания) и отчаянно медийно-политически алхимичить (США, Великобритания, Польша, Украина), а вот тыл российский из-за структурных производственных, социальных и финансовых перекосов, инертной внутренней социально-экономической политики и уже фактического кризиса сложившейся по итогам реформы 1990-х системы административного управления не столь упруг и дееспособен, как передовой фронт, что требует, как это принято в военных делах, перегруппировки сил с заменами кое-каких ключевых фигур.

Нетрудно заметить, что правящий в стране верх это понимает, кое-что и предпринимает для исправления не лучшей тыловой ситуации, но... тут мы воздержимся от прямых рекомендаций всезнающему правительству, ограничившись лишь тремя почти что уже сакраментальными «деловыми» тезисами: 1) немедленная реконструкция управления; 2) мобилизация всех национальных сил, включая отечественный интеллект; 3) решительный переход к постреформенному перестроению хозяйства с ликвидацией крайне опасных для бытия страны вышеотмеченных перекосов. Знаем, что трудно, тяжело, почти что и невозможно, а что делать — разве есть иной выход?

Такова она, надо полагать, миттельшпилевская для России ситуация, сложившаяся в инициированной ею партии на витиеватом треке большой мировой игры, той самой игры, в которой участвуют, кроме России и Запада, и другие заинтересованные игроки, среди которых есть и реальные партнеры России, даже, пусть и на срок, ее союзники, что означает, что Россия, начав рискованную, но необходимую для себя партию, имеет возможность ее вести и далее, не только отчетливо представляя всю ситуацию на мировой шахматной доске, как и делая на ней неожиданные для фронтальных «партнеров» по войне, но зато верные для себя ходы, но и, что сейчас особенно важно, совершить внутреннее через «не могу» *самопреображение*, без чего ни на какой благоносный эндшпиль в развернувшейся партии рассчитывать попросту не приходится.

ВИБРИРУЮЩИЕ ГОРИЗОНТЫ РОССИИ

«Горизонт» — нормальное словечко для необъятной и недоуменной России: куда ни кинь блуждающего взгляда, везде увидишь удаляющиеся в неведомое горизонты, непременно и вибрирующие — от далей, от игры света и тени, от путевой и целевой неопределенности.

«Горизонт» — совершенно адекватное для России *понятие* — что онтологическое, что гносеологическое, за которым стоит не одна лишь огромность России, даже не только ее *мир-ность* (Россия — не просто страна, это *целый мир*, а ежели и страна, то более всего не от «стороны», а от... *странности!*), как и не только некая невыраженность, даже размытость образа — что пространственная, что временная, не только сама по себе загадочность России, ее бытийно-исторического пути, — за понятием «горизонт» скрывается наряду со сказанным не что иное, как... *неотмирность России*, ее и в самом деле странное единение с *иным миром*, не совсем зёмным, а может, совсем и не зёмным, а каким-то другим, не явленным в заметной глазу окружающей данности, но неявно в зёмной и незёмной данности присутствующим, еще и не нейтрально присутствующим, а вполне себе действительно, разумеется, незнаемо для истого наблюдателя и как!

Это как раз то самое особенное, что делает Россию (*Не*)Зёмной, немало, пожалуй, и преисподненской, хотя и немало занебесенской тоже, в общем, не такой, как все: западные ли, восточные ли, южные ли страны, вовсе и не лучшей, чем все они, да и не сильно худшей, а попросту... *иной* — с иным генезисом, иным сущным образом, иным бытием, иной историей, иным, надо полагать, и будущим, — нет, вовсе не свободной от зёмного мира, в нем сидящей, от него немало и зависимой, но все-таки... *иной* — не то, что особенной, что понятно, а *вообще иной*, вовсе не таковской, из какого-то другого, так сказать, теста и на какой-то иной закваске.

Корни России где-то в глубоком изначалье, Россия экзистентирует очень и очень давно, с незапамятных времен, хотя Россией она, даже Русью, когда-то и не называлась, а ежели и была Русью-Россией, то всего более как идея, замысел, смысловая завязь, как эгрегор. *Доисторическая протоРусь — древняя и средневековая историческая Русь — нововременская и уже нынешняя Россия*. Нет, не от Рюрика и уж тем более

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2019. № 1. С. 11—21.

не от Владимира Святого пошла Русь-Россия, а от незапамята, от ведо-волхвических изначалий, что подтверждается не так артефактами и письменными источниками, как словом русским, бездонными по смыслам русскими сказами, а всего более — характером русским — древним, корневым, неистребимым.

Само начало Руси-России где-то за историческим горизонтом (а может, и за доисторическим), а потому и за горизонтом неопределенным: расплывчатым, мерцающим, ускользящим, в общем — *вибрирующим*.

Тут ведь большая и затяжная мистериальная игра *мира Зёмного* и *мира Иного*, в которой не то призом, не то козырем, не то просто разменной картой служит Русь-Россия, — сама при этом *игрок*, отчего и нескончаемая вибрация русского пространства и русского времени, как и самой Руси-России, ее физики и метафизики, даже когда явленной Руси-России как бы и нет, а есть лишь застрявшая где-то в Нави какая-то *(Не)Русь-Россия*.

Если Россия *проект*, то это проект неведомых сил, ибо, как показывает реальное бытие-история, Россия, вынужденно надевая на себя тот или иной текущий проектный образ, никак в полной мере его не признает и окончательно своим не считает — как неловко надевает его, так и ловко сбрасывает, что говорит о том, что Россия в своей реальной зёмной ипостаси — *сама-себе-проект!*

Да, какой-то замысел-проект для России есть, как раз оттуда, то бишь... *ниоткуда* — из *иномирья*, но это весьма трансцендентный проект, никак и никому и не известный, включая и саму Россию, а потому Россия — *сама-себе-проект*: и то, что у нее по ходу и на ходу выходит, то и выходит, а предлагать России какой-то «верный» умозрительный проект — суцая безделица, не раз уже тяжело и кроваво исполненная, хотя можно, наверно, проникнув в эгрегор России и как-то его обозрев и осознав, немало и поспособствовать самореализации России — самой по себе, ради себя и ради мира человеческого.

Самое любопытное, что сегодня, уже в XXI в., данное понимание России и такое отношение к ней очень и очень потребны — *пора уже дать России дорогу к самой себе!*

И сделать это надо вопреки внутренней и внешней *анти*России, с ее резко ныне поднявшейся бесподобной русофобией и открыто ведущейся со стороны Запада против России (именно России, а не просто Российской Федерации) «гуманитарной» — обратим на это закавыченное словечко внимание — войны, то бишь войны на уничтожение Рос-

сии как особенного смыслового — и именно *гуманитарного*, а не какого-либо еще — феномена.

Дело в том, что Россия как экзистенциально-геостратегический субъект вдруг взяла, да и заявила во всеуслышание прямо посреди западного края «глобальной глобализации» о *своей* самостоятельности, о следовании *своему* геополитическому курсу, о приоритете *своих* национальных интересов, а главное — о нежелании переставать быть Россией, что сразу же поставило Россию в положение экзистенциально геостратегического конкурента и даже противника Запада во главе с США, упорно продолжавшими свой имперский натиск на Восток Европы, присоединяя к себе как еще недавно бывшие под главенством СССР государства из так называемой «международной соцсистемы», так и кое-какие бывшие территории самого СССР, оказавшиеся вдруг новыми «независимыми государствами».

На этот новейший натиск Запада на европейский Восток, на этой очередной «дранг нах Остен», Россия, как это уже случалось в истории не раз, ответила стойким сопротивлением, перестав верить в эфемерный (фейковый) солидаризм с глобализованным, хотя и полным своих собственных неразрешимых противоречий Западом, бесцеремонно ведомым в бездну неизвестность явно уже тронувшимися умом в своем имперском бессознании самонадеянными США.

Тут-то и заиграли вовсю российские, хотя и не только российские, экзистенциальные, гуманитарные и геостратегические горизонты, которые Россия оказалась обязанной защитить, утвердить и «оборосить».

Пошла большая, сложная, неоднозначная, противоречивая и весьма рискованная для России и всего зёмного мира игра, вплетенная в *Большую общемировую игру*, разверзшуюся на Земле в наступившем XXI в., где игроками не только Запад с США, или лучше — США с Западом, а и весь, или почти весь, *неЗапад*, причем вовсе не только Восток, но и Юг с кое-каким Севером в придачу.

Россия сейчас в самой гуще *Большой общемировой игры* — как субъект-участник и как субъект-объект тоже, ибо игра тут не за какой-то нейтральный и приемлемый для всех игроков приз, а за саму для каждого из участников собственную экзистенцию — как факт, как образ, как контент, как континиум. Не шуточная тут вовсе игра, а близкая к той, которая ведется прямо-таки «не на жизнь, а на смерть», причем, заметим особо, по преимуществу и как «игра без правил».

Вполне «гуманитарная», так сказать, игра!

Россия в этой игре вовсе не на периферии, а в самом ее центре (если не в самом ее пекле), ибо (и отчего) у России не только свои национальные горизонты, а и мировые тоже — *мировая ведь это держава — Россия*, — оттого и горизонты у нее безграничные, а потому не просто вибрирующие, а, знаете ли, всюю и пляшущие, чуть ли не скачущие.

Планетарный мир стремительно меняется, это уже не просто изменяющийся мир, а *мир-перемена*, и хотя США с Западом все еще почитают себя за наверхие построенной ими мировой глобализованной пирамиды, причем наверхие лидирующее, управляющее, господствующее, но в реальности это уже не совсем так, а кое в чем и совсем не так: мировая глобализованная пирамида не просто трещит ныне по швам, но и шаг за шагом распадается на ряд мировых пирамид, среди которых и вновь поднимающаяся российская (может, и евразийская) пирамида.

А началось все для России со слова (*Слова!*) — с мюнхенской (2007 г.) речи главы российского государства, в которой была обозначена невозможность суверенного пребывания России в западо-американской «семье» по причине имперо-колониального поведения США и Запада относительно России и всего мира, продолжения излюбленного ими «дранг нах Остен», созидания вокруг России полосы напряженности и так называемой военно-базовой «Анаконды».

Нечестная и нечестивая игра Запада с Россией, оказавшейся в «перестроечные» и «реформные» 1980—1990-е гг. в роли зависимого псевдо-игрока, была-таки Россией прервана: Россия предпочла для себя тогу самостоятельного игрока, имеющего свои интересы, независимое суждение и свои на руках карты и козыри, — негоже было великой ядерной державе участвовать в игре с западными «партнерами» в функции и с позиции лоха-вассала, призванного к хитроумной игре шулерскими «ведунами» для его заведомого проигрыша.

За словом, сказанным в Мюнхене, а точнее, за *слово*, сказанное в Мюнхене, пошло наглое высокомерное наступление Запада на Россию, а за кое-какими ее вынужденными отпорными действиями — и настоящая война с Россией, сначала названная весьма коряво «гибридной», а затем уже более изящно — «гуманитарной».

Что ж, сегодня против России чуть ли не единый, хотя не такой уж и монолитный, западный фронт, поносящий Россию и ведущий с ней «гуманитарную войну», готова и войну настоящую, уже горячую, и противостоит сему цивилизованному-де фронту не слишком-де цивили-

званная Россия — сама ставшая фронтом, но уже оборонным, хотя и не без кое-каких наступательных выпадов и операций.

Фронт! Это слово еще не вернулось в оживленный публичный обиход в своем корневом значении, но фактически феномен фронта уже налицо. *Внешний фронт* для России уже явно имеет место, он крепко со стороны России, мобилен, в меру активен, что позволяет России не только сохранять и укреплять суверенитет, но и вести свою, немало значимую для себя и всего мира, весьма при этом и загадочную, экзистенциально-геостратегическую игру.

Однако шаг за шагом все более проявляет себя в России и другой фронт — *фронт внутренний*, который вроде бы и не фронт, а так себе... внутренняя ситуация, но, увы, пусть и подспудно, она все ближе к... э... э... *фронтной*, ибо это ситуация хоть и не явной войны, но и не безмятежного мира, к тому же и ситуация кое-какой борьбы — борьбы не просто за новую Россию, а и за само бытие России как России, ибо тут не одни мотивы и проблемы обновления, роста и развития, а и кое-что куда-как более серьезное: «*Быть России или не быть, а ежели быть, то какой?*» — не более и не менее!

Пореформенная (с рубежа 1980 — 1990-х гг.) Россия! Что это за образованьице такое; что это за «чудо-юдо», что за полифоническая химера? Кто в ней правит, как правит, зачем правит — без известного и работающего текущего проекта (все кабинетные на заказ «программы» тут не в счет — *концепта национального* как не было, так и нет!), без действенного аппарата, без жизнеутверждающих достижений на векторах занятости, жилья, образования, здравоохранения, науки, гражданской техники, свободного предпринимательства, общенародного благосостояния, а главное, на векторах хоть какой-нибудь нравственной меры и хоть какой-нибудь функциональной справедливости, хоть какого-нибудь воистину дружественного, хотя бы щадящего, отношения правящих и владетельных верхов к народу, стране, природе, ресурсам, интеллекту, городам, территориям? Сложившееся по итогам реформы «управленчество», вроде бы управляя страной, социумом, нацией, ведет при этом чуть ли не настоящую, вполне себе и беспощадную... *войну* — со страной, социумом, нацией, как раз вполне себе *гуманитарную*, что трудно наивно-честному уму представить, но что имеет-таки место быть!

Не надо тут приводить сонма примеров, не надо и ничего особенно доказывать: куда ни кинь обнадеживающего взгляда, везде одно и то же: безлимитное стяжательство, безудержное частное присвоение,

неугомонный грабеж, алчная несправедность, мертвящее менеджерское безразличие, массивное неблагополучие масс, дешевая медийная эскапада, ну и вранье, вранье, вранье!

Но что интересно: правящая система таки влезла, не очень-то, видно, это и замечая, точнее — старательно этого не замечая, в *собственный системный кризис* — причем кризис не так даже неверного и неважного для страны и ее населения *государственно-корпоративного управления*, как кризис *концептуально-экзистенциальный*, не говоря уже о *нравственном*.

Война со страной обернулась-таки для правящей системы сущностным, смысловым и функциональным банкротством!

Алчность, произвол, деспотизм — вот три метафизических зверя, на которые воссела правящая пореформенная гвардия, с которых она никак не может, да, видно, и не хочет, слезть и которые завели ее в тупик, ею — гвардией — либо не особенно и осознаваемый, либо на который она закрывает глаза, либо ничего другого и не желает.

А зря!

Тут ведь проблема *фронтного тыла*, без которого ведь *никуда* — что на любом из передних — внешних — фронтов, что и на внутреннем, заднем.

«Отечественная элита» катастрофически недооценивает «подотчетного» ей населения, его ожиданий и настроений — как факта возможной с его стороны поддержки, так и, наоборот, сначала факта его равнодушия к власти, а потом и факта с его стороны ее — власти — задушевного отрицания.

Безмолвный энергизм российского населения — та еще сила! Она ведь как на созидательную негэнтропию может работать, так и на разрушительную энтропию — что в среде социума, что в системе самой власти. Революция 1917 г. случилась всего лишь по причине того, что российское население попросту отвернулось от надоевшей ей власти. Не революционеры вовсе сделали революцию, не народ, а именно все более терявшая обратную связь, уходившая в себя и становившаяся все более неэффективной и ненужной власть! То же самое происходило в стране и в конце XX в., лишь ярко обозначившись непосредственно в 1991 г. Зачем же актуальной власти подменять исторически обанкротившийся коммунистический большевизм, ведущий затяжную гражданскую войну со страной, новым большевизмом — буржуазно-глобалическим, не в меру увлекающимся аналогичной, пусть и обзывают теперь «гуманитарной», войной со своей же страной? Может, все это

кому-то сегодня и выгодно, но при ускоряющемся бытии-истории такое поведение властей явно недальновидно — особо долгого времени для неольшевизма у бытия-истории вряд ли теперь сыщется!

Доминанционный горизонт нынешней власти не совпадает с экзистенциальными горизонтами России, он слишком узок для России и ей явно не адекватен.

Евроамериканизации России все равно не выйдет, как не выйдет вдруг и ее нарочитой евразии: России необходима... *россиезация*, разумеется, новая, не отрицающая России и с ней антироссийски не воюющая, а полагающая Россию, находящаяся с ней в органическом единении.

А ныне лишь разрастающийся отрыв правящего и господствующего верха от управляемого и эксплуатируемого им низа, вполне и опасный отрыв, за которым маячит сакраментальное: «*Низы не хотят, верхи не могут!*».

Низы без верхов всегда ведь как-то выживают, бытуют, пусть и не слишком наслаждаясь своим житием, а вот верхи без низов — *ничто*, а потому органика между верхами и низами куда предпочтительнее разрыва между ними, да еще и неуклонно нарастающего.

И ежели надежда российских верхов породниться с западными верхами, да еще и не на правах «бедных родственников», не в роли васалов, кажется, рухнула и канула в лету, то верхам российским (и псевдороссийским, и даже антироссийским) самое «оно» породниться с... Россией, с (не) своей Родиной, с (не) родным населением, с (не) своим народом, вступив со всем этим (не) своим в органическое единение — тогда-то верхи, может, и выживут — как верхи, — разумеется, при их эффективном взаимодействии с уже заведомо проклятой ими (не) своей, но зато старательно обираемой ими страной.

Да, Россия выживает, бытует, существует, однако... *кризис*, причем в первую очередь *концептуальный*, а это есть не что иное, как... *кризис* и прежде всего именно *концептуальный*, и такой кризис для страны очень тягостен и безмерно опасен. Верховное правление должно немедля *это* осознать и решительно изменить (не) свой курс, немало изменив и (не) свое действующее коллективное лицо: настал момент *пост-реформенного* разворота, что, как кажется, и понимается отчасти в верхах, но почему-то на деле никак там «не можется». А надо бы!

Горизонты властей предержавших куда как уже горизонтов России — страшное тут, почти и бездное, расхождение!

Площадная по форме, вполне и водевильная драма власти — с одной стороны, и экзистенциальная по сути, вовсе не театральная, а вполне себе житейная, с другой стороны, трагедия России!

Если горизонты власти произвольно трепещут — от генного страха, то горизонты России уже надсадно ноют — от безразмерного абсурда!

Да, не все в отечестве слышат это заунывное попискивание довольных вроде бы собой верхов — собственности и властей предержавших, как и слышат это грозное безмолвие изрядно уже обездоленной и зачем-то все еще старательно насилуемой властями и крупным бизнесом вполне себе мирной и в целом лояльной к ним недоумевающей страны!

Странная ситуация, не правда ли?

Впечатление, вполне уже и устойчивое, что власть, заявившая о суверенитете страны и ее великодержавии, отстаивающая все это пред внешним миром, теми же США, во внутренней сфере оказывается пасынком глобалистического евроамериканизма, занимаясь «по-ихнему» переделкой под «ихние» же стандарты всего населенческого жизнеотравления, не считаясь на деле ни с традициями, ни с культурными генотипами, ни с суверенным национальным творчеством, ни даже со здравым народным смыслом.

Жалкое, беспринципное и безапелляционное подражательство, оправдываемое «оптимизацией», «мировыми стандартами», «экономией», «техническим прогрессом», «цифровизацией», «наукометрией», «рейтингологией» и тому подобной фейковой чепухой, — подражательство, не останавливающееся перед самыми настоящими погромами важнейших жизнеотправительных сфер вроде образования, здравоохранения, науки, культуры — то бишь самого творящего духа нации!

Зачем это «деется»?

Страшно подумать, невозможно высказать! Зачем нам в качестве образца провалившаяся в тартарары в идейно-духовном плане Евро-Америка? Разве не понятно, что за сим бездумным подражательством лишь античеловеческий погост? А главное — вместо животрепещущей страны не более чем «серая дыра». И на этой-то дыре верхи собираются спокойно и беззаботно почивать — каково!

Безумие Запада, все или почти все человеческое уже уничтожившее, как-то очень уж любезно воспринято (не) нашими безумцами: то ли по недоумию, то ли от владельческого страха, то ли от слишком прочной «повязанности». А ведь как раз здесь — в *национальной идей-*

но-духовной засаде — весь действительный суверенитет России и зиждется. Правящий же верх маниакально бьет по нему и бьет, наслаждаясь видом разрушаемых им «архаических крепостей».

Вот он — либеральный-де неолыбшевизм!

Была надежда, были ожидания, подтвержденные патриотически возбужденным массовым электоратом, но... увы!.. все это сразу же после «великой акции» и рассеялось.

Что за самоубийственный шаг, жест, ход?! Такая фантастическая электоральная поддержка и... *ничего!* — ничего радикально нового, никакого нового курса, никаких значимых перемен. А ведь чего-то *такого* ждали, всё прощая возникшему из уголовной пены пореформенному режиму: коррупцию, инфляцию, несправедливости, обираловку, массовую бедность при невиданной роскоши «избранных», «оптимизации», «реформы», «инновации», «прокуратуру», «суд», «полицию», даже бездарных мажоров и разное другое, чем замечен унылый пореформенный «перформанс». И вот: *«На внутреннем фронте без перемен!»* А ведь *такое* уже бывало: и когда-то давно, и тогда — еще на памяти, и совсем недавно: гниение, застой, паралич!

Где она — новая жизнь, а не отгаликивающее прозябание, уныние и бесперспективность? Отчего многая молодежь не видит для себя деловой, творческой, житейской, а главное — моральной, гражданской, благородной перспективы, и утекает за границу, куда ей совсем и не хочется, где ничего воодушевляющего и воистину ценного для себя и не находит?

Да, население (ни в коем случае уже не народ!) в целом молчит, сопит, пыхтит — разочарованно и недоуменно, хотя и не совсем уж молчит, даже втихомолку побуркивает, а кое в чем себя уже заметно и недвусмысленно открыто проявляет, но... власть, делая старательно вид, что все прекрасно в «королевстве», не вслушивается в это людское, почти что и беззвучное бурчание, не чувствует силы и энтропийной потенции накапливающейся энергии недовольства и отторжения, не замечает подспудного, вполне себе и угрюмого «волнования» субсоциальной «подземки».

Родовой присвоительно-накопительный эгоизм не позволяет верхам ни признать низы, ни понять их, ни пойти им навстречу. *«Страшно далеки они от народа!»* Однако и от себя самих они тоже страшно далеки, ибо сами по себе они — *никто!*

Любая полноценная нация предполагает единение «верхов» и «низов» (а лучше — «низов» и «верхов»), вовсе и не монолитное, а,

скажем так, *компромиссное* — идейно-духовное, личностное, субъектное. И не так в противном случае вершится преступление, как нарастает непоправимая ошибка — помыслить себя «хозяйвами» страны, и в это непозволительно уверовать!

Суверенитет единой нации — не так в военно-политической ее ипостаси, хотя это и необходимо, как в идейно-духовной, гражданской, товарищеской, даже и родственной, в единении всех и вся — не одинаковых вовсе, по-разному успешных, но перед лицом и в составе нации... *равных!*

«Ха-ха, — скажут нам, — чего захотелось?», — и сказавшие это окажутся фактически правыми — при бешеных-то разрывах в благосостояниях, текущих доходах, социальных положениях, возможностях... э-э... российских «сограждан», но экзистенциально стратегически, совсем и не эмоционально, сказавшие это «ха-ха...» никак ведь не выступят против реальной возможности *целостного преображения России* — как раз *на пути России к России и вокруг неё!*

Доступными широкому населению полунатуральными хлебами, обильными легковесными зрелищами и прекраснодушными фейковыми речами на бесчисленных форумах сей нарастающей неуклонно потребности того же населения во внушительной экзистенциальной перемене не прикрыть, а показным, роботизированным на западный манер «эффективным управлением» уж никак не достичь!

Генеральная перемена, о которой речь, не может произойти без сонма вспомогательных перемен, весьма и острых, вполне, разумеется, альтернативных как тому, что уже есть и не собирается уходить, так и охотно и бойко ныне проводимым нынешней властью далеких даже от простого здравого смысла «усовершенствований», не говоря уже о систематическом (если не системном) опустошении электронных кубышек ни в чем не повинных перед родной страной ее трудовых насельников.

Альтернатива лихой 1990-х «Реформе» — последовательная *пост-Реформа*, причем никакая не грубая *анти-Реформа*, а лишь достаточно коррекционная *пост-Реформа*, вовсе не обязательно и очень громкая, совсем и не визгливая, но зато *поступательная* и *необратимая*. Раскручивать сие важнейшее дело можно на основе и вокруг «оборонки» с армией, Ледовитого океана, Дальнего Востока, Крыма или той же киберсферы, но раскручивать-то надо, имея в виду не одни новые продукты, предприятия и отрасли, но и реальное обновление всей нынешней системы праздного и при этом весьма унылого правления, мало

того — системы всего жизнеотправления общества, как раз на основе и перед лицом *единой нации*, в ее общих интересах.

Никаких загадок и «невозможностей» тут нет, потребны лишь ясное понимание и твердая воля, не исключая и обостренного чувства самосохранения, — однако от кого же лично ждать понимания и чьей же персонально ожидать воли? Вроде бы ясно, от кого и чьей, да вот... не будем далее разворачивать такое «*нехорошество*», а лишь заметим, что старушечья история *никому* и *ничего* из собственности и властей поддерживающих не прощает, особенно из-за эгоистической, самодовольной и легкомысленной (не) деятельности.

Что ж, российские горизонты натужно вибрируют, и вовсе не только от обширных страновых далей, но и от вселившихся в страну инородных для нее качественных, поведенческих и управленческих странностей — пореформенных, конечно, от которых она (не) терпеливо ждет постреформенного избавления, все более освобождая себя от актуальных относительно воцарившегося в стране режима иллюзий.

Россия, вперед!

P.S. Автор допускает возможность своей неправоты, мало того, был бы счастлив оказаться неправым в оценке всего ныне в России происходящего, но говорить как-то иначе автор почему-то желанием не располагает, да и в гуманитарном концептуальном мониторинге не так важна констатация уже отчетливо проявленного, как превентивное «замечание незамеченного», хотя уже в реалиях подспудно, а то и уже прямо «при дверях» присутствующего.

В ДОЛГУ ПЕРЕД РОССИЕЙ*

Россия и отечественная гуманитарная мысль!

Россия как онтос — есть, однако есть ли у России о России адекватный ей гуманитарный гнозис, да не как о стране, пространстве, земле, народонаселении, природе, а как о бытийно-историческом феномене, как о... России как России, как раз той самой России, которую умом — рационально-исследовательским, конечно — не понять, и в которую остается только безотчетно верить?

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2018 № 6. С. 7—8.

Да, Россия как Россия, то бишь как идея, как концепт, как эгрегор, как замысел Божий — и в самом деле первая и последняя вера для русичей, русских, россиян, — кто бы сомневался! — но что же она такое — Россия; откуда и когда явилась на свет, пусть и не называясь собственно Россией, а будучи некоей протоРусью; какой путь она прошла, куда и зачем идет; что же это на самом деле — русский дух или тот же российский мир; что это за проект такой под названием «Россия»; не Европа ведь и не Азия, хотя и в Европе Россия, и в Азии, но вовсе и не Евразия эта Россия, ибо она — Россия; а что сегодня есть Россия как Россия, с какой идеей, каким смыслом, какой перспективой, а-а?

А сколько загадок, неясностей и белых пятен в реальном бытии и в долгой более или менее известной истории России, в событиях, происшествиях, персоналиях, сколько обо всем этом понасоздано «чудесных» мифов и наговорено «чудных» нелепостей!

Так есть ли оно — актуальное россиеведение, освобожденное от привольной мифологии и избавившееся от набивших оскомину наукообразных догм, — и не в долгу ли великом (не)родная гуманитарная мысль перед (не)родной Россией?

Вопросы!

РОССИЯ, ВПЕРЕД!*

История ничего не забывает, хотя и не обо всем открыто говорит, многое повторяет, хотя и не слишком повторяясь, кое-что созидает новое, в том числе и вольно импровизируя — невероятно, броско и, как правило, внезапно!

История, а это все Бытие в движении и переменах, идет вперед, пусть и кругами, и витиевато, и путанно, но... *вперед*: разве сегодняшний мир такой же, каким он был в Древней Греции, в средневековой Европе или в той же византийско-ордынской Руси, не говоря об Индии с Китаем — этих вечных недвижимых переменных?

Мир меняется, пусть в разных его местах по-разному и с разной интенсивностью, но меняется, а уж сегодня не перемены даже в мире, а нечто уже иное, как бы *мир-перемен*, а может, и... *перемена-мир*.

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 7—8.

Вот и Россия меняется, которая тоже уже не просто меняющаяся Россия, а *Россия-перемена*, а то и *перемена-Россия* (это уж как кому нравится), что означает, что на реформе-революции 1990-х ничего не закончилось, наоборот, все в России только начинается, ибо на историческом старте не бывшая ранее страна под именами Российская империя или СССР, а Новая Россия — не византийская, не ордынская, не евроцентристская, не сталинская, не глобалическая, а... *российская*. Россия ныне выходит наконец-то к самой себе, как раз той самой — изначальной, но вовсе не к прежней, а к *новой*, причем не *пореформенной* (образца 1990—2010-х гг.), а к *постреформенной* — еще не обрисованной и не выстраданной.

У нынешней России нет ничего в идейно-концептуальном запасе более ценного, кроме... *России*, которая и есть собственно, *российская идея*, мало того, это еще и ее — России — *вера* — вера в саму себя!

Неплохо, не правда ли?! И никой тут смысловой тавтологии, если хорошенько над этим подумать.

Само Бытие-История вытаскивает на передний план Россию... как именно *Россию* — это великое, хотя и еще вполне не осознанное, не понятое, достойное человечества, его Бытия и Истории, его Экзистенции — немало, заметим, и апокалиптической!

Осознать бы это все, воспользоваться необыкновенным шансом, не прозевать, сделать и выйти на *Новую Россию*: ах, какая великая сакральная ответственность лежит нынче на россиянах, на всех доморощенных интеллектуалах, на церкви с властью, на всей России, аж жуть!

Россия — вперед!

III

СЛОВО И ЦИФРА*

На передний план в человеческом, а может, весьма уже и в постчеловеческом, бытии выходит *цифра* — ЦИФРА!

Нет, она не замещает вполне собою *слова* — СЛОВА, но она, внедренная во всеохватывающую управленческую электронно-киберкосмическую технотронику и из нее вываливающаяся бесконечным селеобразным потоком в весьма уже основательно оцифрованное бытие, заметно теснит слово, немало его и изменяя, делая ненужным наработанным человечеством безбрежный запас слов, как и саму возможность бесконечных сочетаний из них, превращая даже накопленные человечеством родные языки в отжившие анахронизмы. На место языков и многословия приходит некая единая цифровочная лингвоматрица. Теперь достаточно нескольких сотен новейших «англоязыков», чтобы благополучно пребывать в оцифренной бытийной среде. Гуманитарная мысль вкупе с органичными ей философией и литературой вовсю уже сворачивается, а вместе с этим скукоживается — упрощаясь, унифицируясь и технологизируясь — само человеческое сознание.

Обословленный человек эволюирует в оцифрованного постчеловека!

Цифра — знак (обозначение) количества. За цифрой как таковой нет и не может быть никакого качества. Какое-такое качество отражает та же математика, эта царица-де всех наук? Никакого! А потому не царица она вовсе, а... служанка, необходимая как раз там, где сидят, спуют и звенят количества. Царицей качественного, а следовательно, и словесного, и смыслового знания является не математика, а философия, но... ее вокруг все меньше, а та, что осталась — более всего уже прячется в себе самой, бытуя для самой себя, а вовсе не для человека с его все-еще-человеческим сознанием. Делать философию, как и ту же большую литературу, не то что не модно, что само собой, а незачем и не для кого, да к тому же особенно уже и некому.

Стоит ли волноваться, господа?!

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 7—8.

Вот и в тех же, все еще упорно называемых научными, работах все меньше... мысли, а соответственно — слова со смыслом, зато все больше цифровочных показателей, чисел, расчетов, в общем — всякой количественной архитектоники, а о самой значимости работ теперь судит не онаученное сознание с его обращенностью к содержанию работ, а... некая большая вычислительная машина с ее произвольным вымученным вниманием не к сути работ, что невозможно, а к внешним, мало к тому же относящимся к самим работам, формализованным показателям. Содержательная единичная оценка работ заменена массовым цифровым рейтинговым клейменем, что свидетельствует вовсе не о расцвете науки, даже, наоборот, не о ее естественном увядании, а о вполне научно обоснованном и вполне осознанно практикуемом переводе науки в разряд никому ненужного симуляционного хлама, ежели вообще не о целеположенном ее умерщвлении.

Продукция фундаментальной гуманитарной мысли не подлежит вообще-то никакой судейской образца оценке; сама наука своим бытием оценивает тот или иной свой же продукт; лишь когнитивное время с когнитивным пространством оказываются здесь законными судьями научных достижений — иного тут не дано!

Вторжение цифры в сферу слова — настоящий переворот в ментальной истории человечества, набирающий ныне не только силу и скорость, как и не только массовое признание, а и вполне себе религиозное со стороны правящих элит преклонение.

Вторая научная, она же и антин научная, революция!

Кто из ученых мог еще каких-нибудь четверть века назад, кроме, конечно, вольных и безответственных фантазеров, предположить, что в сфере науки разразится вдруг самый настоящий переворотный апокалипсис, причем не какой-нибудь, а цифровой — *математический*, так сказать!

Наука сдает науку!

Есть, над чем задуматься мастерам все еще живого гуманитарного слова, которых, правда, все меньше и меньше, есть и чем насладиться, ни о чем таком вовсе и не думая, мастерам немагической цифры, которых все больше больше — их теперь наступили времена — *оцифрованные!*

ХОМОС И ТЕХНОС: КТО КОГО?*

Хомос породил Технос, а Технос, отслужив верноподданически Хомосу, в особенности за последние пару веков, вдруг занялся как раз умом и руками Хомоса, самым Хомосом, требуя от него не только технизироваться адекватно новейшему техносу, но и, о Боже!, стать элементом Техноса!

Восстание Техноса против Хомоса началось!

Идет великая онтологическая революция: Не Технос теперь среди Хомоса — как потребное Хомосу неприродное подспорье, а Хомос тут прямо во чреве Техноса — как непотребный природный атавизм.

Интересно, не правда ли?

Хомос создал и с энтузиазмом «досоздовывает» для себя нечеловеческого друга, на глазах превращающегося в столь же нечеловеческого врага, отменяющего Хомос как Хомос и замещающего его Техносом как Техносом.

Такова, знаете ли, генеральная тенденция. Сбудется ли? Кто ж знает?!

Говорят, что мозг человеческий нельзя технически смоделировать и повторить, а потому техноискусственный разум — не человеческий вовсе разум, и нечего, мол, человеку бояться сего, хоть и затейливого, но тупого аппарата.

Да, это, наверное, так, но ведь мозг человеческий вместе со своим когнитивом окажется (и уже оказывается) не где-нибудь, а в среде технического разума, вовсе к человеческому когнитиву не нейтрального, и вовсе не только ему служебного, а и этот человеческий когнитив весьма подправляющего и направляющего, его самого не только обогащающего, но и объединяющего, его замещающего, им шаг за шагом овладевающего.

Да, человеке со своим мозгом, с ним же и останется, но с каким при этом когнитивом (сознанием), ежели Технос будет не только спешествовать когнитиву в решениях, но и немало определять эти последние, ибо Технос вдруг будет лучше представлять себе текущее бытие и сам бытующий Хомос, чем Хомос будет представлять бытие, самого себя и даже тот же выращенный им Технос? Мозгов человеку, может, и хватило бы, да вот хватит ли ему мозгового когнитива — сплошь

* Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 7—8.

тогда технизированного, следственно, уже в значительной мере и нечеловеческого?

Итак: кто кого? Хомос ли, создав под себя новый оцифрованный Технос, станется его владельцем и эффективным пользователем, следственно, выйдет из драки победителем, либо же Технос, оцифровав бытие и самого человека, превратит их, соответственно, в технобытие и в техноида, а потому и станется победителем — уже и последним?

Большой тут метафизический вопрос с большой физической компонентой, и какой же тут возможен ответ?

Процесс идет, увидим!

ЭКОНОМИКА И ЦИФРА: КТО КОГО?*

Отвечая на простой, но очень не любимый экономистами-теоретиками вопрос: «Что есть *экономического в экономике*, или же в чем, собственно, *суть экономики?*», мы неизбежно приходим к столь же простому ответу: «Это... *стоимость* (Value, valeur), на поверхности экономического бытия выражаемая *деньгами и ценами*, не считая всего от них, и как таковая стоимость производного вроде тех же капиталов, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, деривативов, расходов, доходов, налогов и т. п. экономических вещей».

Отсюда *экономика* есть не что иное, как часть жизнеотправления человека, обусловленная наличием, участием и движением стоимости, которая есть не что иное, как *духо-идеальная (эфирная) субстанция*, гнездящаяся в сознании (или в сфере сознания, включая общественное сознание — *ноосферу*), обязанная своей реализацией мысли и памяти, слову и цифре, расчету и счету, в общем — разуму, когнитиву, работающему мозгу. Иного местоположения для экономики, кроме сферы сознания, нет и быть не может.

Всё, что обычно относят к экономике вроде благ, средств производства и предметов потребления, ресурсов, труда и т. д., никакой экономикой не является, всё это всегда было, есть и может быть вне экономики, хотя и не вне жизнеотправления человека. Если жизнеотправле-

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 11—19.

ние легко подпадает в русском языке под понятие *хозяйство*, то в иных языках, в частности, в английском и том же французском, для жизнеотправления нет никакого вообще обобщающего понятия, кроме расплывчатого *Economie*. Отсюда необходимость вводить дополнительное слово для обозначения собственно экономики, или стоимостного хозяйства — *ekonomika*.

Итак, примем экономику за экономику и попробуем эту экономику (*ekonomika*) рассмотреть в ее единении с цифрой — *экономической цифрой*, той самой, что связана с деньгами, их величинами, отображена в деньгах или ими выражена, то бишь с *цифрой денежной*, пусть и обозначающей не только деньги, но и цены, инвестиции, расходы, доходы, налоги и т. п. экономические «штучки».

Все внимание у нас к *цифре* — *экономической цифре*!

Как раз к той самой цифре — *экоцифре*, без которой нет и не может быть никакой экономики, ибо цифра — это не просто цифра, а цифра субстанциальная, то бишь стоимостная, несущая в себе стоимостную (ценностную) субстанциальность, а потому и *плотская цифра*, не то составляющая, не то просто обозначающая *размерную плоть экономики*.

Интересно, не правда ли? Цифра тут не просто знак, а и сама плоть некой духо-идеальной реальности, называемой экономикой (*ekonomika*). Цифра! И ничего более! Та самая цифра, которая, вобрав в себя числовым образом некую абсолютную на момент ценность, отражает через другие числа сравнительную значимость той или иной экономической вещи. Экономика — оцифрованное субстанциальное нечто, цифрующее экономическое сознание, в нем сидящее, а также цифрующее экономически всё вокруг неэкономическое, попадающее в зону действия стоимости (денег), превращая это всё в постоянную (как золото и тот же труд) или же временную (как картина Ван Гога на аукционе) свою принадлежность. Тут имеет место эффект *экономизации бытия*, превращение его (части его) в хорошо всем известное, хотя и по-разному трактуемое, *есопотіе*, а по-нашему — в *экономическое хозяйство*.

Стоимостная цифирь, выраженная в разных изменяющихся числах и гуляющая по пространству экономики, — собственное содержание экономики, адекватная ей телесность, ее ничем не заменимое виртуальное тело.

Экономика — *цифирь и только цифирь*!

Однако цифирь-то не простая, а... волшебная (денежки ведь!), — и волшебство ее от экономической (товарно-обменно-ценностной), тоже вполне виртуальной, субстанциальной начинки — стоимостной, без чего цифра лишь только цифра — не более чем математический знак. В цифирь эту заложена — вполне субъективно, сознательно, когнитивно — стоимость (дух, так сказать), а стоимость получает от цифири вполне счетно-расчетную выраженность, мало того — телесность. Бери себе в мыслях и считай себе мысленно, да ведь не что-нибудь, а... *абсолютное виртуальное богатство*, — хошь в золоте, хошь в бумаге, хошь попросту в мнимых цифрах!

Цифра (число) должна непременно совпасть со стоимостью, а стоимость — с цифрой (числом). Экономическое (товарно-обменно-оценочное) сознание и совершает сию совместительную процедуру — путем проб и ошибок, повторов и исправлений, разумеется, сознание общественное — ноосферное, где наличествуют и в котором активно участвуют мириады индивидуальных (личных, коллективных, массовых) сознаний.

Работает большая — безграничная и весьма вольная — *счетно-решающая социальная машина*, чувствительными элементами в которой оказываются мириады индосознаний — экономических агентов, а агрегатными платами в которой служат некие образования, которые обычно принято называть рынками, секторами, отраслями.

В механизме сей машины не просто цифирь, даже и обогащенная стоимостью, а конкретные ролевые цифры (числа), они де цифровые параметры — деньги — с их ценностью и количеством, а также цены в их денежной (ценностной) выраженности. *Оцененные деньги* и *оденуженные цены*. Все остальное экономическое так или иначе воплощено в деньгах и имеет ту или иную цену.

Деньги и цены во взаимной неразрывности — главное существовавшее и функциональное ядро экономики.

Нет денег без цены, нет цен не в деньгах!

Деньги и цены — продукты работающего сознания, плоды реализующейся мысли, элементы бодрствующего когнитива. Они возникают, будучи назначенными, как и назначаются, будучи возникшими. Они могут быть *любыми, но не какими угодно*, ибо все оказываются взаимодействующими и взаимосвязанными, хотя и не жестко; они завязят друг от друга; они все в и из денежно-ценовой сети, не имеющей точных и строгих пределов, но тяготеющей к целостности.

Вся параметровая экономическая цифирь если и не определена целиком, но целостно взаимообусловлена, пусть и не строго, пусть и анархически: деньги к деньгам и ценам; цены к ценам и деньгам — в итоге мир денег и цен, дружащий с неизменно присутствующим в нем хаосом, переходящим непременно во вполне уже воспроизводственный хаосмос, пусть и не без коллизий, потерь, кризисов.

Итак: экономика — мир экономической (стоимостной) цифири; это есть большая цифрообусловленная счетно-решающая полноцельная машина; цифра тут не просто вспомогательное служебное средство, а сама управляемая сознанием плоть экономики; экономика в цифре и через цифру, а оттого она причина цифры, хотя и от этой же цифры следствие.

Многовековая теоретическая экономия проглядела цифру как плоть экономики, сосредоточив внимание на чем угодно, кроме цифры, — а ведь ничего, кроме стоимостной цифры, в экономике своего собственного попросту и нет. Возникает вопрос: «А как же практически наполняется ценностью экономическая цифра?». И ответить на сей простой вроде бы вопрос совсем и не просто, ибо это происходит хоть и наяву, но... весьма и скрытно, таинственно, трансцендентно, в общем — «черт знает как!».

В глубинах сознания ведь это происходит, включая бессознание, через работу всего осознаниенного счетно-решающего социального механизма, что делалось когда-то с подключением к счету-расчету весовых значений драгметаллов, прежде всего золота, а сейчас через прямое вменение ценности в ведущую в мире валюту — доллар, а затем и во все остальные валюты, с долларом непременно связанные, а с помощью вмененных доллара и остальных валют осуществляется назначение всех без исключения цен в мире, свободно-принудительно между собой взаимодействующих.

Тут всю господствует произвол, а не закон, правда, когда произвол «наезжает» на произвол и кое-какой ценовой порядок, вполне, конечно, хаосмосный, непременно возникает — обычно временный, срочный, иной раз и мимолетный, хотя вдруг и весьма устойчивый.

И какой же бывает ценность доллара как такового? А кто же это знает: есть она — ценность доллара, и все тут!

Да-а, ну и ну, как же это все понимать?

Вот так и понимать: ценность есть, но ее как бы и нет, что как раз и показывает полную нематериальность и почти полную трансцендент-

ность феномена стоимости — духо-идеальной субстанции, которая является из глубин сознания, в нем сидит и им загадочно определяется.

Здесь важно учитывать факт априорного согласия, тоже весьма трансцендентного, наличествующего экономического мира на ценностнотворческую миссию доллара, всеобщего признания незнамо какой ценности доллара, лишь учетно выраженной в других валютах через обменные валютные курсы.

А дальше... а далее погружение экономических агентов в пучину валютнооцифрованной экономики — мира ценностной цифири, и возможная для каждого агента бесконечная экономическая игра со стоимостной цифирью в руках агента, перед его глазами и в его воображении (игровыми картами, платами, платформами).

Стоимость ведь не создается, а вменяется, причем во всё, во что ее можно (удается) вменить.

Будучи сначала произвольной, стоимость вливается в хозяйственный, жизнеотправительный, бытийный миро-процесс, в нем пребывает, его обслуживая и им же управляя, она буквально впивается в реальные потребительные вещи, придавая им рабочую цену, а потом, если стоимости удастся пройти через реальность, сохранив себя и увеличившись в размере (объеме), она становится уже реальным ценностным благом.

Ирреальная стоимость обращается в реальную — таков деятельский путь трансцендентного виртуального феномена, называемого стоимостью.

И ирреальная стоимостная цифра, поначалу весьма и произвольная, превращается в реальную объективированную, уже и вполне обоснованную, цифру.

Тут и возникает ложное впечатление, что цифра сия производна от вещей, а не обращена к ним; что она не от субъективированного сознания, а от объективированной вещи; не от самой себя, а от чего-то иного.

Стоимость *сама себе субстанция*, а экономическая цифирь — хоть и объективированная, но тоже *сама себе цифирь*, разумеется, не как сама по себе цифирь, а как лишь цифирь стоимостная.

Констатируя онтологическую, вполне и плотскую, принадлежность цифири вообще и в особенности стоимостной цифири экономике как таковой, причем принадлежность изначальную и непрременную, можно, с одной стороны, вполне хладнокровно воспринять внезапное-де нашествие на вековую экономику новейшей «цифровой экономики», а с

другой — разглядеть что-то действительно новое, что несет с собой нынешняя, вполне и оголтелая, «цифровизация экономики».

В собственно экономической практике есть свои технологии вроде того же бухгалтерского учета или тех же финансовых транзакций, не говоря о всяческих подсчетах, анализах и проектированиях. И внедрение в практику разного рода технических средств, в особенности счетно-решающих, заметно меняет саму эту практику, делая ее все более технизированной, а пожалуй что — *технотронной*. Скоростная обработка больших информационных массивов; мгновенная передача безразмерных объемов информации на любые расстояния; системное моделирование реальных процессов, пусть и симуляционное; ускоренное делопроизводство; возросшие возможности системной аналитики и принятие более обоснованных оперативных и стратегических решений; возрастание возможностей управления и усиление роли субъективного фактора в организации экономической жизни — все это очевидно и не требует особых доказательств.

Гораздо менее очевидно другое: возможные качественные перемены в экономике в связи с выраженным изменением онтологического значения и функциональной роли присущей экономике цифры. Если сейчас цифра в экономике является *экономической* (вполне имманентной экономике), то что может произойти с экономической цифрой и самой экономикой при нарастании технического мотива в жизнеуправлении пока еще присущей экономике цифры? Если сейчас экономическая цифра — продукт социализированного экономического сознания, то что может стать с этой цифрой, когда она, все более технизируясь, окажется более продуктом того же искусственного, т. е. вовсе уже технотронного, разума, чем продуктом разума чисто гуманитарного?

Вот уж вопросы, так вопросы!

В самом деле — что?

Искусственный, он же цифро-электронно-технический, разум, все более и более встраивающийся в разум гуманитарно-социальный (ноосферный), вряд ли останется в роли вспомогательного подмеханизма этого гуманитарно-социального разума, а непременно выйдет на все более ведущие позиции, хотя бы в силу неизбежно возрастающей от него зависимости чисто человеческого разума, но ведь не только — искусственный разум обязательно навязет все более зависимому от него человеческому сознанию все более и более рациональную, а потому и упорядоченную, конструкцию реальности, которая, хочет она того или нет, будет все более становиться реальностью... *неэкономической*, то

бишь все более *технотронной*, шаг за шагом расставаясь со своей социально-стоимостной сутью.

Технотронная цифра непременно одолеет цифру экономическую, а экономика станет не просто постэкономикой, а истинной *техномикой*, а по сути своей — *цифрономикой*.

Эра гуманитарно-социальной стоимости с ее деньгами, ценами и капиталами завершится, хотя словечки эти и останутся в обиходе на неопределенное время, но суть они будут отражать уже другую — техно-цифрную, когда цифра, рассчитанная и введенная в оборот технически, и будет собственно ценностью — самой по себе ценностью, вполне уже информационной по содержанию — тому же битогенному.

Дело тут не в самих по себе техногенных величинах, а в их чисто информационной природе, а также в овладении ими хозяйственным процессом, уже и постэкономическим, когда технический расчет вытеснит расчет гуманитарно-социальный и окажется во главе тотального управленческого процесса.

Если стоимость вменялась в хозяйственный оборот, в нем vitalно бытовала, встречая и корректирующее от него на себя воздействие, то технотронная счетно-решающая машина попросту подомнет под себя хозяйственный оборот, который станет не рассчитывающимся в ходе самого себя, а априорно рассчитанным и лишь подчиняющимся априорно совершающемуся для него расчету — тотальному, текущему, гибкому, самоизменяющемуся.

Очень интересное наступит время, когда всё (буквально всё!) будет априорно и непрерывно рассчитываться и не дай бог кому-либо от этого тотального рассчитывания отойти в сторону: тут уже не «рынок» с его стоимостными конкурентными потоками, а самый что ни на есть *расчетный тоталитаризм*, от которого никому и никуда уже не деться, разве лишь в небытие.

Да, будет действовать счетно-решающий технотронный центр, будут осуществляться сбор и переработка тотальной информации, будет вестись рассылка технотронных решений, будет иметь место всеобщая реактивность среды, как и будет иметь место менеджериальное — и тоже оцифрованное — участие остаточного — вполне и оцифрованно — человека в работе гигантской, управляющей всем и вся технотронной машины.

Такая картина кажется фантастической и не достижимой. Однако это лишь сегодня так кажется, а завтра... завтра так уже не будет казаться, ибо приоритет искусственного мира с его оцифрованным интел-

лектом наступает как раз во времена не только апогея — и конца! — научно-технического прогресса, но и реальной земно-природной эсхатологии, то бишь тоже конца, а потому на очереди не расширение бытия, а его сжатие — до удобоваримых для Земли и Космоса размеров.

Отсюда потребность в крутой оптимизации бытия, его безжалостной рационализации и жесткой регламентации, примерно таких, какие сегодня наблюдаются в сфере науки, образования, здравоохранения, того же банковского дела — менеджериально-цифро-расчетные, когда менеджер — не человек вовсе, а лишь встроенное в большую счетно-решающую машину некое как будто бы одушевленное устройство.

Прообраз будущего уже налицо, — и не только в электронно-управленческом настоящем, но и в кое-каком прошлом — в тех же военно-мобилизационных деяниях, как и в том же тоталитарном директивном планировании советского образца.

Цифра одолеет не одну экономику, она покорит себе и все человеческое бытие, включая и самого человека.

В начале было *Слово*, ну а в конце... *Цифра*: что тут... *не такого?*

САМА СЕБЕ ЦИФРА*

Цифра — как обозначение количества, объема, размера и как знак (условный) качества — вещь не простая, а вполне себе *магическая*, да ладно бы сама по себе — 1, 2, 3 и т. д., а то ведь бытуя в числах с исчислениями — чего только там нет, в беспредельном цифирном мироздании, — да и чего только цифра не обозначает — идеи, смыслы, судьбы, сроки!

Магия и магика (работа) цифры — не шутка вовсе, а... реальность!

Цифра не только служит, обозначая что-либо, но и навязывая реальности себя, что-то в ней определяет, заставляя уже реальность служить себе, — *цифре!*

Какие уж тут шутки!

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 11—15.

Наука, всю пользуясь цифрой, числом и исчислением, отрицает магию и магию цифры и всего с ней связанного, а зря, ибо сама уже подошла к краю, когда цифра стала всю определять... качество (!) э-э... самой науки, причем вроде бы и не магическая цифра, а самой же наукой (наукометрией) вполне рационально рассчитанная, но... и независимо от науки (человека науки) тоже: «Быть или не быть?» — все равно чему: лаборатории, эксперименту, исследованию, мысли, самому ученому, в общем — процессу и его актерам, — и все это решает исчисленная нейротехноцифровым устройством... *цифра* — уже *сама себе цифра* — самостоятельная, независимая, непреклонная!

Рейтинг — сила!

Но не только рейтинг как таковой, ибо те же цели — тоже ведь рейтинги, как и доходы, и расходы, и бюджеты, да и вообще любые оценочные величины вроде тех же экзаменационных отметок в образовании или судейских баллов в спорте, но одно дело — человеком исчисленный рейтинг, пусть и не без помощи и участия техномеханики, и совсем другое — рейтинг, исчисленный машиной, пусть и очень «умной», информативно объемной и точной, но... все-таки... *машиной*.

Человек сам отпускает на волю цифру и сам себя ставит в зависимость от нее, местами уже чуть ли не крепостническую («цифровое рабство» — не досужая вовсе выдумка!)

Пора уже вводить понятие *цифросферы* (техноцифроносферы) — особого *под-* или *над-*мира, бытующего в человеческом (сознаниевом, умственном, когнитивном) поле, что-то обслуживающего, в чем-то участвующего, чем-то управляющего, что-то определяющего, во всяком случае, уже неотрывного от человеческого мира, с ним и неразлучного, при этом всю развивающегося, расширяющегося и содержательно насыщающегося.

Никто не будет отрицать, что явление цифросферы зёмному населению, как и внедрение ее в человеческий мир, имеет свой резон быть, приносит несомненную пользу и даже оказывается неизбежными, коль скоро прорывающийся технос давно уже выпущен хомосом на свободу, и хомос, всю творя технос, вынужден теперь лишь вольно или невольно считаться с его поступательным нарастанием в рамках земно-космического бытия.

Что касается практической технологизации земно-космического бытия, то она уже давно весьма зависит от цифры и цифротронных технологий, и эта зависимость, не обязательно вредная, будет только нарастать.

Что может происходить с человеком и его бытием под влиянием нарастающей цифросферы?

Активная *цифровизация* всего и вся, что означает как, с одной стороны, приход цифровых (матрично-цифровых) образов (копий, клонов) человека во все еще гуманитарные технологии его жизнеотправления, так и, с другой стороны, тотальную цифротехнологизацию самого по себе жизнеотправления, его практической реализации, причем не так с позиции услуги, как с позиции — все больше! — *управления* человеком, его самочувствием, поведением и деятельностью, его личным, коллективным и социальным жизнеотправлением (почему нет, ежели оцифрованный искусственный интеллект будет с этим справляться лучше, чем естественный, а естественный интеллект окажется в тесной функциональной зависимости от искусственного?).

Нам бодро и чуть ли не с полным знанием дела говорят, что искусственный интеллект никогда не превзойдет естественный (божеский!) интеллект. Может, это и так, но цифроинтеллект и не собирается превосходить человеческий интеллект, он просто его сначала значимо дополнит, а потом местами и полностью заменит — как более точный, правильный, быстрый и... надежный — это во-первых, а во-вторых, так перемешается с естественным, что этого последнего — как чисто человеческого — попросту и не останется (нужны будут не так роботы-человеки, а человеки-роботы, что как раз наиболее важно, всюю приемлемо и вполне посильно реализовать цифросфере).

Вот та же экономика, она и в самом деле останется при нашествии техносферы... экономикой, т. е. хомо-социально-стоимостной сферой, или же обратится во что-то другое, допустим — в цифро-техно-артсферу, в рамках которой человек, конечно же, будет иметь место, но вот в роли того или иного управленца экономическим процессом или всего лишь в роли подотчетного элемента цифротехнологической сети? Кто и как ответит на этот вопрос, ежели гигантское счетно-решающее устройство, основанное на цифротехнологике, будет исполнять экономические, уже и постэкономические, оптимум-задачи лучше любого ловкача-экономиста? Мы, в частности, склонны предвидеть перерастание, и весьма стремительное, все-еще-гуманитарной экономики в постгуманитарную постэкономику — *техномику*.

Разумеется, мы не правы, — да и кто мы такие, чтобы внаглую ставить подобные вопросы и на них отважно отвечать?

Однако, если уж так дело у нас в России идет, вопросом на вопрос: «А что, господа, вы ничего такого в текущей экономической ре-

альности не замечаете, что счет-расчет в экономике уже в немалой степени как бы... *над*... экономикой, как раз — в цифротехнологической сфере, а вовсе не в социально-стоимостной, что экономика уже *сеть*, вполне и цифротехнотронная, а так называемые экономические субъекты (они же и агенты) либо *мушки* в этой сети (подавляющее мультимиллиардное большинство), либо разных размеров пауки и паучки (тоже подавляющее, но уже иначе, миллионное меньшинство). Что разве еще есть характерные-де для экономики рынок, конкуренция, свободное ценообразование, свободная миграция товаров, капиталов и рабочей силы и т. д.? — и хотя это все вроде бы еще есть, но... лишь как несущественное обрамление-подспорье мощной технотронной (и цифротронной), внешне и незаметной, счетно-решающей, управляющей... э-э... системы-сферы. Цифрокриптовалюты, кстати — не верный ли признак-предвестник наступления оцифренной постэкономической эры?!

Искусственный постчеловеческий интеллект: в дополнение к натуральному человеческому интеллекту или взамен ему? Не совсем в дополнение, ибо он так выйдет на позиции постгуманитарного управленца, но и вовсе не так уж и взамен, ибо человек, став постчеловеком, не покинет насовсем позиции и роли управленца, пусть тоже постгуманитарного. В общем — постгуманитарный хомотехногенный оцифренный менеджмент!

И тут важнейшая для России национально-гуманистическая задача: создать свой гибридный (натурально-искусственный, хомотехнологический) интеллект (вроде кроманьонов среди неандерталов, малой нации в большой нации, техносферы в ноосфере), но такой гибридный интеллект, который будет управляться из национального центра и подотчетный нации, то бишь *российский интеллект для России*, ибо в противном случае Россия непременно подпадет под чужой аналогичный интеллект и ей грозит в нем немало, а то и насовсем, раствориться.

Гибридный интеллект, о котором речь, — важнейшая стратегическая задача, подлежащая как раз мобилизационному пореформенному исполнению, однако, обратим на это особое внимание — задача фундаментально гуманитарная, ибо тут не что иное, как «Быть или не быть — человеку, да еще и российскому человеку?». О-о, сию задачу просто так, да еще только научно-технически, не решить: тут потребна мировоззренческая, хомовоззренческая, культуровоззренческая составляющая, вполне себе метафизическая, философско-хозяйственная и софиасофская, а кто тут способен помочь, кроме волхвического склада русско-

русских прозорливцев, не обремененных никакой заведомой, да еще в основном чужеродной, догматикой.

Возможно ли? А что делать, ежели на кону, знаете ли, не приз какой-нибудь, даже не земля с недрами и имуществом, даже не жизнь, а исполнение двух экзистенциальных проектов — «Россия» и «Человек», но можно и наоборот: «Человек» и «Россия»!

Науко-техноцентрическое и науко-технократическое сознание подавляющего большинства из властей предрешающих, как и тьмы бойких исполнителей «цифрового проекта», никогда не позволит ни тем, ни другим встать на путь воистину гуманитарного разрешения актуальной фундаментальной задачи: ничего тут принципиально в субъектно-субъективном плане не изменится, и человечеству российскому придется пережить, наряду и с другими локальными человечествами, величайшую из трансгрессий безо всякой «подушки гуманитарной безопасности», хотя доминирующие верхи будут рассчитывать на иную для себя участь, чем предусматриваемая ими участь низов, однако все будет, как это принято у людей, для всех одинаково тщетно: «цифровой лом» окажется жестким и беспощадным как для тех, так и для этих, а вот для кого круче как раз и покажет тщательно оцифрованное историческое время.

Вот они — зияющие горизонты цифровизации, когда не то что все, но хотя бы главное, никому не известно, — и чтобы состоялось именно так, как предписано Неизвестностью, и проводится глобальная операция по вычищению гуманитарной сферы образования и мысли от всякого закоренелого, замшелого и загнившего-де гуманизма — как раз с активной помощью обездушенной рейтинговой цифры.

Вера в науку и технику — тоже ведь вера!

А где вера, там и... самоубийство!

Теперь вот большая вера в вездесущую вольную цифру и большой искусственный интеллект.

Разве не сбудется?!

ЦИФРОВАЯ ЛИХОРАДКА*

Забыла уже наука про внезапно вышедший из моды глобализм и жадно накинулась на новую модную карусель — *цифровую*.

Если ты, ученый, ныне вне цифры, ты — никто! Так что беги, несчастный, «задрать штаны» и зажмурив от восторга и страха глаза за ловко убегающей от тебя цифрой — всё равно не догонишь, ибо не знаешь, за *чем*, собственно, бежишь, да и *зачем*?

Цифровые, а точнее — кибернетические технологии — это ведь технические технологии, которые сегодня множатся, как грибы, а ими пользование — тоже технологии, только уже хомотехнические, даже пресловутые кибервалюты — не более, чем технологии, — так что, дорогой ученый, где тут любимая тобою наука?

«Цифровая экономика» — почти оксюморон, если не попросту пустая фраза, ибо экономика всегда была и остается цифровой (а какой же еще, ежели всюду цифры, цифры и цифры?!), а если речь идет о широком использовании «цифровых технологий» (лучше — кибертехнологий), то тогда надо говорить не о «цифровой экономике», а о *киберэкономике*, действующей пока в рамках экономики, а вскорости будет действовать уже и вместо нее — как *киберномика*.

Ничего тут нового, господа, а всего лишь бурное внедрение кибертехнологий в экономическое бытие — с неуклонным превращением экономики в... *техномику*.

Иное дело, что кибертехнологика стесняет и шаг за шагом угробляет экономическую науку, по крайней мере — ее сужает, ибо о чем тут глубокомысленно по-научному рассуждать, ежели всё в экономике уже тотально происходит вне науки и совсем не по-научному?

Технологии умерщвляют науку с ее нетехнологическими в основе посылами, заключениями и наставлениями.

Однако — *цифровая лихорадка*: грантовская, публикационная, диссертационная, в общем — *золотая*!

Сплошной тут, знаете ли, оксюморон!

*Опубликовано: Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 7.

Оглавление

Предисловие	3
Метафизика. Код доступа	7
Заключение. Приворотный ключ	294
Что есть метафизика, или метафизика как есть (беседа метафизика с корреспондентом научно-познавательного канала TV)	312
Практическая метафизика, или метафизический концептуализм в действии	331
I	
Гуманитарная мысль сегодня: от невольной научной квазиметафизики к вольной постнаучной метафизике	332
Новый мировоззренческий прорыв — новая когнитивная революция!	341
Философско-хозяйственный концептуализм	352
Философия хозяйства и иное	353
Не через призму учебников	357
Биение мысли в вопросах и ответах: к Ю.М. Осипову и от Ю.М. Осипова	359
II	
Бремя тектонических перемен, или мистериальный танец мировых пирамид	364
О российских за последнюю сотню лет революциях, их происхождении, потаенности, безумии и непредсказуемых результатах	375
Россия на пути к россии	388

Большая игра — российский миттельшпиль —	
«русская рулетка»	397
Российский миттельшпиль	410
Вибрирующие горизонты россии	412
В долгу перед Россией!	422
Россия, вперед!	423
III	
Слово и цифра	425
Хомос и технос: кто кого?	427
Экономика и цифра: кто кого?	428
Сама себе цифра	435
Цифровая лихорадка	440